

Aizhamal Muratalieva

**FROM KIRGHIZ TO KYRGYZ: ETHNIC IDENTITY DISCOURSES OF KYRGYZ
FEMALE MIGRANTS IN RUSSIA**

Corvinus Doctoral Schools
Doctoral School of Sociology and Communication Science
Communication Science Doctoral Program

Supervisors: Réka Benczes, DSc, Judit Sass, PhD

Corvinus University of Budapest
Doctoral School of Sociology and Communication Science
Communication Science Doctoral Program

FROM KIRGHIZ TO KYRGYZ: ETHNIC IDENTITY DISCOURSES OF KYRGYZ
FEMALE MIGRANTS IN RUSSIA

Doctoral Dissertation

Aizhamal Muratalieva

Budapest

2026

The page left blank

DECLARATION

**related to the independent intellectual property and form,
for submission of the PhD dissertation**

I the undersigned (**name**): Aizhamal Muratalieva

PhD candidate of the **Doctoral School**: Sociology and Communication Science

Program/Specialization (field of science): Sociology and Communication Science

hereby declare that **the PhD dissertation** I submitted to the Doctoral Office of the Corvinus University of Budapest

at the **date**: 31 August 2026

with the **title**: From Kirghiz to Kyrgyz: Ethnic Identity Discourses of Kyrgyz Female Migrants in Russia

having 371 **pages**,

is the result of my research and the whole of my dissertation is my own, independent intellectual property using only the indicated sources.

Clearly, by indicating the source, I have marked all the parts, including my own previous work, that I have taken from another source, literally or in the same sense, but reworded.

I also declare that I have not previously submitted my doctoral dissertation to another institution, it has not been rejected, I have not had an unsuccessful doctoral defence within two years.

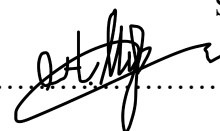
Regarding the **form and structure** of my doctoral dissertation, it is (please underline the right one):

- an **article-based dissertation**

- a **non-article-based dissertation**

Date: 31 August 2026

Signature:

Table of Contents

List of Figures and Tables	5
Acknowledgements	6
1. Introduction	1
1.1. <i>Post-Soviet Migration and Central Asia.....</i>	<i>1</i>
1.2. <i>Female migration from Kyrgyzstan .....</i>	<i>3</i>
1.3. <i>Language as a marker of belonging .....</i>	<i>4</i>
1.4. <i>Research gaps and research questions.....</i>	<i>5</i>
1.5. <i>Structure of the thesis .....</i>	<i>6</i>
2. Kyrgyz Migration to Russia: Historical background	8
2.1. <i>Introduction .....</i>	<i>8</i>
2.2. <i>Kyrgyz-Russian relations.....</i>	<i>8</i>
2.2.1. <i>Understanding Russification .....</i>	<i>12</i>
2.2.2. <i>Russification process in Kyrgyzstan .....</i>	<i>15</i>
2.2.3. <i>Russian language status in Kyrgyzstan .....</i>	<i>17</i>
2.2.4. <i>Linguistic decolonisation and de-Russification .....</i>	<i>18</i>
2.3. <i>Central Asian migration to Russia .....</i>	<i>20</i>
2.3.1. <i>Kyrgyz migration to Russia: Feminization .....</i>	<i>26</i>
2.4. <i>Summary .....</i>	<i>33</i>
3. Approaches to ethnic identity and language	35
3.1. <i>Introduction .....</i>	<i>35</i>
3.2. <i>Understanding ethnic identity .....</i>	<i>35</i>
3.2.1. <i>Essentialist approach to ethnic identity.....</i>	<i>37</i>

3.2.2. Constructivist approach to ethnic identity	38
3.2.3. The present approach	39
3.3. <i>Language and ethnic identity</i>	41
3.4. <i>Migrants' identities and acculturation strategies</i>	44
3.4.1. Berry's model of acculturation	44
3.4.2. Various factors in the acculturation process	48
3.5. <i>Migrants' multiple identities and transnationalism</i>	49
3.6. <i>Multiple identities of female migrants</i>	52
3.7. <i>Summary</i>	55
4. Methodology	57
4.1. <i>Introduction</i>	57
4.2. <i>The ethnographic level: Qualitative semi-structured interviews</i>	57
4.2.1. Pilot research: Online observation and test interviews	58
4.2.2. Interviews: Final questions and format	59
4.2.3. Pre-interview questionnaire	61
4.3. <i>Sampling and research ethics</i>	62
4.3.1. Participant recruitment and sample	62
4.3.2. Ethical considerations	63
4.3.3. Final sample and participant profiles	66
4.4. <i>The discourse level: Critical Discourse Analysis</i>	68
4.4.1. Van Dijk's Socio-Cognitive Approach (SCA)	69
4.4.2. Wodak's Discourse-Historical Approach (DHA)	70
4.4.3. Fairclough's Dialectical-Relational Approach (DRA)	71
4.5. <i>Summary</i>	79
5. Results and discussion	82
5.1. <i>Introduction</i>	82

5.2.	<i>Ethnographic level: Qualitative semi-structured interviews</i>	82
5.2.1.	Migration story	83
5.2.2.	Migration experience.....	86
5.2.3.	Acculturation: Interactions with the Russian ethnic group	88
5.2.4.	Acculturation: Interactions with the Kyrgyz ethnic group.....	93
5.2.5.	Ethnic identity	96
5.2.6.	Migration plans	100
5.2.7.	Ethnographic level: General discussion	101
5.3.	<i>Discourse level: Critical Discourse Analysis</i>	103
5.3.1.	First dimension: Text (micro-level)	104
5.3.2.	Second dimension: Discourse practice (meso-level)	112
5.3.3.	Third dimension: Sociocultural practice (macro-level)	115
5.3.4.	Discourse level: General discussion.....	117
5.4.	<i>Summary</i>	119
6.	Conclusion	122
6.1.	<i>Outline of the study</i>	122
6.2.	<i>Ethnographic level findings</i>	123
6.2.1.	Ethnic identity and belonging: scalar and situational	123
6.2.2.	Alternative ethnic identity and gender identity	125
6.3.	<i>Discourse level findings</i>	126
6.3.1.	Language as a marker of belonging	126
6.3.2.	Discourse as social hierarchy	127
6.4.	<i>Limitations of the study</i>	128
6.5.	<i>Theoretical, methodological and practical implications</i>	129
7.	References	131
8.	Appendices	157
	<i>Appendix 1. Pilot Research – Ethnic Identity Scale</i>	157

<i>Appendix 2. Corvinus Research Ethics Committee Approval .....</i>	<i>160</i>
<i>Appendix 3. Participant Information Sheet.....</i>	<i>161</i>
<i>Appendix 4. Demographic Questionnaire .....</i>	<i>163</i>
<i>Appendix 5. Interview Questions.....</i>	<i>164</i>
<i>Appendix 6. Interview Transcript 1.....</i>	<i>166</i>
<i>Appendix 7. Transcript Translation 1 .....</i>	<i>178</i>
<i>Appendix 8. Interview Transcript 2.....</i>	<i>189</i>
<i>Appendix 9. Transcript Translation 2 .....</i>	<i>201</i>
<i>Appendix 10. Interview Transcript 3.....</i>	<i>212</i>
<i>Appendix 11. Transcript Translation 3 .....</i>	<i>223</i>
<i>Appendix 12. Interview Transcript 4.....</i>	<i>233</i>
<i>Appendix 13. Transcript Translation 4 .....</i>	<i>242</i>
<i>Appendix 14. Interview Transcript 5.....</i>	<i>251</i>
<i>Appendix 15. Transcript Translation 5 .....</i>	<i>261</i>
<i>Appendix 16. Interview Transcript 6.....</i>	<i>270</i>
<i>Appendix 17. Transcript Translation 6 .....</i>	<i>281</i>
<i>Appendix 18. Interview Transcript 7.....</i>	<i>291</i>
<i>Appendix 19. Transcript Translation 7 .....</i>	<i>300</i>
<i>Appendix 20. Interview Transcript 8.....</i>	<i>308</i>
<i>Appendix 21. Transcript Translation 8 .....</i>	<i>316</i>
<i>Appendix 22. Interview Transcript 9.....</i>	<i>324</i>
<i>Appendix 23. Transcript Translation 9 .....</i>	<i>332</i>
<i>Appendix 24. Interview Transcript 10.....</i>	<i>340</i>
<i>Appendix 25. Transcript Translation 10 .....</i>	<i>351</i>

List of Figures and Tables

<i>Figure 1.</i> Map of Turkestan (Kyrgyz were located in the Syrdarya, Semirechye, and Fergana). ..	10
<i>Figure 2.</i> Berry's Acculturation Model (1997).....	45
<i>Figure 3.</i> Norman Fairclough's three-dimensional analysis.....	72
<i>Table 1.</i> Interview participants' profiles.	66

Acknowledgements

I would like to extend my heartfelt thanks to my academic supervisor, Dr. Réka Benczes, for this call to adventure and for the guiding hand and heart, which is making me brave and bold every day (I am still in the process!). To Dr. Judit Sass for sensitive and compassionate learning. To Dr. Jessie Labov, Head of the Doctoral School and a mentor, for creating a space for radical forgiveness and radical growth.

My gratitude to my institutional and PhD colleagues, whom I look up to: Dr. Lilla Szabó, Dr. Admilson Veloso da Silva, and Dr. Beste Naz Bice. To Dr. Mustafa Coşkun, for paving the way to academia. My dearest friends in different parts of the world: Eugenia Strakhova, Dilbara Niiazalieva, and Alsu Zaynutdinova – for their presence in my life and never-ending empathy.

To my parents, Idirisbek Murataliev and Gulya Muratalieva, and my siblings, Adilet Murataliev and Aitolkun Coşkun, for raising and supporting me all these years. To my partner, Kirill Koroteev, for unconditional love and acceptance.

I am grateful to my respondents, Kyrgyz female migrants in Russia, without whom this study would not be possible, and to all the bravest and greatest women I met during my migration journey, which began 10 years ago and continues to this day.

This one is for mom, the woman who taught me how to read

1. Introduction

Migration has become one of the most significant social processes in the contemporary world. The movement of people across borders changes demographic structures, labour markets, cultural landscapes, and influences political debates in both sending and receiving societies. While migration is often analysed through economic or demographic indicators, it also raises broader questions related to belonging and identity. Individuals who migrate navigate multiple cultural environments, institutional structures, and systems of meaning, which can reshape how they understand themselves and how they are perceived by others. Migration, therefore, constitutes both a process of mobility and a social experience that shapes how identity is interpreted and negotiated. Scholars across sociology, anthropology, and social psychology have emphasised that identity is not a fixed or stable attribute but rather a dynamic and socially constructed process (Brubaker and Cooper, 2000; Jenkins, 1997; Verkuyten, 2019). According to this stance, individuals continuously interpret their identities in relation to other social categories, historical narratives, and everyday social interactions. Migration intensifies these processes by placing individuals across multiple social, cultural, and institutional contexts simultaneously. Living in between these contexts can make previously stable understandings of belonging more contested, requiring individuals to renegotiate their relationships to ethnic identity and language.

1.1. Post-Soviet Migration and Central Asia

The effects of migration are particularly visible in contexts shaped by historical and political relationships. A prominent example is the post-Soviet space, where contemporary migration patterns emerged from the legacies of the Russian Empire and the Soviet Union. Following the collapse of the Soviet Union in 1991, newly independent states experienced political, economic, and social transformations. Economic restructuring and increasing inequalities between states generated migration flows across the region. Russia quickly emerged as the primary destination country for migrants from several former Soviet republics, particularly from Central Asia. For many decades, Russia has remained among the world's top three largest migrant-receiving countries, hosting more than 15 million foreign workers from both

Commonwealth of Independent States (CIS) and outside (McAuliffe and Triandafyllidou, 2021).

Migration within the post-Soviet region differs from many other migration systems because of its origins. The relationship between Russia and Central Asia developed during the period of imperial expansion in the nineteenth century and was later institutionalised during the Soviet rule (1918–1991). During the Soviet period, Central Asian republics were incorporated into a centrally planned economic system, and Russian became the dominant language of administration, education, and interethnic communication (Pavlenko, 2008; Kosmarskaya, 2015). These institutional arrangements produced long-lasting effects that continue to influence migration patterns today.

The legacy of these historical relations remains visible in contemporary migration dynamics. Knowledge of the Russian language continues to facilitate labour mobility within the post-Soviet space, while institutional arrangements such as visa-free mobility and economic integration agreements within the Eurasian Economic Union (EEU), comprising post-Soviet and Central Asian states, further support migration flows (Muratalieva, 2024; Ryazantsev, 2016). At the same time, migration from Central Asia to Russia occurs within the social hierarchy shaped by historical relationships between the imperial centre and peripheral regions. Scholars have shown that migrants from Central Asia frequently encounter discrimination, racialisation, and xenophobic attitudes in Russian society (Chapman, 2018; Bessudnov, 2016; Kubal, 2016) – experiences that shape migrants' everyday interactions and influence their social positioning.

Within this broader migration system, Kyrgyzstan is an important case, particularly given the official status of the Russian language in the country and the economic ties with Russia. Following the collapse of the Soviet Union, Kyrgyzstan experienced significant economic challenges, including unemployment, declining industrial production, and limited labour opportunities. Migration emerged as a primary strategy for dealing with these conditions. Remittances sent by migrants working abroad now constitute a substantial share of Kyrgyzstan's economy and play an important role in supporting households and local communities (Laruelle, 2007; Ryazantsev, 2016). Despite the extensive literature on labour migration from Central Asia, much of this research focuses on remittance flows, constantly changing migration policies, labour-market structures, and the shadow economy. While these studies (Laruelle, 2007; Ryazantsev, 2016; Reves, 2013; Schenk, 2010) contribute to

understanding the structural dimensions of migration, they pay less attention to migrants' lived experiences and identity formation, often reducing them to a homogenised group, typically framed under the broad category of "Central Asian" migrants.

1.2. Female migration from Kyrgyzstan

One of the important transformations within Kyrgyz migration concerns the increasing participation of women. Earlier migration flows from Kyrgyzstan were predominantly male and often associated with temporary labour migration in sectors such as construction or service industries. However, since the 2000s, the composition of migration has gradually changed, with a growing number of women participating in labour migration (Reeves, 2012; Schenk, 2018). Women now constitute a 40% of Kyrgyz migrants in Russia. The feminization of migration reflects broader social changes within Kyrgyz society. Economic restructuring, limited employment opportunities, and rising poverty have prompted women to engage in labour migration to support their families. Scholars have described this phenomenon as the "feminization of poverty," referring to the disproportionate impact of economic hardship on women and to their increased participation in income-generating activities (Fukuda-Parr, 1999; Chant, 2008).

At the same time, migration offers women new opportunities for economic independence and social mobility. By working abroad, women may gain access to financial resources and experiences that challenge traditional gender roles. However, female migrants face specific vulnerabilities related to their gender and migration status. Research has documented various challenges encountered by Central Asian female migrants in Russia, including precarious employment conditions, exploitation by employers, and exposure to gender-based violence (Abdukadyrova and Studenko, 2023; UN Women, 2018). Women migrants must also navigate complex social expectations associated with family roles and cultural norms. Even when women become the primary breadwinners for their families, they are often expected to maintain traditional caregiving and family obligations. As a result, female migrants frequently balance multiple roles simultaneously, including those of worker, mother, daughter, and spouse (Thieme, 2008). In addition, female migrants face social pressures within their own communities in Russia. Research has shown that Kyrgyz female migrants may be subject to social control, public shaming, sexual assaults, and threats by male compatriots who perceive

certain forms of behaviour as violating cultural norms (Gabdulhakov, 2019; Ibraeva, Moldosheva, and Ablezova, 2015). These examples illustrate how migration experiences are shaped by relations with the host society and by internal community dynamics. Understanding the experiences of female migrants, therefore, requires analytical frameworks that consider the intersection of gender, ethnicity, and migration. Intersectional approaches emphasise that social categories such as gender, ethnicity, and class interact to produce complex forms of social positioning (Crenshaw, 1989; Yuval-Davis, 2006). Applying this perspective enables researchers to examine how different social dimensions simultaneously influence migrants' experiences.

1.3. Language as a marker of belonging

Another important dimension of identity construction in migration contexts concerns language. Language plays a central role in shaping social interactions and perceptions of belonging. Sociolinguistic research has demonstrated that language functions beyond being a solely communicative tool and serves as a symbolic resource through which social identities are expressed and negotiated (Bucholtz and Hall, 2005; Silverstein, 1976). In migration settings, language often becomes a key marker of difference. Migrants may be identified by their accent, linguistic repertoire, or patterns of language use. These linguistic features may signal membership in particular ethnic or cultural groups and influence how migrants are perceived by others. At the same time, migrants themselves may strategically use language to position themselves within different social contexts. The role of language is particularly complex in the case of Kyrgyz migration to Russia. Due to the historical legacy of Russification and the Soviet education system, many Kyrgyz citizens are bilingual in Kyrgyz and Russian. Russian remains widely used in education, administration, and interethnic communication in Kyrgyzstan (Kosmarskaya, 2015). As a result, knowledge of Russian becomes one of the main reasons for migration to Russia and gaining access to employment opportunities.

However, the relationship between language and identity is not straightforward. While Russian may provide economic and social advantages, the Kyrgyz language is often associated with ethnic belonging and cultural heritage. Migrants may therefore experience tensions between

linguistic practices associated with economic mobility and those associated with ethnic authenticity. This process makes language an important analytical tool for examining identity construction and articulation among migrants. Sociolinguistic studies have shown that bilingual speakers may engage in practices such as code-switching to navigate different social environments and express multiple aspects of identity (Blommaert, 2005; Besemeres, 2020). It may function as a symbolic act through which speakers signal belonging.

The present study, therefore, examines language as a discursive practice through which migrants negotiate identity and belonging. From a theoretical perspective, the research is grounded on constructivist approaches to ethnic identity, which argue that ethnic identities are socially produced through interaction and boundary-making processes (Barth, 1969; Brubaker, 2004; Jenkins, 1997). The study also takes a postcolonial perspective in order to situate migration experiences within broader historical power relations. Postcolonial scholarship emphasises that contemporary social hierarchies are often rooted in historical processes of imperial expansion and colonial governance (Said, 1978; Bhabha, 1994). In Central Asia, the presence of the Russian Empire and the Soviet Union continues to shape ethnic and cultural representations and linguistic hierarchies. Applying this perspective allows this research to examine how migrants' identities are in connection to historical narratives and symbolic hierarchies that position Kyrgyzstan in relation to Russia. This perspective also highlights the importance of analysing migrants' own voices and narratives rather than relying solely on institutional or statistical representations.

1.4. Research gaps and research questions

The originality of this research lies in several aspects. First, the study focuses specifically on Kyrgyz female migrants, a group that has received limited attention in existing migration research. Second, it examines identity construction through migrants' narratives and linguistic practices rather than solely through quantitative indicators. Third, it integrates sociolinguistic analysis with migration research by examining how code-switching and interdiscursivity reflect negotiations of ethnic identity. Finally, the study situates these processes within a postcolonial framework that considers the historical relationships between Russia and Central Asia. The empirical material consists of 101 pages of interview transcripts collected through semi-structured interviews with highly skilled bilingual Kyrgyz female migrants living in

Russia. The focus of the study is not on statistical generalisation but on understanding the complexity of identity negotiation processes in migrants' narratives. The qualitative depth aims to reveal aspects of identity construction that remain invisible in large-scale migration studies.

The study addresses the following research questions:

RQ1 (Identity). How do Kyrgyz female migrants in Russia construct and interpret their ethnic identities?

RQ2 (Belonging). How do Kyrgyz female migrants' experiences and acculturation strategies shape their sense of belonging?

RQ1.2 (Discourse). How do Kyrgyz female migrants' language practices and discourses reflect their ethnic identities?

To answer these questions, the research employs an interdisciplinary qualitative methodology that combines ethnographic interviews grounded in Berry's Acculturation Model (1997) and Critical Discourse Analysis. Ethnographic interviews examine migrants' lived experiences and personal reflections on ethnic identity, while discourse analysis examines how these experiences are articulated through language. Critical Discourse Analysis is applied following Fairclough's three-dimensional framework (1992), which conceptualises discourse as comprising textual, discursive, and sociocultural dimensions. This approach allows the research to analyse linguistic features within migrants' narratives while situating them within broader social and historical contexts.

1.5. Structure of the thesis

The thesis is structured as follows. Chapter Two examines Kyrgyz migration within the broader context of Central Asian migration to Russia, providing the historical and socio-political background for contemporary processes. It traces Kyrgyz-Russian relations from the Russian Empire to the Soviet period and analyses Russification and its impact on linguistic hierarchies, including the role of the Russian language in employment and migration. Distinct sections

examine key economic, political, and institutional drivers of Central Asian migration. Specific attention is given to feminisation of Kyrgyz migration, which is discussed with a focus on labour conditions, discrimination, and gendered vulnerabilities in Russia.

Chapter Three presents the theoretical framework for examining ethnic identity in a migration context. It presents key perspectives: essentialist and constructivist approaches, as well as postcolonial and intersectional views on identity. It then discusses the role of language in the construction of ethnic identity, focusing on bilingual and multilingual migrants who develop hybrid identities. The migrants' identities are further linked to the acculturation strategies they employ and to the phenomenon of transnationalism, which involves living in two societies simultaneously. The chapter concludes with the gendered dimensions of migration, focusing on female migrants and their multiple identities.

Chapter Four presents the methodological approach to the study. It explains the interdisciplinary approach, consisting of two levels that combine ethnographic and discourse analysis. The chapter describes in detail the ethnographic level, based on semi-structured interviews with Kyrgyz female migrants in Russia, including research procedures and ethics, and the discourse level, based on Critical Discourse Analysis (CDA) of the interviews, examining how identity is constructed through language across text, discourse practice, and sociocultural practice.

Chapter Five presents the research findings, starting at the ethnographic level, analysing narratives organised around migration experiences, feelings (ethnic relations), practices (acculturation strategies), identity, and future plans. It then proceeds to the discourse level, applying CDA to examine identity discourses across textual, discourse, and sociocultural dimensions. Each level concludes with a summary, followed by general conclusions.

The final chapter synthesises and critically discusses the study's results at two levels. It demonstrates how combining perspectives from migration studies, sociolinguistics, and postcolonial theory provides a more complex picture of how ethnic identity is constructed and articulated within female migration contexts shaped by historical relations, linguistic hierarchies, and gendered experiences. The chapter reflects on the study's limitations and further discusses its theoretical, methodological, and practical implications.

2. Kyrgyz Migration to Russia: Historical background

2.1. Introduction

The present chapter examines the causes and context of Kyrgyz migration by situating it within the broader framework of Central Asian migration to Russia. The chapter is structured to provide the historical and socio-political background necessary for understanding contemporary migration processes. It begins with section 2.2, which traces the historical development of Kyrgyz–Russian relations, from the incorporation of Kyrgyz territories into the Russian Empire to the political, economic, and cultural transformations of the Soviet period. The chapter then discusses the process of Russification in section 2.2.1 and 2.2.2, examining the Russification policies introduced during the Russian Empire and the Soviet Union, while section 2.2.3 focuses on the current status of the Russian language in Kyrgyzstan, its role in employment opportunities and migration patterns and contemporary attempts of linguistic decolonisation and de-Russification. The following part of the chapter turns to migration dynamics. Section 2.3 explores Central Asian migration to Russia, outlining the economic, political, and institutional factors affecting migration flows. Finally, section 2.3.1 discusses specifically Kyrgyz migration and the growing feminization of migration, highlighting the challenges faced by Kyrgyz female migrants, including precarious labour conditions, discrimination, and the dual vulnerabilities associated with gender and migration.

2.2. Kyrgyz-Russian relations

To understand the migration from Kyrgyzstan to Russia, it is important to overview the nature of the relationships between the two countries. Russia and Kyrgyzstan have a long history of relationship that traces back to the late 16th century during the Russian state's conquest of Siberia when the Siberian (Yenisei) Kyrgyz, ancestors of modern Kyrgyz who lived near the Yenisei River in southern Siberia (now known as the Krasnoyarsk Krai of Russia), accepted Russian citizenship. According to Ploskikh (2022), the Kyrgyz became acquainted with Russian troops at the end of the 16th century, during the Russian state's conquest of Siberia, and the first Kyrgyz Embassy to Russia was established in 1785, establishing formal relations between Kyrgyzstan and Russia. In the mid-19th century, the Russian Empire began expanding into Central Asia, including Kyrgyzstan, as part of its broader imperial ambitions (Kara, 2013).

This period saw the gradual incorporation of Kyrgyz territories into the empire. The period was characterized mainly by reforms introduced in the early 20th century under Interior Minister Pyotr Stolypin. Focused on land restructuring, the reform aimed to eliminate agrarian tensions in Russia by promoting the resettlement of peasants to sparsely populated areas, including Kyrgyzstan. This policy led to demographic changes, including the settlement of Russian and Ukrainian farmers in Kyrgyz territories, often resulting in tensions over land and resources (Ymanbekova, 2021).

The interest of Russia in Central Asia was motivated by economic resources and scarce populations (Ahmad, Hussan and Shah, 2017). Abazov (2008) claims that Russia also saw military advantages in expanding into Central Asia, which would help to protect Russia's southern borders from the British Empire. The period between 1813 and 1917 is called the "Great Game" – the term introduced by the British army officer Arthur Connolly and popularized by the writer Rudyard Kipling that characterizes the rivalry between the two powers (Chotaeva, 2016, p.77). Between 1855 and 1864, the Kyrgyz tribes from Lake Ysyk Kol and nearby regions sought protection from the oppressive rule of the Kokand Khanate, a multiethnic state located in the parts of modern-day Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, and Kazakhstan and including various ethnic groups living on its territory (Chotaeva, 2016, p. 72). The Kokand Khanate imposed heavy taxation on the Kyrgyz tribes and employed forceful measures to assert its dominance over the region. This resulted in a situation in which the Kyrgyz tribes sought assistance from Russia, entering into a special treaty with Russian authorities. This decision undermined the interests of the Kokand Khanate and allowed Russia to strengthen its position in eastern Central Asia, blocking Chinese attempts to invade the territory (Abazov, 2008). However, Osmonov (2008) indicates that other internal factors led to Kyrgyzstan's annexation by the Russian Empire. For instance, intertribal conflicts (constant conflicts between the *Sarybagysh* and *Bugu* tribes) and the lack of statehood would provide stability and peace. Therefore, most of the Kyrgyz in the Northern part of then-Kyrgyzstan that were placed in Syrdarya, Semirechye and Fergana (Fig. 1) voted to join Russia and become a part of a larger Turkestan region: the majority favoured Russia over Kokand, since Russia was more politically and economically developed, and its geographical remoteness was seen as an advantage. It was expected that Russian interference in regional affairs would be minimal (Chotaeva, 2016). However, the south of Kyrgyzstan resisted the Russian invasion and started a rebellion that was later suppressed (p. 81). The southern part of the country was thus annexed to Russia through conquest.

Figure 1. Map of Turkestan (Kyrgyz were located in the Syrdarya, Semirechye, and Fergana).

(Source: Chotaeva, 2016)

After the annexation, Russia introduced a new system that can be considered semi-military. The country was divided into sub-regions: *oblasts* (provinces) and *uezds* (districts) that Russian military officers governed, and smaller territories like *volosts* (small rural districts) and *ayils* (villages) were ruled by local people chosen through elections (Chotaeva, 2016). The studies (Morrison, 2019; Sokol, 2016; Kara, 2013; Ymanbekova, 2021) argue that apart from improved living conditions and agricultural production, the annexation created economic and social disruptions. According to Chotaeva (2016), the economy after annexation “followed the classical colonial pattern” (p. 82) – the region became a supplier of raw materials and consumer of Russian goods. Moreover, the region was introduced to the taxation system: nomads were obliged to pay taxes for *yurts* (portable tents made of felt), grain lands, and vegetable products. Kara (2013) emphasizes that Russian and Slavic settlers were favoured over Kyrgyz settlers who were displaced from their territory. Moreover, Russian settlers who constituted 6% of the population possessed 58% of the land, while 94% of locals possessed 42% (Osmonov, 2008). The land seizures and colonial policies became reasons for two main uprisings: the Andijan Rebellion in 1898, which was suppressed by the Russian army, and the 1916 Rebellion (Ürkün), which was suppressed and resulted in the killing of 200,000 Kyrgyz people

(Osmonov, 2008). The remaining Kyrgyz made attempts to flee to China, and many died on their way due to harsh weather conditions in the mountains, starvation, and illnesses (Chotaeva, 2016).

After World War I the Russian Empire faced revolution – the February Revolution in 1917 was provoked by a lack of freedom and oppression of minorities and aimed at overthrowing the monarchy. The revolution resulted in the collapse of the regime and the establishment of a new government. Thus, between 1918 and 1991, Kyrgyzstan was under Soviet Rule. The period was marked by political, social, economic, and cultural changes (Abazov, 2004; Chotaeva, 2016; Osmonov, 2008).

One of the main ideas of Soviet rule was industrialization – a shift toward machinery, with old plants renovated and new factories built. Central Asia was a supplier of raw materials in mining and processing (Morrison, 2019; Sokol, 2016; Kara, 2013; Ymanbekova, 2021). Another significant shift was collectivization, when individual farms owned by peasants were forced to integrate into collective farms. This was accompanied by the process of *raskulachivanie* (“dekulakization”) when *kulaks*, wealthy landowners, were eliminated as a social class. Their property was seized, and along with their families, they were deported to remote areas like Western Siberia and Kazakhstan to work in construction, forestry, and mining (Chotaeva, 2016, p. 99.). This was also followed by repressions of individuals who were opposed to industrialization and collectivization and were considered enemies of the Soviet Union. The persecution, arrest and execution of the “enemies” were initiated by Stalin and resulted in mass murders (Chotaeva, 2016; Osmonov, 2008). Kyrgyz political figures, intellectuals, and clergymen were accused of various charges, including being members of opposition movements or collaborating with nationalist leaders. They faced punishments, including execution and imprisonment. Among them were Kyrgyz Communist Party official Torokul Aitmatov, political activist and historian Abdykerim Sydykov, the first chairman of the Council of People’s Commissars, Yusup Abdrakhmanov, and chairman of the Kara-Kyrgyz Revolutionary Committee, and chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz, Imanaly Aidarbekov. According to Osmonov (2008), out of a population of 1.4 million, 40, 000 people were subjected to some form of repression.

The Soviet period was also characterized by its religion and language policy. In 1918–1920, there were attempts at anti-religious campaigns. During this period Islam was practiced by the Kyrgyz as part of the broader Central Asian Muslim community. One of the parts of the anti-

religious campaign was introducing civil marriages formally recognized by the government and considering *nikah* (Muslim marriages) illegal. Muslim courts were replaced by civic courts, and mosques and Muslim schools were closed. However, later, the government took a more tolerant attitude, and in 1941, the official Islamic body, the Central Asian Spiritual Board of Muslims was created in the Central Asian region. This permitted people in Kyrgyzstan and in neighbouring countries to practice their religion and obtain religious education. In 1941, Kyrgyzstan, which had used the Arabic script and later the Latin script, switched to the Cyrillic alphabet. The government aimed at the “eradication of illiteracy” and the “development of culture” which included wide access to primary and secondary education, and the establishment of cultural institutions, such as theatres, museums, music schools as well as state-sponsored newspapers, radio stations, and literary magazines (Chotaeva, 2016). This period also resulted in the establishment of elementary, secondary, and higher education systems where instruction in the Russian language was introduced. This process, known as Russification, will be discussed and elaborated in the next section.

2.2.1. Understanding Russification

The Russian language is widely spoken in Kyrgyzstan and across Central Asia. One of the main reasons is the presence of the Russian Empire (1860–1917) and the Soviet Union (1918–1991) (Kosmarskaya, 2015). During the Russian Empire, the government implemented measures aimed at the acculturation, assimilation, and integration of various non-Russian ethnic groups in colonized territories such as Siberia, Poland, Finland, the North Caucasus, and Central Asia. The process of unification became known as Russification (Khalidova, 2024).

The topic of Russification is crucial to discussions of language domination in Central Asia and has been examined by both Russian and non-Russian researchers (Abashin and Jenks, 2015; Kosmarskaya, 2015; Khalidova, 2024; Korth, 2005; Li, 2017; Ramet, 1978). According to Ramet (1978), Russification was one of the main topics of the Soviet agenda, which was characterized by a triad of Sovietization, Russianization, and Russification (1918–1991), three distinct but interconnected processes. While Sovietization was focused more on urbanization and modernization, Russianization involved the internalization of the Russian culture, and Russification introduced policies to strengthen the position of the Russian language. The

distinction between these concepts is also emphasized by Weeks (2010), who states that Russification was not limited to the Soviet period as occurred with Russification in Tsarist Russia (1860-1917), and Sovietization does not necessarily entail adopting the Russian language and culture. The latter distinction is crucial for understanding the varying degrees of economic, cultural, and linguistic dominance of both the Russian Empire and the Soviet Union in Central Asia. However, the term “Russification” has been used ambiguously in the literature. First, in a broader sense, it refers to processes of cultural imperialism and assimilation that extend beyond language and include the adoption of Russian cultural, religious, and social norms (Khalidova, 2024), as discussed further with examples. Second, in a narrower sense, Russification refers specifically to linguistic policies and practices that strengthen the status, institutional use, and social position of the Russian language (Ramet, 1978). The distinction is important since the thesis mainly focuses on language domination and does not examine the full range of Soviet nation-building, even though these processes influenced one another (Weeks, 2010).

Russification can be theoretically placed within the framework of linguistic imperialism proposed by Phillipson (1992, 2009). Phillipson (2009) states that linguistic imperialism is a structural and ideological process of establishing a dominant language. It is structural in that material resources and infrastructure are directed toward the dominant language, and ideological in that it spreads beliefs and attitudes that glorify the dominant language while stigmatizing others. The colonizer’s language becomes hegemonic, meaning it is internalized and naturalized and thus considered “normal.” Phillipson (2009) illustrates this with the cases of English, which became a global language, and French, which became the *lingua franca* of Europe, both expanding at the expense of indigenous languages through *glottophagie*, a process of linguistic cannibalism, in which one language consumes others. This process happened through the glorification of the dominant language, the stigmatization of other languages, and the rationalization. For instance, French was established and projected through the idea of logic, reason, and human rights after the French Revolution (1789-1799), while English was part of the “civilizing mission” in British colonies¹. Considering that the Russian language,

---

¹ The expansion of English began with its 16th-century imposition in the British Isles and intensified globally between 1815 and 1914 through mass emigration to settler colonies in North America, Australasia, and South Africa, as well as through colonial educational mandates in the Indian subcontinent, Africa, and the Philippines (1898–1940) (Phillipson, 2009).

over time, became dominant in Central Asia and the Soviet region, the concept of linguistic imperialism is highly relevant to this study.

Rannut (1994), who applied the framework of linguistic imperialism to the Soviet context, noted that, apart from the imposition of the Russian language in Soviet Estonia, where non-Russian people were “forced to sacrifice linguistic rights” (p. 179), Russification evolved through three main phases beyond the linguistic. Moving from physical violence to psychological and structural dominance, it happened through mass deportations of ethnic minorities, erasure of historical memory, and linguistic cleansing such as burning books, renaming public places, and exclusive use of Russian as the *jazyk mežnacional'nogo obščerenija* (“language of international communication”). Rannut (1994) states that all phases were part of the Communist ideology aimed at “linguistic genocide” and the eventual establishment of monolingualism in Russian.

Khalidova (2024), who examined Russification in the North Caucasus, mentioned that religion was a crucial element in the process of Russification and promotion of Russian identity (Khalidova, 2024). Adherence to the Orthodox faith was regarded as one of the key markers of the Russification process. Special emphasis was placed on the missionary activities of the Orthodox church. According to Khalidova (2024), Russification happened in three ways: 1) promotion of the religion; 2) coexistence of Russians and Caucasians; 3) incorporation of the Russian language as the official language. At the beginning of the 20th century, there were attempts to forcibly introduce the Russian language into official record-keeping in the North Caucasus, which led, in 1905, to an uprising in the village of Dagestan (Khalidova, 2024). Fierman (1991) suggests that Russification was not the Soviet Union’s initial language policy and happened at a later phase that displaced earlier efforts to promote local languages and established Russian as dominant by replacing the alphabet and script. During the 1920s, the policy of *korenizatsiia* (“nativization”) promoted Uzbek as a literary language and replaced the Arabic script with the Latin alphabet to support the development of local languages. Only in later decades did the policy shift toward Russification, replacing the Latin alphabet with Cyrillic.

Given the variety of examples demonstrating how Russification unfolded differently across regions and went beyond the linguistic imposition, it is important to state which understanding of Russification this thesis adopts. Russification here refers specifically to policies that

strengthened the status and use of the Russian language, as opposed to the broader economic and social modernization of Sovietization or the cultural assimilation of Russianization. The thesis follows Ramet's (1978) definition, extending it through the critical lens of linguistic imperialism (Phillipson, 1992, 2009). From this perspective, Russification is considered both a structural and ideological process of producing and reproducing Russian linguistic dominance. Structurally, the material resources and social rewards, such as education, employment, and career advancement (Duncan and Mavisakalyan, 2015; Korth, 2005) were distributed to Russian speakers and disadvantaged local language speakers, creating a hierarchy of languages. Ideologically, the Russian language was normalized as a legitimate language in employment, education, and public life, with local language marginalized. This positioning is also consistent with recent Central Asian scholarship that frames Soviet-era linguistic and cultural policies in Central Asia as a colonial project (Kassymbekova and Marat, 2022), as discussed in the following sections.

2.2.2. Russification process in Kyrgyzstan

The main contributing factor to Russification in Kyrgyzstan was the settlement of Russians and Russian-speaking individuals (Slavs), who were dispersed across both cities and rural areas (Kosmarskaya, 2015). In Kyrgyzstan, these settlements occurred in Bishkek (formerly Frunze), the country's present capital, and in the Issyk-Kul region. In 1926, Russians and Ukrainians made up 11.7% and 6.4% of the population, respectively (Li, 2017). During the Soviet Union, resettlers comprised engineers, scientists, artists, and other workers of Slavic descent. They were sent to Kyrgyzstan and the Central Asian region to establish and develop new factories and enterprises, and to contribute to the development of science, education, and the arts.

The period is marked by the emergence of museums, theatres, an academy of science, and universities (Abashin and Jenks, 2015), which are usually perceived as beneficial. However, Abashin and Jenks (2015) indicate that the role of the Soviet Union in this transformation was distant – Central Asia was perceived as a “cultural and territorial periphery” (p. 361). There was a lack of effort by the Soviet government to research and understand Central Asia. In addition to Slavic ethnic groups, there were others who became the object of a forced migration initiated by Stalin in the 1930s. Kurds, Armenians, Koreans, Germans, Ingush, Chechens, Balkars, Kalmyks, Meskhetian Turks, and Crimean Tatars living in the Far East, Northern

Caucasus, the Baltic Republics and the Crimea were resettled to Central Asia. During this period, the Russian language became important as an interethnic language (Abashin and Jenks, 2015). Given that there were over 80 ethnic groups residing in Kyrgyzstan (National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2022), Russian became the common language that helped groups maintain communication in everyday life.

Meanwhile, the Kyrgyz language underwent a pattern of externally imposed script reform. First, in the 19th century, it transitioned from Arabic to Latin and, later, Cyrillic during the Soviet period (Abylkasymova, 1997; Rubio, Roberts, and Kim, 2025). Additionally, Russification introduced the widespread use of the Russian surname suffixes *-ov* and *-ova*, bringing Kyrgyz names into line with Russian naming conventions. Their use was enforced through official documents, passports, and school records, making these endings an administrative requirement (Dzhenyshpekova, 2025). Kyrgyz toponyms also bore Russian names, often after Russian figures; for example, the capital of Kyrgyzstan was named Frunze after Soviet revolutionary and politician Mikhail Frunze and was renamed Bishkek after the collapse of the Soviet Union.

Another contributing factor to the country's Russification was education. Instruction in the Russian language during the Soviet period became available in kindergartens, schools, colleges, and universities (Chotaeva, 2016). The transformation of the education system meant that the capital of Kyrgyzstan had become mainly Russian-speaking under Soviet Rule, and the use of Kyrgyz was limited to rural areas. For instance, the knowledge of Russian was crucial for employment in the State apparatus and increased market opportunities: it would guarantee a job and career promotion (Duncan and Mavisakalyan, 2015). It provided access to better education and information (Orusbaev, Mustajoki and Protassova, 2008). In the capital and urban areas, Russian-language schools were preferred to Kyrgyz-language schools.

The spread of the Russian language created a hierarchy of languages (Pavlenko, 2008; Solchanyk, 1982; Korth, 2005). Korth (2005) indicated that Russian in Kyrgyzstan became more dominant than Kyrgyz during and after the Soviet period, and despite politicians' attempts to promote the Kyrgyz language, those who knew little Russian were disadvantaged in professional and educational opportunities. The Russian language continued to be a marker of social and economic status, while the promotion of the Kyrgyz language has been seen as part of a national identity project (Chevalier, 2006; Pavlenko, 2008). Korth (2005) argued that, from

a long-term perspective, the hierarchy of languages can lead to linguistic tensions when one language is dominant and a non-dominant language is threatened. Especially if language policies do not adequately protect linguistic diversity (Ricento, 2005) or support minority languages, the divide between dominant and non-dominant languages can widen (Canfield and Paleczek, 2011). This stance corresponds to what Phillipson (1992) describes as subtractive language use, when proficiency in the dominant language is gained at the expense of the minority language. It also reflects his concept of linguisticism, whereby speakers of the dominant standard language are privileged over others, in ways similar to racism and sexism.

2.2.3. Russian language status in Kyrgyzstan

Kyrgyzstan is one of the few post-Soviet countries where the Russian language is officially recognized today. The country legally recognizes two official languages: Kyrgyz as a state language, mandated by law and used in all state institutions, including parliament, courts, the army, and the science and cultural sectors; and Russian as the official language used in everyday language, educational settings, and state institutions as a second language. While Kyrgyz holds a higher symbolic status, the Russian language plays a significant role in education, employment, and communications between various ethnic groups (Kosmarskaya, 2015). The country is perceived as the most “Russified” among other Central Asian countries, compared to Uzbekistan and Tajikistan², the main sources of migration to Russia (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023).

Even after the collapse of the Soviet Union and Kyrgyzstan’s independence in 1991, the Russian language’s status as dominant remained unchanged. The capital of the country, Bishkek, is frequently described as highly Russified: Russian functions as the main language of daily life and has a greater social prestige. The dominance is also reinforced by the media landscape: Russian-language outlets are estimated to account for roughly 70% of Kyrgyzstan’s mass media (Aidarov, 2021), which helps maintain everyday Russian use in the country. Many educational institutions, especially in science, technology, and higher education, still prioritize

---

² In Tajikistan, the Russian language is constitutionally designated as the language of interethnic communication, while in Uzbekistan and Turkmenistan, it has no official status (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023). The Russian language holds official status, allowing its equal use with the state language in all areas of public life, also in Kazakhstan. However, Smagulova (2008) demonstrates that Russian continues to prevail in urban and professional life in Kazakhstan, a pattern observed in Kyrgyzstan.

Russian-language resources, textbooks, and academic programs. Russian proficiency is often seen as an asset for students aiming to access higher education or pursue careers with international organizations or Russian-speaking countries. The qualitative research by Gul (2019) demonstrates that Kyrgyz university students prefer Russian to Kyrgyz as the language of instruction due to a lack of scientific resources in Kyrgyz and limited job opportunities. This preference is evident in continued mobility in higher education: many Kyrgyz students started pursuing their studies in Russia, perceiving Russian universities as offering a stronger education than domestic institutions (Aidarov, 2021).

However, in recent years, there has been a decline in the Russian-speaking population and a gradual loss of Russia's former prominence (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023). According to Chekhlyayeva and Pavlov (2023), the bilingualism typical of the Soviet era (Russian and Kyrgyz) is evolving into multilingualism, with languages such as Kyrgyz, Turkish, English, and Chinese becoming more common. Russian is no longer a priority for the population in the regions, especially among the youth. For instance, in Bishkek, 68% of students choose to take the Unified State Exam in Russian, while only 12% in the Osh region (south of Kyrgyzstan) do the same (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023). This can be explained by differences in the use of Russian across regions of Kyrgyzstan. In Osh, which has a larger Uzbek population, Kyrgyz and Uzbek languages are more commonly spoken, reducing the necessity for Russian. It is worth noting that Russian is the most widely used in urban areas and in the north of the country, while the south, situated closer to the border territories of Tajikistan and Uzbekistan, is more Kyrgyz-speaking (UNFPA Kyrgyzstan, 2021). The Kyrgyz-speaking population is growing annually in both the regions and the capital (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023). The overall growth in the Kyrgyz-speaking population is partly due to internal migration from rural to urban areas. This migration has led to the replacement of the Russian-speaking population in cities by migrants from rural areas, contributing to the overall increase in the Kyrgyz-speaking population (UNFPA Kyrgyzstan, 2021).

2.2.4. Linguistic decolonisation and de-Russification

Kyrgyzstan, like many countries, after the collapse of the Soviet Union, began implementing programs to promote its national language and national identity (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023; Duncan and Mavisakalyan, 2015). The state first introduced a bill on the national

language (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023), under which all official documents in the republic must be in Kyrgyz. Kyrgyz was designated a state language³ by the Constitution, while Russian remained recognized, but not mandated by law (Chekhlyayeva and Pavlov, 2023).

In July 2021, President Sadyr Japarov established the National Commission on the State Language and Language Policy, which implemented policies to promote the Kyrgyz language (Kudryavtseva, 2021). The effort aimed to promote and preserve the Kyrgyz language at the national level, ensuring it remains a central part of national identity and culture. Kyrgyz must be used in all state institutions, including parliament, courts, the army, and the science and cultural sectors. Additionally, television and radio channels, both public and private, are required to broadcast at least 60% of their programming in Kyrgyz, despite the popularity of Russian-language media. The law also mandates that all state employees, including government officials, lawmakers, central bank staff, law enforcement, judges, prosecutors, defence lawyers, and notaries, be fluent in Kyrgyz (Najibullah, 2023). This reinforced the discourse on the importance of the Kyrgyz language, as reflected in the speeches of government officials, who say it is the “duty of the citizens” to know their native language. For instance, the Kyrgyz Parliament speaker, Nurlan Shakiyev, in his speech from 2023, declared (translated from Russian by the author): “Every citizen of Kyrgyzstan should know their native language. Not knowing another language is not shameful, but not knowing your native language is” (Kaktus, 2023).

These public statements and attempts to mandate proficiency in Kyrgyz for all public officials have been met with criticism from Russia. Russia’s Foreign Minister Sergey Lavrov said that the law is “undemocratic” and “discriminatory”, and Russian is being squeezed out in Kyrgyzstan (Najibullah, 2023). Despite the external criticism, a recent poll from the International Republican Institute (2024) revealed that 76% of adults in Kyrgyzstan support the law that mandates the Kyrgyz language to be used in government and private bodies (International Republican Institute, 2024), viewing it as a significant step toward reinforcing national identity and cultural heritage. In 2023, Kanybek Osmonaliev, chairman of the National Commission for State and Language Policies, proposed de-Russification,

---

³ The status of the Kyrgyz language is defined by Article 13 of the Constitution of the Kyrgyz Republic (Ministry of Justice, 2021).

transitioning Kyrgyz to the Latin script (Kyrgyzstan remains one of the last⁴ former Soviet Turkic-speaking Central Asian republics to officially use the Cyrillic script). The move was opposed by President Japarov; however, the dispute escalated to the point that Russia suspended imports of Kyrgyz dairy products after Osmonaliev's announcement (Rubio, Roberts, and Kim, 2025).

The de-Russification initiative and government efforts to promote the national language are part of a broader shift in how Central Asia reflects its Soviet and Russian colonial past. Dzhenyshpekova (2025) describes this as “linguistic decolonisation”, creating a tension where local initiatives framed as a tool of cultural sovereignty are interpreted by Moscow as a threat to Russia's status and influence in Central Asia. Marat and Arystanbek (2026) document a wide range of contemporary decolonial initiatives, including memory-studies activism that revisits Soviet-era historical narratives, language activism on social media, art installations, and transnational networks that challenge Russia's hegemony over national identity formation. However, Kyrgyz attitudes toward the Russian language and script are inseparable from attitudes toward Russia itself (Rubio, Roberts, and Kim, 2025), which are shaped by economic and political dependence as well as migration across its borders. Knowledge of the Russian language and culture remains a decisive factor in the choice of migration destination: many migrants consider Russia more accessible in terms of its familiar linguistic and cultural context (Ryazantsev, 2016). Each year, Kyrgyz citizens migrate to Russia for employment, with proficiency in Russian affecting access to employment and shaping migration experiences, as discussed in the following chapter.

2.3. Central Asian migration to Russia

Russia is a major destination country for international migrants (Gerber and Zavisca, 2020). According to the World Migration Report (McAuliffe and Triandafyllidou, 2021), it rounds up the top 5 destination countries with around 12 million migrants residing in the country. However, in contrast to the impressive US and Western European literature on migration to the US and Western Europe, the country does not have a rich social scientific background and

---

⁴ Kazakhstan initiated the transition from the Cyrillic-based alphabet to a Latin-based script in 2017 with plans for gradual implementation and completion by 2025 (BBC, 2017). However, due to alphabet revisions, the country continues to use Cyrillic as the dominant script.

evidence-based studies on migration (Gerber and Zavisca, 2020). Migration flows in Russia mainly increased in the 2000s and for a decade until 2014 when the economic crisis started in Russia. Exacerbated by Western sanctions following the annexation of Crimea, the crisis led to a depreciation of the ruble and impacted migrant labour dynamics (Migration Policy Institute, 2017). The number of labour migrants shrank, but despite these challenges, Russia continued to attract labour migrants, particularly from Central Asian countries such as Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan, due to existing linguistic and cultural ties. The number of migrants in Russia is growing annually despite such obstacles as the COVID-19 pandemic which disrupted migration movements due to border closures and health concerns for a short period of time. For instance, the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (2021) claimed that during the January-October 2021 period, the number of foreign citizens who crossed into the country and completed migrant registration reached 10.5 million (10 616 980). For the equivalent period during 2020, there were 8.32 million people.

Migration has been a recurring theme in Russia's history, with people relocating to the region for various reasons, such as economic opportunities, political stability, and conflicts in neighbouring countries (Abashin, 2013). However, if we focus on the last few decades, there have been three distinct waves of migration identified by Mukomel (2006). The first wave occurred in the early 1990s and was mainly comprised of individuals forced to flee their homes due to war and conflicts, as well as those returning from their migration to Western countries. The second wave, from 1992 to 1995, was primarily composed of individuals returning from the Commonwealth of Independent States (CIS) and Baltic countries. The third wave, which occurred in the 2010s, was more diverse and included short-term labour migrants from CIS countries who chose to stay in Russia. If at first migration to Russia was dominated by ethnic Russians whom the Russian government encouraged to immigrate throughout the period in a status of "compatriots" as well as forced migrants and asylum seekers, the source of late migration was primarily the Central Asian states: Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan (Gerber and Zavisca, 2020; Abashin, 2013). The last decades until 2024 Central Asia remains the main source of migration (Federal State Statistics Service, 2023).

According to the Russian Federal State Statistics Service (Federal State Statistics Service, 2023), for the 2023 over 15 million people arrived in Russia. Among them are migrants from CIS and outside of the CIS region such as China, Vietnam, Afghanistan, North Korea, Somalia, Sudan, Ethiopia, Iran, Iraq, Turkey, and Poland (Federal State Statistics Service, 2023).

According to this data, 4.5 million stated “labour migration” as the purpose of their arrival, among which around 2 million migrants from Uzbekistan arrived in Russia for employment, followed by over 1.1 million from Tajikistan, over 700 thousand from Kyrgyzstan. It should be mentioned that the counting of labour migrants still remains imprecise since they can indicate other purposes when crossing the border and are required to re-enter the country after the expiration of their first registration within 90 days (Abashin, 2013). Therefore, estimating the exact number of migrants living and working in Russia is a challenging task (Abashin, 2013; Malakhov and Simon, 2016). Abashin (2013) suggested that the only tool for counting Central Asian migrants in Russia is the number of migration cards issued at the border, which does not include those who have been living in Russia for over a year. Moreover, despite many attempts to simplify procedures over the last decade, the migration policy itself and poor legislative base creates opportunities for corruption, with a thriving market of document forgers and intermediaries who help migrants obtain legal documents for staying in the country (Muratalieva, 2024). Therefore, unofficial sources (Azattyk, 2021) suggest that the actual numbers of migrants from Central Asian states could be twice as high.

For Central Asian states, Russia became attractive after the fall of the Soviet Union (USSR) when independent countries experienced economic decline, job shortages, and high levels of unemployment (Ryazantsev, 2016). Russia offered better living standards as well as higher salaries. Additionally, the country’s geographical closeness to Central Asian states and lingua franca status as well as absence of visa requirements for Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan contributed to easy migration processes (Ryazantsev, 2016). The establishment of the Eurasian Economic Union (EEU) in 2015 which included Central Asian states, also significantly contributed to migration processes from Central Asia to Russia (Muratalieva, 2024). The requirements for migrants of the EEU countries were made easier, such as freeing from obtaining a patent for work and entering a country with a national ID. As Malakhov and Simon argue (2016), those preferential conditions helped Russia to control migration flows from EEU countries and strengthen the power of the country in the region. The same year government introduced a system of migration quotas, which regulate the number of foreign workers entering the country (Kuznetsova and Round, 2019). The quotas were determined based on several factors, including the needs of the labour market, economic development goals, and national security concerns. Quotas were established for each industry and region, and the government set the overall number of work permits (patents) that will be issued annually. The allocation of migration quotas among countries was based on agreements and negotiations

between Russia and the countries in question (Kuznetsova and Round, 2019). For example, in 2021, the largest quotas were allocated to workers from Uzbekistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan.

Russia has a demand for foreign workers due to demographic shortages and a declining working-age population (Kasyanov, 2017). In 2012 the government approved the Concept of a State Migration Policy (CSMP) until 2025 (Kremlin, 2018). The document serves as a roadmap and suggests a “unified approach to creating a legal framework” targeting different groups of migrants (Mihaylova, 2017). The main idea of the Concept is to address internal issues of the country among which economic competitiveness, impacts of the country’s demographic decline, addressing the shortcomings of the domestic labour market, and keeping skilled foreign workers are mentioned (Mihaylova, 2017). However, the labour market mostly consists of jobs that do not require professional experience or a higher education such as works in construction, retail trade, transport, house maintenance, and catering industries that are low-paid and require manual labour and seasonal employment. This is one of the reasons why Russia is unattractive for highly skilled foreign workers (Malakhov and Simon, 2016). The structure of the market works in the way that labour migrants who have a higher education are forced to do low-skilled jobs (Yudina, 2005).

One of the primary motivations for Central Asian migrants to move to Russia is the availability of better job opportunities – remittances from migrants support families back home and are a significant contributor to the economies of countries (Ryazantsev, 2016). According to Laruelle (2007), the average migrant arriving in Russia in 2000’s was a “young married male with a secondary education”. Laruelle (2007) divided the Central Asian migrant population in Russia into two groups: young males in their twenties and older males in their forties. While the first group was motivated to collect money for their own wedding or a home purchase, the second had almost the same economic motivation, but for their children. However, starting in the 2000s, the composition of the Central Asian migration started to change: it began to see a noticeable increase in female migrants although it became more pronounced in the 2010’s (Reeves, 2012; Schenk, 2010). Economic hardships in Central Asian states, political turmoil (Kyrgyzstan leaved through two revolutions⁵), coupled with high unemployment and low

---

⁵ Kyrgyzstan went through two revolutions during this period: 1) the Tulip Revolution in March 2005, which ousted President Askar Akayev because of allegations of corruption and authoritarianism, and 2) the April Revolution in 2010, which was a result of mass protests over corruption and rising energy prices, ending with the ouster of President Kurmanbek Bakiyev. The April revolution was followed by tensions and violence in southern Kyrgyzstan between Kyrgyz and Uzbek ethnic groups (Cherniavskiy, 2010; Temirkulov, 2010).

wages, pushed women to join the workforce abroad to support their families. It contributed to the increasing number of migrating families and children born and reared in Russia.

Many of the migrants from Central Asia encounter police harassment, racial profiling, and extortion, have difficult living conditions, and experience mistreatment by employers (Kubal, 2016). Kubal (2016) indicates that the list of abused human rights is long, starting with daily xenophobic attitudes and racial profiling for document checks by police and ending with unsafe conditions and denial of wages. According to the latest research of the Levada Center⁶(Gudkov, 2022), two-thirds of the Russian citizens believe that it is necessary to “limit the influx of migrant workers” from Central Asia and support entry bans and other restrictive measures. Based on the long-term study of Levada, xenophobic sentiments towards “Others” remain dominant for the last decades. Even though the level of xenophobia towards “Others” increased in the 1990s and reduced in the 2010s when public attention was focused on the Western representation of Russia and Ukraine, it increased again in 2015-2016 and remained stable until 2018 (Gudkov, 2022). The recent example from the aftermath of the terrorist attack in Moscow in March 2024 that led to the deaths of at least 144 individuals and injured over 500 others demonstrated existing attitudes towards Central Asian migrants (BBC, 2024a). Although Russian officials first suggested possible links between the attackers and Ukrainian intelligence services, when the main suspects were claimed to be migrants from Tajikistan and responsibility of ISIS (Islamic State) was confirmed, it led to mass police raids, and deportations of Central Asian migrants as well as the rise of hostility towards them in traditional and social media (Fuentes, 2024).

Migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan are frequently subjected to document checks, detentions, and sometimes extortion by police officers (Kubal, 2016). These actions are based on stereotypes that associate migrant groups with criminality, undesirable behaviour and absence of legal documents. In 2021, Russian Deputy Interior Minister Alexander Gorovoy stated that of 5.5 million migrants living in the country, 800,000 were illegal (Kommersant, 2021), meaning they lacked documentation and had no legal basis to remain in the country. Some undocumented migrants come to Russia to be with family members who are already living in the country. In other cases, migrants may be unable to obtain legal status in Russia

---

^{6 6} The Levada Center is a Russian non-governmental polling and sociological research organisation that conducts regular monitoring of public opinion and research for companies, universities, NGOs and international companies (Levada, 2024). The centre started its work in 1987 in the All-Union Center for Public Opinion Research (VCIOM). In 2016, the centre was labelled a “foreign agent” by the Russian Government (BBC, 2016).

and may end up living in the country illegally as a result (Kubal, 2016). One of the key factors in staying undocumented in Russia is the difficulty of obtaining legal status. The Russian migration system have significant legal and administrative barriers and complex rules (Muratalieva, 2024). Moreover, the cost of obtaining the necessary documentation and permits to work in Russia can be expensive, particularly for low-wage workers. As a result, migrants choose to work without legal documentation to avoid these costs. In addition, many Central Asian migrants may come to Russia through informal channels, such as labour brokers or smugglers, who do not provide them with the necessary documentation or support to obtain legal status (Kubal, 2016). These migrants end up working in the informal sector, where they are less likely to be registered or recognized by the authorities, and experience mistreatment by employers and denial of wages. An example of this mistreatment is the Golyanovo slavery case, an incident of human trafficking and exploitation that gained international attention (Fomin, 2015). The victims were female migrants from Uzbekistan, Kazakhstan, and Tajikistan, who were forced to work in shop for nearly 21 hours a day under threat of violence and were not allowed to leave their confined spaces. The women suffered severe conditions, including deprivation of food, lack of access to toilets and medical care, and regular physical and sexual abuse. The case gained attention of human rights organizations and was submitted to the European Court of Human Rights (RBC, 2016) which in 2024 made the decision in the favour of victims (European Court of Human Rights, 2024).

Although recent study (Gerber and Zavisca, 2020) emphasized some improvements in conditions, the problems remain. Last several years (2020-2024) Russia made attempts to protect migrant workers and their rights: the government introduced a national minimum wage which is applied to migrant workers, passed a law that allows migrant workers to access healthcare services in the country and increased inspections of businesses to ensure that they are complying with labour laws (Muratalieva, 2024). However, corruption at different levels, ranging from individual to national, further exacerbated the problem with the last point. Regular checks from the police at the workplaces only lead to the need to pay bribes at every stage. Malakhov and Simon (2016) explain that the corruption in the migration system of Russia is wide-spread and driven by the lack of dependence on public opinion and non-transparent decision-making processes.

2.3.1. Kyrgyz migration to Russia: Feminization

Kyrgyz migration is usually examined in the context of Central Asian migration to Russia. Many of the studies mentioning migration from Kyrgyzstan are dedicated to labour migration and its reasons, impact, and consequences on the economics of sending and receiving countries (Eraliev and Urinboyev, 2020; Laruelle, 2007; Ryazantsev, 2016). The second type of work is dedicated to legal aspects of migration and rights: migration policies change, and law enforcement (Kubal, 2016; Malakhov, 2014; Reeves, 2013). Third type of work is related to health issues of migrants (Amirkhanian et al., 2011; Kashnitsky and Demintseva, 2018; King et al., 2020). Distinct works consider xenophobic attitudes in everyday and media discourses (Bessudnov, 2016; Chapman et al., 2018; Kosmarskaya and Savin, 2000; Malakhov, 2014; Kuznetsova, 2017), and diasporas of migrants, transnationalism, and social practices (Abashin, 2013; Glukhov, 2017; Olimov, 2019; Ruget and Usmanalieva, 2011).

Few studies reveal the experiences of Kyrgyz migrants. For instance, research by Gerber and Zavisca (2020) compared migration experiences of various ethnic groups. Ukrainian migrants sensed they were received more favourably than Central Asians for being Slavic. It is important to note that the 2014 annexation of Crimea and full-scale war in Ukraine that Russia started in 2024 influenced the migration dynamics. While some Ukrainians have sought refuge in Russia, many have sought asylum in Western countries. However, as noted by migrant lawyer Valentina Chupik (BBC, 2024b), individuals with non-Slavic facial features still face heightened discrimination. Slavic migrants tend to blend in more easily due to their shared ethnic characteristics, which can mitigate immediate recognition as foreign. It is noteworthy that Kyrgyz migrants, despite not being Slavic, experienced lower levels of xenophobia compared to other Central Asian groups (Gerber and Zavisca, 2020). Migrants from Kyrgyzstan believed they were treated better by Russians in comparison to migrants Tajikistan and Uzbekistan. The main reason for that was the knowledge of the Russian language and a higher level of education. Another study comparing Central Asian migrants in Saint-Petersburg (Gurieva, Kõiv and Tararukhina, 2020) concluded that even though Kyrgyz migrants had a higher level of education (61% had a degree of higher education or unfinished higher education) and performed more qualified work and had stronger feelings of economic safety, they demonstrated low self-satisfaction and a high degree of anxiety. Compared to migrants from Uzbekistan and Tajikistan, they had fewer social contacts, which could enhance feelings of uncertainty and anxiety (Gurieva, Kõiv and Tararukhina, 2020).

There is a significant feminization of migration from Kyrgyzstan. Women make up nearly 40% of Kyrgyz migrants in Russia (Karabaeva, 2024; Tukubasheva and Purdilova, 2023; United Nations Kyrgyz Republic, 2019), compared to less than 20% among Tajik and Uzbek migrants from their respective countries. Estimating the exact number of Kyrgyz female migrants in Russia is difficult due to irregular migration and limited data. However, the latest reports (Abdukadyrova and Studenko, 2023; Global EDGE, 2023; Migration Data Portal, 2024) consistently indicate that women represent around half of the over one million Kyrgyz migrants while earlier migration from Kyrgyzstan to Russia was male dominated. Migration processes affect women across Kyrgyzstan between the ages of 20 and 40 and include women with different professional and educational backgrounds, as well as financial, social, and marital status and political views (FIDH, 2016).

Despite the growth and change in migration, female migration is not a new phenomenon in Kyrgyzstan. In the 1990s, women were engaged in small-scale international trade of industrial goods in neighbouring countries (FIDH, 2016). During the Soviet era, many Kyrgyz women worked in agriculture, social services, and healthcare, making them among the first to lose their jobs following the collapse of the USSR. There are several reasons for the increase in women in migration, such as the lack of labour opportunities in the country and the “feminization of poverty” (FIDH, 2016, p. 23). Feminization of poverty is defined by the representation of women among the poor, whose poverty is caused by more factors than men. According to Fukuda-Parr (1999), it is not only about lack of income but also about lack of opportunities caused by gender inequality, bias, and societal and gender norms (Fukuda-Parr, 1999; Chant, 2008). In case of Kyrgyzstan, following the 2010 Kyrgyz Revolution that started with protests over government corruption and authoritarianism and led to the overthrow of the government under President Kurmanbek Bakiyev and inter-ethnic conflicts in the south of the country (Azattyk, 2010; Cherniavskiy, 2010; Jones, 2011; Temirkulov, 2010), poverty in Kyrgyzstan rose to 38% since 2012, with a growing share among women. This economic instability caused by political events has led women to work abroad independently, although, in patriarchal family structures, married women often stay home (typically with their husband’s families) while their husbands migrate for work (FIDH, 2016). The feminization of poverty is connected to the increase in divorce rates (National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, 2023). In cases of divorce initiated by the husband, women face significant financial challenges, especially if they must leave their in-laws’ home, raise children alone, or if the husband refuses

to pay child support. Particularly it is difficult for women in unregistered religious marriages, as they struggle to obtain financial support from former spouses (FIDH, 2016).

Another factor contributing to the inclusion of women in migration is an increasing demand for labour in trade and services in these countries. The most common areas of employment for women in Russia are services, the food industry, garment sewing, and domestic work as household help (Karabaeva, 2024). However, it is important to note that, like male migrants, Kyrgyz female migrants are also employed in the shadow economy, lack proper documentation, and hold low-skilled jobs even if they have higher qualifications. The Report of the International Federation for Human Rights on Female Migration from Kyrgyzstan to Russia (FIDH, 2016) states that while migration can serve as a means for women to expand their economic opportunities, it also places them in situations where their rights are at heightened risk. Later studies (Abdukadyrova and Studenko, 2023; United Nations Kyrgyz Republic, 2019; UN Women, 2018) confirm that Kyrgyz women in Russia continue to face challenges related to their economic instability, labour protection and exposure to violence. For instance, the COVID-19 pandemic increased the vulnerabilities of Kyrgyz women migrant workers (Abdukadyrova and Studenko, 2023). As many were employed in service sector jobs, they faced an increased risk of virus exposure, and their financial stability was impacted by the closure of service industries, widespread layoffs, and the contraction of the informal economy. Moreover, most Kyrgyz migrant women worked in low-wage jobs, often unrelated to their qualifications, such as janitors, shop sellers, or caregivers, leaving them unable to secure a decent quality of life or send remittances home. More than half lack employment contracts, relying on verbal agreements, which leave them vulnerable to exploitation, including unpaid overtime, delayed wages, or no payment at all (United Nations Kyrgyz Republic, 2019).

Men and women both face high risks of abuse, exploitation, rights violations, and violence in Russia. However, women face double vulnerability: as women and as individuals involved in migration. The decision-making process leading to migration is particularly complex for women, as they must consider a wide range of factors (especially those migrating alone). These include professional opportunities in destination countries, the presence of relatives or acquaintances, safety concerns, marital status, childcare responsibilities, and their reputation within their home community (FIDH, 2016). This risk is especially important in rural areas of Kyrgyzstan, where residents may fear that women, away from the strong social “control”, could engage in extramarital relationships, “lose their honour”, “disgracing” their family and

community (FIDH, 2016, p. 22). Women who have experienced migration may face judgment upon their return, especially if their migration experience was unsuccessful. If they migrate alone and wish to marry after their return, they may encounter challenges within local communities where their “honour” can be questioned (FIDH, 2016).

Kyrgyz female migrants are also subject to gender-based violence from their fellow Kyrgyz male migrants (Abdukadyrova and Studenko, 2023; Gabdulhakov, 2019; Ibraeva, Moldosheva and Ablezova, 2015; The Asia Pacific Forum on Women, Law and Development, 2021). There were several occasions that became public between 2011 and 2016 when female migrants were beaten, sexually assaulted, and threatened by Kyrgyz male migrants identifying themselves as “patriots” (Abdukadyrova and Studenko, 2023; Gabdulhakov, 2019; Ibraeva, Moldosheva and Ablezova, 2015; Kasymalieva, 2012). The processes of assault were filmed and spread online in public groups and social media. In the footages, apart from physical and emotional assault, women were pushed to reveal personal information such as names and home addresses. One of the main “justifications” for the conducted assaults was the so-called improper behaviour of the Kyrgyz female migrants and their relationships with men of other ethnic groups (Gabdulhakov, 2019; Ibraeva, Moldosheva and Ablezova, 2015) for which they were called “traitors” and should have received punishment and shaming from fellows; the spread of the footage was justified as “punishment” and “lesson” for other Kyrgyz women (Gabdulhakov, 2019; Ibraeva, Moldosheva and Ablezova, 2015).

The cases first became famous through the reports of the Azattyk media outlet, Radio Liberty in Kyrgyzstan (Kasymalieva, 2012), which addressed issues of female migrants and violence against them. One of the cases that shocked society in 2012 involved Sapargul, a woman caught in a café in Moscow with a man from Tajikistan. A video of the incident showed young men publicly stripping, threatening, and interrogating her. The men behind the camera forced her to reveal her addresses in Kyrgyzstan and Russia, insulting and humiliating her with obscene language while the camera recorded her naked and shaking from the cold. The violent act gained the attention of human rights organizations and activists who expressed concerns and advocated for the safety and rights of Kyrgyz female migrants in Russia (Elkeeva, 2024). The term “Sapargul” in the public discourse became synonymous with female migrant victims labelled by “patriots” as “traitors” of the nation. The Russian police after the case publicly reported that seven members of this group of “patriots” fled to their homeland, Kyrgyzstan, while the others were released due to a lack of evidence. Kyrgyz police did not pursue the case,

stating that the crimes were committed in another country and no complaints had been filed by the victims (Elkeeva, 2024). Since there were no consequences, the trend persisted and appeared publicly even after a decade. In December 2024, another video was released by a group of young Kyrgyz citizens from Russia, claiming they intended to punish their female compatriots for “inappropriate behaviour” (Elkeeva, 2024). The 2012 case involving Sapargul, and other female migrants serves as an example and precedent of violence and public shaming with no consequences. The 2024 case that happened a decade later, demonstrates the persistence of the pattern where public humiliation of women remains a form of control and female migrants are still objects of abuse. While first case initiated public debates, the latter one remained unnoticed with one publication that demonstrates patriarchal attitudes that perpetuate gender stereotypes and social stigma towards female migrant workers (The Asia Pacific Forum on Women, Law and Development, 2021). These occasions can be explained by high level of gender-based violence in Kyrgyzstan and the promotion of “traditional values” by government bodies that regulates the role of women and limits the discussion on violence (Amnesty International, 2023). For instance, compared to 2020, there was a 30% increase of domestic violence (Amnesty International, 2023). According to UN Report on Violence Against Women (UN Women, 2020) 47% of women in Kyrgyzstan indicated that they or other women they know have experienced a form of violence (verbal, physical or involuntary isolation) and 45% of the respondents reported they feel unsafe walking alone at night.

Gabdulhakov (2019) states that gender biases “travel” across borders and are accompanied by vulnerabilities and hostility, originating from xenophobia and hostility in the host country, which turns to acts of violence. Ibraeva, Moldosheva and Ablezova (2015) explain that the violent acts of “patriots” reflect a general trend of negative portrayal of female migrants as those who offend cultural norms and traditional codes of behaviour. It is important to note that violent acts of male migrants may be inspired by the acts of the neo-patriotic group Kyrk-Choro (Forty Knights), whose idea is to “maintain the honour and dignity of the Kyrgyz people” (Aitkulova, 2021). They derive their name from the traditional Kyrgyz epic of *Manas*. Despite their ideological focus on nationalism, the group’s approximately 5,000 members include numerous middle-class professionals, such as physicians, professors, and lawyers. Additionally, they are known to have established connections with Kyrgyzstan’s Interior Ministry (Global Voice, 2021). The group conducts patriotic raids in foreign companies and clubs in Kyrgyzstan and are known for their nationalistic views. For instance, between 2011 and 2014 the group hunted down illegal migrants from China to Kyrgyzstan and attacked

female sex workers in the clubs to detain them to the police (Suyarkulova, 2020). In 2019, members of Kyrk-Choro disrupted a Women's Day march in Bishkek, which was intended to advocate for women's rights and equality (U.S. Department of State, 2020). The group held a counter-protest, opposing the inclusion of LGBTQ+ groups in the event. The group's actions were widely condemned, and some members were fined for their involvement in the violence. In 2021, Kyrk-Choro conducted raids on Chinese-owned businesses and markets, accusing them of "undermining national interests". These actions were part of a broader nationalist movement that viewed Chinese economic influence as a threat to Kyrgyz sovereignty (Global Voices, 2021). The group's actions towards women and continuation represents belief in Kyrgyzstan that it is acceptable for men to use violence against women if they fail to fulfil their supposed responsibilities or when their behaviour transgresses social norms. Gender-based violence also take many forms in Kyrgyzstan, including domestic violence, economic violence, bride kidnapping, early marriages (UN Working Group on discrimination against women and girls, 2021). The research on femicide in Kyrgyzstan (Kloop, 2021) highlighted that widespread domestic violence led to femicide when women got killed by their husbands or partners. It was found that the main causes of femicide were not meeting cultural expectations, consequences of bride kidnapping, a woman refusing an intimate relationship or marriage, a woman attempting to leave an intimate relationship (Kloop, 2021).

Early marriages and bride kidnapping have been identified as significant push factors for female migration (Hofmann and Chi, 2023). Bride kidnapping is a practice where a woman is forcibly taken from her home or a public space and brought to the home of a potential husband, where she faces intense pressure to marry him. While the coercion may sometimes involve threats of physical or sexual violence, more frequently, the social stigma associated with being kidnapped and not marrying the abductor forces women to consent to the marriage (Hofmann and Chi, 2023). It is practiced in several countries including Kazakhstan, Armenia, Ethiopia, and South Africa and common for countries with extensive labour migration. The study (Hofmann and Chi, 2023) found that kidnapped women are also involved in labour migration: households headed by a man or woman who married by kidnapping are more likely to include current female migrants. While these issues are also present in other CIS countries, the extent and impact may vary, leading to differences in migration patterns and motivations among female migrants across the region.

Thieme (2008), who examined the experiences of middle-aged Kyrgyzstani female migrants, stressed that women migrate to Russia not only for economic reasons, and educational opportunities, but also to escape traditions. The latter includes expectations of caring family responsibilities as well as being married. Moreover, an increasing religious fundamentalism in Kyrgyzstan puts more pressure on women to be more obedient and submissive (UN Working Group on discrimination against women and girls, 2021). The phenomena are not unique to Kyrgyzstan. For instance, similar trends were observed in India and Turkey, countries characterized by a patriarchal structure, where women are traditionally expected to assume domestic roles (Eryar, Tekgüç and Toktas, 2018). Female labour migration from these countries serves as a way for empowerment for women originating from patriarchal societies (Chowdhory et al., 2022; Eryar, Tekgüç and Toktas, 2018). Empowerment is understood as the process by which women gain autonomy, financial independence, and social mobility, often facilitated through opportunities such as wage labour, education, and active participation in community life (Chowdhory et al., 2022). For example, Chowdhory et al. (2022) highlights that many single Indian women migrate primarily to Western countries to access education, employment, and escape traditional gender norms, which often restrict their opportunities in their home countries. Similarly, research on internal female migration in Turkey (Eryar, Tekgüç and Toktas, 2018) indicated that moving to urban areas enhanced women's socio-economic status. Through urban migration, women gained access to new skills, higher-paying jobs, and greater independence, although challenges such as a persistent gender wage gap remain (Eryar, Tekgüç, and Toktas, 2018). These studies suggest that migration offers women significant opportunities for empowerment, although barriers related to gender inequality persist across different contexts.

Apart from the devaluation of their education and skills in the host country, and the violence from male compatriots, Kyrgyz female migrants face the additional challenge of combining several roles and balancing the expectations of their home society, such as being a breadwinner, mother, wife, and daughter-in-law, while supporting both the older and younger generations they leave behind (Thieme, 2008). Female migrants from Uzbekistan and Tajikistan may face similar difficulties, however, the inclusion of women in migration from other Central Asian countries is comparatively lower than in Kyrgyzstan (Rocheva and Varshaver, 2018), which means that the experiences of female migrants in these countries are less documented and less visible in the broader migration discourse. The impact of migration to familial roles differently, with women often experiencing a double burden of employment and caregiving duties is

reflected in the latest reviews (Anastasiadou et al., 2024; Christou and Kofman, 2022). Migrant women often maintained familial ties while working abroad compared to men (Christou and Kofman, 2022). They tended to carefully plan their migration plans and were tied to household decisions or family-related considerations (Anastasiadou et al., 2024).

Male hegemony and marginalization by both societies add a layer to their experiences: they are forced to navigate between different roles and social contexts under pressure. Avdashkin (2023) who examined Kyrgyz male and female migrants' experiences, concluded that Kyrgyz migrants compared to other migrants have no institutionalized support system in the form of diaspora – it is either absent or incomplete depending on where migrants are geographically in Russia. It was found that support from compatriots is limited by sending and receiving parcels, document processing, and employment support. At the same time, a significant number of migrants (22.3%) reported receiving no assistance at all. Some of the female migrants reported that they prefer to avoid contact with compatriots and resolve most issues independently in Russia (Avdashkin, 2023). This self-reliance is often intensified by social stigma and cultural barriers, which isolate migrant women and limit their ability to seek help or build support networks (Freedman et al., 2023). Additionally, the lack of adequate legal and social protections not only leaves them more vulnerable to exploitation and mistreatment but also adds another layer to their self-reliance, as they are often forced to navigate these challenges independently (Sullivan, Block and Vaughan, 2021).

2.4. Summary

This chapter examined the historical, linguistic, and socio-economic context that shapes contemporary migration from Kyrgyzstan to Russia. It demonstrated that current migration patterns are closely linked to the political and cultural relations between the two countries, which developed during the periods of the Russian Empire and the Soviet Union. These historical processes transformed the region's economic and administrative structures and introduced institutional changes that continue to influence social relations today. In particular, the chapter highlighted the role of Russification and the establishment of Russian as a dominant language in education, administration, and interethnic communication, which contributed to the formation of linguistic hierarchies and continues to affect migration choices and opportunities.

The chapter also discussed the broader dynamics of Central Asian migration to Russia, emphasizing the economic, political, and institutional factors that sustain migration flows from Kyrgyzstan. Labour migration has become a solution for dealing with unemployment and economic instability in the sending country, while Russia's labour market demand, geographic proximity, visa-free regime, and shared linguistic space facilitate mobility. At the same time, the analysis demonstrated that migration to Russia is accompanied by structural challenges, including legal insecurity, precarious employment, and xenophobic attitudes toward migrants from Central Asia. Particular attention was given to the increasing feminization of Kyrgyz migration. The chapter demonstrated that women constitute a significant proportion of Kyrgyz migrants and that their participation in migration is influenced by a combination of economic pressures and gender inequalities. Female migrants often migrate in search of employment opportunities and financial independence but simultaneously face gendered vulnerabilities, including labour exploitation, discrimination, and exposure to gender-based violence from their male counterparts. In addition, women navigate multiple social expectations, balancing economic responsibilities abroad with familial and cultural obligations in their home communities.

Altogether, the historical legacy of Kyrgyz–Russian relations, the linguistic and institutional effects of Russification, and the contemporary economic and social dynamics of migration influence the broader structural context within which Kyrgyz migrants' experiences and identities develop and transform. The latter will be examined in the subsequent chapters of this thesis.

3. Approaches to ethnic identity and language

3.1. Introduction

The present chapter outlines the theoretical framework for examining ethnic identity in a migration context. It begins with the concept of ethnic identity and the main theoretical perspectives, including essentialist and constructivist approaches, as well as postcolonial and intersectional views that highlight the role of historical context and power relations in shaping identity (section 3.2). The chapter then discusses the relationship between language and ethnic identity (section 3.3), focusing on how linguistic practices function as markers of belonging. The following section addresses migrants' identities and acculturation strategies (section 3.4) and presents theoretical approaches that explain how migrants adapt to new cultural environments while maintaining ties to their culture of origin. The chapter then examines transnationalism (section 3.5), which explains how migrants maintain connections across borders and develop multiple identities and forms of belonging. Finally, the chapter discusses the gendered dimensions of migration by focusing on female migrants (section 3.6).

3.2. Understanding ethnic identity

The academic literature on identity is vast and encompasses many definitions and conceptualizations across disciplines such as philosophy, sociology, psychology, and anthropology. The word identity derives from the Latin root *idem*, meaning “the same” (Gleason, 1983). The *Oxford English Dictionary* (OED) defines identity as “the same of a person or a thing at all times or in all circumstances; the condition or a fact that a person or thing is itself and not something else; individuality, personality” (OED, s.v. *identity*). Personal identity is described as “the condition or fact of remaining the same person throughout the various phases of existence; continuity of the personality” (OED, s.v. *personal identity*). Identity is not as modern a concept: it has existed throughout human history and has been developed under the influence of historical, geographical, and technological changes. The concept of identity has a long history: it derives from the philosophical works of ancient Greeks, Aristotle, and Plato. Lemert (2012), in his essay “History of Identities,” discusses how well-known ancient concepts such as *psyche* (“soul”), *cogito* (“mind”), and even Buddhist

principles of life contributed to the understanding of identity. However, the introduction of the term into the social sciences and public discourse occurred in the United States between 1950 and 1960 (Brubaker and Cooper, 2000; Gleason, 1983). It appeared in the works of psychoanalysts, particularly in Erikson's work, as an "identity crisis," which described the period of uncertainty and struggles individuals experience during different stages of development (Gleason, 1983), after which it became a key term in sociology. Erving Goffman and Peter L. Berger helped popularize its sociological meaning, with Goffman shifting from "the self" to "identity" in his seminal work *Stigma* (Goffman, 1963). By the mid-1960s, "identity" was used broadly and ambiguously in the social sciences, making it difficult to trace its origins across contexts (Gleason, 1983). Moreover, global events such as world wars, technological revolutions, and migration had a significant influence on its development, transformation, and the emergence of new identities (Lemert, 2012). Despite its extensive usage and development, there is still no singular definition of identity (Brubaker and Cooper, 2000; Verkuyten et al., 2019).

The lack of consensus on the definition of the term "identity" leads to conceptual ambiguity and confusion (Verkuyten et al., 2019). Brubaker and Cooper (2000) define several key ambiguous uses of the term: 1) identity as a basis of social or political action – opposed to "interest," which implies actions driven by rational self-benefit; 2) identity as a collective phenomenon expressed through perceived sameness and solidarity; 3) identity as an aspect of individual and collective selfhood; 4) identity as a product of social and political processes; and 5) identity as a product of multiple and competing discourses that highlight the fragmented nature of the self (p. 8). Brubaker and Cooper (2000) argue that these meanings are often contradictory: while some definitions emphasize sameness and stability, others emphasize change and multiplicity. They therefore suggest using related concepts such as identification, self-understanding, and commonality to clarify analytical distinctions. However, although these concepts help differentiate processes of belonging, they do not fully capture the complexity of human experiences of identity (Verkuyten et al., 2019). In this sense, identity continues to function as a broad umbrella term for understanding how individuals relate themselves to social groups and how belonging is interpreted and negotiated in different contexts.

Identity theory, mainly grounded in psychological and sociological approaches, examines identity at two levels: the individual level, which answers the question "Who am I?", and the

social level, which addresses the question “Who are we?” (Burke and Stets, 2022; Branaman, 2009; Korte, 2007; Stets and Serpe, 2013). However, the concept of identity extends beyond these two dimensions and encompasses broader social and cultural dynamics, including socio-political processes (Moran, 2018; Novac, Zahn and Blinder, 2021), historical narratives (Oksuzoglu, 2024), cultural practices (McLean and Syed, 2016; McLean et al., 2018), and the relationship between individual and collective experiences (Hammack, 2008; Moazami, 2017). In anthropology, identity is frequently examined in relation to ethnicity, focusing on how individuals align with or are categorized through ethnic markers and how boundaries between groups are maintained in social interaction (Brettell and Sargent, 2006).

For the purposes of this thesis, identity is broadly viewed as a complex relational and processual phenomenon where individuals position themselves in relation to other social categories. In this sense, anthropological view on identity is of main interest, where ethnic identity is one of the key dimensions of identity in the context of global transformations (Christian et al., 1976; Giles et al., 1976; Liebkind, 2006; Phinney and Ong, 2007; Taylor, Bassily and Aboud, 1973; Quintana, 2007). This aspect of identity becomes particularly important in migration contexts, where individuals live in societies different from those of their birth. Migration raises questions of belonging, cultural heritage, and difference, shaping both self-identification and perceptions of otherness. In the literature, approaches to ethnic identity are commonly divided into two broad theoretical perspectives: essentialist and constructivist (Bader, 2001; Beach, 2013; Gao and Wan, 2013; Schraml, 2014; Varshaver, 2023). The following sections outline each perspective and set out a position adopted for the present study.

3.2.1. Essentialist approach to ethnic identity

The essentialist approach considers ethnic identity as relatively fixed, associated with shared ancestry, culture, language, and religion (De Angelis, 2024; Haslam, Rothschild and Ernst, 2000; Verkuyten, 2003; Wagner, 2024). These characteristics are linked to local social arrangements and influence norms, beliefs, and social practices (Wagner, 2024). Early studies sometimes conceptualized ethnic identity as a biological feature, suggesting that individuals possess inherent attributes and phenotypical characteristics that distinguish them from others (Allport, 1954; Campbell, 1958; Sherif, 1948; Medin, 1989). However, anthropological

research challenged this interpretation and shifted toward a biocultural perspective, emphasizing that ethnic identity is shaped by shared beliefs about common origin, historical narratives, and cultural practices rather than biological essence (Billinger, 2007; Blakey, 2020; Clausing, 2017). These critiques highlighted that ethnic identity cannot be understood solely as an inherited characteristic but must also be analysed in relation to social and political contexts.

One of the most influential contributions to this shift was Barth's (1969) work on ethnic boundaries. Rather than defining ethnic groups through shared cultural traits, Barth argued that the key element of ethnicity lies in the boundaries that distinguish one group from another. These boundaries are maintained through social interaction and processes of categorization, as individuals define themselves and others in relation to group membership. Barth emphasized that ethnic boundaries are not static but can change in response to historical, political, and social conditions. Later research has further developed this idea by examining how boundaries are produced and reproduced through social and institutional practices, a process often described as boundary work (Lamont and Molnár, 2002; Wimmer, 2008).

3.2.2. Constructivist approach to ethnic identity

The constructivist approach views ethnic identity as dynamic and socially produced. According to constructivists (Anderson, 1983; Bhabha, 1994; Brubaker, 2004; Gellner, 1983; Hutchinson, 1987; Jenkins, 1997), the flexible nature of ethnic identity is evident in its transformations across contexts. Identities are constructed within specific historical and institutional settings (Brubaker, 2004), maintained through interaction, and shaped by broader social processes such as state formation, migration, and globalization (Gellner, 1983). Anderson (1983) and Smith (1986) also highlight the role of shared narratives and symbols that circulate through education, media, and collective memory. From this perspective, ethnic identity is relational and context-dependent rather than fixed.

Later research further emphasizes that ethnic identity is shaped by broader historical, political, and cultural contexts (Chandra, 2012; Varshaver, 2023; Wimmer, 2008). Cultural environments refer to broader systems of meanings, practices, and social norms through which

individuals interpret belonging and difference. These include traditions, collective memories, historical narratives, and everyday cultural practices that shape how ethnic groups understand themselves and are recognized by others (Jenkins, 1997; Hall, 1990). In migration settings, these elements become particularly visible, as individuals navigate multiple cultural environments and renegotiate their identities in relation to new social boundaries and institutions (Brubaker, 2004; Lamont and Molnár, 2002). This view was complemented by the concept of racialization, which refers to the process through which social groups are categorized and treated as fundamentally different based on perceived physical, cultural, or geographical characteristics (Garner, 2010; Omi and Winant, 2014). In migration contexts, ethnic differences may become interpreted through racialized categories that structure social hierarchies. Scholars have shown that such processes are visible in post-Soviet societies, where migrants from Central Asia are frequently categorized through visible and cultural markers that distinguish them from Slavic populations (Laruelle, 2015; Round and Kuznetsova, 2016). Furthermore, the intersectional approach (Anzaldúa, 1987; Collins, 1990; Crenshaw, 1989) highlights that ethnic identity intersects with other social categories, such as gender, class, religion, and sexuality. This perspective emphasizes that identity cannot be understood in isolation but must be analysed in relation to overlapping social positions and structural inequalities (Anthias, 2012; Yuval-Davis, 2006). In the migration context, intersectionality can help examine how individuals may experience ethnic identity differently depending on their gender and social position.

3.2.3. The present approach

In this thesis, ethnic identity is approached primarily from a constructivist perspective, complemented by postcolonial views on power relations, representation, and historical hierarchies. This theoretical positioning allows identity to be examined not as a fixed attribute but as a socially constructed and historically situated process shaped by interaction and discourse. Postcolonial scholarship highlights how identities are produced within systems of representation that distinguish between dominant and subordinate groups (Hall, 1990; Bhabha, 1994). Said's (1978) concept of Orientalism demonstrates how societies construct representations of "the Other" in ways that reinforce cultural hierarchies and relations of power. Although originally developed in relation to Western representations of the East, similar

symbolic hierarchies can also emerge in other post-imperial contexts. For example, in the context of post-Soviet migration, identities are not only negotiated through social interaction but are also influenced by historical relationships between former imperial centres and peripheral regions. This is demonstrated in Koplatadze's (2019) reflections on Russia's status as a "colonizer" and in Laruelle's (2021) works on how Central Asian states continue to negotiate their nationhood and identities in relation to the "centre," as presented by Russia and its dominance in the region. Migration from Central Asia to Russia occurs within a historically layered relationship shaped by the legacies of the Russian Empire and the Soviet Union, which continue to influence linguistic hierarchies and social stratification in contemporary Russian society (see Chapter 2).

Several theoretical frameworks complement this constructivist and postcolonial perspective. Social Identity Theory (Tajfel and Turner, 1979) lays a foundation for a constructivist perspective and explains how individuals construct their self-concepts through their membership in social groups. According to this theory, identity develops through processes of social categorization, identification, and comparison. Individuals classify themselves and others into groups, adopt the norms and values associated with those groups, and compare their group with others. While Social Identity Theory provides an important explanation of group belonging, critics (Brubaker, 2004; Wimmer, 2008) note that it focuses primarily on psychological processes and pays less attention to historical and structural power relations. Therefore, combining Social Identity Theory with constructivist and postcolonial perspectives allows for a more nuanced understanding of identity formation.

Applying these approaches helps to view ethnic identity as a complex, multifaceted construct. However, while existing studies have extensively examined the dimensions of ethnic identity, fewer have explored how these processes become visible in migrants' everyday narratives. This thesis, therefore, approaches ethnic identity not only as a theoretical concept but also as something that is articulated and negotiated through discourse and language. The following section, therefore, explores the role of language, focusing on how linguistic practices function as markers of belonging and as resources for negotiating ethnic identity in migration contexts.

3.3. Language and ethnic identity

Language plays a critical role in the context of ethnic identity and migration. Scholars emphasize that, in addition to being a tool of communication, language is also a socio-political construct and an instrument of power, shaping social hierarchies (Butcher, 2008; Lippi-Green, 2011). In sociolinguistic research, language practices are often understood as markers of belonging and difference that reflect broader relations of power within society. For instance, Bourdieu (1991) argues that language operates as symbolic capital, where certain linguistic varieties acquire greater prestige and authority than others. These hierarchies become visible when migrants are forced to navigate linguistic expectations in the host society. A prominent example is the debate over integration across Europe and the United States (Curdtt-Christiansen, 2018; Edwards, 2016), often centered on migrants' language acquisition and use. Acquiring language skills in the host country is a prerequisite for migrants to gain citizenship and naturalization (Stella and Gawlewicz, 2020). Moreover, language functions as a social marker, with migrants identified not only by their legal status or phenotypic characteristics but also by their language or accent. Linguistic differences often serve as indicators of cultural and ethnic otherness, leading to social and racial exclusion (Davis and Moore, 2014). As a salient marker of ethnic identity, language plays a significant role in how individuals are perceived and how they navigate their ethnic affiliations (Fishman, 1999; Labov, 1972). Language can both connect individuals to their ethnic group and distinguish them from others (Birnie-Smith, 2020; Cho, 2000; Dekeyser, Puschmann and Ağirdağ, 2019; Ekwere, 2022).

From a constructivist perspective on ethnic identity discussed in the previous section (3.2.2), language can be understood as one of the mechanisms through which identities are constructed and negotiated in social interaction. Linguistic practices not only reflect group membership but also actively produce social boundaries and meanings associated with ethnicity. This perspective aligns with sociolinguistic approaches that view language as an index of social identity (Silverstein, 1976). Through specific linguistic choices, speakers signal their affiliation with particular communities, social groups, or cultural backgrounds. Similarly, Le Page and Tabouret-Keller (1985) describe language use as a series of "acts of identity," through which individuals align themselves with particular social groups and construct their social positioning.

Language is a fundamental aspect of identity, closely connected to ethnicity, and both influence each other (Gudykunst and Schmidt, 1987; Fishman, 2000). There is a substantial body of literature, beginning in the 1980s, dedicated to the interrelations between language and identity, highlighting the role of language in identity construction. The literature has highlighted the important role of language in the construction of ethnic identity (Bucholtz and Hall, 2005; Fishman, 1989; Kramsch, 2002; Lave and Wenger, 1991). Earlier research in the field has found that members of ethnic groups feel closer ties to those who share their language than to those who share their cultural background (Giles, Taylor and Bourhis, 1973; Hogg, Joyce and Abrams, 1984). Studies mainly from English-speaking countries have documented this relationship between language and ethnic identity among various migrant groups, including Chinese Americans and Chinese Canadians (Feuerverger, 1991; Kiang, 2008; Noro, 2009; Rosenthal and Feldman, 1992; Zhang and Slaughter-Defoe, 2009; Mehri, 2011), Korean Americans and Korean Canadians (Feuerverger, 1991; Lee, 2002; Hong, 2010), Armenian-, Japanese-, Mexican-, and Vietnamese-Americans (Chinen and Tucker, 2005; Bankston and Zhou, 1995; Phinney et al., 2001; Maloof, Rubin and Miller, 2006; Imbens-Bailey, 1996), Latin- and Asian-Americans (Oh and Au, 2005; Oh and Fuligni, 2010), Italian-, Portuguese-, Ukrainian-, and Jewish-Canadians (Feuerverger, 1989, 1991), Turkish and Hispanic Australians (Yagmur, Bot and Korzilius, 1999; Gibbons and Ramirez, 2004), and Bangladeshi and Welsh British communities (Giles and Johnson, 1987; Lawson and Sachdev, 2004).

A meta-analysis of 43 datasets from 18 studies (Mu, 2015) concluded that there is a moderately positive correlation between a sense of ethnic identity and proficiency in heritage language – the language that is other than the host country’s language and which is associated with individuals’ cultural background. Since the meta-analysis included studies from various socio-cultural contexts, different methods, and diverse ethnic groups, it can be concluded that language remains a significant factor in ethnic identification. However, as the connection was positive but moderate, the author (Mu, 2015) notes that other factors such as race, gender, age, social class, family, generation, and relationship can influence ethnic identity.

It is important to note that migrants use multiple languages, raising questions about diversity in ethnic identities, bilingualism, and multilingualism. A growing body of research (Alba et al., 2002; Besemeres, 2020; Diskin, 2020; Fang, 2020; Fiedler and Wohlfarth, 2018; Flores, 2019; Karpava, 2021; Rehner et al., 2024) is dedicated to second- and third-generation migrants who employ multiple languages or employ the language of the host country but do not speak the

heritage language. While second-generation migrants try to balance assimilation into the host society with maintaining a strong connection to their heritage language, the third generation tends to lean towards the host country's dominant language. For example, a lack of proficiency in the heritage language contributed to the intergenerational conflict and fading sense of ethnic identity of Asian American and Indian American migrants in the United States (Mu, 2015). Other studies (Panicacci, 2019) have shown that migrants' length of stay in the host country and legal status are not directly linked to their acculturation or integration; rather, their use of both heritage and host languages influences their sense of belonging. Studies of Italian (Giampapa, 2001) and Polish migrants (Temple, 2010) revealed that migrants presented different ethnic identities across domains, using Polish and English. Similar findings were observed in studies of migrants from various ethnic backgrounds in Canada (Cervatiuc, 2009), who created hybrid identities in response to their migration experiences. Constructing hybrid identities was one of the coping strategies used to respond to discrimination in a host society. It is noteworthy that bilingual speakers can successfully maintain their first ethnic identities while learning a second language and acquiring cultural practices associated with that culture, demonstrating their fluidity and adaptability (Cervatiuc, 2009).

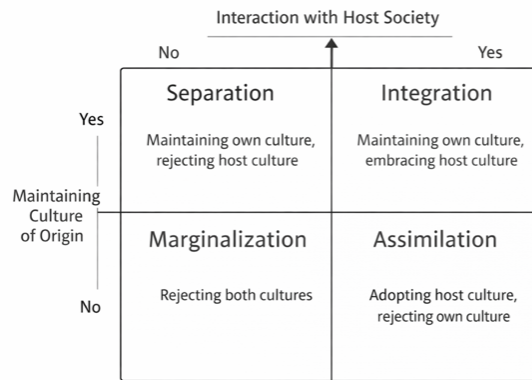
More recent sociolinguistic research emphasizes that language practices are embedded in broader systems of social hierarchy and power. Blommaert (2005) argues that linguistic resources function within "orders of indexicality," meaning that different languages, accents, or styles acquire different social meanings depending on the context in which they are used. As a result, migrants' linguistic repertoires may function simultaneously as resources for expressing identity and as constraints shaped by social inequality. These studies demonstrate that language is not only a marker of ethnic belonging but also a medium through which identities are expressed and negotiated in social interaction. From a constructivist perspective, linguistic practices contribute to the formation and maintenance of social boundaries, affecting how individuals position themselves in relation to other ethnic groups (Bucholtz and Hall, 2005; Silverstein, 1976). Thus, language functions not only as a communicative tool but as a symbolic resource through which meanings of belonging and difference are articulated. As a result, analysing language use provides a framework for understanding how ethnic identities are constructed and interpreted within specific social and cultural contexts.

3.4. Migrants' identities and acculturation strategies

One critical aspect of migrants' identity construction is acculturation strategies – how individuals adapt to foreign countries. Acculturation is a multidimensional, complex process of change that individuals undergo after contact with the host culture (Berry, 2006; Berry and Sabatier, 2011; Andronic and Constantin, 2024). More broadly, acculturation occurs when groups of individuals having different cultures come into continuous first-hand contact, resulting in subsequent changes in the cultural patterns of either or both groups (Phinney et al., 2006; Sam and Berry, 2010). The process of change touches on the elements such as individuals' attitudes, behaviours, lifestyles, and cultural identities (Andronic and Constantin, 2024), as well as communication practices, social relations, and perceptions of belonging within the host society.

3.4.1. Berry's model of acculturation

Berry (2007) categorized individuals' adaptation strategies into two main dimensions: the degree to which migrants seek to maintain their culture of origin and the degree to which they seek interaction with the host society. Based on these dimensions, four strategies are identified: separation, marginalization, integration, and assimilation. Berry's Acculturation Model (Fig. 2) is presented in a square format, with different combinations of these dimensions producing distinct outcomes. In this model, separation occurs when individuals reject the host culture to preserve their culture of origin, which often occurs when migrants settle in ethnic enclaves or diasporic communities. Marginalization describes a situation in which migrants reject both the host culture and their culture of origin. Integration refers to a process in which individuals adopt elements of the host culture while preserving important aspects of their original culture. Assimilation occurs when individuals adopt the cultural norms of the host society while abandoning their culture of origin.

Figure 2. Berry's Acculturation Model (1997).

(Source: own creation)

These strategies reflect different ways migrants adapt within the host society while maintaining ties to their culture of origin. The main question asked was ‘how’ and ‘how well’ migrants integrate into the host society. To identify these dimensions, specific scales have been developed. For instance, in research on immigrant youth acculturation, Berry et al. (2006) used a scale measuring: 1) cultural attitudes in different domains such as traditions, language, marriage, social activities, and friendships; 2) cultural identity that measured individuals’ sense of belonging and positive feelings about their ethnic group; 3) language proficiency and language use – measuring the ability to understand, speak, read and write in their ethnic language; 4) ethnic and national peer contact – the interaction frequency with members of ethnic and national groups; 5) family relationship values – statements measuring attitudes toward parental authority; 6) perceived discrimination – frequency of being treated unfairly, threatened, or feeling unaccepted because of ethnicity; 7) psychological adaptation – measuring life satisfaction, self-esteem, and psychological difficulties such as anxiety or depression; and 8) sociocultural adaptation – measuring behavioural adjustment in everyday life.

In further research using this scale (Berry et al., 2006), discrimination played a significant role: when young individuals experienced discrimination, they were more likely to reject the host society and strengthen ties with their own ethnic group (separation). Rumbaut (2008) called this phenomenon “reactive ethnicity,” referring to the tendency of migrants to reinforce their cultural heritage and resist adopting elements of the receiving culture in response to exclusion or marginalization. Another prominent finding was that male participants had better

psychological adaptation but poorer sociocultural adaptation than female participants (Berry et al., 2006). However, when considering dual or multiple identities, Berry's framework may not fully capture the complexity of migrants' experiences, as migrants may not strictly adopt a single strategy but instead combine or shift among strategies depending on the social context or life domain. Especially when identities overlap across contexts, as in the case of the German footballer of Turkish origin Mesut Özil discussed by Verkuyten (2019), a second-generation migrant who simultaneously identifies with both the host society and the country of parental origin. Such examples illustrate that migrants' identities are often negotiated across multiple contexts rather than following a single, stable acculturation pathway.

3.4.1.1. Critique of Berry's Acculturation Model

Berry's model remains foundational; it is empirically supported and provides a theoretical and methodological basis for cultural and identity research. However, it has received both empirical and theoretical critique. One critique concerns the model's methodological limitations, noting that the four-square split relies on artificial thresholds. According to Rudmin (2003), researchers often force participants into the four squares, creating a categorization bias. Rudmin (2003) argues that this procedure does not demonstrate individuals' experiences and produce pre-coded categories; therefore, it does not reveal how migrants understand and develop their identities. The four categories themselves were questioned for being presented as fixed, whereas in real life, individuals' behaviours can change depending on the context, domain, and audience. Schwartz et al. (2010) argue that migrants may switch strategies contextually. For instance, a migrant may demonstrate "separation" in private settings, such as family or religion, and at the same time display "integration" or "assimilation" at school or work. Berry partially addresses these limitations in his research. He states that acculturation occurs gradually over time and is influenced by a variety of contextual and individual factors (Berry, 2006), indicating that the model is not strictly fixed and considers transformations. As demonstrated above (section 3.4.1), in youth immigration research, Berry added specific scales considering both various contexts and domains. Thus, the four strategies can serve as a starting point and orientation for understanding migrants' contexts.

Another critique mentioned the model's lack of attention to the host culture. Kunst et al. (2021) noted that Berry's dimensions focus on how minority groups relate to the majority group and

the host culture, while ignoring how members of the host culture respond. The latter is important because broader societal contexts affect individuals' acculturation strategies (Ward and Kus, 2012). Ngo (2008) adds that in contexts where racism, xenophobia, and institutional discrimination take place, minorities' acceptance is limited. Thus, regardless of individuals' preferences, the acculturation strategies are also constrained. In response to Berry's critique and gaps identified in a four-square Acculturation Model, Bourhis et al. (1997) proposed the Interactive Acculturation Model (IAM). Drawing on social psychology theory, Bourhis and colleagues extended the model by focusing on three main aspects: 1) acculturation orientations adopted by immigrant groups, 2) acculturation orientations adopted by the dominant culture towards specific groups of immigrants, and 3) interpersonal and intergroup relational outcomes that represent combinations of immigrants' and the dominant culture's acculturation orientations (Ngo, 2008). The revised model proposed two larger dimensions, each with two sub-questions and five acculturation strategies. Berry's marginalization was replaced by anomie, as demonstrated by alienation, individualism, and dissociation. In the host culture aspect, marginalization was replaced with exclusion demonstrated through rejection and individualism, through perceiving minority group members as individuals. Five immigrant and five host-culture orientations could generate 25 possible outcomes, grouped into three categories: consensual, problematic, and conflictual. The IAM's strength is that it offers various combinations relevant to quantitative studies and can be used for comparative analysis. However, despite the modernization of Berry's model, the problem remained the same – the second aspect, focused on host-culture orientations, still emphasized what migrants should do to integrate into the dominant culture (Ngo, 2008). The limitations, indicated by Kunst et al. (2021) and Ngo (2008) does not make Berry's model irrelevant, but point to the need to apply it with the attention to the social context as it was done in other research where other factors affecting acculturation were included such as the amount of time spent in the host country, age, social capital, and social networks (Andronic and Constantin, 2024) or the role of cultural distance between societies, previous intercultural experience, and personality traits in adaptation processes (Okpara, 2016; Kadam et al., 2021; Stoermer et al., 2021). This thesis takes into consideration the historical background and societal contexts affecting identity formation and acculturation of migrants discussed in previous chapter and further sections. Therefore, the Berry's model is viewed as a broad analytical framework with the possibility of movement between categories and their combinations depending on various contexts and domains, rather than as a stable categorization. It serves as a basis for extracting research data for further interpretation, the application of which is explained in the Chapter 4.

3.4.2. Various factors in the acculturation process

Researchers have also paid attention to factors such as language that can affect the process of acculturation (i.e., how it unfolds) (Schwartz et al., 2010). For instance, shared language and cultural similarities may facilitate adaptation: “a White, English-speaking Canadian person who moves to the United States will likely have much less acculturating to do than an indigenous migrant from Mexico or Central America” (Schwartz et al., 2010, p. 5). Communication practices, therefore, play a key role in mediating cross-cultural encounters and shaping migrants’ experiences of belonging and exclusion. Some scholars have also emphasized the importance of intercultural communication in adaptation processes. Kim’s (2017) dynamic model of stress, adaptation, and growth suggests that migrants initially experience stress due to cultural differences but gradually adapt through communication and learning, which ultimately leads to greater integration into the host society.

Recent qualitative research also highlights the importance of migrants’ subjective perceptions of intercultural encounters. For instance, Malota et al. (2024) describe two ideal-typical orientations toward the host society, referred to as “travellers” and “guests.” The “traveller” orientation reflects a more exploratory and open approach toward the host culture, whereas the “guest” orientation emphasizes respect toward the host society while maintaining a clearer boundary between one’s own cultural identity and the receiving culture. These orientations are not fixed categories but rather analytical tools that illustrate how migrants’ attitudes toward adaptation may vary depending on their experiences, expectations, and interactions with members of the host society.

However, if the fluid and socially constructed nature of identity is taken into account (Anderson, 1983; Barth, 1969; Bhabha, 1994; Brubaker, 2004), the relationship between identity and acculturation becomes more complex. Rather than a linear process of adaptation to a stable host culture, acculturation can be understood as an ongoing and negotiated process in which ethnic identities are reshaped, reinterpreted, and sometimes hybridized in interaction with changing social boundaries and contexts of inclusion and exclusion. From this perspective, acculturation is closely linked to broader processes of identity construction discussed in the previous chapter. Nevertheless, Berry’s (2006) acculturation model remains useful for understanding particular stages of identity formation and adaptation and can therefore be used as part of an analytical framework that examines the complexity and fluidity

of migrant identities. The dynamic nature of the acculturation process also contributes to the emergence of dual or multiple identities among migrants, as individuals simultaneously maintain ties to their country of origin while adapting to the host society. The concept of transnationalism that explains this phenomenon is discussed in the following section.

3.5. Migrants' multiple identities and transnationalism

Migrants and their descendants constantly face the challenge of defining and redefining themselves (Brance, Chatzimpyros and Bentall, 2024; Verkuyten et al., 2019). This challenge is driven not only by their personal desire for belonging but also by public debates and policies surrounding migrants' origins and integration (Verkuyten et al., 2019). Therefore, migration, often places individuals in situations where they must navigate multiple cultural frameworks, social expectations, and systems of belonging simultaneously. Second- and third-generation migrants are often asked questions such as "Where are you from?" "Who are you?" or "Which team/country are you supporting?", forcing them to navigate their identity and sense of belonging (Verkuyten, 2019). As discussed in Section 3.3 on the role of language in defining ethnic identity, migrants can adopt dual or multiple identities, feeling a sense of belonging to both their country of origin and their host country. Verkuyten (2019) illustrates this with the example of Mesut Özil, a German footballer of Turkish origin, who said, "I am a German if we win, but an immigrant if we lose," after receiving criticism for a photograph taken with the Turkish president Recep Tayyip Erdoğan (The Guardian, 2018). Özil, born in Germany to Turkish-heritage parents, was an example of successful integration when his football career succeeded and was recast by part of the German public for not being loyal enough after being seen with Turkish president. Özil's experience demonstrates that the duality of migrant identity and belonging to both ethnic groups can be contested, challenged, and become a source of public debate or discrimination. This situation also motivated a response from the Turkish migrant community in Germany, leading to the creation of the hashtag #MeTwo on the X social media platform (2018), where "Two" symbolized dual identity and the simultaneous sense of belonging to both cultures (Verkuyten, 2019). For migrants and their descendants, questions of ethnic, national, and religious identity are therefore often inevitable. Research on multiple identities (Berry et al., 2006) explores how migrants define themselves in relation to these social categories, how their identities shift in different circumstances, and how they maintain

connections to both their country of origin and their host country. Such experiences illustrate that migrant identities are rarely singular or stable but instead involve ongoing negotiation between multiple social and cultural affiliations.

The concept of transnationalism offers a framework for understanding migrants' dual or multiple identities. Schiller, Basch and Blanc-Szanton (1992) define transnationalism as the processes by which immigrants build social fields that link together their country of origin and their country of settlement. Jones (2020) further explains transnationalism as a process "in which immigrants and families build and sustain multi-faceted, back-and-forth contacts between societies of origin and settlement" (p. 2685). In simpler terms, transnationalism describes living across two or more social, economic, and political contexts simultaneously. It includes a range of processes, from social and economic practices to personal and psychological experiences that extend beyond national boundaries. Using this framework, migrants are not seen as moving toward a final destination of assimilation, but as inhabiting ongoing, dynamic connections between home and host societies. Early research on transnationalism challenged classical assimilation theories, which assumed that migrants gradually detach from their countries of origin and become fully integrated into the host society (Glick Schiller, Basch and Blanc-Szanton, 1992; Portes, Guarnizo and Landolt, 1999). Instead, transnational approaches emphasize that migrants often sustain long-term cross-border ties while simultaneously participating in the social, economic, and political life of the receiving country.

The term is often applied to migrants who remain actively engaged in two or more societies. These "transmigrants" develop and sustain multiple relationships: familial, economic, social, organizational, religious, and political that span national borders, forming identities that connect them to multiple societies simultaneously (Dorais, 2005; Geldof, Schroote and Withaecx, 2017). They build social spaces that connect their country of origin and country of settlement (Glick Schiller et al., 1992). Scholars have also emphasized that transnational social fields may include not only migrants themselves but also their families, institutions, and communities across borders (Levitt and Glick Schiller, 2004). Through these networks, migrants exchange ideas, cultural practices, and social norms, creating shared social spaces that go beyond national boundaries and build forms of belonging that are not limited to a single society.

Transnationalism also has political and legal dimensions. Bauböck (2003) distinguishes transnationalism from international, multinational, and supranational frameworks: international describes relations between states, governed by law and formal agreement; multinational refers to several polities within a single state allowing autonomy for minorities; supranational involves multiple independent states cooperating under a larger political entity; transnational, in the context of migration, refers to overlapping memberships and practices in which migrants participate in more than one political community simultaneously. Migration becomes transnational when it creates overlapping memberships, such as dual citizenship, and when it enables migrants to contribute socially, economically, and politically in both sending and receiving countries (Bauböck, 2003). Sending countries may maintain ties for economic reasons (for example, through remittances), human capital development, or political influence, while receiving countries may engage with migrants through integration and regulatory practices. Remittances, diaspora engagement policies, and cross-border political participation are therefore frequently identified as key forms of transnational activity (Portes, 2003; Faist, 2000).

However, not all migrants engage with transnational practices in the same way. Carling (2008) distinguishes between migrants who are actively involved in transnational networks and those who are less engaged, though the distinction is often thin and context dependent. Engagement may depend on factors such as resources, social networks, legal status, or personal priorities. Some migrants maintain frequent cross-border communication and mobility, while others may have more limited connections due to economic or institutional constraints. Basch et al. (1994) note that transnational practices include a wide range of social, cultural, economic, and political activities that allow migrants to sustain connections across borders. These practices, in turn, shape migrants' sense of identity and belonging, reinforcing dual or multiple identities and highlighting the negotiated nature of ethnicity, nationality, and cultural affiliation.

Technology, social media, and global mobility also contribute to transnational engagement: migrants participate in multiple societies without being physically present. Advances in communication technologies allowed migrants to maintain everyday contacts with family members, participate in cultural life in their country of origin, and follow political and social developments. According to Vertovec (2003), transnational activities in which individuals are involved affect people's sense of belonging, creating multi-local identities and intensifying the experience of living in multiple worlds.

In the context of post-Soviet migration, transnational practices often develop within historically specific political and economic relationships between sending and receiving countries. Migration from Central Asia to Russia occurs within a shared linguistic, institutional, and historical space shaped by the legacies of the Russian Empire and the Soviet Union (2.2 and 2.3). Scholars have shown that labour migration from countries such as Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan is strongly embedded in transnational networks that connect households, communities, and economies across borders (Laruelle, 2013; Reeves, 2014). Migrants frequently maintain strong familial, economic, and cultural ties with their home countries through remittances, regular travel, and digital communication (Ilkhamov, 2013; Abashin, 2014). These connections shape migrants' identities and senses of belonging as they participate in the social life of both sending and receiving societies.

At the same time, some scholars state that transnationalism should not be understood as a universal condition of migration. Critics argue that the ability to maintain transnational ties depends on migrants' legal status, economic resources, and mobility opportunities (Waldinger and Fitzgerald, 2004). Migrants working in labour sectors or under restrictive migration regimes may face structural barriers that limit their ability to travel or maintain cross-border engagement. As a result, transnational practices should be understood not as a fixed feature of migration. However, understanding migrants' identities through the lens of transnationalism complements the constructivist perspective discussed in the previous chapters. Considering that ethnic identity is shaped through social interaction and discourse, transnational connections provide a social and institutional context for negotiating these identities. This way, the concept of transnationalism helps to understand migrants' identities and attachments. The following section further examines how these phenomena intersect with gender and migration by focusing on the experiences and identities of female migrants.

3.6. Multiple identities of female migrants

The topic of ethnic identity becomes particularly interesting in the context of female migration. Numerous factors influence identity formation among female migrants, including the social context of migration, societal structures, familial relationships, the role of communities, gender, and patriarchy (Goulahsen, 2017; He and Gerber, 2019; Netto et al., 2020; Sedmak, 2018), which makes identity even more complex and multifaceted. Migration scholars have

long emphasized that gender shapes both migration trajectories and integration experiences, affecting migrants' access to employment, social networks, and cultural expectations within host societies (Mahler and Pessar, 2001; Hondagneu-Sotelo, 1994). Female migrants often navigate multiple frameworks simultaneously, including expectations associated with gender roles in both their societies of origin and the receiving society. As a result, identity formation among female migrants is frequently shaped by intersecting social structures, including family obligations, labour market participation, and cultural norms surrounding femininity and motherhood (Anthias, 2007; Kofman, 2012).

Sedmak's (2018) study of second-generation female migrants from the former Yugoslavia to Slovenia and their self-identification processes highlights the fluidity of identity, characterized by constant negotiation among multiple identities. For example, one respondent from a Slovenian ethnic community who spoke Slovene adopted a Bosniak identity after marrying a Muslim spouse who did not speak Slovene. This marriage, along with the spouse's religious practices, played a critical role in revitalizing her Bosniak ethnic identity. Another important factor was the divergence between state identity and ethnic or cultural identity. A 28-year-old woman born to Orthodox Serbian parents identified her state identity as Slovenian, her cultural identity as Orthodox Christian, and her mother tongue as Serbo-Croatian, yet she described her ethnicity as Slovenian. For her, cultural and religious identity, particularly her Orthodox faith, served as the primary marker of self-identification (Sedmak, 2018). These examples illustrate how migrants' identities may shift across different domains of life, highlighting the situational and negotiated character of ethnic identity.

Another observation in Sedmak's (2018) study was the emergence of hybrid identities. Initially used to describe children of mixed marriages (Breger and Hill, 1998; Sedmak, 2001; Zadel, 2015), the concept has expanded to include migrants navigating dual, triadic, or multifaceted identities (Fleischmann and Verkuyten, 2016; Simon et al., 2013; Verkuyten et al., 2019; Wiley et al., 2019). Hybrid identity in the latter is not seen as a combination of two identities but as a dynamic, context-dependent process in which individuals selectively adopt and emphasize different aspects of their identity in different social situations. For female migrants, hybrid identities often function as a "third space," characterized by changeability, processuality, contextuality, and situationality (Sedmak, 2018). The concept of a "third space" was first presented in postcolonial theory by Bhabha (1990), who described it as a metaphor for the space of cultural interaction where new hybrid identities emerge and evolve through processes

of blending and hybridization. Hybridization in this context is not considered a mix but an expression of cultural combination and social power relations, the conflict between elements, contradiction, and coexistence (Botalagici, 2004). Later, the concept was applied to explain language mix that serves as a third space for negotiating global and local identities (Bhatt, 2008), a blend of professional and academic identities (Whitchurch, 2008), religious identities (Mir, 2006), and racial identities (Botalagici, 2004; Brunsma and Delgado, 2008). These perspectives demonstrate that identity construction often occurs in spaces where multiple cultural frameworks intersect, making identity fluid and contextually negotiated.

Ethnic identities of female migrants are constructed at the intersections of multiple categories such as ethnicity, gender, and societal expectations (Goulahsen, 2017; He and Gerber, 2019; Netto et al., 2020; Sedmak, 2018). However, gender often plays a leading role. Intersectionality scholars argue that identities are shaped through overlapping systems of power and social positioning, where gender interacts with ethnicity, class, religion, and migration status (Crenshaw, 1989; Anthias, 2012; Yuval-Davis, 2006). These intersections influence not only how migrants experience belonging but also how they are perceived and categorized within the host society. Female migrants may therefore experience identity formation differently from male migrants due to gendered expectations in both the sending and receiving societies.

Research by Hamano (2014) on Japanese female migrants in Australia and on Polish migrants in Germany effectively illustrates this phenomenon. In Hamano's study (2014), Japanese female migrants identified themselves through their gendered roles, such as their marital status and motherhood, which became central to their migration experiences. Before migrating from Japan to Australia, many did not strongly identify with any specific social identity but began to develop one after becoming mothers. Ethnic identity, however, remained significant. One respondent expressed feelings of "belonging nowhere," symbolizing the identity loss often experienced upon leaving one's home country. Despite this loss, these women reconstructed their identities around motherhood and community roles, actively participating in Japanese "mom clubs" and drawing comparisons between themselves and Australians (Hamano, 2014). For Japanese female migrants to Australia, identifying as Japanese mothers within an Australian context provided a framework for redefining their identities while navigating the dual pressures of integration and cultural retention.

Similar patterns have been observed among migrant women in other migration contexts, where gendered expectations within families and communities influenced the negotiation of cultural

belonging and identity (Kofman, 2012; Pessar and Mahler, 2003). Female migrants may simultaneously reproduce cultural traditions within family environments while engaging with new social roles in the host society, creating complex and sometimes contradictory identities. These constant negotiations and renegotiations of identity and belonging illustrate how gendered migration experiences contribute to the emergence of multiple and hybrid identities.

In Central Asian migration, gender has also been identified as an important factor in migrants' social experiences and identities. Research on migration from Kyrgyzstan and other Central Asian countries to Russia demonstrates that female migrants often navigate gendered expectations regarding family roles, labour participation, and cultural norms within both sending and receiving societies (Reeves, 2014; Laruelle, 2013; Schenk, 2010). At the same time, migration may create new opportunities for women to renegotiate their social roles and identities through employment, education, and transnational networks. Understanding the identities of female migrants, therefore, requires an approach that considers the intersection of gender, ethnicity, and migration within broader social contexts. As discussed in previous chapters, ethnic identity is constructed through social interaction, language practices, and transnational connections. For female migrants, these processes may be further reinforced by gendered roles and expectations that influence how they express and negotiate their identity. This perspective is relevant to the present study, which focuses on the narratives of Kyrgyz female migrants in Russia, specifically, on how ethnic identity is constructed and negotiated at the intersection of migration, gender, and different social contexts.

3.7. Summary

This chapter has outlined the theoretical framework for understanding ethnic identity in migration contexts. The discussion demonstrates that ethnic identity cannot be understood as fixed but rather as a dynamic, socially constructed process shaped by social interactions and historical contexts. Constructivist perspectives emphasize that identities are produced and negotiated through social boundaries, narratives, and everyday practices, and postcolonial and intersectional approaches complement the constructivist framework by reflecting on representation, hierarchy, and social positioning that contribute to the processes of identity construction and belonging.

The chapter also emphasized the role of language as an important element in the construction and expression of ethnic identity. Language functions as a symbolic marker of belonging and difference. Within the context of migration, linguistic practices reflect broader social hierarchies and colonial relationships, influencing how migrants are perceived and how they position themselves within particular societies. The discussion of acculturation theories further illustrated how migrants navigate relationships between their culture of origin and the host society. The acculturation model provides a framework for understanding migrants' adaptation strategies influenced by various factors such as institutional constraints and perceptions of the host society. The chapter also highlighted that migrants' identities often involve more fluid, context-dependent processes of negotiation that contribute to the development of hybrid or multiple identities, as further explained by the concept of transnationalism. It demonstrates that migrants may maintain social, cultural, and economic ties to their country of origin while participating in the host society's social life, creating overlapping forms of belonging.

Finally, the chapter examined the gendered dimensions of migration, focusing on the identities of female migrants. As studies show, identity formation among migrant women is more complex, shaped by the interaction of multiple factors, including ethnicity, gender, family relations, and social expectations. This illustrates that migrant identities are multifaceted and negotiated across different social contexts. The scholarly discussion around identity conceptualizes ethnic identity as a complex process influenced by social interactions, language practices, migration experiences, transnational connections, and gendered social structures. This theoretical framework provides the foundation for the present study, which examines how Kyrgyz female migrants in Russia construct and negotiate their ethnic identities through their narratives and everyday experiences.

4. Methodology

4.1. Introduction

There is no established methodology for measuring and qualitatively analysing female migrants' discourses about their ethnic identity. The present research is therefore interdisciplinary, encompassing ethnographic and discursive aspects of the experiences and acculturation strategies of female migrants and how these experiences and strategies impact identity through language use. Accordingly, two main levels of investigation will be differentiated in the chapter: 1) the ethnographic level, based on qualitative semi-structured interviews with Kyrgyz female migrants in Russia about their migration experiences and ethnic identity (section 4.2) including research procedures and ethical considerations (section 4.3); and 2) the discourse level, based on a Critical Discourse Analysis (CDA) of the interviews (section 4.4), to examine how identity is constructed through language and how broader power structures and ideologies are evident in participants' discourse across text, discursive practice, and sociocultural practice. The subsequent sub-chapters provide a detailed explanation of the organization and application of each level.

4.2. The ethnographic level: Qualitative semi-structured interviews

Semi-structured interviews (SSIs) are a pivotal research method in migration research (Fedyuk and Zentai, 2018). Compared to other methods, it enables the extraction of personal stories from migrants, the examination of narratives, and the uncovering of issues that are overlooked or hidden in numbers and statistics. For instance, studies on migration in Russia are usually focused on migration policies, local citizens' perceptions of migrants, and public discourse. Very few works explore migrant identities, emotional experiences, and journeys (Cederberg, 2014; de Fina, 2003; Georgiou, 2018; Hedman and Magnusson, 2021; Verkuyten and deWolf, 2002). Thus, knowledge about migrants is often based on narratives produced by dominant groups; meanwhile, migrants' self-reflections and self-discourses are crucial for understanding and interpreting their experiences.

SSIs allow migrants to participate in the production of knowledge and elicit detailed narratives about the research topic by bringing possible topics and raising open-ended questions. The latter allows the interviewer to explore non-obvious topics and order, and to ask follow-up questions if the meaning needs clarification. There are different types of interviews in migration research: face-to-face, online, photo, and walking (Sun and Zhu, 2024). The last two formats are designed to capture migrants' current lives and realities, while the first allows for the gain of general or specific knowledge on certain topics.

Developing semi-structured interview questions and a guide requires several steps. For instance, Kallio et al. (2016) proposed a five-phase process for developing an interview guide, based on a systematic review of methodological papers in several scientific databases, including PubMed, CINAHL, Scopus, and Web of Science. The five phases include: identifying the prerequisites for conducting semi-structured interviews; retrieving and using prior knowledge; formulating a preliminary semi-structured interview guide; pilot-testing the guide; and presenting the final semi-structured interview guide.

4.2.1. Pilot research: Online observation and test interviews

The first phase of interview development defined as identifying prerequisites by Kallio et al. (2016), started with an exploratory pilot phase. The pilot research began with analysing the target audience and the ways to reach them. First, I used the Instagram social media network and focused on Kyrgyz migrant profiles, including visual and textual content, to gain a grasp of their current lives. To collect information, I used the hashtag #kyrgyzinmoscow, the most widely used Kyrgyz-migrant specific hashtag, under which 90,300 posts were published at the time of the research. The observation drew my attention to the posts' language, most of which were in Russian. Self-narratives of the migrants publishing posts touched upon several main topics: 1) success and leadership – overcoming challenges and focus on professional careers; 2) strong and independent women narratives; 3) patience, resilience, fight; loneliness as a status or identity; 4) implicit representation of ethnicity. These topics provided a broader perspective, confirmed the literature review's findings on migrants' hurdles, and raised further specific questions about identity and acculturation strategies. The online observation was held between September and October 2021, before the start of the Russian-Ukrainian war, after which

Instagram and all Meta products were banned and deemed extremist in Russia (The Guardian, 2022).

Afterwards, in January 2022, based on online observations, a literature review, and previous research on migrants and ethnic identities, I formulated a preliminary guide, including a questionnaire, which was tested with five respondents recruited online via a snowball method and discussed with field experts. The preliminary questions included a questionnaire based on both Valk and Karu's (2001) Ethnic Identity Scale and Bary's (2002) Ethnic Identity Scale for East Asian Immigrants (EAEIS) designed to measure dimensions of ethnic identity. Both scales were widely used to measure ethnic identification, based on statements focused mostly on ethnic pride and differentiation. They considered ethnic pride one of the facets of ethnic identity, describing the feeling of attachment to the group, the emotions and attitudes associated with group belonging, and interest in the group's culture, history, and customs. The Ethnic Identity Scale by Valk and Karu (2001) included 20 statements about ethnic pride and ethnic differentiation. Barry's (2002) EAEIS scale included 39 statements covering family values, ethnic pride demonstrated in language, sense of belonging, and interpersonal distance. The pilot questionnaire included 20 questions borrowed from both scales, such as "I have a strong sense of belonging to my own ethnic group", "I am proud of my ethnic group membership", or "It is important for me which ethnic group a person belongs to" (see Appendix 2). After pilot interviews and discussion, the scale was eliminated because most of the questions predetermined respondents' answers, leaving no opportunity for self-reflection. The questions were reformulated into open-ended interview questions, as described in the next section.

4.2.2. Interviews: Final questions and format

The interviews were partially biographical, meaning that in the first part, respondents were asked to tell their stories: their life before, during, and after migration to Russia. The second part of the interview focused on ethnic identity, ethnic relations, and cultural practices. Based on Berry's Acculturation model (Berry, 2007), as described in Chapter 3, this part of the interview was divided into three sections: feeling (ethnic relations and attitudes toward Kyrgyz and Russian ethnic groups), doing (acculturation strategies such as cultural practices, preserving traditions, and language usage), and being (ethnic identity, its definition and

importance). The last part was dedicated to future plans. Examples 1-5 below include the main questions of each part.

- (1) Migration story: Tell me about your migration to Russia. What was the main reason for your migration?
- (2) Feeling/ Ethnic Relations: Do you interact with members of the Kyrgyz ethnic group in Russia? Where in what context? How do you feel about them, and what is your experience like when interacting with them? Do you interact with members of the Russian ethnic group in Russia? Where and in what context? How do you feel about them, and what is your experience like when interacting with them?
- (3) Doing/ Acculturation: How do you connect with Kyrgyz culture (if at all) in Russia? How do you connect with Russian culture (if at all) in Russia?
- (4) Being/ Identity: How do you ethnically identify yourself? What aspects of being Kyrgyz/Other are important for you? What is your definition of Kyrgyz/Other? How do you think it means to be Kyrgyz in Russia?
- (5) Closure/ Future: What are you hoping to accomplish in the future? Where do you see yourself living long-term?

Overall, there were fifteen main open-ended questions, two to six per part, and twenty-three additional questions. The main questions were broadly formulated and focused more on “what” and “how,” giving respondents an opportunity to answer based on their own understanding. Additional questions were more specific and were asked to 1) clarify details; 2) if participants were brief and did not mention certain parts of their experience; 2) help participants in case they did not understand the question. For instance, in the Ethnic Relations section, respondents could be asked an additional question: “Have you ever been treated differently in Russia? What was your reaction or response?” to provide contextual information if they did not mention it. In the Acculturation Strategies section, where participants describe how they connect with Kyrgyz and Russian culture, they could be asked which Kyrgyz and Russian traditions are important to them, or whether they participate in Kyrgyz and Russian holidays and cultural celebrations. In the Ethnic Identity section, participants might be asked about the role ethnic identity plays in their lives and how important it is to them to disclose their ethnic identity to others. All main and additional questions are provided in Appendix 5.

With regard to the format of the interview, the questions were designed so that the interview should last between 1-1.5 hours. Since the pilot research began during the COVID-19 pandemic in October 2021 and continued after Russia launched a full-scale war in February 2022, the interviews conducted between June and October 2023 were held online, with a video camera and recording. The following communication tools were used to contact participants and organize interviews: WhatsApp, Telegram, Zoom, and Google Meet. Each interviewee was recorded on tape, and the remarks were transcribed and translated into English. The choice of language was Russian with option to use Kyrgyz for several methodological and contextual reasons: 1) the target audience was high-skilled bilingual migrants who use Russian regularly in their professional and public life, therefore, choice of Russian reflected respondents' everyday linguistic practices in Russia; 2) considering that some participants might not have the same level of Kyrgyz, Russian was a practical choice to provide consistency in the interviews and have comparability when interpreting them; 3) since the topic was about ethnic identity and included sensitive questions, Russian as a working language could be better option to avoid ethnical framework. All participants were informed that they could use Kyrgyz or any other common language with the interviewer at any time if they felt it better represented their experiences or emotions. It should be noted that the language choice is not neutral and may have a priming effect on participants, potentially activating their Russian-speaking identities. This may have influenced how respondents articulated their ethnic belonging and relationships with both Russian and Kyrgyz ethnic groups; therefore, it is a methodological limitation that should be considered when interpreting results.

4.2.3. Pre-interview questionnaire

Questionnaires are also often used in migration research (Bilsborrow et al., 1997). Usually, they are used to gather statistical data and to conduct comparative research. Questionnaires are a source of data for mapping internal and international migration movements, documenting the pre-, during-, and post-migration phases, and collecting data on migration motives. Questionnaires are used in migration health, human rights, and other research to collect large-scale data on migration patterns (Hnatiuk, 2023; Mjelva et al., 2023). The method's limitation is that standardized categories often lack contextual data (Andrade, 2020; Sumption, 2020);

therefore, in this research, questionnaires are used before the interviews to structure the interviews and analyse them afterwards.

Prior to the interviews, it was decided to send a questionnaire to the respondents containing basic questions and demographic data. The questionnaire's goal was to support the interview and help organize the interview data. Participants had to fill in their name, age, highest level of education, employment status, and current occupation. One of the main questions was about their reason for migration and number of years spent in Russia; another – level of language knowledge and usage: no proficiency, elementary, limited, and high, as well as the context of usage: which language they use with family and relatives to identify the priority and order. The full version is provided in Appendix 4.

4.3. Sampling and research ethics

4.3.1. Participant recruitment and sample

As mentioned in previous chapters, the research was focused on bilingual Kyrgyz female migrants in Russia. I defined migrants as Kyrgyz nationals who moved from their country of origin to Russia for long-term purposes, such as work and study. As “long term,” I considered 12 months (1 year) or more, meaning that short-term, seasonal, or circular migrants were not considered. There are two types of migrants examined in migration studies: vulnerable groups and middling transnationalism (Andersson, 2019). The first group considers people with low social and economic status: displaced people, forced migrants, labour migrants, refugees, and asylum-seekers. The second group includes middle-class migrants, working holidaymakers, tourists, festival goers, international students, as well as highly skilled migrants and expatriates (Andersson, 2019). When recruiting participants, I was focused on the second group: middle-class mobility, working in permanent jobs according to their skills; entrepreneurs with their own small businesses; students at higher education institutions; and highly skilled migrants hired and invited by Russian or international companies in Russia for higher positions. It is important to emphasize that labour migration can also encourage high-skilled and educated people who end up in low-paying and low-status jobs, even though they had a high educational level or a high-status family background, because in the host country, they are affected by their categorization as migrants from a developing country (Andersson, 2019). Therefore, the main

factor in identifying highly skilled migrants was higher education. Since language usage was among the main factors affecting ethnic identification, two categories were included: mainly Kyrgyz-speaking and mainly Russian-speaking migrants. Migrants working or studying in Russia could be bilingual and use two languages in different domains: Russian with colleagues, Kyrgyz with family and friends, and vice versa. Therefore, by “Kyrgyz-speaking” and “Russian-speaking,” I meant the use of these languages in the context of family and friends.

As for the recruitment of the participants, they were reached through the following channels: 1) cultural diasporas (non-official, official); 2) digital diasporas and social media communities of Kyrgyz migrants; 3) organizations and activists working with migrants in Russia; 4) informal connections and researchers’ personal contacts. There were two ways of reaching diasporas and activists: 1) through posts on social media: Facebook and Instagram, where the volunteers willing to participate left comments, and 2) through common connections, “snowball” when the participants would recommend another participant.

The study participants were recruited online: seven via snowball sampling and three via Instagram. The interviews were conducted via the media channels and messengers most comfortable for the respondents. All interviews took place between June and October 2023 on WhatsApp, Telegram, and Zoom. Before the interview, participants were informed about the research goals, provided with an information sheet (see Appendix 3), and made aware of the voluntary nature of their participation and the opportunity to withdraw at any stage of the research. The research also considered ethical issues and the sensitivity of certain topics, which are described in the next section.

4.3.2. Ethical considerations

Studies involving migrants, minorities, and vulnerable groups require careful preparation of procedures. Since this study examined experiences of female migrants who are objects of abuse in a host society and face double pressure as both gender and ethnic minority, the ethical considerations were an important part of the research. The process of interview preparation, participant recruitment, and data analysis was conducted in accordance with the Corvinus Research Ethics Committee’s rules, which reviewed all documents and granted research ethics

approval⁷ (see Appendix 2). Given the vulnerable status of the participants, careful attention was paid to the following ethical considerations: 1) protection of the respondents' rights, including ensuring their anonymity, clearly explaining the purpose of this study, and how the data will be used; 2) respect for participants' voices; by giving them the choice to share or not to share their experiences of rejection in the host society; 3) minimisation of participants' burden, through flexible scheduling and communication methods, and by limiting interview length or allowing early withdrawal when necessary. The research also followed Williams' (2005) expanded principles of research ethics for ethnic and racial minorities, including three key concepts: respect, beneficence, and justice. Respect is manifested through informed consent to participants, which ensures the protection of respondents and their awareness of the research's goals, data use, benefits, and risks. In addition, Williams (2005) argued that research involving ethnic and racial minorities should avoid sensationalism. It was suggested that interviewees be treated as experts in this area. Beneficence is reflected in the principle that the research should work for the participant's good. Here, it is suggested that scales and questions be culturally validated through consultations with community-based experts and that the experience of race- or ethnic-based oppression be included. The last principle, justice, according to which participation in the research could be burdensome and require extra effort for people living in conditions of social deprivation; therefore, careful interviewing is required.

In accordance with the Corvinus Ethical Committee Requirements and the principle of respect by Williams, participants received a participant information sheet (see Appendix 3) and sample questions during the recruitment process. The information sheet included a research summary, goals, conditions, the data collection and storage process, researchers' biography, institutional information, and contacts, all written in lay terms in Q&A format. Since participation was online, no travel allowances were paid, and participants were informed during recruitment that participation would be voluntary. It was indicated that the participants were not obliged to take part, as they were not dependent on the researcher socially, psychologically, or financially. All categories included in the participant information sheet were discussed before the interview, after which participants completed the pre-interview questionnaire and signed (ticked a box in an online form) to indicate their agreement to take part in the research

In order to address sensitive issues and vulnerabilities, the participants' information sheet included statements about 1) the uncomfortable questions – participants were free to skip them;

---

⁷ Corvinus Research Ethics Committee Approval KRH/221/2023 from July 5, 2023.

2) withdrawal at any stage – participants could refuse and leave the research. This was crucial since the research examined the identity issues and migration experiences that could include identity threat, negative experiences in the sending and receiving societies, such as social rejection, xenophobic attitudes, racial profiling by police, and other experiences, which could be sensitive and traumatic for some of the participants. It is important to note that all the questions were phrased in an open, general way, such as “tell me about your migration experience” or “what does it mean for you to be...”, so participants were free to choose whether to address sensitive issues.

With regard to data collection and anonymity, the participants’ permission was requested to record and keep the interviews for the period of the research before each interview. They were informed that all collected data will be retained in a secure location protected by a password for at least two years after collection, and that the recordings will be deleted six months after the thesis defence. It was mentioned that all names and information that are particular to the participant or any person that they mention will be kept private and removed from the publicly accessible report. Anonymity will be maintained in presentations or publications about the study: all participants will be quoted in the research by numbers as “Participant 1, Participant 2, Participant 3”. The socio-demographic data will be presented in general tables and diagrams. All information that could reveal participants’ identities will also be deleted, such as names of other people, work or educational affiliations, exact locations, etc.

In line with Williams’s principle of beneficence (2005), participants were treated as experts in their field, as demonstrated by the use of open-ended questions that allowed them to articulate their own understanding of ethnic identity and reflect on their migration experience. The researcher’s positionality (Holmes, 2020), reflected in belonging to the examined ethnic minority and sharing a migration background with the participants, was also acknowledged: both as a potential strength and a source of bias. While this positionality may have helped to build rapport during the interviews, it also required careful consideration to avoid assumptions or unintentional framing of participants’ narratives. Therefore, all the stages were discussed and reviewed with other fellow researchers and supervisors. One of the goals of the research was to make migrant voices heard by giving them the opportunity to speak, thereby benefiting respondents as they reflect on their experiences and speak up.

4.3.3. Final sample and participant profiles

The final sample consisted of ten Kyrgyz female migrants who occupied white-collar and creative roles and migrated to Russia primarily for education or family reasons. They all obtained university degrees, with the majority holding master's degrees, often from leading Russian institutions. The occupations included specialists in journalism, marketing, advertising, NGO, and the arts as presented in Table 4.1. For instance, Participant 2 was a journalist, Participant 9 was an internet marketer, and Participant 5 worked as an arts project curator. Participant 10 was an exception, working as a beauty specialist.

Table 1. Interview participants' profiles.

Participant	Reason for Migration	Duration in Russia	Occupation	Language Proficiency
P1	Family	12 years	Journalist	Russian / Advanced Kyrgyz
P2	Educational	5 years	Media Producer	Russian / Limited Kyrgyz
P3	Educational / Work	3 years	Reporter	Russian / Advanced Kyrgyz
P4	Educational	3 years	Educator	Russian / Elementary Kyrgyz
P5	Educational / Work	7 years	Art Curator	(Not specified directly)
P6	Educational	5 years	Freelance Artist	Russian / Advanced Kyrgyz
P7	Family	5 years	Marketing Specialist	Russian / Advanced Kyrgyz
P8	Family	2 years	Beauty Specialist	Kyrgyz / Advanced Russian
P9	Educational	4 years	Graduate Student	Russian / Elementary Kyrgyz
P10	Work	6 years	Marketing Specialist	Russian / Advanced Kyrgyz

A significant number moved to Russia specifically to pursue higher education and seek better opportunities than they felt were available in Kyrgyzstan. For example, P9 moved because she was accepted into a state-funded budget spot⁸ at the Russian university. Some moved to join family members already residing in Russia as P2, who migrated to follow her mother, who had moved for work, or as P3, who first migrated for work and, a second time, joined her husband. Others, like P10, had an opportunity for a career advancement and moved for a guaranteed job offer in marketing in finance. Their experience of living in Russia ranged from two to over ten years. However, it is important to mention that this was not a story of emigration; some of them returned to Kyrgyzstan and then came back, such as P2, P4, P6, and P7. At the time of the interviews, they were permanently residing in Russia.

Regarding linguistic background, most participants identified as Russian speaking, although they had varying levels of Kyrgyz proficiency, ranging from “Elementary” (able to speak at the basic level and explain simple things) to “Advanced” (able to speak and write freely). Six participants identified their level of Kyrgyz language proficiency as high, whereas two chose elementary, and one did not identify her level. Most of them reported using Russian in professional settings (work and everyday interactions) and a mixed Russian and Kyrgyz language when communicating with family or other members of the diaspora.

As for the participants’ socio-economic status, many characterized themselves as “privileged” compared to typical labour migrants who move to Russia for seasonal work to gain money for their families, might not have a university degree and face hardships such as living in high-density apartments with other migrants, facing legal problems including obtaining documentation, and having no opportunity for development and leisure time. Here, participants were referring to common areas of employment for women in Russia, such as the food industry, garment sewing, domestic work as household help, and service. For instance, P5 noted her privilege comes from her network of contacts and legal knowledge, which allowed her to avoid the more severe hardships faced by those without higher education. Others, like P3, P4, and P6, emphasized their language knowledge and education as privileges that enable them to be welcomed by representatives of the host country. However, apart from these privileges, the

---

⁸ The Russian Federal Government Agency (Rossotrudnichestvo), responsible for foreign aid and cultural exchange and maintaining Russian influence in the Commonwealth of the Independent States (CIS), each year allocates educational quotas for citizens of Kyrgyzstan to study at Russian universities.

participants represented a group of independent women who largely chose to live autonomously and obtained their education and employment through scholarships and early work experience. Although most graduated from urban schools in the capital of Kyrgyzstan, their family backgrounds did not indicate social or economic privilege within the country.

4.4. The discourse level: Critical Discourse Analysis

Critical Discourse Analysis (CDA) offers theoretical and methodological frameworks for the study of language and social phenomena. It emerged in the early 1990s and was influenced by the Frankfurt School's Critical Theory, as well as the works of Michel Foucault, Pierre Bourdieu, and Antonio Gramsci (Meyer and Wodak, 2016). Rooted in applied linguistics and sociolinguistics, CDA analyses the relationships between language and society, particularly how discourse is shaped and reproduced. Unlike approaches that examine language in isolation from its social and political context, such as content and frame analysis, CDA is context- and ideology-based. It offers interdisciplinary perspectives on how discourse sustains social inequalities, including racism, sexism, and classism (Lin, 2014). In this sense, critical discourse study centres around three main concepts: critique, power, and ideology (Reisigl and Wodak, 2017, p. 87). The discourse-analytical approach holds that identity, ideology, and inequality are reenacted, reproduced, and legitimized through texts in social and political contexts (Fairclough, 1992; Van Dijk, 2005). As such, CDA represents a problem-oriented and socially committed research approach.

CDA is particularly useful for examining power relations that shape migrant experiences (Baker et al., 2008; Krzyzanowski & Wodak, 2009). It is used to analyse relations between members of the receiving society and migrants, and relations among migrants themselves within the group. These interactions, which shape migrants' experiences and journeys, are often hierarchical; therefore, it is important to examine them through migrants' self-discourses. Since migration and migrants are highly context- and ideology-dependent, and because identity is examined, CDA is used in this thesis to interpret the interview sections on ethnic identity. The discourse units analysed are face-to-face online interviews and their transcribed narratives. The main goal of the analysis is to examine how migrants' discourses about their ethnic identity are

structured, which social practices inform these discourses, and which ideologies shape migrants' attitudes toward their ethnic group and their reflections on it.

CDA is not a single method but rather a paradigm and a set of approaches that differ in how they connect text to power. Prominent authors include Norman Fairclough (1992; 2001), Ruth Wodak (2001), and Teun Van Dijk (1993; 2005), who made seminal contributions and offered three distinct theoretical and methodological frameworks: socio-cognitive, discourse-historical, and dialectical-relational (Lin, 2014). Over more than three decades, CDA has evolved significantly, and additional CDA approaches have been proposed by other scholars⁹. Nevertheless, for the purposes of this study, this thesis briefly discusses the three foundational approaches developed by Van Dijk, Wodak, and Fairclough. The brief discussion of each approach, its critique, and a justification for the approach chosen for this thesis are provided in the next sections.

4.4.1. Van Dijk's Socio-Cognitive Approach (SCA)

One of the three foundational approaches to CDA is the sociocognitive approach (SCA) developed by Teun A. van Dijk, a principal contributor to the study of discourse. The socio-cognitive approach has been widely adopted in CDA research and has shed light on racist discourses in European, British, Australian, New Zealand, North American, Latin American, and South African societies (van Dijk, 1993). Van Dijk focuses on how elites use symbolic capital to authorize racist practices, drawing on Bourdieu's concept of power and symbolic capital. Symbolic elites are defined as those with access to public discourse, such as journalists, politicians, and academics, who "manage the minds" of the masses through ideological polarisation between "us" and "them".

SCA proposes a three-layer model called the "Discourse – Cognition – Society" triangle. The central idea of this model is that cognitive processes mediate the process between discourse and society. Van Dijk states that discourse and social structure cannot be connected directly

---

⁹ Other additional CDA approaches have been proposed by van Leeuwen (2008), Jäger and Maier (2009), Chilton (2004), and Krzyżanowski (2010). They are not considered in this thesis due to space limitations, and for further review, see "Critical discourse analysis in applied linguistics: A methodological review" by Lin (2014).

because they are of different natures and can only be related through the mental representations of language users (Van Dijk, 2016, p. 65). By integrating cognitive theories with linguistic and social theories (Lin, 2014), he introduces terms such as “cognitive schemas” or “context models.” Models, as defined by Van Dijk, are “mental representations of events, actions, or situations people are engaged in, or which they read about” (Van Dijk, 2005, p. 19). These models represent the beliefs, knowledge, and opinions people have about their everyday lives, which are often referred to as experiences. These models are unique, personal, and shaped by the biographical experiences of social actors.

The rationale behind this framework is that an analysis restricted to vocabulary, grammar, and textual structure, while ignoring mental models, may describe textual meaning but cannot reveal the mechanisms by which discourse produces social effects. Therefore, Van Dijk provides a multi-step analysis framework consisting of social analysis, cognitive analysis, divided into social cognition, personal context-free cognition, and context-dependent cognition, as well as discourse analysis (Van Dijk, 2005). The social level focuses on institutional structures and group relations, the cognitive level examines different forms of social and personal cognition and mental models, and the discourse level analyses the structures of text and talk.

One of the model’s strengths is its explanation of why individuals internalize and reproduce dominant ideologies. However, several limitations and critiques of this model were identified. The main criticism concerns the analysis’s focus on the reproduction of discourse rather than its transformation. Another critique notes the model’s tendency to conceptualize power as abuse imposed on passive subjects. Van Dijk’s framework also requires systematic evidence of participants’ mental models, knowledge, and beliefs, which cannot always be extracted solely from interview data.

4.4.2. Wodak’s Discourse-Historical Approach (DHA)

The discourse-historical approach (DHA) by Ruth Wodak first emerged from a study of anti-Semitic stereotypes in the 1986 Austrian presidential campaign (Wodak et al., 1990, cited in Reisigl and Wodak, 2016) and was further developed in “*Discourse and Discrimination:*

Rhetorics of Racism and Antisemitism” (Reisigl and Wodak, 2001). Wodak’s latest works were dedicated to the study of racism rhetoric (2005), the construction of national identities (1999, 2021), and right-wing populist discourses in Europe and the USA (2017). The main idea of DHA is similar to Van Dijk’s in deconstructing dominant ideologies and power structures; however, it differs from Van Dijk’s in its key methodological techniques.

DHA involves three types of critique: text-immanent (internal contradictions), socio-diagnostic (persuasive manipulation), and future-related prospective (improving communication). DHA is based on the principle of triangulation: a systematic combination of different data, theories, methods, and researchers, which was described as a “quasi-kaleidoscopic approach” (Reisigl and Wodak, 2016, p. 32). DHA also emphasizes argumentation analysis, identifying *topoi*, argumentation schemes through which speakers justify claims and place discourse within four layers of context: 1) the text itself, 2) its intertextual and interdiscursive relations, 3) the situational context, and 4) the broader sociopolitical and historical context (Reisigl and Wodak, 2016). Finally, the analytical framework analyses five discursive strategies: nomination (how actors are named), predication (qualities attributed to them), argumentation (justification via *topoi*/fallacies), perspectivisation (the speaker’s point of view), and intensification/mitigation (modifying the force of utterances).

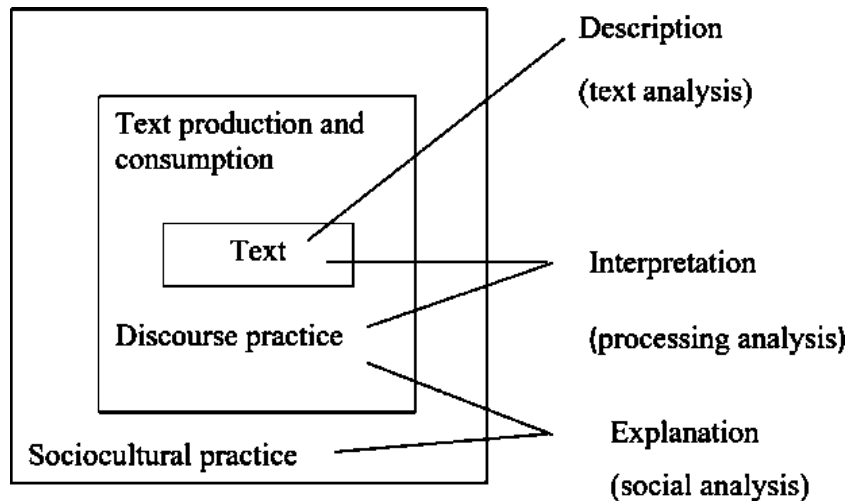
The model’s complexity addresses the concern of circularity, often related to CDA, which analyses selected texts and features that already fit the researchers’ political position. Moreover, DHA provides a clear, highly systematic, and operationalizable analytical procedure by combining methods, data, and theories. However, Reisigl and Wodak (2016, p. 56) acknowledge that integrating multiple disciplines and data risks combining theoretically incompatible approaches, and that complex social phenomena require more systematic treatment than any single study can offer.

4.4.3. Fairclough’s Dialectical-Relational Approach (DRA)

Norman Fairclough’s dialectical relational model (2001) chosen for this study treats language as a social practice “specified” by social conditions, meaning that the way people talk or write is dictated by these conditions. According to Fairclough, language, power, and ideology form

a “unitary system” (Fairclough, 1989, pp. 14-15), creating a discourse that is in a dialectical relationship with other social elements. Thus, it both constitutes the social world and is simultaneously constituted by existing social structures. Fairclough applied this idea to analyse political discourse, specifically the language of New Labour and British political rhetoric (Fairclough, 2000), and media discourse and its role in social change (Fairclough, 1995). Earlier works included the study of medical and institutional discourse (Fairclough, 1989).

Fairclough’s framework is problem-oriented and is focused on the relationship between language use and social practice. Fairclough argued that each “communicative event” (newspaper article, speech, interview) should be analysed at three distinct but interrelated levels. Therefore, the framework consists of three dimensions connected and related to each other as shown in Figure 3, answering the following questions: what is said (description: text analysis, micro-level), how discourse is produced (interpretation: processing analysis, meso-level), and why discursive patterns occur in relation to wider social structures and power hierarchies (explanation: sociocultural analysis, macro-level).

Figure 3. Norman Fairclough’s three-dimensional analysis.

(Source: Ahmed, Su and Ahmed, 2017, p.156)

The model goes from linguistic analysis examining vocabulary, syntax, and modality to discursive practice, focusing on intertextuality when a text draws on elements of earlier texts,

and on interdiscursivity, which examines different genres and discourses within the text. Finally, the model examines the social practice in which the communicative event is situated (institutional or societal context), considering whether the discourse reproduces the status quo or transforms it. The main advantage of the model is that it connects micro-level linguistic analysis to macro-level structures, making it applicable for the analysis of social change.

However, like any other approach, the dialectical-relational model has its own weaknesses. One of the main critiques of the model is that it is difficult to delineate discursive and non-discursive dimensions. Additionally, the model does not address the notion of circularity that involves interpretive judgment and the risk of selectively identifying linguistic features. Despite these limitations, Fairclough's approach has been chosen for the purposes of the present study, since neither Wodak's discourse-historical approach nor Van Dijk's socio-cognitive approach could be adopted. The main reason is that DHA relies on combining multiple data genres, historical sources, and contextual analyses that go beyond an interview-based research design, and demand more detailed linguistic operationalization, while SCA requires systematic evidence of participants' mental models, knowledge, and beliefs, which cannot be examined using this study's data. Van Dijk gives analytical weight to agency through cognition, whereas Fairclough's dialectical-relational approach prioritizes the relationship between discourse and broader social structures and employs a more extensive level of linguistic analysis. This makes Fairclough's approach particularly well-suited to addressing the research question, which concerns how migrants construct ethnic identity in relation to power, both between migrants and members of the receiving society and within the migrant group itself. In this sense, Fairclough's dialectical-relational model is well-suited to examining the interactions this study seeks to explore. This choice is consistent with the overall aim of the present study, which is to explain how interview discourse relates to broader institutional and social structures, rather than to reconstruct speakers' cognitive processes or conduct highly detailed linguistic analysis. The following sections discuss in detail every level of Fairclough's approach and how it was used to analyze migrant narratives.

4.4.3.1. First dimension: Text (micro-level)

The first dimension of Fairclough's Critical Discourse Analysis focuses on the object of analysis: texts within discourse, which may include verbal, visual, or both verbal and visual

texts (Fairclough, 1992; Fairclough, 2001). At this dimension, the analysis focuses on the linguistic features of the text, including vocabulary, grammar, and structure. It also involves examining the texture of the text, such as sentence organization, intersentential cohesion. In this research, the textual dimension focused on the verbal features of interview transcripts, examining how participants linguistically constructed meanings about ethnic identity. To address the issue of circularity mentioned above, the analytical categories, such as lexical choice, modality, metaphor, and code-switching, were applied across all interview transcripts rather than selecting isolated examples. In addition, before the textual analysis all interviews underwent the three-stage coding and interpretation process: 1) identifying themes; 2) grouping related themes into broader categories; and 3) analysing relevant linguistic instances within those themes.

First, the analysis examined the vocabulary and evaluative descriptors participants used when referring to ethnic identity and belonging. Particular attention was paid to labels and descriptive expressions that positioned participants in relation to other groups or categories of belonging. These lexical choices functioned as markers through which respondents articulated authenticity, belonging, or difference. Second, the analysis examined metaphorical language and symbolic expressions used in the narratives. Metaphors are important discursive devices through which abstract social concepts are expressed and interpreted (Fairclough, 1992). In the interviews, participants used metaphorical language when reflecting on identity, belonging, and migration experiences in order to explain complex personal experiences and meanings. However, metaphors were mainly analysed as discursive resources, rather than as an independent object of linguistic analysis. Third, the textual analysis examined grammatical structures and modality within participants' narratives. Linguistic markers, including modal verbs and evaluative structures, were analyzed. Expressions such as "I think," "maybe," and "it seems" were examined as indicators of reflexivity and uncertainty in discussions of identity. These grammatical features helped identify how participants positioned themselves and negotiated their sense of belonging within the discourse.

An additional component of the textual analysis involved identifying instances of code-switching, treated here as a textual resource contributing to the meaning-making at the micro-level. Code-switching is a sociolinguistic phenomenon in which multiple languages or dialects are used within a single conversation, sentence, or discourse (Poplack, 1980; Myers-Scotton, 1993; Auer, 1998; Wulandari, Hadiani and Fhadilathusy, 2025). It has been a central topic in

linguistics and sociolinguistics (Nilep, 2006) and frequently appears in multilingual communities. Studies highlight that language choice in multilingual settings functions not only as a communicative tool but also as a discursive mechanism and symbolic act (Rojas, 2025). Language alternation can signal group affiliation, social positioning, or identity alignment. Research on code-switching further emphasizes its role in identity construction and negotiation, as speakers may use language variation to signal group membership, assert cultural belonging, or perform particular social roles (Gumperz, 1982; Bucholtz and Hall, 2005). Further studies also highlight the agentive dimension of code-switching, through which speakers claim space or express hybrid identities within multilingual environments (Alim and Pennycook, 2008; Bailey, 2007).

The literature distinguishes between intrasentential, intersentential, and extrasentential code-switching (Poplack, 1980; Hoffman, 1991). Intrasentential code-switching occurs within the boundaries of a single clause or sentence and often involves embedding words or phrases from another language into the dominant grammatical structure. This type is often referred to as code-mixing, as it combines elements from two grammatical systems within a single utterance (Muysken, 2000). Intersentential code-switching occurs at sentence boundaries, where one sentence is produced in one language and the following sentence in another. Extrasentential code-switching, also known as tag-switching, involves the insertion of short expressions or discourse markers from one language into a monolingual sentence (Romaine, 1995). Wardhaugh (2010) also distinguishes two types of code-switching: situational and metaphorical. Situational switching occurs when language choice changes due to a shift in the social situation, while metaphorical switching occurs when language choice changes in relation to the topic or communicative meaning. As the interviews in this study were conducted in a stable research setting, situational switching was not analytically relevant. Therefore, the analysis focused on metaphorical code-switching, examining how respondents shifted languages in relation to topic changes within the interview.

The interview transcripts were analysed according to language choice and thematic context. Particular attention was paid to language switches during transitions between thematic segments, including migration narratives, relations with ethnic groups, and reflections on ethnic identity. Participants often switched languages when referring to culturally specific concepts or expressions that were difficult to translate directly into Russian. Code-switching instances were identified when participants alternated between languages during the interview.

Russian was treated as the first language (L1) because it was the primary language of the interview and part of the participants' everyday linguistic practice. Kyrgyz was treated as second (L2), functioning as a heritage language used selectively within the narratives. The analysis followed a qualitative descriptive approach and focused on identifying when and in which contexts language alternation occurred, as well as the structural type and discursive meaning of each instance. To organize the data, several analytical categories were used. Language shift referred to the direction of switching, most commonly Russian → Kyrgyz or Kyrgyz → Russian. Context referred to the section of the interview in which the switch occurred. Code-switching structure referred to whether the switch was intrasentential, intersentential, or extrasentential. Finally, the analysis considered the discursive mechanism, referring to the potential social or identity-related function of the switch, such as signalling group membership, aligning identity, asserting cultural belonging, negotiating status, or emphasizing meanings within the narrative. Through this textual analysis, this micro-level examined how linguistic features of discourse, including lexical choices, grammatical structures, metaphors, and language alternation, functioned as discursive resources through which participants constructed and expressed their understanding of ethnic identity.

4.4.3.2. Second dimension: Discourse practice (meso-level)

The second dimension of Fairclough's (1992) Critical Discourse Analysis framework focuses on discourse practice, which examines how discourse is produced, distributed, and interpreted within specific social contexts (Fairclough, 2001). While the textual dimension examines the linguistic properties of the text itself, the dimension of discourse practice investigates how individual narratives are built upon broader discourses and how different discursive elements are combined within a single text. In the interview analysis, the discourse practice dimension was used to examine how participants' narratives about ethnic identity were shaped by wider cultural, social, and institutional discourses.

The analysis at this dimension focused primarily on interdiscursivity and intertextuality, two key concepts within Critical Discourse Analysis (Fairclough, 1992; Jørgensen and Phillips, 2002). Interdiscursivity refers to the presence and interaction of multiple discourses within a single narrative. For instance, participants' narratives combined different discursive frameworks in their discussions of identity and migration. These included discourses related to

professional success and self-development, ethnic and national belonging, patriotism, global mobility and migration, gender relations, and privilege. Identifying these discourses allowed the analysis to capture the complexity of participants' identity narratives and the multiple social frameworks through which they interpret their experiences. Intertextuality refers to the ways in which texts reference other texts, cultural products, or shared knowledge (Fairclough, 1992). In the analysis of the interviews, particular attention was given to references to cultural artifacts, media sources, literature, and shared historical knowledge. These references included mentions of media outlets, literary works, films, and cultural concepts that were familiar within Kyrgyz, Russian, or global cultural contexts. Such intertextual references were interpreted as indicators of participants' cultural background, educational experiences, and shared interpretive frameworks.

Methodologically, the analysis at this dimension followed several steps. First, the interview transcripts were read multiple times to identify recurring discursive patterns related to ethnic identity, migration, and belonging. Second, segments of texts were categorized according to the discourses they represented, such as nationalism, professional identity, global mobility, gender norms, or privilege. Third, the analysis examined how these discourses interacted or competed within individual narratives. This step allowed the identification of discursive tensions, for example, between expressions of patriotism and willingness for global mobility, or between individualistic and collective understandings of identity.

In addition, the analysis considered the context of the interview interaction, recognizing that discourse is shaped by the communicative setting in which it occurs. As Wodak and Meyer (2016) note, discourse should be understood as situated within specific social interactions. Participants' narratives, therefore, reflected both their lived experiences and the reflexive process of explaining their identity and migration trajectories within the research interview. Through this approach, the discourse practice dimension explored how individual narratives of ethnic identity reflect multiple cultural and social discourses within post-Soviet societies, migration contexts, and debates about identity and belonging. This meso-level of CDA also served as a bridge between the micro-level textual analysis of linguistic features and the macro-level examination of broader social structures addressed in the following section.

4.4.3.3. Third dimension: Sociocultural practice (macro-level)

The third dimension of Fairclough's Critical Discourse Analysis (CDA) framework focuses on social practice, examining how discourse is embedded in broader social structures, ideologies, and relations of power (Fairclough, 2001). While the textual dimension analyses linguistic features, and the dimension of discourse practice investigates how discourse is produced and interpreted, the sociocultural practice explains how discourse relates to wider contexts: institutional, historical, and political. In this part of the interview analysis, the sociocultural practice dimension was used to interpret participants' narratives about ethnic identity in relation to structural conditions affecting migration from Kyrgyzstan to Russia.

Discourse is understood as both constitutive and constituted by social practice, meaning that it not only reflects existing social relations but also contributes to their reproduction or transformation. At this dimension, the aim was to connect patterns identified in the textual and discourse-practice dimensions to broader ideological frameworks and social hierarchies that construct migrants' experiences. The analysis focused on identifying the dominant social discourses and assumptions evident in participants' narratives. The focus was given to how respondents positioned themselves within broader social categories related to migration, ethnicity, race, gender, and social status. These narratives were interpreted in relation to contexts influencing the experiences of Central Asian migrants in Russia, including migration legislation, labour market division, media representations of migrants, and racialized hierarchies in everyday social interactions.

Methodologically, this part involved interpreting discursive patterns identified during earlier stages in relation to relevant historical and socio-political contexts. After identifying key discourses in participants' narratives, such as privilege, belonging, professional achievement, and marginalization, these narratives were examined in parallel with existing academic literature on migration in Russia and post-Soviet social relations between Kyrgyzstan and Russia. This step allowed the analysis to place individual narratives within broader migration processes, such as Russian migration regulations on registration, work permits, and documentation that affect migrants' access to employment, housing, and social protection. The main idea here was to demonstrate how institutional frameworks shape not only migrants' material conditions but also the ways migrants talk about belonging, legality, and position in society.

Another important analytical focus at this dimension was the role of racialized and ethnicized categories of belonging within Russian society. Previous research has shown that migrants from Central Asia are frequently positioned within racialized hierarchies in which visible phenotypical differences, language, and cultural markers influence social inclusion or exclusion (Zakharov, 2017; Reeves, 2013). The analysis therefore included the categories that appeared in participants' discourse and the ways they shaped respondents' descriptions of their experiences of belonging and difference. The macro-level analysis also considered the historical context of pre- and post-Soviet relations between Russia and Central Asia, which created shared language, educational systems, and cultural references that are rooted in the historical processes of Soviet state formation and Russification (Hirsch, 2005; Khalid, 2007). By situating participants' narratives within this historical context legacies of which continue to influence migration patterns and cultural exchange, the analysis demonstrated how contemporary identity discourses are shaped by long-term political and cultural relationships.

Finally, this dimension considered contemporary geopolitical developments, particularly the changing political climate in Russia following the start of the Russian–Ukrainian war in 2022. CDA emphasizes that discourse is shaped by ongoing social change, and major political events can influence how individuals interpret their experiences and construct narratives about belonging and migration (Fairclough, 2001; Wodak and Meyer, 2016). Therefore, participants' reflections on political developments were analysed as part of the broader structural environment influencing their migration trajectories and identity negotiations. By connecting personal narratives to structural conditions, this level of analysis demonstrates how migrants' understandings of identity are shaped not only by personal experience but also by institutional frameworks, historical legacies, and contemporary political developments.

4.5. Summary

This chapter presents an interdisciplinary qualitative methodology for examining the ethnic identities of Kyrgyz female migrants in Russia. The research design first employed an ethnographic level of analysis, followed by Critical Discourse Analysis (CDA). By combining these two levels, the study aims to capture both migrants' personal experiences and the discursive frameworks through which these experiences are articulated. This approach

allows the research to document everyday migration experiences while also examining how ethnic identity is constructed and negotiated in discourse.

The ethnographic level focused on collecting and interpreting migrants' narratives through semi-structured interviews with ten highly skilled, bilingual Kyrgyz female migrants. The interview design was based on Berry's (2007) Acculturation framework, which guided the thematic structure of the interviews. The questions were organized into three functional categories: feeling (ethnic relations), doing (acculturation strategies), and being (identity). This structure allowed the interviews to explore social interactions and individual reflections on identity and belonging. The ethnographic stage of the research was supported by a demographic questionnaire and a pilot study, which included online observations and pre-interviews. These preliminary steps helped refine the interview structure and identify relevant themes for the study. The final interviews followed a partially biographical structure, comprising fifteen main questions and twenty-three additional questions, allowing participants to describe their migration journeys, everyday experiences, and reflections on identity in detail.

Following the ethnographic analysis of migrants' narratives, the study employed Critical Discourse Analysis (CDA) based on Fairclough's three-dimensional model (1992). CDA was used to examine how participants' narratives construct and negotiate ethnic identity at the linguistic level. Fairclough's framework conceptualizes discourse through three analytical dimensions: text (linguistic features), discourse practice (production and interpretation of discourse), and sociocultural practice (broader social and ideological structures). At the textual level, the analysis focused on linguistic features, including vocabulary, metaphors, grammatical structures, and evaluative expressions, used in discussions of identity and belonging. The textual analysis was supported by a sociolinguistic analysis of code-switching, particularly metaphorical switches between Russian (L1) and Kyrgyz (L2). These switches were examined as symbolic acts through which participants negotiate identity and signal cultural belonging.

Finally, the methodology followed ethical standards approved by the Corvinus University Research Ethics Committee, taking into account the potential vulnerability of migrant participants. The research prioritized anonymity, informed consent, and the principle of beneficence, ensuring that participants' identities were protected and that their narratives were represented responsibly. By combining ethnographic and discourse-based approaches, the

methodology provides the analytical framework for the findings presented in the following Results and Discussion chapter.

5. Results and discussion

5.1. Introduction

The present chapter discusses the research findings, following the structure outlined in the methodology chapter by presenting the results obtained at each level of the study. It begins at the ethnographic level by discussing the personal narratives of Kyrgyz female migrants to Russia, collected through semi-structured qualitative interviews (section 5.2). The findings follow an interview structure organized around migration story and experiences, feelings (ethnic relations), doing (acculturation strategies), being (identity), and future migration plans. The findings are presented accordingly in separate sub-chapters. The chapter then proceeds to the discourse level, employing Critical Discourse Analysis (CDA) to analyse discourses about ethnic identity and identify the power structures and ideologies reflected in language across three dimensions: as text (what?), as discursive practice (how?), and as sociocultural practice (why?) (section 5.3). At the textual dimension, instances of code-switching are identified and presented to examine how language alternation reflects negotiations of ethnic identity. Each dimension of the analysis concludes with a separate summarizing sub-chapter, followed by a final section that provides general conclusions (section 5.4).

5.2. Ethnographic level: Qualitative semi-structured interviews

As elaborated in Chapter 4.2, the ethnographic level of the research focused on collecting personal narratives from Kyrgyz female migrants about their migration experiences, ethnic relations, acculturation strategies, and ethnic identity. The main goal was to retrace stories, understand the respondents' backgrounds, experiences, and cultural practices, and examine how ethnic identity is reflected. Since the research applied Berry's Acculturation framework, the ethnographic level is supposed to identify where Kyrgyz migrants are located on the acculturation square (see Fig. 3.1 in Chapter 3): integration, assimilation, marginalization, or separation from the society of origin and the host society. First, I provide general information about participants, including their education levels and occupations, and discuss the reasons for their migration, providing quotes from the interview. After that, I discuss the main parts of the interview regarding ethnic identity and relations, analysing and interpreting the responses.

Since the interviews were conducted in Russian, the author translated the quotes into English and double-checked them with online translation tools. The original full Russian interviews and their English translations are provided in Appendices 6-25.

5.2.1. Migration story

The decision by participants to move to Russia, as described in the final sample and participant profiles (see 4.2.6), was primarily driven by a search for opportunities, particularly in education and professional development, often compounded by personal circumstances. There were three main factors: educational advancement, professional and economic factors, and individual and family reasons. Since the focus of this research was on highly qualified female migrants, the most common reason for their migration was pursuing a degree. For many, a Russian university represented a more accessible path to foreign education and a broader job market than European or American options, due to language barriers and existing quotas, as emphasized in Examples (1) and (2). The relevant fragments of the interview excerpts are highlighted in bold to indicate the parts of the narrative that directly illustrate the analytical point discussed in the text.

- (1) **“И почему Россия? Ну язык, ну самая доступная страна получается в плане языка, в плане обучения.** Потому что если бы я поехала в Турцию или Европу, все равно была бы тантырашкой как в бакалавриате [пояснение: училась на турецком языке], потому что там я была тантырашкой и еле закончила на тройки. В общем, на тот момент я стала собирать документы, подалась, прошла и получается в 17-м.” (P2)

“And why Russia? Interestingly, the language turns out to be the most accessible in terms of education. Because if I had gone to Turkey or Europe, I would still have been a complete failure, just as I was in my undergraduate degree [clarification: studied in Turkish], as I barely passed with a C. So, at that point, I started gathering documents, applied, got in, and started my studies in 2017.” (P2).

- (2) **“Лучшие места, куда я могла поступить, это российское пространство.** Я в начале без разбора вообще поступала: мне казалось, что РУДН – это хороший университет, например. Мы же здесь живем в мифологемах о том, какой МГУ недостижимый олимп, высшее образование. В этих образах. Мне казалось, что РУДН, МГИМО, МГУ [...] Еще у меня был вариант поехать в Чехию, но Чехия все равно подразумевала, что ты сначала едешь, учишь язык, тратишь денюжку и потом, возможно, поступаешь. У меня все равно было представление, которое до

конца учебы сохранялось, что чешское – это очень узкий мир, условно это только Чехия, а российское образование, Россия, русский мир, это как будто шире и дает больше возможностей.” (P6).

“ **The best places I could have applied to were in the Russian space.** Initially, I applied without any particular choice; I thought RUDN was a good university, for example. Here, we live in mythologies about Moscow State University, an unattainable Olympus of higher education [...] It seemed to me that RUDN, MGIMO, Moscow State University... I also considered going to the Czech Republic, but it still implied that you first go, learn the language, spend money, and then, perhaps, get accepted. I still had this notion, which persisted throughout my studies, that the Czech world was very narrow, roughly speaking, just the Czech Republic, while a Russian education, Russia, the Russian world, seemed broader and offered more opportunities.” (P6).

One participant viewed studying as a “very smooth way to emigrate, because you are not just some kind of labour migrant abroad, but a student” (P3). Several participants moved to Russia for work, either after being hired for a project in Moscow from Kyrgyzstan (P10) or after retraining for a new profession (P7). Economic disparity was a key factor, with one participant noting that she “could not psychologically accept” the salaries in Bishkek (P1). Personal and family reasons were also prominent: family migration, either to join a parent (P1) or a spouse (P8), was a significant motivator – see Example (3).

- (3) “Моя мама уехала в конце августа – начале сентября (Мой дедушка посчитал, что будет хорошо, если мама уедет). И я год прожила в доме своего дедушки получается. Хотя у меня вроде как была хорошая ситуация, у меня был любящий дедушка, в общем, мама понимала, что не стоит разрываться надолго с ребенком, жизнь очень тяжелая была там [...] **Через год после эмиграции моей мамы эмигрировала я.**” (P1)

“ My mother left at the end of August – beginning of September (My grandfather thought it would be a good idea for my mother to go to Moscow after my father’s death). Thus, I lived in my grandfather’s house for a year. Although I seemed to have a good situation, I had a loving grandfather, but my mother understood that it was not worth being separated from my child for too long; life was tough there [...] **A year after my mother emigrated, I emigrated too.**” (P1)

For others (P3, P4), migration served as an escape from personal burnout, family pressure, or a “toxic atmosphere at home” – see Example (4).

- (4) “...Хотелось что-то, что будет интересно изучать. **И еще была потребность, что мне нужно где-то пожить за рубежом, потому что выгорание на работе, отношения в семье повлияли на это...** Ну вообще в каждой семье это отдельная история, но просто в моем случае это было

так, что достаточно токсичная атмосфера сложилась у меня дома, вот, и я решила просто поискать какие-то [образовательные] программы.” (P3)

“ ...I wanted to study something more interesting. **I also needed to live abroad somewhere, because burnout at work and family relationships had an impact.** Well, it is a different story for every family, but in my case, it was a fairly toxic atmosphere at home, so I decided to look for some [educational] programs simply.” (P3)

One respondent noted, “I always knew I would leave... I still had this feeling that now I needed to wait it out [...] and soon my life would begin, and I would leave” (P2). However, some moves were less planned, evolving from a short visit into a long-term stay due to family requests or emerging opportunities – see Example (5).

(5) “Это решение [поехать в Москву] было, наверное, спонтанное, потому что на тот момент, это 2018 год, у меня в семье было трудное время. Там случилась горе, я потеряла папу, а в то время мои родители и сестра жили в России, в Москве. Я оканчивала как раз университет. И вот в этот год окончила универ, защитилась, потом после лета меня пригласили [в Москву], чтобы я немножко развлеклась.” (P7)

“ **This decision [to go to Moscow] was probably spontaneous, because at that time, it was 2018, and my family was going through a difficult time.** There was a tragedy, I lost my dad, and at the time, my parents and sister were living in Russia, in Moscow. I was finishing university. Thus, that year, I graduated from university, defended my dissertation, and then after the summer, I was invited [to Moscow] to unwind a bit.” (P7)

These examples reflect the broader literature on female migration, which shows that women are both involved in family migration and driven by educational and economic motivations. It serves as an important pathway to empowerment, especially for women from patriarchal societies (Chowdhory et al., 2022; Eryar, Tekgüç and Toktas, 2018). As shown in the examples, for some participants, migration became a form of escapism that allowed them to avoid family tensions, fight burnout, and cope with personal loss; for others, it was a goal of pursuing education, trying something new, and an attempt to be part of the broader world. Migration is viewed as a source of greater autonomy and social mobility through access to education and labour opportunities. However, the decision-making process was not solely driven by individual aspirations or personal ambition and was shaped by broader structural conditions and contexts. The choice of Russia was influenced by the status of the Russian language as a regional lingua franca (Duncan and Mavisakalyan, 2015), which lowers linguistic barriers for

migrants. In the case of educational migration, respondents emphasized accessibility of admission procedures, availability of scholarships, and the perception that Russian universities offered a high standard of education. Geographic proximity and pre-existing familial or community migration ties also influenced this choice, underscoring the role of social networks in shaping migration decisions. The following section examines respondents' initial migration experiences in Russia, focusing on their first encounters with the host society.

5.2.2. Migration experience

In this section, migration experience refers to participants' subjective accounts of migration to Russia, covering various aspects of this transition: emotional, psychological, social, and geographical. These experiences are examined as narrated by participants and extracted from in-depth qualitative interviews, as outlined in Chapter 4. The excerpts demonstrate how Kyrgyz women migrants in Russia live, perceive, and negotiate migration.

The transition to life in Russia, particularly Moscow, was frequently described by participants as a period of intense difficulty and psychological adjustment. Considering that for many it was the first experience of moving to another country, the experience was highly stressful, and the differences between the home and host countries were drastic, ranging from the weather to a sense of otherness in the new society. Participants mentioned geographical and climatic differences, such as the sunny Kyrgyzstan and the gray Moscow, which lacks sun for months, a shock that contributes to melancholy (P2, P3) – see Example (6).

- (6) **“Если честно, мне было очень плохо [в Москве], потому что я приехала в январе и просто до апреля не было солнца.** Это просто, наверное, первый шок, который испытывает человек, который приезжает из солнечной страны в Москву, когда просто три или четыре месяца нет солнца. Это ужасно и я была метеозависимой. Первые полгода, они прошли в какой-то хандре.” (P3).

“ To be honest, I felt really bad [in Moscow] because I arrived in January and there was no sun until April. It is probably the first shock a person experiences when coming from a sunny country to Moscow, when there is no sun for three or four months. It is terrible, and I was sensitive to the weather. The first six months were spent in a kind of melancholy.” (P3)

Participant 2 mentioned the lack of mountains, as well as the scale and pace of the megacity,

which was overwhelming, with fears of navigating the metro or the city itself – see Example (7).

- (7) “А, я помню, когда только приехала, я боялась, я же ничего не знала, я боялась спускаться в метро. И я ходила собирала посуду в округе проспекта Мира, **я ходила с рюкзаком и пешком по 2GIS [онлайн-карты], потому что боялась спускаться в метро, потому что было непонятно, страшно.**” (P2)

“ And I remember when I first arrived, I was scared, I did not know anything, I was scared to go down into the metro. And I went around collecting dishes around Prospekt Mira, **I walked with a backpack and on foot along 2GIS [online maps] because I was afraid to go down into the metro, because it was unclear, scary.**” (P2).

Despite the linguistic fluency, many experienced a profound sense of alienation. One participant described the first two years as “in a fog,” struggling with a different cultural context and a “different Russian language” (P6) – see Example (8). Participant 6 referred to it as a different “language picture”, meaning different codes and references, such as mentioning local political figures or using specific terms.

- (8) “...**первые два года я была как в тумане.** Я не очень понимала, где я, что происходит, потому что ты, да, у тебя русский язык, ты в совершенстве на нем говоришь, но это другой контекст. **Это другой русский язык,** казалось бы, языковая картина одна, но она все равно другая [...] Я поняла, что культурные поля во мне столкнулись [...] Там все время обсуждали Навального, Удальцова, и я не была подготовлена к этому контексту.” (P6)

“ ...**for the first two years, I was in a fog.** I did not really understand where I was or what was happening, because, yes, you speak Russian, but it is a different context. **It is a different Russian language;** it would seem like the linguistic picture is the same, but it is still different [...] I realized that my cultural fields were clashing [...] They were constantly discussing Navalny and Udaltsov, and I was not prepared for this context.” (P6)

Another participant noted, “When you move... you leave that foundation [of connections] and start from scratch. This period of adaptation often comes at a high cost” (P3). She described her first year as marked by “constant anxiety,” “panic attacks, accompanied by nervous breakdowns,” and a feeling of grief for the life left behind. Others mentioned developing a “small-country complex” or “third-world complex” (P2, P9) as described in Example (9). Here, the participant referred to the same issue as in the previous Example (8), where not knowing local company names and acronyms often left her out of discussion and socialization.

- (9) “Не знаю, я только приехала, у меня был комплекс маленькой страны, комплекс третьего мира, что я не знала многого. Я, например, не знала, что такое Деливери Клуб, когда только приехала. Там же рассказывают кейсы на учебе, а я такая ‘Что такое деливери клуб’. Или все собирались в Парке Горького, и в чате написали ‘встречаемся в ПГ’, а я стеснялась спросить что такое ПГ и не пошла никуда.” (P2)

“ I don’t know, I’d just arrived, and I had this small-country complex, a third-world complex, because I didn’t know much. For example, I didn’t know what a Delivery Club was when I first arrived. They’re telling case studies there, and I’m like, ‘What’s a delivery club?’ Or maybe everyone was meeting in Gorky Park, and they wrote in the chat, ‘Let’s meet at PG,’ and I was too shy to ask what PG was and didn’t go anywhere.” (P2)

The presence of relatives, dorm mates, or friends was consistently cited as a crucial factor in surviving the initial adaptation period. As Participant 4 stated, “If it were not for them, I do not know how I would have survived that adaptation period, because it was truly very difficult”.

These narratives about the first migration experience illustrate that migration was a period of disruption marked by disorientation, loss, fear, and vulnerability, initially driven by environmental and geographical differences. However, feelings of alienation came from cultural and linguistic dissonance when being surrounded by residents in educational settings. Here, participants mostly referred to the lack of knowledge of nuances, differences in discourse and terms, different contexts, and the Russian language used in Moscow. All these factors contributed to periods of stress, melancholy, and anxiety. At the same time, respondents were referring to existing social networks, as support from relatives, friends, or co-residents, that played a role in their coping. This suggests that migration is not only a change of location but also a process of negotiating belonging in a new social context, as I discuss in the next sections, where I examine migrants’ interactions with different ethnic groups and their acculturation strategies.

5.2.3. Acculturation: Interactions with the Russian ethnic group

This section examines the social and cultural dimensions, with a particular focus on how Kyrgyz female migrants navigated and negotiated relationships in the host society. It covers

participants' interactions with both the Kyrgyz diaspora and ethnic Russians, highlighting how these relationships shape social integration, identity, and everyday life. The sub-chapter builds on the previous discussion of migration experiences by moving from initial adaptation to the ongoing process of acculturation and social engagement in Russia.

Navigating social relationships in Russia involved complex negotiations of identity with both the Kyrgyz diaspora and ethnic Russians, resulting in layered experiences. Relationships with Russians were multifaceted, encompassing close friendships but also instances of othering and discrimination. Most participants' primary social and professional circles consisted of Russians. They reported forming deep friendships, being welcomed into families (P6), having supportive colleagues (P7), and being involved in romantic relationships (P2). Many found common ground through shared language, education, and a "Soviet" cultural background (P10).

Despite positive ties, subtle forms of exclusion were common. For instance, compliments were mentioned as the strategy of otherization. "Being complimented on good Russian skills is a frequent microaggression that reinforces their foreignness" (P5). A participant (P4) was told, "You are one of us" because of her language skills, but this did not translate into equal treatment in her studies. Participant 2 reported being present when Russians mock Central Asian names or use slurs like *chuchmek*¹⁰, meaning "uncivilized" and *churka*¹¹, meaning "ignorant" – see Example (10).

- (10) "Открытой агрессии и неприятия не было, было когда при мне могли других центральноазиатов обсирать, смеяться над ними и при этом я сидела рядом. Может быть они меня не считывали как центральноазиатку, или не воспринимали, или забывали [обо мне], и я такая типа ммм...че. То-то сказал на паре: **‘Ой, а кому хочется, чтобы чучмеки приезжали к ним в страну?’** или когда у нас в офисе ржали над именами таксистов ‘Хахаха, зовут таксиста Насрулло, как смешно’, это было неприятно...Даже когда не про меня говорят, не мне говорят, мне неприятно. **Все равно я же часть всего этого мира чурок, я такая же как эти чурки, у нас такое же гражданство, такая же этничность, просто я более привилегированная и все.** То есть у меня больше привилегий чем у этих ребят, но по сути, они, оскорбляя их, оскорбляют

---

¹⁰ *Chuchmek* – a derogatory term used in Russia towards people from Middle and Central Asia, as well as the Caucasus, in a broader sense, non-Russians, or non-European-looking people. The term is rooted in the word *chichimeka*, used by the Aztecs and Mesoamericans to describe nomadic people, and later adopted by the Spanish Empire to describe "uncivilized, aggressive savages" (Bonner, 1994; Skalnić, 2022).

¹¹ *Churka* – a derogatory ethnic slur in Russian commonly used toward people from the Caucasus and Central Asia. The term originates from the Russian word *churka*, which literally means (1) a block or chock of wood, and in colloquial usage can also refer to (2) an ignorant or uncultured person (Łuczyk, 2026)

и меня тоже.” (P2).

“ There was no open aggression or rejection, but there were times when people would trash other Central Asians in front of me, laugh at them, and I was sitting right next to them. Maybe they did not recognize me as a Central Asian, or did not perceive me, or forgot [about me], and I was like, ‘Hmm... what?’ Someone once said in class, **‘Oh, who wants chuchmeks to come to their country?’** or when in our office they were laughing at taxi drivers’ names, ‘Hahaha, the taxi driver’s name is Nasrullah, how funny,’...it was unpleasant...Even when they are not talking about me, not to me, I feel uncomfortable. **I am still part of this whole world of churkas, I am the same as these churkas, we have the same citizenship, the same ethnicity.** I am just more privileged, that is all. So, I have more privileges than these guys, but essentially, by insulting them, they insult me too.” (P2)

A common experience was the initial negative reaction of Russians to an “Asian” appearance, which changed only after they began speaking Russian fluently. Participants (P4, P9) noted this shift from a look of “fear, disgust, unpleasant surprise” to acceptance once they spoke. However, even when speaking Russian and being in the university context did not guarantee acceptance, as shown in Example (11).

- (11) “Мы там что-то сидели, общались, и один парень русский с другой группы, но с моего курса, сказал мне такую вещь, что, типа, **‘Зачем вы, иностранцы, приезжаете по квоте, вы отбираете наши бюджетные места, у россиян, вы перекрываете нам кислород’.** И почему-то его слова так сильно мне засели в голову, что у меня с этого момента начался комплекс насчёт того, что я иностранка, что я не славянской внешности, что все прохожие в Москве сразу это видят по моему лицу. Плюс в Москве очень много трудовых мигрантов из Кыргызстана, и мне прям очень не хотелось, чтобы меня ассоциировали с ними.” (P9)

“ We were sitting there, chatting, and this Russian guy from another group, but in my year, said something like, **‘Why are you foreigners coming here on a quota? You are taking away our state-funded places, from Russians, you are cutting us off.’** And for some reason, his words stuck in my head so deeply that from that moment on, I developed a complex about being a foreigner, about not having Slavic features, about everyone I met in Moscow. They can see it right away on my face. Plus, there are many labour migrants from Kyrgyzstan in Moscow, and I really did not want to be associated with them.” (P9)

Beyond social interactions, participants faced systemic and institutional discrimination, such as finding an apartment, which was a significant challenge, with ads often explicitly excluding non-Slavs. One respondent noted that “non-Slavs” were mentioned “ in almost every ad... it was even difficult for us to find an apartment” (P5). Furthermore, another respondent noted

that employers were often reluctant to hire non-citizens due to bureaucratic issues (P7). Participant 5 described a system in which foreign workers were hired through a separate, possibly fraudulent company, thereby denying them proper registration and tax contributions, which constituted a “specific form of labour combination”. This environment created a sense of being under constant scrutiny and needing to behave better than the locals (P2). “If I make a mistake, they will say it was not me who made the mistake, but some Kyrgyz woman who came over made the mistake... I felt within bounds” – see Example (12).

(12) “Я думаю, что они тоже чувствуют себя очень скованно, потому что наши мигранты в целом, они очень скромно себя ведут. Вот здесь в Кыргызстане люди очень расхлябанные, могут что-то выкинуть на дорогу, относятся к своему дому как к какому-то отхожему месту, а в России все ходили по струночке как мне кажется. Потому что в России с этим строго: чуть что, депортация, штраф какой-нибудь. И да, то, что да, предвзятое мнение, что в каких-то рамках находишься и рамках именно законных, и в рамках восприятия других людей, и финансовых.” (P2).

“ I think they also feel very constrained because our migrants, in general, are very modest. Here in Kyrgyzstan, people are very lax; they can throw things on the road, and they treat their homes like some kind of outhouse. However, in Russia, everyone seems to walk a tightrope, I think. Because in Russia, they are strict about that: at the slightest provocation, there is deportation, a fine of some kind. And yes, yes, there is a preconceived notion that you are bound by certain boundaries – legal ones, the perceptions of others, and financial ones.” (P2)

Interaction with Russian culture is often a byproduct of living in the country but can also be a deliberate act of exploration. For migrants, Russian culture was an integral part of daily life, evident in work, media, and public spaces. As one participant noted, “I was surrounded by it... it was hard not to interact with Russian culture” (P2). Others expressed curiosity and actively engaged with cultural institutions (P3, P6). “I think I have been to all the churches already... because it is really interesting”. This includes visiting museums, attending theatres, and observing religious services, such as Orthodox Easter – see Example (13).

(13) “Одна подруга у меня из Питера, у нее очень интересная православная семья, и я к ней ездила 4 года подряд. До сих пор мы поддерживаем связь, и мне была интересна история ее мамы, история ее папы, как они (живут). Они ортодоксальные православные хрестьяне, и они прям утром встают, молятся перед едой, у них там иконы. Но они не старообрядцы, обычные люди, но они строго (живут), у них нет телевизора дома. Мне нравилось через такие пути погружаться в российский контекст, и тогда я сама чувствовала себя исследовательницей.” (P6).

“ I have a friend from St. Petersburg; she comes from a very interesting Orthodox family, and I visited them every year for four years. We still keep in touch, and I was interested in her mother’s story, her father’s story, and how they live. They are Orthodox Christian peasants, and they rise with the morning, pray before meals, and have icons. However, they are not Old Believers; they are just ordinary people who live a strict life, without a television at home. **I liked immersing myself in the Russian context through these means, and then I felt like a researcher myself.**” (P6).

However, engagement does not always equal adoption. Participant 4, after a negative experience following a church visit, joked, “I will not support Russian culture, certainly not Orthodox culture” . Participant 6 criticized the constant comparison to the West in Russian academia, suggesting a “colonized mindset” within the empire itself.

These quotes demonstrate various experiences in the acculturation process of Kyrgyz female migrants. While some developed supportive relationships with ethnic Russians, these connections coexisted with persistent othering, which was manifested in varied forms: microaggressions such as excessive compliments on language skills indicating local residents lack of knowledge about colonial relationships and Soviet past, ethnicized jokes and racial slurs such as *chuchmek* and *churka*, initial adverse reactions to “ Asian” appearances, and systemic discrimination in housing, employment, and bureaucratic processes that excluded non-Slavs. This created an ambiguous dynamic: on the one hand, being exposed to such discourse could be interpreted as a sign of partial inclusion, signalling that they were considered sufficiently “integrated” to be present in these conversations; on the other hand, it reinforced symbolic boundaries, reminding participants of their conditional and racialized belonging within the social hierarchy. These experiences reveal that othering operated both interpersonally and institutionally, producing a constant awareness of foreignness that participants had to manage through their personal strategies. Linguistic fluency was the entry point; however, adaptation also required deliberate exploration of Russian culture, including media, religious practices such as attending church and celebrating, and visits to cultural institutions such as museums. This provided opportunities for partial integration into the Russian society and symbolic participation, but did not guarantee acceptance or eliminate outsider status.

5.2.4. Acculturation: Interactions with the Kyrgyz ethnic group

This section examines participants' interactions with the Kyrgyz diaspora in Russia, highlighting the ambivalent role of ethnic networks in migrants' social and cultural adaptation. This is evident in the infrequent engagements with the Kyrgyz diaspora in Russia. Contact with the Kyrgyz community in Russia was seen as both a source of comfort and discomfort. Some initially seek out the diaspora for a sense of familiarity and support. One participant described an early positive experience interviewing successful Kyrgyz migrants, which inspired her (P3). Another stated, "When you have your own (people), you feel at home... If anything, my people will help me out" (P4).

However, more frequently, participants expressed a desire to distance themselves from the broader Kyrgyz community. Reasons included unwanted inquiries from compatriots, cultural and intellectual gaps, and negative stereotypes. For instance, in the case of Participant 2, unwanted questions from Kyrgyz in Russia about her marital status and other intrusive inquiries led the participant to avoid cultural gatherings – see Example (14).

(14) "Короче, я старалась не общаться вообще с кыргызами. Мне казалось странно общаться с людьми только потому что мы из одной страны и второе, из-за нашего воспитания, **когда ты просто сидишь в тусовке, и тебя спрашивают 'А почему ты не замужем', 'А когда ты выйдешь замуж'**, ну какая-то такая была токсичность и поэтому я сразу не общалась." (P2)

" Anyway, I tried to avoid interacting with Kyrgyz people altogether. I felt weird interacting with people just because we were from the same country, and because of our upbringing, **when you're just sitting in a group, and people ask you 'Why aren't you married?' or 'When are you getting married?'** There was a certain toxicity to it, so I avoided them right away." (P2)

A sense of being different from other Kyrgyz students or migrants was also a strong theme. Participant 2 found the events "cringe" – inducing and irritating, while another felt a disconnect in mindset and interests, stating, " all this national stuff started to seem marginal to me" (P6). Participants often tend to distinguish themselves from labour migrants, with one admitting she "really did not want to be associated with them" and wanted to "separate myself from this group" (P9).

A recurring negative theme was interactions with male Kyrgyz male migrants, which often worsened once a shared ethnicity was established. Several female participants reported that

Kyrgyz men become disrespectful and overly familiar after discovering they are also Kyrgyz (P1, P8, P10). This was manifested as harassment on the street (P8), aggressive questioning about dating non-Kyrgyz men (P10), or a general lack of professionalism, as with a taxi driver who became invasive after learning his client was Kyrgyz (P1) – see Example (15).

(15) “С такистами я тоже по имени сразу понимаю, что это кыргыз, но я стараюсь не выдать, что я кыргызка, потому что в какой-то момент снимается этот барьер, что этого человека можно уважать как человека, клиента, не знаю, как ты общался бы с русским человеком условно. **С момента они узнают, что ты кыргыз, что вы одной крови, начинаются какие-то фамиллярности, кыргызское пи---больство.**” (P1)

“ With taxi drivers, I also immediately recognize that they’re Kyrgyz by their name, but I try not to reveal that I’m Kyrgyz, because at some point the barrier that this person can be respected as a person, a client, is lifted... **From the moment they find out you’re Kyrgyz, that you share the same blood, familiarity, and Kyrgyz bulls--t begins.**” (P1)

This behaviour leads to a strategy of avoidance. Participant 3 stated she is “terrified of male migrants” and feels a “strange sense of vulnerability when I pass by our migrants”. Others (P1, P2, P8) pretended not to be Kyrgyz to avoid unwanted advances. Participant 10 concluded, “Instead of feeling some kind of support from your own people, you feel some kind of danger”.

Living in Russia also required a continuous negotiation between maintaining Kyrgyz cultural identity and adapting to the dominant Russian environment. Connection to Kyrgyz culture was preserved primarily through tangible and personal means. Food is the most cited cultural anchor. Participants (P01, P02, P03) frequently mentioned eating or cooking national dishes,

such as *plov*¹², *kurut*¹³, and *boorsok*¹⁴, and drinking *shoro*¹⁵ and *Kyrgyzstan cognac*¹⁶. Shopping at Kyrgyz stores was also a common practice (P1).

Another anchor was language. In most cases, Kyrgyz was primarily used within the family, often in a mixed Russian-Kyrgyz dialect, referred to as *surzhyk*¹⁷ (P01). Some (P3, P6) made a conscious effort to consume Kyrgyz media, such as films or music, to prevent language loss. Holidays like Nooruz¹⁸, Kurman Ait¹⁹, and Orozo Ait²⁰ are observed, often through the preparation of special meals and the celebration of family (P6, P8). Traditional rituals, such as burning *archa* (juniper) or making *zheti nan* (seven flatbreads) for the deceased, were also maintained (P3, P6). For many, being in a foreign context heightened their sense of Kyrgyzness. Participant 3 noted, “When I moved here, I realized how Eastern I really am” (P3). Another (P4) stated, “I felt my identity more acutely there... I tried to express myself more”.

Acculturation strategies toward the Kyrgyz ethnic group differed from those directed at the Russian majority. In interactions with ethnic Russians, avoidance was largely absent, primarily because participants were embedded in professional and educational environments where contact was routine and unavoidable. Engagement with Russians was therefore less conditional and more situational. In contrast, communication with Kyrgyz individuals, particularly members of the diaspora and, more specifically, Kyrgyz male migrants, was often described as conditional and selective. Participants used terms such as “cringe” and “marginal” to describe

---

¹² *Plov* – one-pot dish of seasoned rice, meat (usually lamb or beef), carrots, onions, and garlic, cooked in a large pot called a *kazan*.

¹³ *Kurut* – a traditional snack made from fermented, dried, and salted dairy, often formed into hard white balls or shapes.

¹⁴ *Boorsok* – small, airy pieces of dough, often cut into diamonds or squares, are deep-fried in a cauldron (*kazan*) until golden brown.

¹⁵ *Shoro* – a popular, traditional Kyrgyz fermented beverage brand known for grain and yogurt-based drinks like Maksym (barley/wheat), Chalap (fermented milk), and Jarma.

¹⁶ *Kyrgyzstan cognac* – a renowned local spirit made from grapes and aged in oak barrels, a popular, affordable souvenir.

¹⁷ *Surzhyk* – a mixture of the Ukrainian and Russian languages. The word referred to the grain product consisting of a mixture of different grains (such as wheat and rye) or the flour and bread produced from such a blend. The term now refers to different forms of code-switching.

¹⁸ Nooruz – a pagan holiday that marks the beginning of the new year, the equinox is considered a holy day among Zoroastrians and is celebrated across Eurasia.

¹⁹ Kurman Ait – (Eid al-Adha) – major public holiday in Kyrgyzstan. Originally a sacred Islamic festival honoring sacrifice and devotion, featuring morning prayers, family visits, charity, and the traditional sacrifice of animals (sheep, cattle).

²⁰ Orozo Ait (Eid al-Fitr) – a major Islamic holiday celebrated in Kyrgyzstan that marks the conclusion of the holy month of Ramadan, a period of 29 or 30 days of fasting from dawn to dusk.

certain situations, signalling their otherness and differentiation within the diaspora. They emphasized tensions coming from unwanted questions, unsolicited moral commentary, and instances of street harassment, leading to fear of gender-based violence from co-ethnic men documented in existing research (Abdukadyrova and Studenko, 2023; Gabdulhakov, 2019; Ibraeva, Moldosheva and Ablezova, 2015; The Asia Pacific Forum on Women, Law and Development, 2021). It was relatively rare for participants to report close Kyrgyz friendships formed in Moscow. Although many maintained strong transnational ties with friends and relatives in Kyrgyzstan, they did not actively seek out Kyrgyz networks in the host city. This selective distancing, however, did not imply cultural distance. Similar patterns have been observed among other migrant groups, in which individuals limit participation in co-ethnic networks while maintaining symbolic and cultural connections to their homeland (Portes and Rumbaut, 2001; Levitt and Jaworsky, 2007). When discussing practices that supported their sense of belonging, participants consistently referred to food, alongside rituals and celebrations that marked important life events (Bailey, 2017). These patterns suggest a differentiated form of acculturation: social distance from co-ethnic networks with continued cultural attachment and transnational belonging. Such configurations are commonly described in migration literature as forms of selective or segmented acculturation, in which migrants adapt to the host society while preserving specific cultural practices and identities from the country of origin (Portes and Rumbaut, 2001).

5.2.5. Ethnic identity

The migration experience served as a powerful catalyst for re-evaluating what it means to be Kyrgyz. While all participants identified as Kyrgyz without hesitation, their definitions varied, often emphasizing origin, language, cultural practices, and an emotional connection to their homeland. Participants often described ethnic identity in essentialist terms, using expressions such as “genetic code” and “blood,” and presenting ethnicity as something fixed that does not change through migration or long-term residence abroad. In this view, being Kyrgyz was understood as an inherent and stable characteristic, rooted in origin and unaffected by spatial mobility: “I am Kyrgyz, purely Kyrgyz” (P1); “Well, I’ll be Kyrgyz for the rest of my life” (P2); “ I’m Kyrgyz. I’m Kyrgyz. I’m Kyrgyz” (P4); “I’m Kyrgyz. I’m tied up like a little

donkey” (P6); “Kyrgyz, I have no doubt about it” (P7); “Living in England for 20 years won’t make you English” (P10).

At the same time, when explaining their own “Kyrgyzness,” participants referred to a wider range of social and cultural elements. They spoke about language, upbringing, everyday practices, moral values, and following cultural norms. They also distinguished between “authentic” and “non-authentic” forms of belonging, where losing ties, forgetting language, and not loving a country would place someone closer to a “non-authentic” part of the scale. In doing so, they relied on criteria that are learned and socially shaped, even if they simultaneously described identity as something given and unchangeable.

Key components of being Kyrgyz socially included speaking Kyrgyz. Language was often described as the most critical marker of ethnic belonging, being more than just a tool for communication: “Language fills your structure very well. It is how your heart speaks.” (P1), highlighting the central role of language in identity construction that will be examined further in the following sections dedicated to Critical Discourse Analysis (see 5.2). Participants also referred to the geographical origin, where they were born and raised, as a decisive factor in shaping their sense of ethnic identity – see Example (16).

(16) “Мне кажется больше всего, конечно, это язык, культура, которую придерживаешься, страна, где ты родилась, где ты живешь или какую страну считаешь родиной. Родиной я считаю Кыргызстан. Я здесь жила, я здесь родилась. Даже если я буду жить в другой стране, то в любом случае я буду себя идентифицировать как кыргызка.” (P10)

“It seems to me that the most important ones are, of course, language, the culture you adhere to, the country where you were born, where you live, or what country you consider your homeland. I consider Kyrgyzstan my homeland. I lived here, I was born here. Even if I live in another country, I will still identify myself as Kyrgyz.” (P10)

Being Kyrgyz was also defined through connection to family and traditions (respect for elders, hospitality), and an innate love for the country: “Being Kyrgyz probably means loving Kyrgyzstan.” (P1). An unspoken understanding of a shared social and cultural context also defined Kyrgyzness: “I can read it: all these interjections, glances, body language, who meant what, where they sat, all these things” (P6). Here, participants referred to non-verbal language, symbolism, traditions, and culturally embedded codes that structure social interaction within Kyrgyz society. For instance, all participants had a basic knowledge of how celebrations are

organized, how guests are received and seated, how respect is communicated through forms of address, and how generational and gender hierarchies are performed in ritual settings. They were familiar with expectations regarding hospitality, appropriate dress, gift-giving practices, and the distribution of roles during life-cycle events. This cultural competence was described as a “mentality” and a way of life that makes them Kyrgyz – see Example (17).

(17) “Наш **язык, наша культура, наше мировоззрение, наши традиции, то, как мы живём**. Хотя, конечно, русские живут проще, чем мы, но всё-таки в наших традициях и в нашем менталитете есть много хорошего именно для человека. То же самое, ну, я же говорю, они, например, с родственниками не взаимодействуют, это не сильно близко мне.” (P8).

“ **Our language, our culture, our worldview, our traditions, the way we live**. Although, of course, Russians live a simpler life than we do, there are still many good things in our traditions and our mentality that are particularly beneficial to human beings. The same thing, well, as I said, they, for example, don’t interact with their relatives; that’s not something I really connect with.” (P8).

Alongside the certainty of one’s ethnic identity, one of the major themes was the feeling of not fully belonging to either Kyrgyz or Russian culture, influenced by the migration experience, which created a sense of being caught between two worlds. Participant 03 articulated this feeling vividly – see Example (18).

(18) “ **Я как будто не чувствую себя своей у себя в стране**, что я стала не такой [...] Я приезжаю сюда [в Россию] и тут я тоже не своя, и вот этот вопрос ‘а где я своя’ очень меня беспокоит.” (P3)

“ **It is as if I do not feel like I belong in my own country**, that I have become different... I come here [to Russia], and I do not belong either, and this question of ‘where do I belong’ really bothers me.” (P3)

However, for some, the migration experience served as a catalyst for strengthening their ethnic identity. Participant 06 explained that her sense of being Kyrgyz expanded in Russia, while she felt distanced in Kyrgyzstan: “When I lived in Kyrgyzstan, I did not have a clear sense of identity, and in a hostile environment, in a different field, it swelled and expanded” (P6). Similarly, Participant 10 said she “became more Kyrgyz” after living in a different environment and constantly comparing cultures. The same was experienced by Participant 03, who often felt “Westernized” or “Russified,” because of speaking Russian and being interested in

American television, but in Russia, she realized how “very Kyrgyz” and “very Eastern” she truly was. However, when returning to Kyrgyzstan or finding themselves among Kyrgyz fellows, they would feel less Kyrgyz and lost. This dual perception highlights a fractured and conditional sense of belonging. Participant 9 demonstrated this dual perception and fractured sense of belonging through the “typical portrait” of a conservative, domestic Kyrgyz woman, noting that, because she does not fit these attributes, she sometimes feels “not quite Kyrgyz” in Kyrgyzstan.

Distancing was evident in the Russian context, where participants clearly differentiated themselves from Kyrgyz labour migrants. They recognized that their own experiences differed significantly from those of labour migrants, primarily due to higher language proficiency and social status (P2, P5). While this acknowledgment of privilege came with empathy for the hardships faced by labour migrants, it was accompanied by an insistence on not identifying as a Kyrgyz migrant. Some participants felt “insecure” about their non-Slavic features and sought to emphasize their identity as students in the Russian society.

This pattern of distancing aligns with observations made in previous sections on acculturation practices and ethnic relations (see 5.2.3 and 5.2.4), where interactions with both Russian and Kyrgyz groups generated feelings of alienation and tension, the latter – especially when interacting with male migrants. It is important to note that, in these interactions, participants would assume any Asian identity. Participant 01 explained that when Kyrgyz men approached her, she tried her best not to reveal her ethnicity, often pretending she did not understand the language. She would claim to be Tatar, Korean, or Buryat. The same strategy was used by Participant 2 – she would not reveal that she was Kyrgyz to avoid the “friendly chatter” and “familiarity” with Kyrgyz male migrants. These examples demonstrate that ethnic identity was negotiated and performed differently in various contexts. By downplaying or masking their Kyrgyz ethnicity in interactions with male Kyrgyz migrants, participants demonstrated that ethnic identity was not fixed in practice, even if they described it as essential.

Narratives about ethnic identity reveal several important aspects of how participants view themselves. The identity they identified with was primarily rooted in origin, “blood,” or citizenship. However, when elaborating on what it means to be Kyrgyz, they referred to social and cultural elements such as language, everyday practices, celebrations, cooking traditional dishes, and maintaining relationships. When reflecting on the impact of migration, participants described identity as a continuum. In some contexts, particularly in Russian society, they felt

more Kyrgyz, whereas in Kyrgyz society, they felt less Kyrgyz. The terms “authentic” and “non-authentic” were used to explain these differences and to position themselves within shifting boundaries of belonging. At the same time, participants did not always openly present or perform their ethnic identity. In public settings, they often relied on their student identity. In interactions with Kyrgyz male migrants, some chose to hide their ethnicity or perform another identity in order to avoid unwanted contact. These examples show that ethnic identity was not fixed but negotiated throughout the interviews. As topics changed and new contexts emerged, participants’ descriptions of their identity also shifted.

For many, migration was a transformative experience. Identity, which had previously been taken for granted in Kyrgyzstan, became an object of reflection and reassessment. Participants reconsidered their social position and sense of belonging. In this regard, identity was closely connected to belonging, which corresponds with the main assumptions of Social Identity Theory (1979). By the end of the interviews, several participants expressed a sense of not fully belonging to either context, neither fully Kyrgyz nor fully Russian, leaving this question of belonging unresolved.

5.2.6. Migration plans

At the end of the interviews, participants were asked about their future plans in order to conclude the discussion on ethnic identity and their migration journey. Long-term plans were characterized by uncertainty, with the 2022 war changing perspectives in Russia as a potential place to live. The start of the full-scale invasion of Ukraine was a significant point. One participant recalled, “When the war came, all my hopes were dashed” (P2). The war shattered the “American dream of ‘coming to Moscow and conquering it’” (P2) and made Russia feel like a “dead end” (P1).

Many started thinking about a “second migration” to Europe or elsewhere, seeing it as the next logical step (P2, P6). Russia was no longer viewed as a long-term home. Despite a deep attachment to their homeland, a permanent return was not considered. The primary barrier was the low salary level, which participants perceived as a significant step down and insufficient for survival (P1). Participants expressed frustration with the political situation, including the

“absolute worship of the Kremlin,” corruption, and “societal degradation” (P1). Social conservatism, particularly regarding women’s roles and victim-blaming in cases of gender-based violence in Kyrgyzstan (Amnesty International, 2023, UN Women, 2020), was another significant reason: “Things like this infuriate me so much that I would not want to be there” (P1). Basic quality-of-life issues, such as poor roads, sidewalks, and a lack of comfortable urban spaces, make returning unattractive (P1, P7).

Despite the difficulties, the emotional and spiritual tie to Kyrgyzstan remained powerful. There was a profound sense that Kyrgyzstan is the ultimate home, regardless of where one lives. “I am sure that even if I did not live, I would want, if not to die, then to be buried where I was born, among my people, on my own land” (P1). The desire to return was often framed conditionally: “If Kyrgyzstan had a good life, if the laws worked [...] few people would leave” (P01). For those who built a life in Russia, leaving felt like a profound loss, creating a sense of homelessness. “I considered it [Moscow] my homeland” (P4).

Overall, participants’ future plans reflect a condition of uncertainty and ongoing negotiation shaped by political change. The war against Ukraine disrupted Russia as a stable point of settlement for participants, while returning to Kyrgyzstan remained limited by economic, political, and social concerns. Neither context provided a secure, long-term place to call home. Participants remained symbolically and emotionally attached to Kyrgyzstan, yet critical of its conditions; at the same time, the lives they had built in Russia no longer guaranteed stability, even though some viewed it as a home and dreamed of “conquering Moscow”. This created a state of in-betweenness, similar to their ethnic identity, in which belonging is not fixed but rather conditional, and further migration is considered a realistic and logical continuation of their journey.

5.2.7. Ethnographic level: General discussion

This level examined narratives from highly educated Kyrgyz women employed in professional fields such as journalism, marketing, and project-based work in Russia. Their migration was not primarily driven by economic survival, but by educational goals, professional development, and, in some cases, the desire to distance themselves from restrictive or “toxic” environments

in Kyrgyzstan. Russia was chosen by many for strategic reasons: a shared Russian language, accessible higher education, and established networks. However, the relative “privilege” compared to labour migrants did not protect them from racialized hierarchies in the host society.

Kyrgyz female migrants were socially integrated but felt nevertheless excluded from Russian society due to daily xenophobic attitudes demonstrated through microaggressions in day-to-day interactions, racialized stereotypes, and structural discrimination, particularly in housing, bureaucratic, and repressive immigration procedures. Fluency in Russian and professional competence reduced formal barriers and explicit othering, but did not eliminate social distance: participants were often treated as exceptions to negative stereotypes about Central Asian migrants, which made their belonging conditional.

At the same time, participants experienced feelings of guilt and shame in the Kyrgyz community. This was explained by gender-based violence committed by Kyrgyz male migrants. Participants discussed how they are trying to distance themselves from their male compatriots and, more broadly, from migrants, and expressed a wish to be perceived as distinct individuals. This led to the separation from the community and an internalized phobia of being harassed and deprived of freedom. This demonstrates how the patriarchal structure of the sending society creates pressure and, with marginalization in the host society, forces them to navigate multiple roles and social contexts.

Migration became a transformative experience for many, reshaping their sense of ethnic identity. Although participants often described ethnic identity in essentialist terms, referring to “blood” or origin, their narratives revealed that belonging was situational and negotiated. Findings indicated that Kyrgyz female migrants do not strictly adhere to a single acculturation strategy, such as separation and marginalization, or assimilation and integration (Berry, 2006), but instead adopt a combination of strategies. Their Kyrgyz identity was tied to their birth location, citizenship, and cultural practices like hospitality, as well as specific traits such as flexibility and a way of life referred to as “mentality”. Participants also identified a divide between “authentic” Kyrgyz and “Russified” *Kirghiz*, based on language use and traditions: those who lacked Kyrgyz fluency and did not follow traditions identified as *Kirghiz* and had doubts about the authenticity of their ethnic identity. At the same time, ethnic identity

was performed differently when in danger: participants would choose any Asian identity, such as Tatar, Korean, or Buryat, to avoid unwanted interactions with Kyrgyz male migrants.

These layers and conditions of self-identification highlight the fluidity and dynamicity of Kyrgyz female migrants' ethnic identity, suggesting a model of ethnic belonging that is partial and hybrid, situated "everywhere and nowhere." This implies that the ethnic identities of female migrants are complex and nuanced, not reducible to a simple scheme. It can be concluded that identity – at least in the case of Kyrgyz female migrants in Russia – is scalar, a continuum, where migrants position themselves in different ways depending on the context. This contextual positioning, constant negotiation, and varied performances were evident in how they feel more Kyrgyz in Russia, whereas their identification shifts when in a Kyrgyz context, leaving them with a complex sense of belonging.

5.3. Discourse level: Critical Discourse Analysis

In this section of the analysis, Fairclough's (2001) Critical Discourse Analysis model was applied to interpret participants' discourses on ethnic identity. This section answers the question "How?": "How do they identify themselves?" "How do they understand identity?" and "What does it mean to be Kyrgyz?" Here, the research is focused on three dimensions: what is said (text), how discourse is produced (discourse practice), and why discursive patterns occur in relation to wider social structures and power hierarchies (sociocultural analysis). The first dimension describes how the notion of identity was examined – its formal properties, the vocabulary participants use, modality, and metaphors - focusing on the micro-level of language. The second dimension explores discourse practice and examines how individual texts circulate and subvert broader societal discourses, bridging the gap between personal speech (meso-level) and macro-structures. The final dimension, sociocultural practice, connects discourse to the overarching structures of power, institutional hierarchies, and historical legacies.

5.3.1. First dimension: Text (micro-level)

The textual level of Critical Discourse Analysis is focused on the text itself. “What is said” is at the centre, specifically the examination of the notion of ethnic identity. Textual analysis is focused on micro-structure and deconstructs specific linguistic markers, such as word choice, labels, grammar, and metaphors, that respondents use to position themselves within Russian society. Some examples include code-switching and code-mixing, demonstrating the metaphorical switch during the interviews that symbolically highlight certain details of ethnic identity.

At the textual level, participants used specific evaluative descriptors, such as “authentic Kyrgyz” or “*Kypkyrgyz*” (purely Kyrgyz), to construct a hierarchy of belonging. *Kyp-* is a suffix in Kyrgyz that intensifies a word, making it absolute or superlative. In informal Kyrgyz, the superlative form is formed by doubling and amplifying the word. Participant 01 used this descriptor, borrowing a linguistic feature from Kyrgyz, to assert and justify her ethnic identity in her answer to the “How do you ethnically identify yourself?” question – see Example (19).

(19) “Кыргыз, абсолютно точно, **кыпкыргыз**.” (P1)

“Kyrgyz, absolutely, **Kypkyrgyz**” (P01)
(*kypkyrgyz* (KG) = purely Kyrgyz)

Using these descriptors, participants symbolically placed themselves on a scale in which, depending on context, language knowledge, and practices, they could be more Kyrgyz or less Kyrgyz. However, in the case of Participant 1, it was considered a fixed category. She referred to various factors, from geographical and biological to linguistic, cultural, and emotional, such as her place of birth, Kyrgyz parents, a Kyrgyz passport, and language knowledge, as well as her love of the country, which constituted her stable ethnic identity. The example shows that the participant identifies more authentically when inserting established Kyrgyz profanity phrases such as “go to hell”, “prostitute”, or “hole in the carpet” – Example (20).

(20) “Я пытаюсь учить своих друзей, коллег кыргызскому языку, но это что-то из “мээн котундо кал”, “жалап” и все, что может пригодиться в реальной жизни, очень нравится еще “постоктун тешиги”. Я **аутентичная кыргызка** чем ты.” (P1)

“I try to teach my friends and colleagues Kyrgyz, but it’s mostly about ‘meen kotundo kal’, ‘jalap’, and anything useful in real life. I also really like ‘postoktun teshigi’. I’m more of an **authentic Kyrgyz** than you.” (P1)

(*meen kotundo kal* (KG) = go to hell; *jalap* (KG) = prostitute; *postoktun teshigi* (KG) = hole in the carpet)

However, the ability of ethnic identity to be reduced over time was noted in Example (21), indicating a processual framing of identity that might shift from more to less authentic. This example appears at the end of the interview, when the participant reflects on the effects of migration on her identity, noting dramatic changes in her perception of life and values. The notion of identity authenticity is defined through early marriage to a Kyrgyz individual, preserving “the purity of blood” controlled by *jeti ata* (seven fathers, ancestors), and maintaining a Muslim religious identity that the participant did not identify with. The biological marker appears as an element of authenticity that the participant challenges; thus, the reflection and lexical changes reflect a process of constant self-reflection and the fluidity of identity.

(21) “Я, возможно, стала **менее аутентичной кыргызской**. До этого, конечно, я воспитывалась в абсолютно аутентичной кыргызской семье. Я в детстве думала, что я выйду замуж в 19 лет. Почему-то у меня было четкое понятие, что в 19 лет я выйду замуж, в 20 у меня родится ребенок [...] Я в это абсолютно верила, что семь предков, которые смогли сохранить **чистоту кыргызской крови**, будут гореть в аду, если я вздумаю смотреть на кого-либо, кто не является кыргызом.” (P1)

“ I may have become **less of an authentic Kyrgyz**. Before that, of course, I was raised in a completely authentic Kyrgyz family. As a child, I thought I’d get married at 19. For some reason, I had a clear idea that I’d get married at 19 and have a child at 20 [...] I absolutely believed it, that the seven ancestors who managed to preserve the **purity of Kyrgyz blood** would burn in hell if I even dared to look at anyone who wasn’t Kyrgyz.” (P1)

The reduction of authenticity reflected in the excerpt is balanced by intrasentential metaphorical code-switching from Russian to Kyrgyz, in which the participant mentions the concept of seven fathers, a normative rule requiring knowledge of the names of one’s seven direct ancestors to prevent genetic diseases and preserve cultural heritage. In this context, the reference functions simultaneously as a mechanism of social control and as a source of moral shame.

This is not the only example of ethnic identity that was essentialized through biological markers like “blood”, “Kyrgyz by blood,” when describing their identity, or “share the same blood” when referring to the experiences with other Kyrgyz individuals. The word blood in the next

Example (22) goes with the citizenship. While citizenship can change, ethnic identity cannot, according to Participant 2, who distinguishes between the two.

(22) “Эээ, кыргызка, да да, кыргызстанка. Ну, **кыргызка как по крови, и по гражданству кыргызстанка**. Ну то есть я же могу быть другого гражданства, типа Израиля, ну это возможно стать израильянкой, поэтому я уточняю, что **пока что я кыргызстанка**. Ну кыргызкой я буду до конца дней своих, а **кыргызстанкой – сейчас**.” (P2)

“Uh, Kyrgyz, yes, yes, Kyrgyz. Well, I’m **Kyrgyz by blood and Kyrgyzstani by citizenship**. I mean, I could have another citizenship, like Israel, and it’s possible to become Israeli, so I’ll clarify that **for now, I’m Kyrgyzstani**. Well, **I’ll be Kyrgyz for the rest of my life**, and I’m **Kyrgyzstani** for now.” (P2)

Another biological marker used in the context of identity is the “filthy mudblood” in Example (23), a phrase borrowed from the Harry Potter book series to describe interactions with Russians. *Mudblood* in the Harry Potter series is a derogatory term used to describe those born to Muggles, people with no magical abilities, or to people with mixed origins, including one wizard parent. However, here the participant used *mudblood* together with the ethnic slur *churka* (“chock of wood, ignorant person”) used in Russia towards non-Slavs, specifically, people from Central Asia and the Caucasus. The participants referred to these words to say that no one actually called her this way, but the choice of the *churka* and mudblood describes the context of her as a Kyrgyz migrant being perceived as a third-class citizen and refers to the ethnic “impurity.”

(23) “Я просто не знаю, в открытую мне ничего не говорили, типа “понаехала, **чурка, не чурка, грязнокровка, поганая грязнокровка**”, нет. В открытую никогда не говорили, мне вот сейчас трудно различить, со мной на кассе грубо общались, потому что я кыргызка или потому что кассирша сама по себе грубая.” (P2).

“ I just don’t know, they never said anything openly to me, like, ‘all come flocking in, **churka, mudblood, a filthy mudblood**’, no. They never said anything openly, it’s hard for me to tell now whether they were rude to me at the checkout because I’m Kyrgyz or because the cashier herself is rude.” (P2)

The biological marker in this case demonstrates the ethnic identity in relation to others, in this case, Russian ethnic identity, which is not mentioned but understood from the text. Naming others was one of the descriptors that demonstrated identity and its place in Russian society.

For instance, terms like “Slavic” used to describe Russian ethnic identity and “non-Slavic” describing non-Russian ethnic identity emphasized belonging to Kyrgyz identity and the bigger Central Asian identity, and highlighted exclusion. Exclusion was described by Participant 9 through negation and a sense of non-belonging not only to Russian identity but also to wider Slavic identity. The identity here is reflected in recognizable, visible markers, where being Slavic is defined by pale skin, blonde hair, and bright eyes.

(24) “...Например, когда я ходила на улице, то я комплексовала из-за своей нерусскости, неславянскости.” (P9)

“...For example, when I walked down the street, I felt insecure about my **non-Russianness**, my **non-Slavicness**.” (P9).

At the same time, “Russian” and “Russianness” were used to describe Kyrgyz urban identity. The term *Orus kyz* (“Russian girl”) was mentioned by Participant 3 in the Kyrgyz context to describe a particular social identity, in which urban residence and the use of Russian are taken as markers of being “Russian.” Because most participants of the research lived in the capital of Kyrgyzstan before moving to Russia, they were perceived as more Russian. This categorization was reinforced by other forms of local urban slang, such as *Balkonskii* (“balcony person”), a code-mixing wordplay derived from the character Andrei Bolkonsky in *War and Peace* by Leo Tolstoy. By replacing *Bolkonsky* with *balcony*, the term humorously indexes Kyrgyz city-dwellers who have never lived in a village, speak Russian, and are primarily oriented toward Russian culture and literature. The word *Orustardai* (“like Russians”) in Example (25) uses a Russian equivalent and then indexes the local category to strengthen the comparison between “here” (in Russia) and “there” (in Kyrgyzstan). Participant 03 distinguishes herself from Russians in Russia, and her contrasting identity is relative to the other. The insertion of the Kyrgyz term indexes a local mode of categorization and highlights that Russianness is relative and situational.

(25) “ Но когда я переехала сюда, я поняла, насколько я все-таки восточный человек, хотя, несмотря на то, что я вся такая городская в Бишкеке. Ну вот говорят же у нас как ‘русский’, ‘**орустардай**’, в Кыргызстане говорят, а здесь я поняла, что я не как русская, все-таки я очень восточная.” (P3)

“But when I moved here, I realized how Eastern I really am, despite being such a city girl in Bishkek. Well, we say ‘like a Russian,’ ‘*orustardai*,’ in Kyrgyzstan, but here I realized I’m not like a Russian,

I'm very Eastern" (P3)

(*orustardai* (KG) = like Russians)

Kyrgyz ethnic identity was also articulated in reference to other Kyrgyz individuals. In this case, self-identification emerged indirectly: rather than explicitly naming the self, Participant 1 defined identity through categorizing others. This asymmetry, in which the self remains implicit while others are explicitly labelled, created a linguistic distance that constructs two distinct groups within the same ethnic category. One salient example is the term *mankurt*, a metaphorical label for a person who has lost their cultural, historical, and ethnic memory. The term originated in a myth popularized by the Kyrgyz and Soviet writer Chinghiz Aitmatov in his novel *The Day Lasts More Than a Hundred Years*. Participant 01 employed *mankurt* as a derogatory term for individuals perceived as having lost their roots, using it as a criterion for evaluating ethnic identity.

(26) “Да, если определять, что такое быть кыргызом – это значит любить Кыргызстан для меня значит. Поэтому все наши чинуши это не кыргызы, это какие-то **манкурты**.” (P1)

“Yes, if you define being Kyrgyz, it means loving Kyrgyzstan – that’s what it means to me. That’s why all our bureaucrats aren’t Kyrgyz, they’re some kind of **mankurts**.” (P1)

In this framing, being Kyrgyz is also a moral and affective practice, specifically, an active love for the country. The term *mankurt* thus functions as a boundary-making device, drawing a line between “true” Kyrgyzness and its perceived loss. By contrast, the term *mekendeshter* (“compatriots”) refers to fellow Kyrgyz people in Russia with whom participants established social ties. Participant 4 introduced this term when describing her relationships with other Kyrgyz migrants. Although her relatives initially advised her to avoid people from Kyrgyzstan while in Russia, she later noted that she felt calmer in their presence and could rely on them. Notably, she first framed these connections through the category of relatives, then introduced the Kyrgyz term *mekendeshter*, which extends the basis of identification beyond ethnicity alone to a shared place of origin. This intrasentential code-switching and the insertion of the Kyrgyz index refer to the kinship and emotional alignment the participant has with the in-group.

(27) “Ой, у нас общий бэкграунд, мы друг друга поймем, если мы что-то друг другу скажем. Если что, меня мои выручат. У меня было такое, что моего друга кто-то задержал, он мне позвонил, я включила свой супер строгий голос, в общем, я его спасла. И я думала, если что, мне, мне вот

так помогите, если меня остановят, скажет таким же голосом, максимально ‘кто, фамилия, имя’. Ну вот родные, соотечественники имею в виду, **мекендештер.**” (P4)

“Oh, we have a common background, we’ll understand each other if we say something to each other. If anything, my people will help me out. I once had a situation where someone detained my friend, he called me, I turned on my super stern voice, basically, I saved him. And I thought, if anything happens, help me, help me like this, if I get stopped, he’ll say in the same voice, as much as “who, last name, first name” . Well, I mean relatives, compatriots, I mean, **mekendeshter.**” (P4)
(mekendeshter (KG) = compatriots)

In the next Example (28), identity is framed through local shared space and tribal belonging. Participant 4 organizes her ethnic identity through a hierarchical ordering of her affiliations, prioritizing local and tribal belonging over broader ethnic identification. This is made visible through the sequential structuring of identity labels: Sayak → Kyrgyz → Jumgal, where Sayak is the name of the tribe she belongs to, Kyrgyz is her ethnic identity, and Jumgal is the name of the region she is coming from.

(28) “Я кыргызка. Я кыргызка. Кыргыз кыз. **Я саяк. Мы СС. Супер Саяки.** У нас в семье это всегда было. Так что я сначала **саяк**, а потом кыргыз, я джумгальская, хотя я никогда там не была.”
(P4)

“I’m Kyrgyz. I am Kyrgyz. Kyrgyz girl. **I’m Sayak. We’re SS. Super Sayak.** It was always like this in my family. So first I’m **Sayak**, then Kyrgyz, I’m from Jumgal, even though I’ve never been there.”
(P4)

The playful phrase *Super Sayak* represents intrasentential code-mixing, combining an English modifier *Super* with a Kyrgyz ethnonym “*Sayak*” , which aligns local identity with global cosmopolitan culture.

Local gender identity was implicit during the interviews. Participants mostly referred to their ethnic and gender identity, “Kyrgyz women,” in the context of interactions with, or the absence of, Kyrgyz men, as in the case of Participant 1, who, before her migration, believed that she should marry only a Kyrgyz man, but after had tensions and preferred not to interact due to amount disrespect and familiarity shown from them. The Example (29) below demonstrates how identity presented to others can be chosen – the participant has a variety of choices, ranging from Tatar and Korean to Buryat and other Asian or indigenous ethnic groups in Russia.

(29) “ Они спрашивают ‘а кто вы по национальности’, это их самый любимый вопрос, и я говорю “ что, простите”, как будто не понимаю кыргызский язык, и здесь у меня большой широкий выбор: **я могу сказать, что я наполовину татарка, наполовину кореянка, я могу сказать, что я в принципе кореянка, я могу сказать, что я бурятка** и т.д и т.п [...] Когда ты даешь им знать, что ты кыргызка, у них вот этот барьер, что этого человека надо уважать, он сразу как будто бы снимается, понимаешь.” (P1)

“ They ask ‘What’s your ethnicity?’ that’s their favorite question, and I say, ‘Excuse me,’ as if I don’t understand Kyrgyz. And here I have a wide range of options: **I can say that I’m half Tatar, half Korean, I can say that I’m basically Korean, I can say that I’m Buryat, and so on and so forth** [...] When you let them know you’re Kyrgyz, this barrier they have, that this person needs to be respected, it’s like it’s immediately lifted, you know.” (P1)

As an example of the first instance, Participant 1 described a case in which she asked a taxi driver for help with her suitcases; after the driver entered the home in his shoes and stepped on the carpets, he asked whether she had a bathroom. She quotes this phrase in Kyrgyz to show the familiarity that infuriated her: “He was shouting quite loudly [...] *Vannan barby*” (Do you have a bathroom?). Although not explicitly emphasized, gender identity becomes central when individuals identify themselves to others.

Although many had framed their ethnic and gender identity in relation to Kyrgyz men, they are avoiding it due to harassment; one participant mentioned gender identity as something that she enjoys. It is noteworthy that she mentioned a married woman’s status in the Kyrgyz context here. She inserted the word *kelinka*, which means “daughter-in-law” and “newlywed woman.” Apart from its translation, the “image of Kelinka” she referred to requires modesty, respectability, certain behaviour, and hierarchy. She contextualized it first and used a culturally specific term that refers to visible social: gender and ethnic identity.

(30) “ I like the tradition of wearing a white headscarf on the first days of marriage. When you walk down the street, you can immediately tell who’s just married, who’s just gotten married, which girl just got married, yes...I probably like the image of a **kelinka**.” (P8)

“ Ну, мне нравится традиция, когда носят белый платок в первые дни своего замужества. Когда идёшь по улице, сразу заметно, да, кто только поженился, кто только замуж вышел, какая девушка только замуж вышла, да...Образ **келинки** мне, наверное, нравится.” (P8)
(*Kelinka* (KG) = Newlywed, daughter-in-law)

These examples demonstrate various views of identity: natural and fixed, negotiable and performative, mixed with local and broader identities based on a shared place or other social identities such as gender. Many cases and contrasting definitions can appear within a single interview by a single individual, in which identity is first defined as stable and then becomes fluid towards the end. Ethnic identity was framed both as a single entity not affected by external factors, but also in relation to others that were not only Russians but also other Kyrgyz people who were more authentic and performed it better or less authentic.

When describing this, participants alternated between languages to explain phenomena or to stress them, and to demonstrate identity through insider phrases and words. In most cases, it was intrasentential code-switching, with the metaphoric alternation influenced by change of the topic. In other cases, participants borrowed lexical structures, such as suffixes, or used code-mixing when referring to words originating in their heritage language that were widely used in the Russian context. Apart from that, in defining ethnic identity, different grammatical structures were used. For instance, markers such as “I think,” “maybe,” and “it seems” were used to reflect on respondents’ complex sense of belonging. At the same time, modal verbs of obligation, such as “must” and “have to,” appeared when discussing the pressure to “be better” than Russians to avoid the stigma of “uncivilized and uneducated migrant.” A similar observation can be made about discussing identity beyond ethnicity. Participants presented themselves as active agents in their professional identities, using structures such as “I applied,” “I entered,” and “I won.” However, in the context of the Russian state and migration experience, they appeared as passive objects. For instance, as mentioned in the example with “mudblood”, “they never said anything to me” was used.

Participants also used metaphors in their narratives to describe their identity transformation and reflection process. For instance, “roots” was a dominant metaphor for ethnic and cultural origin, as something that does not change and to which you should return at the end of the journey. Following this logic, the term “genetic code” was used in the interview with Participant 8, suggesting an essentialist view of ethnicity. Participant 10 stated: “Even if you have a passport, you’ll still be a stranger”, where the use of the modal “still” functioned as a presupposition that “strangerhood” is a biological or naturalized fact rather than a negotiable status. Integration was thus framed as a performative mask that never truly replaces the underlying “genetic code.”

Other metaphors included the “swamp” by Participant 2, referring to a comfortable but stagnant life in Moscow, a career, familiar and safe yet stagnant, and morally “tainted” by the political regime. Participant 03 deconstructed the “Moscow dream”, the dream of conquering Moscow and becoming successful, similar to the American dream, as a “childish” romance that was “shattered” by the geopolitical reality of the Russian-Ukrainian war that started after three years of living there. The “tightrope” migrants walk to avoid legal trouble, and the “wheat field” used by Participant 2 described a “sea of blonde Russian students” to highlight a visual difference between her and Russians. The definitions, word choices, grammatical structures, metaphors, and framing of the identity demonstrated how complex the identification process is for respondents. Despite all of them identifying as Kyrgyz, the level of being was a space for discussion, reflected in their language.

5.3.2. Second dimension: Discourse practice (meso-level)

This level examined how individual texts circulate and reflect broader societal discourses, bridging the gap between personal speech and macro-structures. Here I was focused on the interdiscursivity, intertextuality, and context. If we look back at the participant profiles and stories, we see narratives of high-achieving professionals who obtained their education at leading Russian universities and pursued intellectual work in the Russian market, such as journalism, the arts, and marketing. The paths respondents constructed reflected their pragmatism, overperformance, and rational views regarding survival. This was illustrated by total colonization of identity by corporate logic: Participant 03’s migration plan shifted from a romantic “Moscow Dream” to a “SMART goal” managed via “Notion spreadsheets” and “KPIs.” The migration journey was viewed as a project in which she felt “dead inside [...] having only projects and spreadsheets,” representing the migrant as a corporate asset in the Russian market. Here, “dead inside” refers not only to the absence of emotions but also to the death of ethnic identity, which is viewed as traditional nationalism in contrast to neoliberal individuality. Neoliberal individual discourse was evident in the interview with Participant 5, whose views on ethnic identity were critical, perceived as something outdated, and focused on the “construct” and on a mainly performative belonging, such as “milking a cow in the village” . Other excerpts mentioned consuming food as part of identity performance or a practice of burning juniper during Nooruz celebration.

The next identified discourse was that of patriotism and “loving the country,” which competed with a desire for global mobility to Europe or “first-world countries” . This was expressed by several participants who highlighted challenges of being “non-privileged” in terms of knowledge, passport, racial, and ethnic origin. Here, “non-privileged” compared to the “white people” contradicts the “privileged” compared to Central Asian labour migrants. The interviews were filled with references to Russia, Europe, and the “other world” . They also revealed how respondents used modality to negotiate their status. A participant mentioned feeling like a “third-class citizen” or being “worse, stupider, poorer,” reflecting a complex shaped by the social hierarchy in Russia and Europe: “You’re not exactly welcome everywhere, you have to gather a ton of documents for a visa, you’re like a third-class citizen, in that sense. Well, yes, it’s as if you feel inferior to, say, Europeans. Worse, stupider, poorer, uglier. I’m Asian, I always wanted white skin, big eyes, maybe light hair, but I was born Kyrgyz” (P2).

While it is an explicit reference to the European Union to explain the unprivileged status that comes with ethnic identity and passport, there were narratives of “Westernisation” and “Russification” that were beneficial while being in Kyrgyzstan. It was mostly mentioned in the context of language acquisition and cultural exploration: “By the way, you know, in Bishkek I felt very Westernized” (P3). Having a Russian degree and knowing English was mentioned as something that opened the world, gave advantages, or social privilege. The phrase “I am a privileged person” was repeated in several interviews (P4, P5, and P6).

Several participants (P4, P5) used feminist frameworks to critique patriarchy within both Kyrgyz and Russian societies, linking migration to female vulnerability and bodily autonomy, especially when referring to harassment on the streets and interactions with Kyrgyz men. Participants 4, for example, were “more afraid” of Kyrgyz men in Moscow than Russian men, while Participant 5 noted that Kyrgyz men acted on a “patriarchal feeling” that a woman’s body “belongs to the nation.” This revealed a “double othering” where the female migrant is marginalized by the host society and policed by her own ethnic diaspora.

This was also reflected in a dialogical struggle with the “typical” image of a Kyrgyz woman back in Kyrgyzstan: “For example, when I’m in Europe, I say what country I’m from, and they associate me with that country, automatically consider me Kyrgyz, that I have Kyrgyz ethnicity. But when I, let’s say, return to Kyrgyzstan, I clearly see that I’m not the typical Kyrgyz woman” (P9). By listing attributes they do not possess, such as specific covered

clothing or conservative views on marriage, participants used the discourse of the “other” to define their own unique positionality. The criticism of a patriarchal society was addressed through examples of interactions with the Kyrgyz diaspora in Russia, when members would ask whether the participants were married or when they were going to be married, and with interactions back home, where the same pressure of getting married and lack of freedom for young women exists.

At the intertextual level, participants referred to mass media, literary, and popular culture references. For instance, they referred to the media outlets such as Azattyk (Central Asian Service of Radio Free Europe/Radio Liberty), or BBC Kyrgyz Service, as institutions that establish the formal literary Kyrgyz language, unavailable to participants, most of whom reported having limited and high levels of language proficiency, but recognized that they could not speak in a literary or scientific language that would make them more “authentic”. Intertextuality included cultural artifacts, such as references to the literature. For instance, the word *mankurt*, popularized by Kyrgyz writer Chinghiz Aitmatov, described in the previous section (see 5.2.1), draws a line between those who preserved their “roots” and “culture” and those who did not. As well as *mudblood* from the English *Harry Potter* book series, which participants used to vividly portray their identity processes and draw a line between categories of “us” and “them” – them who are Slavs, us who are not Slavs. Cultural references included Russian literature, for instance, reading the Russian poet Alexander Blok, which demonstrated background knowledge and education obtained in schools through classes on Russian literature taught in Kyrgyz schools and through cultural immersion. Soviet-era jokes from popular Soviet movies such as *Diamond Arm* (1969), which reflected a “common identity” with Russians with whom participants shared a Soviet past. At the same time, the “common identity” would become irrelevant in the face of modern reality. For instance, Participant 05 mentioned the more recent movie *Ayka* (2018), which depicts the realities of undocumented migrants in Russia, that she watched with her colleagues in the arts, also from Kyrgyzstan. The variety of intercultural and generational references, along with the frequent use of “you know” and “as you say,” also reflected the context of the interview, in which peer-to-peer reflexivity occurred, in which participants implied that the interviewer might read and interpret those references.

All in all, the analysis of discursive practice shows that the interview narratives on ethnic identity are filled with interdiscursivity – the interplay of different discourses, both local and global when discussing ethnic identity: from pragmatic and individual to national and

patriotism that compete with each other going further to global discourses about “ first-world countries” and privileges, ending with local identity intertwined with gender identity discussed in feminist discourse. The narratives are portrayed not only through personal experiences and vocabulary but also encompass cultural references that demonstrate the contexts of participants, where Kyrgyz, Russian, and English cultural products from different periods create a cultural capital and demonstrate the historical periods, such as being part of the Soviet Union and russified schools, where this knowledge was obtained.

5.3.3. Third dimension: Sociocultural practice (macro-level)

At the macro level of Critical Discourse Analysis, social practices, hierarchies, and power structures are examined. The analysis focused on ideologies about ethnic identity, how they are reproduced or contested, and how discourse practice functions, either to legitimate exclusion or belonging or to challenge it.

As mentioned in Section 5.3.2 about discourse practice, the term “privileged” often appears in respondents’ discourses. There is a recurring distinction between the “privileged” educated students they identify with and the “uneducated” labour migrants – the concept reinforced in the Russian Media discourse (Muratalieva, 2025). This suggests an internalisation of the Russian “civilising” gaze, in which knowing Russian confers higher social status. This internalisation draws a complex picture where participants critically reflect on xenophobia toward labour migrants from Kyrgyzstan and Central Asia and by highlighting their own privilege demonstrate how treatment differs based on the language knowledge or student status, but at the same time participants distance themselves from “labour migrants” by constantly referring to them as “them”, “ migrants” or highlighting that they are not migrants. These examples show how migrants reproduce social hierarchies established by the host society.

Contesting “Russian world”, “ Russianness” and “ Russian language” appeared in one of the interviews after the start of the Russian-Ukrainian war, where the participant explicitly stated her “ Russophobia” . After years spent in Russia, working for an NGO and teaching Russian to children of migrants from Tajikistan and Uzbekistan, she expressed a desire to forget Russian and live outside the “Russian world” . “If I knew Kyrgyz perfectly, I would always speak

Kyrgyz with you in interviews, but I don't, so I have to speak [Russian]". It could be interpreted as a post-war phobia, internalised from media discourses; however, this single case reflected personal affective experience in which the participant regretted not owning her ethnic identity, not being "authentic" Kyrgyz who speaks Kyrgyz, and the so-called " Russian world" that became a reason. It is not explicitly stated, but the Russian world might be interpreted as referring not to modern Russia but to the Russian Empire, the Soviet Union, or the historical periods during which Kyrgyzstan was under Russian dominance (see Chapter 3 for an overview).

The discourses of the participants showed resistance by talking about their traditions as "counter-discourses" to Russian-centric views: " I enjoy talking about our traditions" , " We do things like this and that." In some cases, participants purposefully used horror story-like formats to demonstrate otherness, such as, "Did you know that we have bride kidnappings?" The counter-discourses were directed towards the Muslim and " Arabic world" which was demonstrated through rejecting certain religious labels that they feel were imposed by their culture but did not align with their personal values: " Living in Kyrgyzstan, I always considered myself a Muslim, but I think about it, even back when I lived, it was the Arab part of the Islamic world that failed to integrate into Kyrgyz culture" ; or " I don't consider myself a religious believer, much less a religious practitioner, so calling myself a Muslim has become a bit of a chore" .

The exclusionary and inclusionary practices were legitimized through broader concepts such as "white people" , " Slavs" , and " Asians" – " White people have that kind of fear, disgust, unpleasant surprise, frustration about some Asian woman" . The barrier of belonging was constructed not through citizenship or even ethnic identity, but racialized concepts. As mentioned in Section 5.1.1, participants felt their otherness not through being Kyrgyz, but through being non-Slavic and lacking the particular phenotypical features ascribed to Slavic people. This internalization is drawn from everyday discourses in which the term "Slavs" was used to separate Russians from non-Russians and to highlight an ethnic hierarchy in which external migrants from Central Asia and internal migrants from the North Caucasus, Chechnya, and Dagestan are placed on the same level. This was supported by stories of police checks that are based on racial profiling and rental advertisements that exclude migrants with the single phrase Only for Slavs. At the same time, Asians as a large racial group were used to highlight belonging. Asians included Central Asians such as Tajiks and Uzbeks, as well as Koreans and

Japanese. In some cases, it extended to indigenous ethnic groups in Russia, such as the Tatars, Buryats, and Yakuts.

These examples reflect that the concepts ingrained in the participants' discourses are constructed by social and institutional practices, such as the media that portrays labour migrants as "uncivilized" and "uneducated", the market that uses the "Slavs" and "non-Slavs" markers to exclude internal and external groups of migrants, the security forces and police that conducts checks based on the visual racial profiling. The discourses reflect Russia's migration laws, which state that registration and work permits not only provide a legal status but also become part of existential concerns. Reflections on language, ethnic identity, and traditions reflect the colonial past, during which Kyrgyzstan underwent Russification. If, on one side, participants refer to the Russian language as a common language and use cultural references to build relationships and be integrated, on the other hand, they implicitly and explicitly express anxiety and confusion. The "Russophobia" mentioned in the example above, or talking about Russians as a more "privileged" and "superior" group, demonstrates the colonial past under the Russian Empire, the Soviet Past, where the hierarchies still existed, and modern-day political and economic dependence on Russia. The war in Ukraine also served as a macro-structural catalyst, forcing a re-evaluation of ethnic identity and causing many to temporarily flee back to Kyrgyzstan, and shifting the narrative from "conquering Moscow" to "finding safety" or "continuing the journey".

5.3.4. Discourse level: General discussion

The Critical Discourse Analysis of participants' narratives demonstrates that ethnic identity is constructed through an interplay between language, social positioning, and broader hierarchical structures. At the textual level, identity was articulated through a mix of essentialist and processual framings. Participants referred to *blood, roots, and genetic code*, presenting Kyrgyzness as stable and inherent. At the same time, they described authenticity as something that can increase or decrease depending on language use, cultural practices, emotional attachment, and behaviour. Linguistic choices, such as evaluative descriptors (*kypkyrgyz*), modal verbs (*must, have to*), and metaphors (*roots, swamp, tightrope*), revealed uncertainty about ethnic identity, negotiation, and external pressures that influence a sense of identity.

Code-switching between Russian and Kyrgyz functioned not only as a communicative tool but also as an index of belonging, insider knowledge, and shifting identification across different contexts – participants would alternate to Kyrgyz more in sections where they reflected on their ethnic identity.

At the level of discursive practice, participants' narratives reflected interdiscursivity, where neoliberal individualism, patriotism, feminism, and global mobility discourses intersected. Migration was framed simultaneously as a strategic project, a personal transformation, and a search for belonging. The discourse of privilege was central: participants positioned themselves as educated and professionally accomplished, distinguishing themselves from labour migrants. However, this distinction both challenged and reproduced existing hierarchies. While they critically reflected on xenophobia and racialization, they also internalized aspects of the dominant "civilizing" narrative that associates language proficiency and education with higher status. Gendered discourses further complicated identification, as women navigated expectations from both the host society and their own diaspora, producing what can be described as a double marginalization.

At the macro level, the analysis shows how identity discourse is embedded in structural inequalities within the Russian migration regime and in the post-Soviet geopolitical context. Categories such as "Slavic," "non-Slavic," "white," and "Asian" structured experiences of inclusion and exclusion more strongly than formal citizenship. Racial profiling, discriminatory housing practices, and bureaucratic practices reinforced these hierarchies. Participants' language reflected internalized colonial legacies, where Russianness was simultaneously associated with privilege and cultural dominance. The outbreak of the war in Ukraine intensified these tensions, prompting reassessment of belonging and future orientation.

Across all three levels, a central pattern emerges that was visible at the ethnographic level: ethnic identity is neither purely fixed nor fully fluid. It is discursively stabilized through references to origin and ancestry, and constantly reinterpreted through everyday interactions, power relations, and shifting political realities. Participants' discourses reveal a sustained condition of in-betweenness reflected in their narratives. The chapter demonstrates that discourse does not merely describe identity; it produces and reshapes it within a field shaped by changing migration laws, racial hierarchies, gender norms, and historical memory.

5.4. Summary

This chapter examined the experiences of Kyrgyz female migrants in Russia through a multi-level analysis that combined ethnographic findings based on Berry's Acculturation Framework (Berry, 2006) with Critical Discourse Analysis (Fairclough, 2001). By moving from personal narratives to discursive construction of ethnic identity, the chapter demonstrated how ethnic identity and acculturation are shaped simultaneously through lived experience, social interaction, and broader sociocultural structures.

At the ethnographic level, migration appeared as a complex process of adaptation, marked by emotional disruption, social negotiation, and the re-evaluation of belonging. Participants' migration journeys were connected to education, professional development, and personal autonomy rather than economic survival. Russia represented an accessible educational and professional space due to shared language and historical ties; however, integration into everyday life did not eliminate experiences of exclusion. Despite linguistic fluency, educational capital, and professional employment, participants continued to encounter symbolic boundaries expressed through microaggressions, racialized perceptions, and institutional restrictions. These experiences produced a condition in which integration was possible, but full belonging and integration remained conditional.

The findings demonstrate that acculturation among Kyrgyz female migrants does not correspond to a single category within Berry's (2006) framework. Instead, participants combined multiple strategies depending on context and social interaction. Engagement with Russian society was mainly situational and unavoidable through education and work, leading to pragmatic integration. In contrast, relationships with the Kyrgyz diaspora were often selective and ambivalent. While ethnic networks and diasporas provided emotional familiarity, they also reproduced gendered expectations and social pressures that participants were willing to distance themselves from. As a result, social distancing from co-ethnic communities coexisted with the preservation of cultural practices, language use, and emotional attachment to Kyrgyzstan. Ethnic and cultural belonging were combined with selective social disengagement.

Migration also became a catalyst for reflection and transformation of ethnic identity. Although participants consistently described ethnic identity as stable and rooted in origin, birthplace, and ancestry, their narratives revealed that identity was experienced as situational and context

dependent. Many participants reported feeling more Kyrgyz in Russia and less Kyrgyz when returning to Kyrgyzstan, indicating that identity was relational and shaped through comparison with others. This produced a sense of being positioned between contexts, where belonging was continuously negotiated and performed.

The discourse level complements these observations by demonstrating how identity is constructed and negotiated through language. At the textual level, participants relied on both essentialist and processual representations of identity. References to blood, roots, and origin presented Kyrgyzness as permanent, while evaluative descriptors, modality, metaphors, and code-switching revealed uncertainty. Language alternation functioned not only as communication but also as a symbolic resource used to emphasize authenticity, emotional closeness, and insider cultural knowledge. At the level of discursive practice, participants' narratives reflected the coexistence of multiple, sometimes competing, discourses. Migration was framed as a rational life project connected to professional achievement and mobility, linked to ideas of patriotism and authenticity. The recurring discourse of privilege demonstrated how participants positioned themselves in relation to both Russian society and other migrants. While critically reflecting on xenophobia toward Central Asian labour migrants, participants reproduced distinctions based on education, language competence, and professional status, illustrating how dominant hierarchies in Russia are both challenged and internalized within migrant narratives. Gender discourse contributed to these negotiations, as participants described navigating expectations by both the host society and their own ethnic community. At the macro level, identity construction was embedded within broader structural conditions, including racialized migration regimes, post-Soviet hierarchies, and contemporary geopolitical change. Categories such as "Slavic," "non-Slavic," and "Asian" structured experiences of inclusion and exclusion stronger than citizenship status or professional achievement. These discursive categories reflected institutional practices, media narratives, and the historical legacies of empire and Russification, which continue to shape perceptions of belonging. The outbreak of the war in Ukraine strengthened these dynamics by destabilizing Russia as a long-term destination and reinforcing uncertainty about future mobility.

The ethnographic level reveals how migrants experience adaptation through emotions, relationships, and everyday practices, whereas the discourse level demonstrates how these experiences are interpreted and organized through language. Together, the analyses show that acculturation is a discursive process through which migrants make sense of their ethnic

identity, and identity is produced through interaction between lived experience and available narratives. Across both levels, a consistent pattern emerges that ethnic identity among Kyrgyz female migrants is neither fixed nor fluid. Participants articulated identity as initially permanent, yet they performed and negotiated it differently across various social situations. Migration intensified this reflection, generating feelings of partial non-belonging in both home and host societies. This resulted in a condition of in-betweenness, in which migrants occupy social, cultural, and symbolic spaces without fully aligning with any one of them. In conclusion, the chapter demonstrates that identity and acculturation should be understood as dynamic and relational processes shaped by gender, language, historical memory, and structural inequalities. Migration did not replace ethnic identity but transformed it into a more reflexive and context-dependent form. By combining ethnographic analysis with Critical Discourse Analysis, the chapter shows that identity is not only lived but also discursively produced, continuously negotiated between personal experience and broader systems of power.

6. Conclusion

6.1. Outline of the study

The present thesis examines how ethnic identity is constructed and negotiated among Kyrgyz female migrants in Russia. While migration from Central Asia to Russia has often been analysed through economic indicators, labour migration dynamics, and remittance flows, fewer studies have focused on how migrants themselves interpret and articulate identity and belonging in their everyday lives, and on the role of language and socio-political context. Addressing this gap, the present study examined how ethnic identity among Kyrgyz female migrants is expressed discursively and how broader historical contexts, social hierarchies, and global discourses are reflected in migrants' narratives. The study stated that contemporary migration from Kyrgyzstan to Russia cannot be understood outside the long trajectory of Kyrgyz–Russian relations. The legacy of the Russian Empire in Central Asia and the Soviet Union continues to shape migration patterns, linguistic hierarchies, and interethnic relationships. In particular, the institutionalisation of Russian as a dominant language in Kyrgyzstan has produced a shared linguistic space that facilitates mobility from Kyrgyzstan while reproducing asymmetrical relations, affecting migrants' social positioning and self-identification. These historical processes form the background for Kyrgyz female migrants to interpret their experiences and situate themselves socially.

Methodologically, the study employed an interdisciplinary qualitative approach, combining ethnographic interviews grounded in Berry's (1997) acculturation model with Fairclough's (1992) three-dimensional Critical Discourse Analysis (CDA). The first method aimed to analyse interactions with Kyrgyz and Russian ethnic groups and the acculturation strategies adopted in the host country, thereby revealing migrants' sense of identity and belonging (Tajfel and Turner, 1979). The second aimed to examine the discursive positioning of female migrants: how identity is constructed and defined through text and language choices, how the discourse is interpreted and interacts with other discourses, and how it connects to historical, political, cultural, and global events. The analysis linked the discursive patterns to institutional practices and shared historical contexts, allowing for an analysis of identity as discursively constructed and situated within broader contexts, in line with constructivist (Anderson, 1983; Bhabha, 1994; Brubaker, 2004) and postcolonial theories (Hall, 1990; Bhabha, 1994). This dual approach made it possible to analyse both lived experiences and the linguistic mechanisms

through which identity is constructed and articulated. The study's findings are based on in-depth narratives of highly skilled, bilingual Kyrgyz female migrants whose migration journeys were motivated by the pursuit of education, professional development, and, in some cases, the desire to distance themselves from restrictive environments in Kyrgyzstan. This specific profile was important to consider, as it shaped both their opportunities for empowerment and the forms of exclusion, as well as the double pressure the female migrants encountered in Russia. The central puzzle of this study is that Kyrgyz female migrants define and interpret their ethnic identities as essential and fixed, while experiencing it as fluid and context-dependent, constantly shifting from "Russified" Kirghiz to "Authentic" Kyrgyz, depending on the social settings (RQ1). The situational shifts result from migrants combining different acculturation strategies. As a result, their sense of belonging remains conditional, shaped by both the sending and host societies (RQ2). Language is a marker of belonging and a site where identity negotiation becomes salient: code-switching and internalisation of dominant narratives construct identity at the same time reproducing the postcolonial and gendered hierarchies that constraint full belonging (RQ3).

6.2. Ethnographic level findings

6.2.1. Ethnic identity and belonging: scalar and situational

The analysis demonstrated that ethnic identity among Kyrgyz female migrants was neither fixed nor stable, although it was frequently described in essentialist terms. Participants often referred to "blood," origin, or "roots," presenting Kyrgyzness as inherent and unchangeable. Despite Russian socialization in the society of origin, a dominant Russian language, and the current context, many answered being Kyrgyz without hesitation. At the same time, the narratives revealed that belonging is situational and constantly negotiated depending on cultural, political, and geographical contexts. This contextual positioning appeared in concrete situations: in interactions with Russian society, in encounters with the Kyrgyz diaspora, and in moments of vulnerability. Participants described feeling more Kyrgyz while in Russia, where ethnic difference is externally imposed, whereas their identification shifted in Kyrgyzstan, where internal distinctions, such as language use or adherence to tradition, became more salient. This demonstrates a different view of bilingual migrant identities: rather than creating

multiple Kyrgyz and Russian identities, as expected, migrants placed themselves on a metaphorical scale, feeling more Kyrgyz and less Kyrgyz.

Participants described this as a duality: in the Kyrgyz context, living in a predominantly Russian-speaking capital and attending Russian-language schools positioned them as more “Russified” Kyrgyz, sometimes labelled by others as “Kirghiz” (*кыргыз* – the Russian-language form, now often associated with a colonial perspective). In contrast, in Russia, they emphasized their non-Russian identity through comparison with others, which reinforced their identification as Kyrgyz (*кыргыз* – the original name of the ethnic group in the Kyrgyz language). Through this process of social comparison and categorization, as explained by Tajfel and Turner (1979), ethnic identity undergoes transformation and becomes fluid.

Within this process, the notion of authenticity played an important role, as participants employed a dichotomy of “authentic” versus “non-authentic” Kyrgyz. Being an “authentic” Kyrgyz was associated with different acculturation strategies: performing Kyrgyzness through various practices, such as speaking the language, preparing or consuming traditional food, understanding cultural codes, expressing attachment to the country, and demonstrating hospitality and care for others. In this sense, identity, as Butler (1990) describes, can be conceptualized as performative, enacted through repeated practices, which, in the case of Kyrgyz female migrants, was also conditional. Kyrgyz female migrants did not strictly adhere to a single acculturation strategy, such as separation and marginalization, or assimilation and integration (Berry, 2006), but instead adopted a combination of strategies. Thus, it can be concluded that migration did not simply relocate participants geographically but placed them in contexts where identity became more visible, contested, and complex.

This became evident in participants’ shifting practices, where they increasingly reflected on Kyrgyzstan’s past and colonial relationships, developed a growing interest in Kyrgyz culture at the same time rethinking and challenging home society’s traditions and behaviours from views on interpersonal relationships, family and gender roles, to large-scale celebrations and work ethics, often in comparison to the Moscow lifestyle. At the same time, living in Russian society was characterized by partial inclusion. Despite high levels of education, professional employment, and fluency in Russian, which made female migrants more accepted in the Russian society than male labour migrants, female migrants remained positioned through negation as “non-Slavic” and therefore socially marked. This was expressed through everyday microaggressions, racialised assumptions, and structural barriers, particularly in housing and

bureaucratic procedures. Participants were often treated as exceptions to dominant stereotypes about Central Asian migrants, which paradoxically reinforced the existence of those stereotypes and made their belonging to the host society conditional. Therefore, ethnic belonging is continually reinterpreted in relation to both the sending and host societies' attitudes and hierarchies between Kyrgyzstan and Russia.

6.2.2. Alternative ethnic identity and gender identity

Gender emerged as central in shaping the identities of Kyrgyz female migrants. This category of social identity goes hand in hand with ethnic identity in the case of Kyrgyz female migrants who experience double pressures from the society of origin and the host society. As discussed in section 2.3.1 on the feminization of migration from Kyrgyzstan, young women face strong pressures to prioritize family roles and uphold family honour, limiting their autonomy. Migration, however, offers a way to empowerment, financial independence, and personal freedom. Gender norms and pressures were mentioned during the interviews; however, they were less visible, likely due to the female migrants' middle-class backgrounds and residence in the capital, where families often supported their pursuit of higher education and professional goals. For some, migration was a form of escape from extended community expectations; for others, it was an opportunity to redefine women's roles. While some developed a renewed appreciation for traditions such as *kыз-узатuu* (the bride's farewell celebration) and the role of a *kelin* (daughter-in-law; newlywed woman), others rejected these norms entirely, distancing themselves from Kyrgyz identity by refusing to meet expectations around marriage and womanhood. This, in turn, shaped discussions of the future, which for many depended not only on structural constraints, such as opportunities, infrastructure, and politics in Kyrgyzstan, but also on the ability to fit into culture and community.

Gender norms became more visible and more strictly enforced within diasporic contexts, where the relationships with the Kyrgyz diaspora were described as ambivalent. While co-ethnic networks provided familiarity, they were also associated with gendered expectations, social control, and, in some cases, fear. Participants explicitly referred to distancing themselves from Kyrgyz male migrants due to experiences or expectations of harassment and gender-based violence. Narratives describing moral judgement, surveillance, and criticism of women's behaviour among Kyrgyz male migrants in Russia illustrate how gendered control can be

reproduced transnationally. In situations perceived as unsafe, where female migrants would be asked about their ethnicity on the street and interrogated about their personal lives, some participants reported strategically adopting alternative ethnic identities (e.g., identifying as Tatar, Korean, Buryat) to avoid unwanted interactions. This practice demonstrates that identity can be situationally reshaped as a form of protection.

This supports the observation that identity construction among migrant women is shaped by intersecting structures of ethnicity, gender, and social hierarchy. Gender-specific vulnerabilities were evident within interactions involving Kyrgyz, while in the Russian context, vulnerabilities, such as precarious employment and discrimination in the rental market, were experienced by both genders. This dual positioning: marginalisation in the host society and ambivalence toward the diaspora places Kyrgyz female migrants under what was described as double pressure. The patriarchal structure of the sending society continues to impose expectations regarding behaviour and morality, while the host society imposes racialised hierarchies that limit full inclusion. As a result, participants navigate multiple, sometimes conflicting identities, contributing to their constant negotiation.

6.3. Discourse level findings

6.3.1. Language as a marker of belonging

A central finding concerns the role of language in the articulation of ethnic identity. Russian functions as a necessary resource for education, employment, and everyday communication and therefore serves as a symbolic capital. At the same time, the Kyrgyz language appears in participants' narratives as a key marker of authenticity, emotional attachment, and cultural continuity. This reflects the historical legacy of Russification and the persistence of linguistic hierarchies. Participants' accounts reveal that language is not only a tool of communication but also a criterion for evaluating belonging. The distinction between "authentic" Kyrgyz and "Russified" Kirghiz was articulated through language proficiency and adherence to cultural practices.

Code-switching and code-mixing between Russian and Kyrgyz functioned as a mechanism of identity negotiation. These switches were not random; they occurred when referring to

culturally specific concepts or during emotionally charged moments of the interviews. When describing their own ethnic identity, respondents would integrate Kyrgyz words or phrases, symbolically expressing and affirming their Kyrgyz identity. In such cases, language alternation operated as a discursive strategy that indexed female migrants' belonging and insider knowledge.

6.3.2. Discourse as social hierarchy

At the level of discourse practice, participants' narratives reflected interdiscursivity, where neoliberal individualism, patriotism, feminism, and global mobility discourses intersected. Migration was framed simultaneously as a strategic project, a personal transformation, and a search for belonging. The analysis also revealed the discourse of privilege and the presence of internalised hierarchies within migrants' narratives. Many participants mentioned their "privileged" status, supported by their language proficiency, educational attainment (all had bachelor's degrees, and more than half had master's degrees), and employment in fields not typically occupied by labour migrants, such as marketing, journalism, NGOs, and the arts. This distancing was reflected in their descriptions of themselves as not being migrants, similarly, observed in the study of Russian middle-class war migrants in Europe (Kashirskikh and Laskin, 2025), as well as in their avoidance strategies. These strategies were shaped by an internalized stigma toward the ethnic group of origin, reinforced by Russian media outlets, which consistently portray Central Asian labour migrants as uncivilized, criminal, and threatening to safety and stability (Muratalieva, 2025).

Participants internalised dominant narratives, reflecting a partial incorporation of the "civilising" discourse that links value to education and language proficiency. This illustrates how social hierarchies are both externally imposed and reproduced within migrant communities. The sociocultural dimension of discourse analysis shows how identity discourse is embedded in structural inequalities within the Russian migration regime and the broader post-Soviet context. Borrowed categories such as "Slavic," "non-Slavic," "white," and "Asian," primarily used in dominant narratives, structured experiences of inclusion and exclusion more strongly than formal citizenship. Within this external hierarchy, female migrants positioned themselves below not only Russians but also Slavs, Europeans, and white

people. This multi-level exclusion was reinforced through racial profiling, discriminatory housing, and bureaucratic practices in Russia and beyond, contexts that participants were aware of, particularly when considering migration to Europe. Participants' language, through word choices such as "third-world citizen," reveals internalised colonial legacies, in which Russianness is associated with privilege and cultural dominance, while Kyrgyzstan is constructed as marginal or unknown.

6.4. Limitations of the study

The study has several limitations that should be acknowledged. It focuses on a relatively small and specific group of highly skilled Kyrgyz female migrants. While this allowed for in-depth qualitative, ethnographic, and discourse analysis, the findings cannot be generalised to all Kyrgyz female migrants in Russia, particularly those engaged in low-skilled or informal labour, whose access to resources and exposure to different forms of vulnerability differ. In addition, the exclusive focus on women limits comparative gender analysis that would help us understand whether some dimensions are unique to women; however, including other genders would shift the focus and could be an idea for future research. While this focus provided a detailed examination of gendered experiences, future research could explore how similar processes unfold among male migrants or in mixed-gender contexts.

The reliance on interview data means the ethnographic analysis is based on narrated experiences rather than direct observation of everyday interactions. While this is beneficial for discourse analysis, the ethnographic level could benefit from observation, which was not possible due to limitations during the COVID-19 pandemic and the Russian war in Ukraine. Although discourse explained meaning-making processes, further ethnographic research could complement these findings by examining how identity is enacted in practice.

One important issue, also mentioned in the methodology section, is priming and the researcher's positionality. Language choice is not neutral and may prime participants, influencing how respondents articulate their ethnic belonging and relationships with both Russian and Kyrgyz groups. The researcher's positionality, reflected in belonging to the examined ethnic minority and sharing a migration background with participants, was

acknowledged as both a strength and a source of bias. While this positionality may have helped build rapport during the interviews, it also could unintentionally frame participants' narratives.

6.5. Theoretical, methodological and practical implications

From a theoretical perspective, this thesis contributes to migration studies by integrating constructivist, postcolonial, and intersectional approaches in a concrete empirical context. The findings support constructivist understandings of ethnicity as relational and context-dependent, while also demonstrating that essentialist notions of identity remain present in everyday discourse. The mix of approaches and the addition of the postcolonial perspective were unique in explaining how historical relations between Kyrgyzstan and Russia continue to structure contemporary migration. Linguistic hierarchies, racialised categories, and perceptions of cultural superiority are not recent developments but are rooted in imperial and Soviet histories. Participants' narratives reflect these legacies, particularly in the association of Russianness with privilege and authority. At the same time, the study demonstrates the value of combining ethnographic and discourse-analytical methods. The ethnographic level captures how migrants experience identity in practice, through emotions, relationships, and everyday interactions, while CDA reveals how these experiences are linguistically organised and connected to broader systems of power. This multi-level approach allows for a more comprehensive understanding of identity as both lived and discursively constructed.

The findings of this study have implications for both the research field and policymaking. The study contributes to the body of migration literature in Russia, specifically focusing on the effects of colonial relationships, a topic discussed in political studies but less in communication and language studies. The theoretical and empirical knowledge also enriches the growing body of postcolonial literature on Central Asia. It challenges the hierarchy of knowledge, where main studies were conducted from outside perspectives and had to be legalized by Western researchers, as discussed by Spivak (1998) in her essay "Can the subaltern speak," and lacked an inside perspective, cultural understanding, and sensitivity. In this sense, the study gives voice to subalterns by letting them speak, while also speaking as a subaltern.

The study also highlights the importance of moving beyond economic models of migration and reducing people to statistics to consider how identity, language, and social hierarchies shape

migrants' experiences. For policymakers and organisations working with migrant communities globally, the study underlines the need to address not only structural inequalities but also gender-specific vulnerabilities and forms of social exclusion that operate at the everyday level. More broadly, the study not only explores ethnic identity among Kyrgyz female migrants but also adds to the knowledge on female migration, shaped by historical memory, linguistic practice, gender norms, and structural inequalities. Although the sample is not representative of female migration as a whole, it could be used as context-specific knowledge based on the particular group narratives that demonstrate a more complex picture than is often presented in the literature, where identities are described as hybrid or multiple; rather, it shows how they are intertwined and shaped by constantly changing factors, with belonging continuously questioned and redefined. It also offers a perspective beyond transnationalism, where migrants are positioned between two societies, towards a more global condition, in which migrants occupy social and symbolic positions that are "everywhere and nowhere" at the same time.

7. References

- Abashin, S. (2013) 'Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism', *Russian Politics & Law*, 51(3), pp. 6–20. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940510301>
- Abashin, S. (2014) 'Migration from Central Asia to Russia in the new model of world order', *Russian Politics & Law*, 52(6), pp. 8–23. <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940520601>
- Abashin, S. and Jenks, A. (2015) 'Soviet Central Asia on the periphery', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 16(2), pp. 359–374. <https://doi.org/10.1353/kri.2015.0027>
- Abazov, R. (2008) 'Russian colonization of Central Asia', in Abazov, R. (ed.) *The Palgrave concise historical atlas of Central Asia*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 70–71.
- Abdukadyrova, L. and Studenko, O. (2023) "'The pandemic played a cruel joke on us': The vulnerabilities of Kyrgyz women migrant workers in Russia during COVID-19", *Anti-Trafficking Review*, 21, pp. 36–51. <https://doi.org/10.14197/atr.201223213>
- Ahmad, A., Hussan, S. and Shah, S. A. (2017) 'Russification of Muslim Central Asia: an historical overview of language, culture and society', *Global Regional Review*, 2(1), pp. 139–154. [http://dx.doi.org/10.31703/grr.2017\(II-I\).06](http://dx.doi.org/10.31703/grr.2017(II-I).06)
- Ahmed, Z., Su, L. and Ahmed, K. (2017) 'Pakistani youth manipulated through night-packages advertising discourse', *Human Systems Management*, 36(2), pp. 151–162. <https://doi.org/10.3233/HSM-171762>
- Aitkulova, M. (2021) 'Kyrk Choro', *Journal of Religion and Violence*, 9(1), pp. 70–79. <https://doi.org/10.5840/jrv202141585>
- Alba, R., Logan, J., Lutz, A. and Stults, B. (2002) 'Only English by the third generation? Loss and preservation of the mother tongue among the grandchildren of contemporary immigrants', *Demography*, 39, pp. 467–484. <https://doi.org/10.1353/dem.2002.0023>
- Alim, H.S. and Pennycook, A. (2008) *Global linguistic flows*. London: Routledge.
- Allport, G.W. (1954) *The nature of prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Amirkhanian, Y. A. et al. (2011) 'Male labor migrants in Russia: HIV risk behavior levels, contextual factors, and prevention needs', *Journal of Immigrant and Minority Health*, 13, pp. 919–928. <https://doi.org/10.1007/s10903-010-9376-y>

Amnesty International (2023). *Kyrgyzstan 2022: Human rights in review*. Available at: <https://www.amnesty.org/en/location/europe-and-central-asia/kyrgyzstan/report-kyrgyzstan/> (Accessed: 5 December 2024).

Anderson, B. (1983) *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.

Andersson, K.B. (2019) 'Digital diasporas: An overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review', *Human Technology*, 15(2). <https://doi.org/10.17011/ht/urn.201906123154>

Andrade, C. (2020) 'The limitations of online surveys', *Indian Journal of Psychological Medicine*, 42(6), pp. 575–576. <https://doi.org/10.1177/0253717620957496>

Anthias, F. (2007) 'Ethnic ties: Social capital and the question of mobilisability', *The Sociological Review*, 55(4), pp. 788–805. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2007.00752.x>

Auer, P. (1998) *Code-switching in conversation: Language, interaction and identity*. London: Routledge.

Avdashkin, A. (2023) 'The Kyrgyz diaspora in the regions of Russia: transnationalism and migrants' problems', *Quaestio Rossica*, 11(4), pp. 1464–1478. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.4.858>

Azattyk (2010) 'Khronika vtoroy revolyutsii v Kyrgyzstane', 7 April. Available at: <https://www.azattyqasia.org/a/2015433/p9.html> (Accessed: 5 December 2024).

Azattyk (2021) 'Migrantov v chernom spiske mozhet byt' bol'she obychnogo'. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/31459590.html> (Accessed: 3 March 2021).

Bader, V. (2001) 'Culture and identity: Contesting constructivism', *Ethnicities*, 1(2), pp. 251–273. <https://doi.org/10.1177/146879680100100206>

Baker, P., Gabrielatos, C., Khosravinik, M., Krzyżanowski, M., McEnery, T. and Wodak, R. (2008) 'A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press', *Discourse & Society*, 19(3), pp.273-306. <https://doi.org/10.1177/0957926508088962>

Bailey, B. (2007) 'Multilingual forms of talk and identity work', in Auer, P. and Wei, L. (eds.) *Handbook of multilingualism and multilingual communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 341–356.

Bankston III, C.L. and Zhou, M. (1995) 'Effects of minority-language literacy on the academic achievement of Vietnamese youths in New Orleans', *Sociology of Education*, 68(1), pp. 1–17. <https://doi.org/10.2307/2112760>

Barth, F. (1969) *Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference*. Boston: Little, Brown.

Basch, L., Glick Schiller, N. and Blanc-Szanton, C. (1994) *Nations unbound: Transnational projects, postcolonial predicaments and deterritorialized nation-states*. Amsterdam: Gordon and Breach.

Bauböck, R. (2003) 'Towards a political theory of migrant transnationalism', *International Migration Review*, 37(3), pp. 700–723. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00155.x>

Bourhis, R.Y., Moïse, L.C., Perreault, S. and S  n  cal, S. (1997) 'Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach', *International Journal of Psychology*, 32(6), pp. 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>

BBC (2024a) 'Russian court charges four men with act of terrorism in Moscow attack', *BBC News*, 20 March. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-68652380> (Accessed: 5 December 2024).

BBC (2024b) 'Moscow attack: Central Asian migrants hit by backlash in Russia', *BBC News*, 27 March. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-68665896> (Accessed: 5 December 2024).

BBC News (2018) 'Ozil meets Erdogan and other controversial sporting photo ops', 23 July. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-europe-44929762> (Accessed: 15 March 2023).

Beach, H. (2013) 'Linking essentialist and constructivist ethnicity', *Acta Borealia*, 30, pp. 129–153. <https://doi.org/10.1080/08003831.2013.818265>

Berry, J.W. (1997) 'Immigration, acculturation, and adaptation', *Applied Psychology: An International Review*, 46(1), pp. 5–34. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>

Berry, J.W. (2007) 'Acculturation strategies and adaptation', in Lansford, J.E., Deater-Deckard, K. and Bornstein, M.H. (eds.) *Immigrant families in contemporary society*. New York: Guilford Press, pp. 69–82.

Berry, J.W. and Sabatier, C. (2011) 'Variations in the assessment of acculturation attitudes', *International Journal of Intercultural Relations*, 35, pp. 658–669. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.02.002>

Berry, J.W., Phinney, J.S., Sam, D.L. and Vedder, P. (2006) 'Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation', *Applied Psychology*, 55, pp. 303–332. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x>

- Besemeres, M. (2020) 'Listening to the grandmother tongue', *Biography*, 42, pp. 846–868. <https://doi.org/10.1353/bio.2019.0081>
- Bessudnov, A. (2016) 'Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia', *European Sociological Review*, 32(5), pp. 567–580. <https://doi.org/10.1093/esr/jew002>
- Bhabha, H.K. (1994) *The location of culture*. London: Routledge.
- Bhatt, R. (2008) 'In other words: Language mixing, identity representations, and third space', *Journal of Sociolinguistics*, 12, pp. 177–200. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9841.2008.00363.x>
- Billinger, M. (2007) 'Another look at ethnicity as a biological concept', *Critique of Anthropology*, 27, pp. 35–55. <https://doi.org/10.1177/0308275X07073815>
- Bilsborrow, R.E., Hugo, G., Oberai, A.S. and Zlotnik, H. (1997) *International migration statistics: Guidelines for improving data collection systems*. Geneva: International Labour Organization.
- Blommaert, J. (2005) *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bolatagici, T. (2004) 'Claiming the (n)either/(n)or of “third space”', *Journal of Intercultural Studies*, 25(1), pp. 75–85. <https://doi.org/10.1080/07256860410001687036>
- Bourdieu, P. (1991) *Language and symbolic power*. Cambridge: Polity Press.
- Branaman, A. (2009) 'Identity and social theory', in *The Routledge companion to social theory*. London: Routledge, pp. 149–169.
- Brance, K., Chatzimpyros, V. and Bentall, R. (2024) 'Social identity, mental health and the experience of migration', *British Journal of Social Psychology*. <https://doi.org/10.1111/bjso.12745>
- Brettell, C.B. and Sargent, C.F. (2006) *Anthropology and migration: Essays on transnationalism, ethnicity, and identity*. Lanham, MD: AltaMira Press. <https://doi.org/10.1177/0002764206289666>
- Brubaker, R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brubaker, R. and Cooper, F. (2000) 'Beyond “identity”', *Theory and Society*, 29(1), pp. 1–47.
- Brunsma, D.L. and Delgado, D.J. (2008) 'Occupying third space', in *Hybrid identities*. Leiden: Brill, pp. 333–353.

- Bucholtz, M. and Hall, K. (2005) 'Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach', *Discourse Studies*, 7(4–5), pp. 585–614.
<https://doi.org/10.1177/1461445605054407>
- Bucholtz, M. and Hall, K. (2005) 'Identity and interaction', *Discourse Studies*, 7(4–5), pp. 585–614. <https://doi.org/10.1177/1461445605054407>
- Butcher, M. (2008) 'Language and identity', in King, R., Mai, N. and Winter, R. (eds.) *The handbook of migration studies*. London: Routledge.
- Cabar.Asia (2020) *Regions*. Available at: <https://longreads.cabar.asia/regions> (Accessed: 10 November 2022).
- Campbell, D.T. (1958) 'Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities', *Behavioral Science*, 3, pp. 14–25. <https://doi.org/10.1002/bs.3830030103>
- Canfield, R. and Paleczek, G. (2011) *Ethnicity, authority, and power in Central Asia*. London: Routledge.
- Cederberg, M. (2014) 'Public discourses and migrant stories of integration and inequality: Language and power in biographical narratives', *Sociology*, 48(1), pp. 133–149.
<https://doi.org/10.1177/0038038512470041> .
- Cervatiuc, A. (2009) 'Identity, good language learning, and adult immigrants in Canada', *Journal of Language, Identity and Education*, 8(4), pp. 254–271.
<https://doi.org/10.1080/15348450903130439>
- Chant, S. (2008) 'The “feminisation of poverty” and the “feminisation” of anti-poverty programmes: room for revision?', *Journal of Development Studies*, 44(2), pp. 165–197. <https://doi.org/10.1080/00220380701789810>
- Chapman, H. S. et al. (2018) 'Xenophobia on the rise? Temporal and regional trends in xenophobic attitudes in Russia', *Comparative Politics*, 50(3), pp. 381–394. <https://doi.org/10.5129/001041518822704944>
- Chekhlyaeva, S. S. and Pavlov, A. S. (2023) 'Russkiy yazyk v Kirgizii: realii i perspektivy', *Mezhdunarodnye otnosheniya*, (4), pp. 95–111. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.4.43557>
- Cherniavskiy, S. (2010) 'The Kyrgyz revolution of 2010: the causes and possible post-revolutionary developments', *Central Asia and the Caucasus*, 11(2), pp. 39–46.

- Chevalier, J. F. (2006) 'Russian as the national language: an overview of language planning in the Russian Federation', *Russian Language Journal*, 56(1), pp. 25–36. <https://doi.org/10.70163/0036-0252.1233>
- Chinen, K. and Tucker, G.R. (2005) 'Heritage language development', *Heritage Language Journal*, 3(1), pp. 27–59. <https://doi.org/10.46538/hlj.3.1.2>
- Cho, G. (2000) 'The role of heritage language in social identity formation', *Bilingual Research Journal*, 24(4), pp. 369–386. <https://doi.org/10.1080/15235882.2000.10162773>
- Cho, G. (2000) *The role of heritage language in social interactions and identity formation*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.1080/15235882.2000.10162773>
- Chotaeva, C. (2016) *History of Kyrgyzstan*. Bishkek: American University of Central Asia.
- Chowdhory, N. et al. (2022) 'Gendering migration: evaluating empowerment of single migrant women', *Social Change*, 52(1), pp. 24–39. <https://doi.org/10.1177/00490857211068569>
- Chowdhory, N., Sabur Ali, M., Kaur, R., Kajla, M., Kumari, N., Tiwari, B. and Ishaq, S. (2022) 'Gendering migration', *Social Change*, 52(1), pp. 24–39. <https://doi.org/10.1177/00490857211068569>
- Christian, J., Gadfield, N.J., Giles, H. and Taylor, D.M. (1976) 'The multidimensional and dynamic nature of ethnic identity', *International Journal of Psychology*, 11(4), pp. 281–291. <https://doi.org/10.1080/00207597608247363>
- Christou, A. and Kofman, E. (2022) *Gender and migration: IMISCOE short reader*. Springer Nature.
- Clausing, E. (2017) 'Trends in the use of racial terminology in biological anthropology, 1946–2015'.
- Collins, P.H. (1990) *Black feminist thought: Knowledge, consciousness, and the politics of empowerment*. Boston: Unwin Hyman.
- Crenshaw, K. (1989) 'Demarginalizing the intersection of race and sex', *University of Chicago Legal Forum*, pp. 139–167.
- Curdt-Christiansen, X.L. (2018) 'Family language policy', in Tollefson, J. and Pérez-Milans, M. (eds.) *The Oxford handbook of language policy and planning*. Oxford: Oxford University Press.
- Curdt-Christiansen, X.L. (2018) 'Family language policy', in Tollefson, J.W. and Pérez-Milans, M. (eds.) *The Oxford handbook of language policy and planning*. Oxford: Oxford University Press, pp. 420–441.

- Davis, T.Y. and Moore, W.L. (2014) 'Spanish not spoken here', *Ethnicities*, 14(5), pp. 676–697. <https://doi.org/10.1177/1468796814523740>
- De Angelis, V.M. (2024) 'The ideology of ethnicity', *Bibliothèque de littérature générale et comparée*, pp. 87–106.
- De Fina, A. (2003) *Identity in narrative: A study of immigrant discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- De Cillia, R., Reisigl, M. and Wodak, R., 1999. The discursive construction of national identities. *Discourse & society*, 10(2), pp.149-173.
- De Cillia, R., & Wodak, R. (2021). The discursive construction of national identities. *Mots. Les langages du politique*, 127(3), 99-119.
- Dekeyser, G., Puschmann, P. and Ağirdağ, O. (2019) 'Multiple languages, multiple identities?', *Language, Culture and Curriculum*, 33, pp. 368–383. <https://doi.org/10.1080/07908318.2019.1692860>
- Dietrich, A. P. (2005) 'Language policy and the status of Russian in the Soviet Union and the successor states outside the Russian Federation', *Australian Slavonic and East European Studies*, 19(1–2), pp. 1–27.
- Diskin, C. (2020) 'New speakers in the Irish context', *Frontiers in Education*, 4. <https://doi.org/10.3389/feduc.2019.00163>
- Dorais, L.J. (2005) 'From refugees to transmigrants', in *Displacements and diasporas: Asians in the Americas*, 170.
- Duncan, A. and Mavisakalyan, A. (2015) 'Russian language skills and employment in the former Soviet Union', *Economics of Transition*, 23(3), pp. 625–656. <https://doi.org/10.1111/ecot.12075>
- Edwards, C. (2016) 'Language policy, in-migration and discursive debates in Wales', *Language Policy*, 16, pp. 165–188. <https://doi.org/10.1007/s10993-016-9402-6>
- Ekwere, E. (2022) 'Language identity and discrimination in a multicultural society', *European Journal of Linguistics*. <https://doi.org/10.47941/ejl.989>
- Elkeeva, K. (2024) 'Mozhet poveschat'sya istoriya Sapargul?', *Azattyk*, 17 August. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/33082586.html> (Accessed: 1 December 2024).

Eraliev, S. and Urinboyev, R. (2020) 'Precarious times for Central Asian migrants in Russia', *Current History*, 119(819), pp. 258–263. <https://doi.org/10.1525/curh.2020.119.819.258>

Erikson, E. (1959) 'Theory of identity development', in *Identity and the life cycle*. New York: International Universities Press.

Eryar, D., Tekgüç, H. and Toktas, S. (2018) 'Does migration contribute to women's empowerment?', *Turkish Studies*, 20(2), pp. 200–221. <https://doi.org/10.1080/14683849.2018.1495566>

Eryar, D., Tekgüç, H. and Toktas, S. (2018) 'Does migration contribute to women's empowerment?', *Turkish Studies*, 20, pp. 200–221. <https://doi.org/10.1080/14683849.2018.1495566>

European Court of Human Rights (2024) *Case of F.M. and others v. Russia (Applications nos. 71671/16 and 40190/18)*. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int> (Accessed: 5 December 2024).

Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London and New York: Longman.

Fairclough, N. (1992) *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press.

Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.

Fairclough, N. (2000) *New Labour, New Language?* London: Routledge.

Fairclough, N. (2001) *Language and power*. 2nd edn. Harlow: Pearson Education.

Fairclough, N. (2003) *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: Routledge.

Faist, T. (2000) *The volume and dynamics of international migration and transnational social spaces*. Oxford: Oxford University Press.

Fang, N. (2020) 'Shaping a new voice', *Asian Englishes*, 23, pp. 137–151. <https://doi.org/10.1080/13488678.2020.1725728>

Federal State Statistics Service (Rosstat) (2023) *Migration statistics*. Available at: <https://eng.rosstat.gov.ru/> (Accessed: 5 June, 2023)

Fedyuk, O. and Zentai, V. (2018) 'The interview in migration studies: A step towards dialogue and knowledge co-production', in Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (eds.) *Qualitative research in European migration studies*. Cham: Springer, pp. 171–188.

Feuerverger, G. (1989) 'Jewish-Canadian ethnic identity', *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 10(4), pp. 327–357.

Feuerverger, G. (1991) 'University students' perceptions of heritage language learning', *Canadian Modern Language Review*, 47(4), pp. 660–677.

FIDH (2016) *Kyrgyzstan: Zhenshchiny i deti iz Kyrgyzstana, vovlechennye v migratsiyu*. Paris: FIDH.

Fishman, J.A. (1989) *Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspective*. Clevedon: Multilingual Matters.

Fishman, J.A. (2000) *Handbook of language and ethnic identity*. Oxford: Oxford University Press.

Fishman, J.A. (ed.), 1999. *Handbook of Language and Ethnic Identity*. New York: Oxford University Press.

Fleischmann, F. and Verkuyten, M. (2016) 'Dual identity among immigrants', *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 22(2), pp. 151–165. <https://doi.org/10.1037/cdp0000058>

Flores, C. (2019) 'Language development in bilingual returnees', in *The Oxford handbook of language attrition*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198793595.013.39>

Fomin, S. (2015) 'Slavery in modern Russia', *OpenDemocracy*, 1 June. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/slavery-in-modern-russia/> (Accessed: 5 December 2024).

Fuentes, F. (2024) 'Moscow terror attack met with repression, racism', *Green Left Weekly*, (1402), p. 15.

Fukuda-Parr, S. (1999) 'What does feminization of poverty mean?', *Feminist Economics*, 5(2), pp. 99–103. <https://doi.org/10.1080/135457099337996>

Gabdulhakov, R. (2019) 'In the bullseye of vigilantes', *Media and Communication*, 7(2), pp. 230–241. <https://doi.org/10.17645/mac.v7i2.1927>

Gao, C. and Wan, M. (2013) 'The effect of essentialist theory of ethnicity', *Acta Psychologica Sinica*. <https://doi.org/10.3724/SP.J.1041.2013.00231>

Garner, S. (2010) *Racisms: An introduction*. London: Sage.

Geldof, D., Schrooten, M. and Withaeckx, S. (2017) 'Transmigration', *Policy & Politics*, 45(4), pp. 567–584. <https://doi.org/10.1332/030557317X14972774011385>

Gellner, E. (1983) *Nations and nationalism*. Paris: Payot.

- Georgiou, M. (2018) 'Does the subaltern speak? Migrant voices in digital Europe', *Popular Communication*, 16(1), pp. 45–57. <https://doi.org/10.1080/15405702.2017.1412440>
- Gerber, T. P. and Zavisca, J. (2020) 'Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian labor migrants', *Post-Soviet Affairs*, 36(1), pp. 61–82. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1680040>
- Giampapa, F. (2001) 'Hyphenated identities', *International Journal of Bilingualism*, 5(3), pp. 279–315. <https://doi.org/10.1177/13670069010050030301>
- Gibbons, J. and Ramirez, E. (2004) 'Different beliefs', *Journal of Language and Social Psychology*, 23(1), pp. 99–117. <https://doi.org/10.1177/0261927X03260809>
- Giles, H. and Johnson, P. (1987) 'Ethnolinguistic identity theory', *International Journal of the Sociology of Language*.
- Giles, H., Taylor, D.M. and Bourhis, R. (1973) 'Towards a theory of interpersonal accommodation', *Language in Society*, 2(2), pp. 177–192. <https://doi.org/10.1017/S0047404500000701>
- Glick Schiller, N., Basch, L. and Blanc-Szanton, C., 1992. Towards a transnationalization of migration: race, class, ethnicity and nationalism reconsidered. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 645, pp.1–24.
- Global EDGE (2023) *Kyrgyzstan: statistics and economic indicators*. Michigan State University. Available at: <https://globaledge.msu.edu/countries/kyrgyzstan> (Accessed: 10 June, 2023).
- Glukhov, A. P. (2017) 'Construction of national identity through a social network', *AI & Society*, 32, pp. 101–108. <https://doi.org/10.1007/s00146-016-0644-9>
- Goulahsen, L. (2017) 'Understanding the complexity of identity and belonging', *European Journal of Women's Studies*, 24, pp. 158–173. <https://doi.org/10.1177/1350506815617977>
- Gudkov, L. (2022) *Xenophobia and migrants*. Levada Center. Available at: <https://www.levada.ru/en/2022/01/28/xenophobia-and-migrants/> (Accessed: 1 March 2023).
- Gudykunst, W. and Schmidt, K. (1987) 'Language and ethnic identity', *Journal of Language and Social Psychology*, 6, pp. 157–170. <https://doi.org/10.1177/0261927X8763001>
- Gul, Y. E. (2019) 'Reasons why Kyrgyz students prefer Russian as the language of instruction', *Journal of Education and Learning*, 8(2), pp. 77–88. <https://doi.org/10.5539/jel.v8n2p77>

- Gumperz, J.J. (1982) *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gurieva, S., Kõiv, K. and Tararukhina, O. (2020) 'Migration and adaptation as indicators of social mobility migrants', *Behavioral Sciences*, 10(1), p. 30. <https://doi.org/10.3390/bs10010030>
- Hall, S. (1990) 'Cultural identity and diaspora', in Rutherford, J. (ed.) *Identity: Community, culture, difference*. London: Lawrence & Wishart, pp. 222–237.
- Hamano, T. (2014) 'Japanese women migrants in Australia', *Asian and Pacific Migration Journal*, 23, pp. 211–228. <https://doi.org/10.1177/011719681402300204>
- Hammack, P. (2008) 'Narrative and the cultural psychology of identity', *Personality and Social Psychology Review*, 12, pp. 222–247. <https://doi.org/10.1177/1088868308316892>
- Haslam, N., Rothschild, L. and Ernst, D. (2000) 'Essentialist beliefs about social categories', *British Journal of Social Psychology*, 39(1), pp. 113–127. <https://doi.org/10.1348/014466600164363>
- He, Q. and Gerber, T. (2019) 'Origin-country culture, migration sequencing, and female employment', *International Migration Review*, 54, pp. 233–261.
- Hedman, C. and Magnusson, U. (2021) 'Constructing success and hope among migrant students and families: A mother tongue teacher's didactic narratives', *Language & Communication*, 77, pp. 93–105. <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.01.003>
- Hnatiuk, V. (2023) "'Migrant's story': Forms of data collection and ways of presenting them in scholarly publications", *Political Studies / Політичні дослідження*, 1(5), pp. 123–143. <https://doi.org/10.53317/2786-4774-2023-1>
- Hoffman, C. (1991) *An introduction to bilingualism*. London: Longman.
- Hofmann, E. T. and Chi, G. (2021) 'Bride kidnapping and gendered labor migration', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 48(11), pp. 2493–2514. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2021.1931062>
- Hogg, M.A., Joyce, N. and Abrams, D. (1984) 'Diglossia in Switzerland?', *Journal of Language and Social Psychology*, 3(3), pp. 185–196. <https://doi.org/10.1177/0261927X8400300302>
- Holmes, A.G.D. (2020) 'Researcher positionality: A consideration of its influence and place in qualitative research', *Shanlax International Journal of Education*, 8(4), pp. 1–10. <https://doi.org/10.34293/education.v8i4.3232>

Hong, M.Y. (2010) *The relationship between ethnic identity, relationship with God, and Korean language proficiency of Korean American Christian Protestant Presbyterian college students in Southern California*. Doctoral dissertation. Biola University

Hutchinson, J. (1987) *The dynamics of cultural nationalism*. London: Allen & Unwin.

Ibraeva, G., Moldosheva, A. and Ablezova, M. (2015) “‘ We will kill you and we will be acquitted!’ : Critical discourse analysis of a media case of violence against female migrants from Kyrgyzstan’, *Gender in Modern Central Asia*, 26(3).

Imbens-Bailey, A.L. (1996) ‘Ancestral language acquisition’, *Journal of Language and Social Psychology*, 15(4), pp. 422–443.

International Organization for Migration (2005) *World migration report*. Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2005_3.pdf

International Republican Institute (2024) *IRI Kyrgyzstan poll: Strong majority want Kyrgyz as official language, increased support for younger candidates, rise in undecided voters*, 29 February. Available at: <https://www.iri.org/news/iri-kyrgyzstan-poll-strong-majority-want-kyrgyz-as-official-language/> (Accessed: 5 December 2024).

Jäger, S. and Maier, F. (2009) Theoretical and methodological aspects of Foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis. In: Ruth Wodak and John W. Meyer (eds), *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage. pp. 34–61.

Jehan, M. N. and Khan, S. A. (2024) ‘The Russian language and workers from Central Asia migrating to Russia’, *Journal of European Studies*, 40(2), pp. 29–39. <https://doi.org/10.56384/jes.v40i2.347>

Jenkins, R. (1994) ‘Rethinking ethnicity’, *Ethnic and Racial Studies*, 17, pp. 197–223. <https://doi.org/10.1080/01419870.1994.9993821>

Jones, K. D. (2011) *A culture of protests: the government overthrow in the Kyrgyz Republic in 2010*. College Park: Center for International and Security Studies, University of Maryland.

Jones, R.C. (2020) ‘The decline of migrant transnationalism with time abroad’. *Ethnic and Racial Studies*, 43(15), pp. 2685–2704. <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1685117>

Jones, R.C. (2020) ‘Transnationalism’, in Gold, S.J. and Nawyn, S.J. (eds.) *Routledge international handbook of migration studies*. London: Routledge, pp. 2683–2690.

Jørgensen, M., & Phillips, L. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method*. London: Sage.

Kaktus (2023) ‘Nurlan Shakiev zaiavil, chto vse grazhdane Kyrgyzstana dolzhny dumat’ i govorit’ na kyrgyzskom’, *Kaktus*, 15 December. Available

at: https://kaktus.media/doc/492495_nyrlan_shakiev_zaiavil_cho_vse_grajdane_kyrgyzstana_doljny_dymat_i_govorit_na_kyrgyzskom.html (Accessed: 5 December 2024).

Kara, F. (2013) 'Formation of Kyrgyz Soviet state', *The Journal of Academic Social Science Studies*, 6(3), pp. 507–520. http://dx.doi.org/10.9761/jasss_791

Karabaeva, K. N. (2024) 'Problemy bezopasnosti zhenskoy trudovoy migracii v Kyrgyzstane (1991–2021 gody)', *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, 8(1), pp. 50–58.

Karpava, S. (2021) 'Heritage language use, maintenance and transmission', in *Heritage – New paradigm*. <https://doi.org/10.5772/intechopen.98634>

Kashirskikh, O. and Laskin, A.V. (2026) 'Becoming Russian war migrants: between “Biopolitical waste” and “Flexible citizens”', *Globalizations*, pp. 1–21. <https://doi.org/10.1080/14747731.2026.2642483>

Kashnitsky, D. and Demintseva, E. (2018) ““Kyrgyz clinics” in Moscow: medical centers for Central Asian migrants’, *Medical Anthropology*, 37(5), pp. 401–411. <https://doi.org/10.1080/01459740.2017.1417280>

Kasyanov, V. (2018) 'Demographic policy and migration processes in modern Russia', *Revista San Gregorio*, 27(1).

Kasymalieva, A. (2012) 'Monolog Sapargul', *Azattyk*, 29 January. Available at: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_aida_sapargul_blog_/24629392.html (Accessed: 1 December 2024).

Khalidova, O. B. (2024) 'Integrating the North-East Caucasus: Russification policies in the late imperial era (late 19th–early 20th centuries)', *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 1(1), pp. 66–75. <https://doi.org/10.32653/CH1166-75>

Kiang, L. (2008) 'Ethnic self-labelling in young American adults', *Journal of Youth and Adolescence*, 37, pp. 97–111.

Kim, Y.Y. (2017) *Cross-cultural adaptation: An integrative theory*. 2nd edn. Thousand Oaks, CA: Sage. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-375000-6.00115-4>

King, E. J., Dudina, V. I. and Dubrovskaya, S. (2020) ““ You feel sick, you get sick, you still keep going” : Central Asian female labour migrants’ health in Russia’, *Global Public Health*, 15(4), pp. 544–557. <https://doi.org/10.1080/17441692.2019.1701060>

Kloop (2021) ““ I would have killed her anyway” : Kloop’s investigation of femicide in Kyrgyzstan’, 28 January. Available at: <https://kloop.kg/blog/2021/01/28/femicide-in-kyrgyzstan/> (Accessed: 1 December 2024).

- Kofman, E. (2012) 'Rethinking care through social reproduction: Articulating circuits of migration', *Social Politics*, 19(1), pp. 142–162. <https://doi.org/10.1093/sp/jxr030>
- Kommersant (2021) 'MVD otsenilo chislo nelegal'nykh migrantov iz SNG v 800 tys. chelovek'. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5079414> (Accessed: 10 March 2023).
- Koplatadze, T. (2019) 'Theorising Russian postcolonial studies', *Postcolonial Studies*, 22(4), 469–489. <https://doi.org/10.1080/13688790.2019.1690762>
- Korte, R. (2007) 'A review of social identity theory', *Leadership Review*, 7, pp. 166–180. <https://doi.org/10.1108/03090590710739250>
- Korth, B. (2005) *Language attitudes towards Kyrgyz and Russian: discourse, education and policy in post-Soviet Kyrgyzstan*. Frankfurt: Peter Lang.
- Kosmarskaya, N. (2015) 'The Russian language in Kyrgyzstan: changing roles and inspiring prospects', *Russian Journal of Communication*, 7(2), pp. 217–222. <https://doi.org/10.1080/19409419.2015.1044877>
- Kosmarskaya, N. and Savin, I. (2015) 'Everyday nationalism in Russia in European context: Moscow residents' perceptions of ethnic minority migrants and migration', in Pål Kolstø and Helge Blakkisrud (eds.) *The New Russian Nationalism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 132–159.
- Kramsch, C. (2002) 'In search of the intercultural', *Journal of Sociolinguistics*, 6(2), pp. 275–285. <https://doi.org/10.1111/1467-9481.00188>
- Kremlin Russia (2018) *State migration policy concept of the Russian Federation for 2019–2025*. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58986> (Accessed: 10 March 2023).
- Krzyzanowski, M. and Wodak, R. (2009) *The politics of exclusion: Debating migration in Austria*. Transaction Publishers.
- Kubal, A. (2016) 'Spiral effect of the law: migrants' experiences of the state law in Russia – a comparative perspective', *International Journal of Law in Context*, 12(4), pp. 453–468. <https://doi.org/10.1017/S1744552316000215>
- Kudryavtseva, T. (2021) 'Sozdana natsional'naya komissiya po gosyazyku i yazykovoy politike', *24.kg*, 29 July. Available at: https://24.kg/vlast/202537_sozdana_natsionalnaya_komissiya_pogosyazyku_iyazykovoy_politike/ (Accessed: 5 December 2024).

Kunst, J.R., Lefringhausen, K., Sam, D.L., Berry, J.W. and Dovidio, J.F. (2021) 'The missing side of acculturation: How majority-group members relate to immigrant and minority-group cultures', *Current Directions in Psychological Science*, 30(6), pp. 485–494.

Kuznetsova, I. (2017) 'Dangerous and unwanted: policy and everyday discourses of migrants in Russia', in *Migration and the Ukraine Crisis*. Bristol: E-International Relations Publishing, pp. 149–160.

Labov, W. (1972) *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lamont, M. and Molnár, V. (2002) 'The study of boundaries in the social sciences', *Annual Review of Sociology*, 28, pp. 167–195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>

Laruelle, M. (2007) 'Central Asian labor migrants in Russia: the “ diasporization” of the Central Asian states?', *China and Eurasia Forum Quarterly*, 5(3), pp. 101–119.

Laruelle, M. (2015) *The “ Russian world” : Russia’s soft power and geopolitical imagination*. Washington, DC: Center on Global Interests.

Laruelle, M. (2021) *Central Peripheries: Nationhood in Central Asia*. London: UCL Press.

Lave, J. and Wenger, E. (1991) *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815355>

Lawson, S. and Sachdev, I. (2004) 'Identity, language use, and attitudes', *Journal of Language and Social Psychology*, 23(1), pp. 49–69. <https://doi.org/10.1177/0261927X03261223>

Le Page, R.B. and Tabouret-Keller, A. (1985) *Acts of identity: Creole-based approaches to language and ethnicity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lee, J.S. (2002) 'The Korean language in America', *Language, Culture and Curriculum*, 15(2), pp. 117–133. <https://doi.org/10.1080/07908310208666638>

Lemert, C. (2012) 'A history of identity', in *Routledge handbook of identity studies*. London: Routledge, pp. 25–51.

Levada Center (2024) *About us*. Available at: <https://www.levada.ru/en/about-us/> (Accessed: 5 December 2024).

Levitt, P. and Glick Schiller, N., 2004. Conceptualizing simultaneity: a transnational social field perspective on society. *International Migration Review*, 38(3), pp.1002–1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb0022.x>

Levitt, P. and Jaworsky, B.N., 2007. Transnational migration studies: past developments and future trends. *Annual Review of Sociology*, 33, pp.129–156. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816>

Li, E. (2017) *Language and ethnicity in Kyrgyzstan: a case study of the Russified Kyrgyz in Bishkek*. PhD thesis. Central European University.

Liebkind, K. (2006) 'Ethnic identity and acculturation', in Sam, D.L. and Berry, J.W. (eds.) *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 78–96.

Lin, A. (2014) 'Critical discourse analysis in applied linguistics: A methodological review', *Annual Review of Applied Linguistics*, 34, pp.213–232. 10.1017/S0267190514000087.

Lippi-Green, R. (2011) *English with an accent* (2nd ed.). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203348802>

Mahler, S.J. and Pessar, P.R. (2001) 'Gendered geographies of power', *Identities*, 7(4), pp. 441–459.

Malakhov, V. (2014) 'Russia as a new immigration country: policy response and public debate', *Europe-Asia Studies*, 66(7), pp. 1062–1079. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.934140>

Malakhov, V. and Simon, M. (2016) *The political economy of Russian migration politics*. Available at: <https://www.preprints.org/manuscript/201609.0058/v1> (Accessed: 3 March 2021).

Maloof, V.M., Rubin, D.L. and Miller, A.N. (2006) 'Cultural competence and identity', *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 9(2), pp. 255–273.

Malota, E., Bogáromi, E. and László, T. (2024) 'Building a bridge with others: Alternative patterns of the acculturation process through the eyes of immigrants and members of the receiving culture', *International Journal of Cross Cultural Management*, 24(2), pp. 363–383. <https://doi.org/10.1177/14705958241252313>

McAuliffe, M. and Triandafyllidou, A. (2021) *World migration report 2022*. Geneva: IOM.

McAuliffe, M. and Triandafyllidou, A. (eds.) (2021) *World migration report 2022*. Geneva: International Organization for Migration.

McLean, K. and Syed, M. (2016) 'Personal, master, and alternative narratives', *Human Development*, 58, pp. 318–349. <https://doi.org/10.1159/000445817>

McLean, K., Lilgendahl, J., Fordham, C., Alpert, E., Marsden, E., Szymanowski, K. and McAdams, D. (2018) 'Identity development in cultural context', *Journal of Personality*, 86(4), pp. 631–651. <https://doi.org/10.1111/jopy.12341>

Medin, D.L. (1989) 'Concepts and conceptual structure', *American Psychologist*, 44, pp. 1469–1481.

Mehri, M. (2011) *Influences on ethnic identity in biracial adults of Chinese and white European descent*. PhD thesis.

Migration Data Portal (2024) *Migration data in Central Asia*. Available at: <https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/central-asia> (Accessed: 7 January 2024).

Migration Policy Institute (2017) *Russia: a migration system with Soviet roots*. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots> (Accessed: 18 May 2017).

Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (2021) *Svodka osnovnykh pokazateley deyatel'nosti po migratsionnoy situatsii*. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai> (Accessed: 23 November 2021).

Mir, S. (2006) *Constructing third spaces*. PhD thesis. Indiana University.

Mjelva, M.B. and Carling, J. (2023) 'Surveys on migration aspirations, plans and intentions: A comprehensive overview', *Open Research Europe*, 3, p. 145. <https://doi.org/10.12688/openreseurope.15800.1>

Moazami, B. (2017) 'The quandary of the identity debate', *Glocalism*, (2).

Moran, M. (2018) 'Identity and identity politics', *Historical Materialism*. <https://doi.org/10.1163/1569206X-00001630>

Morrison, A. (2020) *The Russian conquest of Central Asia: a study in imperial expansion, 1814–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mu, G. (2015) 'A meta-analysis of the correlation between heritage language and ethnic identity', *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 36, pp. 239–254. <https://doi.org/10.1080/01434632.2014.909446>

Mukomel, V. (2006) 'Immigration and Russian migration policy: debating the future', *Russian Analytical Digest*, 7, pp. 3–5.

Muratalieva, A. (2024) 'The paradox of Russian migration policies: uncovering challenges and contradictions', in Özerim, G. (ed.) *Understanding the shifts in migration governance: milestones, challenges and peculiarities*. London: Transnational Press, pp. 17–34.

Muysken, P. (2000) *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.

Myers-Scotton, C. (1993) *Social motivations for codeswitching: Evidence from Africa*. Oxford: Oxford University Press.

Najibullah, F. (2023) 'Officials who can't speak Kyrgyz will be fired, state warns, as language law takes effect', *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 28 July. Available at: <https://www.rferl.org/a/kyrgyzstan-language-law-officials-fluency/32524597.html>

National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic (2023) *Total population by nationality*. Available at: <https://stat.gov.kg/en/opendata/category/312/> (Accessed: 1 December 2024).

Ngo, H.V. (2008) 'A critical examination of acculturation theories', *Critical Social Work*, 9(1) <https://doi.org/10.22329/csw.v9i1.5762>

Nilep, C. (2006) "'Code switching" in sociocultural linguistics', *Colorado Research in Linguistics*, 3. <https://doi.org/10.25810/hnq4-jv62>

Noro, H. (2009) 'The role of Japanese as a heritage language', *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 30(1), pp. 1–18.

Novac, A., Zahn, C. and Blinder, B. (2021) 'Identity narrative, group and individual narratives', *Group Analysis*, 55, pp. 191–212. <https://doi.org/10.1177/05333164211012529>

Oh, J.S. and Au, T.K.F. (2005) 'Learning Spanish as a heritage language', *Language, Culture and Curriculum*, 18(3), pp. 229–241. <https://doi.org/10.1080/07908310508668744>

Oh, J.S. and Fuligni, A.J. (2010) 'The role of heritage language development', *Social Development*, 19(1), pp. 202–220. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2008.00530.x>

Okpara, J.O. (2016) 'Cross-cultural adjustment of expatriates', *Journal of Global Mobility*, 4(2), pp. 165–186. <https://doi.org/10.1177/1470595816671149>

Oksuzoglu, G. (2024) 'Collective identity during societal regression', *Academic Review of Humanities and Social Sciences*. <https://doi.org/10.54186/arhuss.1425185>

Olimov, M. A. and Olimova, S. K. (2019) 'Transformatsiya identichnosti v migratsii: etnichnost' i religii', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 59, pp. 158–166.

Omi, M. and Winant, H. (2014) *Racial formation in the United States*. 3rd edn. New York: Routledge.

Orusbaev, A., Mustajoki, A. and Protassova, E. (2008) 'Multilingualism, Russian language and education in Kyrgyzstan', *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11(3–4), pp. 476–500. <https://doi.org/10.1080/13670050802148806>

Osmonov, O. D. (2008) *Istoriya Kyrgyzstana*. Bishkek.

Otorbaev, K. (2023) 'Neprosto protsess: chto izmenitsya s prinyatiem zakona o gosyazyke', *Azattyk*, 23 July. Available at: <https://www.azattyqasia.org/a/32516320.html> (Accessed: 5 December 2024).

Panicacci, A. (2019) 'Do the languages migrants use in private and emotional domains define their cultural belonging?', *International Journal of Intercultural Relations*. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.01.003>

Pavlenko, A. (2003) "'Language of the enemy': foreign language education and national identity", *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 6(5), pp. 313–331. <https://doi.org/10.1080/13670050308667789>

Pavlenko, A. (2008) 'Russian in post-Soviet countries', *Russian Linguistics*, 32(1), pp. 59–80. <https://doi.org/10.1007/s11185-007-9020-1>

Peirce, B.N. (1995) 'Social identity, investment, and language learning', *TESOL Quarterly*, 29(1), pp. 9–31. <https://doi.org/10.2307/3587803>

Pessar, P.R. and Mahler, S.J. (2003) 'Transnational migration: Bringing gender in', *International Migration Review*, 37(3), pp. 812–846. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00159.x>

Phinney, J.S. (1990) 'Ethnic identity in adolescents and adults', *Psychological Bulletin*, 108(3), pp. 499–514. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.499>

Phinney, J.S. and Ong, A.D. (2007) 'Conceptualization and measurement of ethnic identity', *Journal of Counseling Psychology*, 54(3), pp. 271–281. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.271>

Phinney, J.S., Romero, I., Nava, M. and Huang, D. (2001) 'The role of language, parents, and peers', *Journal of Youth and Adolescence*, 30, pp. 135–153. <https://doi.org/10.1023/A:1010389607319>

Piper, N. (2005) *Gender and migration*. Geneva: Global Commission on International Migration.

Ploskikh, V. (2022) 'Origins of the Kyrgyz-Russian relations', *RSUH/RGGU Bulletin. Series Eurasian Studies*, 1, pp. 144–161.

Poplack, S. (1980) 'Sometimes I'll start a sentence in Spanish: Toward a typology of codeswitching', *Linguistics*, 18(7–8), pp. 581–618.

Portes, A. (2003) 'Conclusion: Theoretical convergences and empirical evidence in the study of immigrant transnationalism', *International Migration Review*, 37(3), pp. 874–892.

Portes, A., Guarnizo, L.E. and Landolt, P. (1999) 'The study of transnationalism: Pitfalls and promise of an emergent research field', *Ethnic and Racial Studies*, 22(2), pp. 217–237.

Quintana, S.M. (2007) 'Racial and ethnic identity: Developmental perspectives and research'. *Journal of Counseling Psychology*, 54(3), 259–270. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.259>

Ramet, P. (1978) 'Migration and nationality policy in Soviet Central Asia', *Humboldt Journal of Social Relations*, pp. 79–101.

RBC (2017) 'Gol'yanovskiye raby pozhalovalis' v ESPCh na pytki', *RBC*, 4 April. Available at: https://www.rbc.ru/society/06/12/2016/584683929a7947109f91b94e?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (Accessed: 5 December 2024).

Reeves, M. (2013) 'Clean fake: authenticating documents and persons in migrant Moscow', *American Ethnologist*, 40(3), pp. 508–524. <https://doi.org/10.1111/amet.12036>

Reeves, M. (2014) *Border work: Spatial lives of the state in rural Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Rehner, K., Ippolito, J., Lasan, I., Forget, G., Gouveia, C., Jones, S. and Liu, Y. (2024) 'Adult migrants' formal and informal language learning opportunities', *Canadian Modern Language Review*. <https://doi.org/10.3138/cmlr-2023-0075>

Reisigl, M. and Wodak, R. (2001) *Discourse and discrimination: Rhetorics of racism and antisemitism*. London: Routledge.

Reisigl, M. and Wodak, R., 2005. *Discourse and discrimination: Rhetorics of racism and antisemitism*. Routledge.

Reisigl, M. and Wodak, R. (2016) 'The discourse-historical approach (DHA)', in Wodak, R. and Meyer, M. (eds.) *Methods of critical discourse studies*. 3rd edn. London: Sage, pp. 23–61.

Ricento, T. (ed.) (2005) *An introduction to language policy: theory and method*. Oxford: Blackwell.

Rojas, B.G. (2025) 'Code-switching as identity negotiation in multilingual communities', *Bulletin of Language and Literature Studies*, 2(1). <https://doi.org/10.59652/bls.v2i1.517>

Romaine, S. (1995) *Bilingualism*. 2nd edn. Oxford: Blackwell.

Rosenthal, D.A. and Feldman, S.S. (1992) 'The nature and stability of ethnic identity', *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 23(2), pp. 214–227. <https://doi.org/10.1177/0022022192232006>

Round, J. and Kuznetsova, I. (2016) 'Necropolitics and the migrant as a political subject in Russia', *Geoforum*, 68, pp. 74–82. <https://doi.org/10.1177/0896920516645934>

Rudmin, F.W. (2003) 'Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration, and marginalization', *Review of General Psychology*, 7(1), pp. 3–37.

Ruget, V. and Usmanalieva, B. (2011) 'Social and political transnationalism among Central Asian migrants', *Problems of Post-Communism*, 58(6), pp. 48–60. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216580604>

Rumbaut, R.G. (2008) 'Reaping what you sow', *Applied Developmental Science*, 12(2), pp. 108–111. <https://doi.org/10.1080/10888690801997341>

Ryazantsev, S. (2016) 'Labour migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis', *Russia in Global Affairs*, 8(3).

Sam, D.L. and Berry, J.W. (2010) *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schenk, C. (2010) 'Open borders, closed minds: Russia's changing migration policies', *Demokratizatsiya*, 18(2), pp. 101–123.

Schraml, C. (2014) 'How is ethnicity experienced?', *Ethnicities*, 14(5), pp. 615–633. <https://doi.org/10.1177/1468796813519781>

Schwartz, S.J., Unger, J.B., Zamboanga, B.L. and Szapocznik, J. (2010) 'Rethinking the concept of acculturation', *American Psychologist*, 65(4), pp. 237–251. <https://doi.org/10.1037/a0019330>

Sedmak, M. (2018) 'Identities and belongings of “second-generation migrant women”', *Two Homelands*. <https://doi.org/10.3986/dd.v0i48.7134>

Shailoobek kyzy, A. (2021) 'In Kyrgyzstan, an ultranationalist group thrives on rising anti-Chinese sentiment', *Global Voices*, 16 June. Available at: <https://globalvoices.org/2021/06/16/in-kyrgyzstan-an-ultranationalist-group-thrives-on-rising-anti-chinese-sentiment/>

Sherif, M. (1948) *An outline of social psychology*. New York: Harper & Row.

Silverstein, M. (1976) 'Shifters, linguistic categories, and cultural description', in Basso, K. and Selby, H. (eds.) *Meaning in anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, pp. 11–55.

Simon, B., Reichert, F. and Grabow, O. (2013) 'When dual identity becomes a liability', *Psychological Science*, 24, pp. 251–257. <https://doi.org/10.1177/0956797612450889>

Sokol, E. D. (2016) *The revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Solchanyk, R. (1982) 'Russian language and Soviet politics', *Soviet Studies*, 34(1), pp. 23–42. <https://doi.org/10.1080/09668138208411394>

Spivak, G.C. (1988) 'Can the subaltern speak?', in Nelson, C. and Grossberg, L. (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, pp. 271–313.

Stella, F. and Gawlewicz, A. (2020) 'Social networks, language and identity negotiations', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 47, pp. 2537–2555. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1863203>

Stets, J.E. and Serpe, R.T. (2013) 'Identity theory', in *Handbook of social psychology*. Dordrecht: Springer, pp. 31–60.

Stoermer, S., Davies, S. and Froese, F. (2021) 'The influence of expatriate personality traits on cross-cultural adjustment', *Journal of Global Mobility*, 9(1), pp. 22–41. <https://doi.org/10.1057/s41267-020-00349-3>

Sullivan, C., Block, K. and Vaughan, C. (2021) 'The continuum of gender-based violence across the refugee experience', in Bradbury-Jones, C. and Isham, L. (eds.) *Understanding gender-based violence*. Cham: Springer, pp. 33–47.

Sumption, M. (2020) 'How useful are survey data for analyzing immigration policy?', *Data & Policy*, 2, e19. <https://doi.org/10.1017/dap.2020.20>

Sun, Y. and Zhu, W. (2024) 'Using walking interviews in migration research: A systematic review of the qualitative research literature', *International Journal of Qualitative Methods*, 23, pp. 1–24. <https://doi.org/10.1177/16094069241282931>

Suyarkulova, M. (2020) "'Your traditions, our blood!': the struggle against patriarchal violence in Kyrgyzstan", *OpenDemocracy*, 2 April. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/your-traditions-our-blood-the-struggle-against-patriarchal-violence-in-kyrgyzstan/> (Accessed: 1 December 2024).

Tajfel, H. and Turner, J.C. (1979) 'An integrative theory of inter-group conflict', in Austin, W.G. and Worchel, S. (eds.) *The social psychology of inter-group relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, pp. 33–47.

Taylor, D.M., Bassili, J.N. and Aboud, F.E. (1973) 'Dimensions of ethnic identity', *Journal of Social Psychology*, 89(2), pp. 185–192. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1080/00224545.1973.9922590>

Temirkulov, A. (2010) 'Kyrgyz "revolutions" in 2005 and 2010', *Nationalities Papers*, 38(5), pp. 589–600. <https://doi.org/10.1080/00905992.2010.503617>

Temple, B. (2010) 'Feeling special', *Sociological Review*, 58(2), pp. 286–304. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2010.01904.x>

The Asia Pacific Forum on Women, Law and Development (2021) *Empowering women migrant workers against sexual and gender-based violence in the cycle of migration*.

The Guardian (2018) 'Özil and Gündoğan's Erdoğan picture causes anger in Germany', 16 May. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/16/mesut-ozil-ilkay-gundogan-recep-tayyip-erdogan-picture>

The Guardian (2022) 'Russia bans Facebook and Instagram under extremism law', 21 March. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/21/russia-bans-facebook-and-instagram-under-extremism-law> (Accessed: 8 February, 2026)

Thieme, S. (2008) 'Living in transition: how Kyrgyz women juggle their different roles', *Gender, Technology and Development*, 12(3), pp. 325–345. <https://doi.org/10.1177/097185240901200303>

Triandafyllidou, A., Bivand Erdal, M., Marchetti, S., Raghuram, P., Sahin Mencutek, Z., Salamońska, J. and Vintila, D. (2024) 'Rethinking migration studies for 2050', *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 22(1), pp. 1–21.

Trofimovich, P. and Turuševa, L. (2015) 'Ethnic identity and second language learning', *Annual Review of Applied Linguistics*, 35, pp. 234–252. <https://doi.org/10.1017/S0267190514000166>

Tukubasheva, A. I. and Purdilova, Z. Y. (2023) 'Gendernye aspekty trudovoy migratsii v Kyrgyzstane', *Byulleten nauki i praktiki*, 9(2), pp. 253–257.

U.S. Department of State (2021) *2021 country reports on human rights practices: Kyrgyzstan*. Available at: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/kyrgyzstan/>

UN Women (2018) *Women and labour migration: Kyrgyz Republic*. Available at: https://eca.unwomen.org/sites/default/files/Field%20Office%20ECA/Attachments/Publications/2020/04/Gender%20in%20society%20perception%20study/GSPS_Migration_ENG.pdf

UN Women (2020) *Measuring the shadow pandemic: violence against women during COVID-19 in the Kyrgyz Republic*. Available at: <https://data.unwomen.org/sites/default/files/documents/Publications/Measuring-shadow-pandemic-Kyrgyzstan-EN.pdf>

UN Working Group on Discrimination Against Women and Girls (2022) *End of mission statement by the Working Group on discrimination against women and girls visit to Kyrgyzstan*. Available at: <https://www.ohchr.org/en/statements-and-speeches/2022/04/end-mission-statement-working-group-discrimination-against-women>

United Nations Kyrgyz Republic (2019) *Development of a comprehensive long-term evidence-based migration policy for the Kyrgyz Republic*. Available at: https://kyrgyzstan.un.org/sites/default/files/2019-08/DD2_Migration_ENG.pdf

United Nations Population Fund (2021) *Population situation analysis in Kyrgyzstan*. Available at: <https://kyrgyzstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/en.pdf>

Valk, A. and Karu, K. (2001) 'Ethnic attitudes in relation to ethnic pride and ethnic differentiation', *The Journal of Social Psychology*, 141(5), pp. 583–601. <https://doi.org/10.1080/00224540109600573>

Van Dijk, T. A. (1993) Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society* 4: 249–83.

Van Dijk, T.A. (2005) 'Discourse analysis as ideology analysis', in Wodak, R. and Chilton, P. (eds.) *Language and peace*. London: Routledge, pp. 41–58.

Van Dijk, T.A. (2016) 'Critical discourse studies: A sociocognitive approach', in Wodak, R. and Meyer, M. (eds.) *Methods of critical discourse studies*. 3rd edn. London: Sage, pp. 62–85.

Van Leeuwen, T. (2006) *Critical Discourse Analysis*. In: Keith Brown (ed.), *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier. pp. 290–4.

Varshaver, E.A. (2023) 'Integration of migrants through the lens of a constructivist approach', *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), pp. 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>

Verkuyten, M. (2003) 'Discourses about ethnic group (de-)essentialism', *British Journal of Social Psychology*, 42(3), pp. 371–391. <https://doi.org/10.1348/014466603322438215>

Verkuyten, M. and de Wolf, A. (2002) 'Being, feeling and doing: Discourses and ethnic self-definitions among minority group members', *Culture & Psychology*, 8(4), pp. 371–399. <https://doi.org/10.1177/1354067X0284001>

Verkuyten, M., Wiley, S., Deaux, K. and Fleischmann, F. (2019) 'To be both (and more)', *Journal of Social Issues*. <https://doi.org/10.1111/josi.12324>

Vertovec, S. (2003) 'Migration and other modes of transnationalism', *International Migration Review*, 37(3), pp. 641–665. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00153.x>

- Wagner, W. (2024) 'Natural origins of social essentialism', *Culture & Psychology*. <https://doi.org/10.1177/1354067X241236722>
- Waldinger, R. and Fitzgerald, D. (2004) 'Transnationalism in question', *American Journal of Sociology*, 109(5), pp. 1177–1195.
- Ward, C. and Kus, L. (2012) 'Back to and beyond Berry's basics: The conceptualization, operationalization and classification of acculturation', *International Journal of Intercultural Relations*, 36(4), pp. 472–485.
- Wardhaugh, R. (2010) *An introduction to sociolinguistics*. 6th ed. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Weeks, T. R. (2010) 'Russification and Sovietization'. Institute of European History. Available at: <https://d-nb.info/1029976155/34>
- Whitchurch, C. (2008) 'Shifting identities and blurring boundaries', *Higher Education Quarterly*, 62, pp. 377–396. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2008.00387.x>
- Wiley, S., Fleischmann, F., Deaux, K. and Verkuyten, M. (2019) 'Why immigrants' multiple identities matter', *Journal of Social Issues*. <https://doi.org/10.1111/josi.12329>
- Williams, C.C. (2005) 'Ethical considerations in mental health research with racial and ethnic minority communities', *Community Mental Health Journal*, 41(5), pp. 509–520. <https://doi.org/10.1007/s10597-005-6358-y>
- Wimmer, A. (2008) 'The making and unmaking of ethnic boundaries', *American Journal of Sociology*, 113, pp. 970–1022. <https://doi.org/10.1086/522803>
- Wodak, R. (2001) What CDA is about – a summary of its history, important concepts and its developments. In: Ruth Wodak and Michael Meyer (eds), *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage. pp. 1–13.
- Wodak, R. and Krzyżanowski, M., 2017. Right-wing populism in Europe & USA: Contesting politics & discourse beyond 'Orbanism' and 'Trumpism'. *Journal of Language and Politics*, 16(4), pp.471-484.
- Wodak, R. and Meyer, M. (2016) *Methods of critical discourse studies*. 3rd edn. London: Sage.
- Wulandari, C.E., Hadianti, A.N. and Fhadilathusy, S.M. (2025) 'Code-switching in digital communication: A study of bilingual language use in popular platforms', *International Journal of Language and Culture*, 3(1), pp. 21–31. <https://doi.org/10.63762/ijolac.v3i1.28>
- Yagmur, K., Bot, K. de and Korzilius, H. (1999) 'Language attrition, language shift and ethnolinguistic vitality', *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 20(1), pp. 51–69. <http://dx.doi.org/10.1080/01434639908666369>

Ymanbekova, N. (2021) 'Migration and resettlement policy of the Russian Empire in Kyrgyzstan', *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), pp. 417–422.

Yudina, T. N. (2005) 'Labour migration into Russia: the response of state and society', *Current Sociology*, 53(4), pp. 583–606. <https://doi.org/10.1177/0011392105052716>

Yuval-Davis, N. (2006) 'Intersectionality and feminist politics', *European Journal of Women's Studies*, 13(3), pp. 193–209. <https://doi.org/10.1177/1350506806065752>

Yzerbyt, V., Corneille, O. and Estrada, C. (2001) 'The interplay of subjective essentialism and entativity', *Personality and Social Psychology Review*, 5, pp. 141–155. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0502_5

Zakharov, N., Law, I. and Shmidt, M. (2017) 'Central Asian racisms', in Zakharov, N. and Law, I. (eds.) *Post-Soviet racisms*. London: Palgrave Macmillan, pp. 129–183. https://doi.org/10.1057/978-1-137-47692-0_5

Zhang, D. and Slaughter-Defoe, D.T. (2009) 'Language attitudes and heritage language maintenance', *Language, Culture and Curriculum*, 22(2), pp. 77–93. <https://doi.org/10.1080/07908310902935940>

8. Appendices

Appendix 1. Pilot Research – Ethnic Identity Scale

#	Ethnic Identity Scale	Strongl y disagree	Disagree	Neither agree nor disagree	Agree	Strongl y agree
1	I have a strong sense of belonging to my own ethnic group					
2	I am conscious of my ethnic background and I understand pretty well what my ethnic group membership means to me					
3	I have often done things that will help me understand my ethnic background better					
4	I have often talked to other people in order to learn more about my ethnic group					
5	I have a strong attachment towards my own ethnic group					
Ethnic Pride						
6	I am proud of my ethnic group membership					
7	Being conscious of my ethnic background increases my feeling of confidence					
8	I respect the traditions of my					

	ethnic group					
9	I am greatly interested in the history of my ethnic group. I have spent time trying to find out more about my ethnic group, such as history, traditions, and customs					
10	I take part in events of my ethnic group and enjoy it					
11	I feel good about my ethnic background					
12	Knowing the history of my ethnic group teaches me to value and understand my fellow ethnic group members and also myself better					
13	I take pride in achievements of my fellow ethnic group members					
Ethnic Differentiation						
14	It is important for me which ethnic group a person belongs to					
15	Ethnic background does not matter in choosing a spouse					
16	It is nicer to commune with somebody from my own ethnic group than from other groups					
17	Ethnicity should not play any role in evaluating a person					
18	All my close friends belong to the same ethnic group as I do					

19	I do not find a person's ethnic background important					
20	It would be neither easier nor harder for me to live with a person from an ethnic group other than my own					
21	I like to get to know people from other ethnic groups					

Appendix 2. Corvinus Research Ethics Committee Approval

Corvinus University of Budapest
Office of the Vice-Rector for Research
Research Ethics Committee
H-1093 Budapest, Fővám tér 8.

File number: KRH/221/2023
Administrator: Krisztián Ágai
Extension: 5196
Attachment: -

Principal Researcher: Aizhamal Muratalieva, PhD Student
Email: aizhamal.muratalieva@stud.uni-corvinus.hu
Project goal: Central Asian migration to Russia

DECLARATION

On the basis of the fully completed review questionnaire and the supporting professional documents relating to the submitted request for research ethics approval the Committee grants the request and

grants the research ethics approval for the research.
The research shall be conducted in accordance with the review questionnaire.

JUSTIFICATION

The Committee's assessment is as follows:

The attached documents such as the project plan worked out for the referred application, the declaration form designed for this purpose and fully completed by the applicant are compliant with the principles formulated in article (6) of the *Provisions of the Rector No 2/2020. (V. 26.) on setting up the CUB Ad Hoc Research Ethics Committee, and on issuing research ethics permissions*, which governs these provisions and the planned research is in accordance with the CUB's research strategy and institution building plan. *Please note that the declaration forms issued in the annexes 2.a, 2.b and 2.c of the referred Provisions of the Rector shall be completed and signed in all cases during the course of the research.* The decision set out in the operative part was made by the Committee on its meeting of July 5th 2023.

Budapest, July 6th, 2023

L. S.
Dr. Tamara Keszey
Vice-Rector for Research
Chair of the Research Ethics Committee

Appendix 3. Participant Information Sheet

You are invited to join the research dedicated to self-discourses and ethnic identities of Kyrgyz migrants in Russia. Before you decide to take part, please take time to read the information below.

What is this study about?

Approximately 1 million migrants from Kyrgyzstan settled in Russia to search for jobs and pursue education. While many studies examine Central Asian migration, the main body of research focuses on the economic and legal aspects of labor migration and on public discourse. This study attempts to give a voice to the Kyrgyz people in Russia by exploring their migration experiences and their impact on identity construction.

What would taking part in this study involve?

The study consists of two stages: an online demographic questionnaire and an interview. You will receive a link to the questionnaire before the interviews. During the interview, you will be asked about your reasons for migrating, your migration experience, your identity, and your attitudes towards different ethnic groups. There is no need to prepare for the interviews, as they will be conducted like regular conversations (language: Russian).

What will happen to the information I provide?

Before the interview, you will be requested to grant permission to record and keep the interview for the duration of the research. All data collected will be retained in a secure location protected with a password for at least 2 years after the collection. The recording will be deleted after 6 months of the thesis defence. All names and information that is particular to you or any person that you mention will be kept private. Your anonymity will also be maintained in presentations or publications about the study: all the participants will be quoted in the research by numbers as “Participant 1,2,3”. All information that could reveal your identity will be deleted, such as names of other people, work or educational affiliations, exact locations, etc.

Why should I do this?

The study's findings will be of interest to the academic community, media, and non-governmental organizations working with migrants and ethnic minority populations. Your participation can help raise awareness in society and institutions about Kyrgyz migrants' experiences in Russia.

Do I have to take part?

Your participation is voluntary. You are not obligated to answer uncomfortable questions, and you can request to switch off recorders at any time. If you choose to leave the study, you are free to do so at any time.

Who is conducting the research?

The study is conducted by a Ph.D. Candidate at Corvinus University of Budapest Aizhamal Muratalieva, who has a background in Journalism and an experience of living in Russia where she researched Central Asian migration coverage in the Russian Media and xenophobic discourse. The present research is a part of her doctoral thesis. For further information contact: muratalieva.a@gmail.com.

Thank you for your time and contribution!

Certificate of Consent

I have read the information above about the research on Kyrgyz Migrants' Discourses and Ethnic Identities in Russia and agree to be a Participant in this study.

Name, Last Name _____

Signature _____ (Will be a tick box in the online form)

Appendix 4. Demographic Questionnaire

Q1. Name and Surname _____

Q2. Age: 18-20; 20-24; 25-29; 30-34; 35-39; 40-44

Q3. The highest level of your education:

High school education

Vocational/technical college

University graduate degree

University Master's/Doctorate degree

Other: please indicate _____

Q4. Language: Do you speak Kyrgyz?

Yes, I can speak and write freely (*high proficiency*)

Yes, I can have a simple conversation with friends/family/etc. (*limited proficiency*)

Yes, I speak at the basic level and can explain simple things (*elementary proficiency*)

No, I don't speak at all

Q5. Which language do you speak with family/relatives?

Only Kyrgyz

Only Russian

Mixed: Kyrgyz & Russian

Q6. How long have you been living in Russia?

1 year

2-4 years

5 years

6-9 years

10 years

More than 10 years

Q7. What was your main reason for migrating to Russia?

Work (job search, job offer)

Education (university entrance, exchange programs)

Family migration (by the invitation of parents/relatives)

Other purposes: please indicate _____

Q8. Are you currently:

A student

Employed

An employed student

Unemployed, looking for a job

Unemployed, a homemaker

Other: please indicate _____

Q9. If you have chosen “ employed ” , please indicate your current occupation

_____

Appendix 5. Interview Questions

Dear (Name), thank you for participating in this study dedicated to self-discourses and ethnic identities of Kyrgyz migrants in Russia. The interview will be held in Russian and will last 1 hour. It will consist of 4 parts: I will ask you first to tell your story of migration to Russia, share your cultural experiences, reveal attitudes toward different ethnic groups, and discuss your ethnic identity and future. You are not obligated to answer uncomfortable questions, and you can request to switch off recorders at any time.

Part 1. Migration story (autobiography)

Main questions

- Tell me about your story of migration to Russia? What was the main reason of your migration?

Additional questions

- What was it like when you first arrived? What were your hopes and expectations?

Part 2. Feeling (ethnic relations)

Main questions

- Do you interact with members of the Kyrgyz ethnic group in Russia? Where in what context? How do you feel about them, and what is your experience like when interacting with them?
- Do you interact with members of the Russian ethnic group in Russia? Where and in what context? How do you feel about them, and what is your experience like when interacting with them?

Additional questions

- Have you ever been treated differently in Russia? What was your reaction/response?
- What have been your biggest challenges in Russia? What have been your greatest sources of joy?
- What are the things you are most proud of so far and why?

Part 3. Doing (acculturation strategies)

Main questions

- How do you connect with Kyrgyz culture (if at all) in Russia?
- How do you connect with Russian culture (if at all) in Russia?

Additional questions

- What Kyrgyz traditions and customs are important for you? Do you actively engage in activities or events that celebrate and promote Kyrgyz identity or culture: holidays/cultural events/celebrations?
- Do you participate in Russian holidays and cultural events/celebrations? If yes, why? Are there any specific traditions or customs that you personally find appealing and would like to adopt?
- Do you maintain relations with Kyrgyz friends/relatives back home?
- In general, what languages do you speak? What language(s) do you speak with family/friends/ colleagues? In which language do you usually think? What language(s) do you prefer to watch movies, TV shows, and listen to radio programs in?

Part 4. Being (identity)

Main questions

- What is your definition of Kyrgyz? How do you think, what does it mean to be Kyrgyz in Russia?
- How do you ethnically identify yourself?
- What aspects of being _____ are important for you?

Additional questions

- How important it is to disclose your ethnic identity to others?
- What role does your ethnic identity play in your life? Does it have any influence on your personal values/beliefs/worldview/communication with other people?
- Has the experience of migration influenced your ethnic identity? If so, in what ways do you perceive this influence?

Part 5. Migration plans (future)

Main questions

- What are you hoping to accomplish in the future? Where do you see yourself living long-term?

Additional questions

- Have you thought about staying in Russia? How do you feel about going back to Kyrgyzstan?
- Is there anything you would like to add that has not been asked?

Appendix 6. Interview Transcript 1

Respondent: Participant 1

Interview conducted: 28 June 2023

Duration: 59:28 min

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

За год до моей миграции в Россию случилась миграция моей мамы. Точнее не за год, а за 10 месяцев. Она врач, и всегда работала в обычных больницах стационарных в маленьких городах между Шамалды-Саем, Майлуу-Суу и как-то по мелочи они ездили в села, айылы, и училась она в Джалал-Абаде. В общем, это все привело к тому, что моя мама перегорела, работа очень тяжелая, очень-очень мало оплачивалась, и к тому же, моя мама совершенно не умеет, наверное, не знаю...у всех вокруг были какие-то другие заработки: кто-то золото продавал, кто-то лепешки пек, но у моей мамы это не получалось. У нее была только одна ее работа, которая мало оплачивалась, и моя мама не умеет брать взятки, хотя очень многие брали взятки, но это была тогда вынужденная мера для выживания в то время. Это все привело к выгоранию, и оно закончилось тем, что кто-то ей сказал, что она может поехать в Россию. В то время уже все-все-все начали уезжать. Особенно в том маленьком городке, мы жили в Шамалды-Сае.

У меня в России живет тетя, с начала 90-х годов. К тому времени у нее уже было двое детей, русских, семья, ребенок, и они знали, что за ребенком нужен уход, потому что тетя собирается выходить из декретного отпуска. На тот момент это была достаточно обеспеченная семья: дядя зарабатывал много, тетя, кажется, зарабатывала мало. Ну она такая, фривольная светская львица, ей было все равно сколько она зарабатывает. Она до сих пор так говорит: “ Мне вообще все равно сколько я зарабатываю, у меня муж зарабатывает”. Это хорошая, кстати, позиция, нам ее нужно запомнить [смеется]. Потому что ее никак не могут уволить, потому что ей срать на эту работу, и ее никогда не увольняют.

Мой дедушка посчитал, что будет хорошо, если мама уедет. Ну как дедушка, там сложная семейная история. Он скорее дядя, чем дедушка, но я называю его дедушка. Он очень хорошо понимал ситуацию моей мамы, особенно после смерти моего отца, с которым он был очень близок, и он пригласил мою тетю. Он устроил какой-то пышный той, праздник, для нее, когда она приехала отдыхать на месяц в Кыргызстан, отдельно пригласил ее к себе. Это было широкое празднование ее с ее семьей. Несколько баранов он зарезал и познакомил их с мамой. Они и так были знакомы через моего отца, но после его смерти совсем не общались. В общем, они познакомились, и дедушка сказал: “ было бы хорошо, если бы она работала у вас, я знаю, что тебе понадобится няня”. Моя тетя восприняла это очень хорошо.

Моя мама уехала в конце августа - начале сентября. И я год прожила в доме своего дедушки получается. Это был год просто, который [смеется] потребует в дальнейшем годы психотерапии. Я еще не дошла до этого. Это одна из причин, по которой я дико против идеи, когда родители оставляют детей и уезжают на заработки. Хотя у меня вроде как была хорошая ситуация, у меня был любящий дедушка...В общем, мама понимала, что не стоит разрываться надолго с ребенком, жизнь очень тяжелая была там. Хотя это мой мозг, наверное, воспринимал так, что ситуация была очень тяжелая. Дедушка умер сразу после того как я уехала и после его смерти мы не особо общались вообще [с родственниками]. Через год после эмиграции моей мамы эмигрировала я. Меня сразу определили в школу, хотя я помню, что я должна была учиться в другой школе. Я помню, что где-то в две школы меня не приняли по каким-то причинам. Потом мы начали просто ходить по району во все школы, которые мы видели. У нас не было ни карты, я помню мы просто гуляли по району и заходили в попавшиеся школы. И одна из школ меня приняла, где я проучилась всего полгода на самом деле. Потом мы переехали в другой район. За все эти годы мы переезжали очень, очень, очень, много раз. Вот прям дофига раз. Потом мы перешли в другую школу, и я там проучилась два с половиной года кажется. Это совпало с активным подростковым возрастом. Это было достаточно непросто. Потом я переехала в другую школу. И поиск этих школ давался достаточно непросто иногда. Не потому, что им сложно было взять ребенка-иностранца, типа он там отстает, нет. Им просто не хотелось этого делать. Мне относительно повезло со второй школой и первой школой. В первой школе были очень приятные учителя, и я была единственная иностранка. Я помню, что они даже не сразу с документами смогли разобраться, но как-то смогли потом, каким-то образом разобраться. Вторая школа: там уже были дети-кыргызы, но это были дети людей, которые работали в этой школе уборщиками, строителями. Это была в самом центре Москвы школа. Потом я пошла в другие школы, потому что как-то очень накалялась ситуация с подростками, и я подумала “ ну в принципе, наверное, стоит менять школу”. И мы уже переехали на тот момент на север Москвы уже полгода как. Мы ходили искать школу по той же практике ходить по району. Несколько школ мне отказали, сказали “ мы переполнены, мы не можем брать” или “ у вас нет такого-то языка, вы учили то-то, а мы то-то”. Мама никак не могла вести эти переговоры, и в какой-то момент их начала вести я сама. Мне было на тот момент 14 лет, мне кажется, и в последний момент, в последнюю школу, которую я зашла, я просто зашла и сказала “ нам к директору”, и охранник на удивление впустил нас к директору. Он был очень удивлен, мы как-то с ним говорили, он сказал “хорошо, нам нужно позвать учительницу с 9 класса”, я на тот момент была в 9-м классе, и она сказала “ я бы не хотела, класс сформирован, блаблабла, у нас много людей”, и она сказала, что [возьмет] под мою ответственность. И в общем, тогда мне стало понятно, что все, дальше мне нужно делать все самой и за все отвечать самой. Это было очень яркий момент. Эту школу я закончила, потом поступила в институт, в 12-м году, и сразу начала работать. В 16-м году я закончила бакалавриат и год не работала и не училась. И потом я поступила в университет №2 [на магистратуру], начала работать в медицинском журнале. Это было большое большое везение, одно из самых больших везений в жизни, потому что университет, который я закончила до этого, не был престижным, хоть и дал достаточно хорошую основу, но для кыргызов, мне кажется, в Москве очень важно

иметь хорошее образование, если ты хочешь найти хорошую работу. И даже №2 [второго] образования для меня было мало в какие-то моменты, и мне нужно было что-то более весомое себе в резюме прибавить, и это было мое обучение в Швеции. Это было очень хорошее дополнение к тому, что у меня было. И меня достаточно хорошо приняли на работу в медицинский журнал и в дальнейшем мне даже давали другие джоб офферы, но я не особо видела смысла менять позицию. В университет №2 на учебу я поступила, выиграв хакатон. Это была череда большого успеха – выиграть хакатон и потом пройти отборочный тур и получить свое бюджетное место. Потому что я получила бюджетное место из 25, которые рассчитаны на граждан России. Есть которые вроде как идут от других стран. У нас были одноклассники из Колумбии, Китая и Казахстана, но у меня было одно из отжатых мест. Университет №2 это было большое вложение.

До этой работы у меня были какие-то подработки, они не особо приносили доход, хотя нет, первая более или менее серьезная работы была в центре развития карьеры университета №2. Это было еще во время обучения, 5 месяцев. Это были очень хорошие 5 месяцев. Шикарная была практика работы для меня. Я работала тогда от имени университета №2. Меня вроде тогда тоже не очень хотели брать на работу, но поскольку я уже вступила в должность, меня нельзя было [убрать]. Меня взяла моя старшая коллега Я., с которой мы очень близкие коллеги сейчас. Поскольку я уже вступила в должность, а другие начальники были то ли в отпуске, то ли еще где-то, они уже не могли как-то повлиять на это. Я уже взяла на себя какие-то проекты. И как-то вроде идет, все нормально. Меня оформляли по договору ГПХ, хотя по идее изначально это должно было быть оформление трудового договора. Это, кстати достаточно большая проблема для кыргызстанцев бывает, им сложно найти работу, которая будет оформленная по трудовому договору, а трудовой договор дает на самом деле достаточно много, особенно в плане документов.

До начала войны была проблема в том, что у меня заканчивался паспорт, и я собиралась его делать через посольство. А посольство Кыргызстана [в России] очень...не очень. Я даже писала потом жалобу на имя президента, и они мне звонили с извинениями. В общем, заканчивался паспорт, я очень сильно бесилась, было непонятно. И ко мне подошла начальница и сказала, что, возможно, в России объявят военное положение и выехать будет нельзя. “Но у тебя есть возможность выехать в Кыргызстан, так что бери маму, уезжай”. Я буквально в тот же вечер купила билет, и мы с мамой уехали в Бишкек. Я приняла это решение 3 марта, 6-го мы уехали. Уезжали все и начали уезжать евреи. А уезжают евреи, это, в принципе, следуй за ними. Чисто на генетическом уровне [смеется]. Я подумала, что стоит следовать их примеру, тем более у меня классная, шикарная отмазка “заканчивается паспорт” и мне нужно вроде как его переделать. Как будто боженька сам велит, и мы поехали в Бишкек. Мама сказала: “Мы никому не будем говорить, что мы приехали в Бишкек, чтобы никого не [притеснять]”. Во-первых, мне кажется, она никого и не хотела видеть в таком положении, потому что это было бегство в ее глазах, хотя, наверное, это и было бегство. Еще у нас очень много было вещей. Она говорит: “Если мы скажем кому-то из родственников, они все предложат у них остаться. Ну во-первых не у всех есть такая возможность, потому что у некоторых людей

квартиры достаточно маленькие и мы их сильно стесним”. Изначально полагалось, что мы будем жить с мой племянником в студии, которая, знаешь, типа гостиничного типа. Я не знала, насколько это плачевное место, пока я там не оказалась. Это ужасно. Это трэш. Это просто. Там снять кино, оно соберет все возможные Каннские кинофестивали и соберет все Оскары мира. Потому что это был пиздец. Честно, я смотрю на этих детей счастливых бегающих, а я не спала к тому времени трое суток, это было очень жуткое состояние.

Мы прожили в Кыргызстане 2,5 месяца. Мы нашли квартиру, въехали в эту квартиру, изначально договорились, что мы будем жить несколько месяцев и заранее предупредили ее, когда мы будем съезжать, эту тетюшку. А до этого мы недели 2 скитались по отелям и только потом, когда более или менее устаканились, мы сообщили родственникам своим. Вот. Как-то так.

Потом в какой-то момент ощущение шока прошло и люди начали обратно возвращаться в Москву. И у меня немножко стабилизировалась психика, и начальница стала задавать вопросы “ когда ты вернешься, когда ты вернешься, когда ты вернешься”. В какой-то момент я думала, стоит ли мне уволиться и искать работу в Бишкеке. Но, посмотрев вокруг, сколько за это платят, я подумала, что я не смогу чисто психологически спуститься на такую зарплату, потому что я на ней не смогу выжить. И мама вроде как “ ну можем и остаться при условии, что ты найдешь хорошую работу”. Не знаю, в какой-то момент я думала “ не, ну надо вернуться в Москву. У нас там и вещи”. Еще я сказала хозяйке квартиры, что мы вернемся, а если не вернемся, мол, я вас сильно заранее предупрежу. И я подумала “ стоит вернуться, закончить какие-то дела свои и, если что, уедем через какое-то время”. Через год условно, который вот прошел.

Мы вернулись в Москву и как-то вроде, и друзья все начали возвращаться потихонечку. До сентября ситуация как будто вроде наладилась, если не читать новости, а я их, к сожалению, постоянно читала. И вроде как жизнь пошла как пошла: мама начала учиться, она постоянно учится, и у меня работа пошла, и проекты пошли. В какой-то момент я подумала, что сижу в каком-то болоте, но оно настолько уютное, настолько привычное, что что-то менять, типа, не знаю, что и как менять. Я пыталась какое-то время поискать работу за рубежом, но это достаточно сложная задача, потому что у меня нет тех скиллов, которые им нужны, а те скиллы, которые у меня есть, им не нужны, из-за того, что у меня нет языка их местного, условного шведского. Я думала “стоит, наверное, обучиться”, и это был мой план: пойти на вторую магистратуру или phd, но я не что чтобы сильно люблю учиться. Я люблю деньги, я люблю на них смотреть. Я так понимаю, phd не дает ценник, на который можно смотреть. Это была одна из моих мыслей: поступить на phd, попробовать выиграть грин-карту, конечно, я ее не выиграла. Я понимаю, что что-то надо менять, но здесь, в Москве, у меня настолько налаженный быт: у меня хорошая работа, у меня хорошая должность, у меня очень хороший коллектив, который закрывает глаза, если я полдня ничего не делаю, и друзья есть. И я понимаю, что это путь вникуда, но из-за того, что в вопросе этого конфликта я живу в другой виновной стороне, конечно, сильно мешает, но на самом деле мое окружение все

против: войны, режима Путина, поэтому, мне кажется, это делает ситуацию менее невыносимой.

Часть 2. Межэтнические отношения

Кыргызская этническая группа

Я хожу в кыргызские магазины, “Мундуз” он называется. Они продают коньяк “Кыргызстан”. Кстати, коньяк “Кыргызстан” теперь продают в Перекрестке. Ну у меня есть семья, достаточно большая, и большая часть из них живет в России. Ну как большая часть, кузены, племянники мелкие недавно приехали, тоже из-за тяжелого экономического состояния в Жалал-Абадской области. “Мундуз” – магазин, в который я достаточно часто езжу. Там есть курут, шоро, могу тебе показать, но не буду, чтобы не рвать тебе душу [смеется].

Ну как...Кыргызские парни часто пытаются со мной познакомиться и всячески я стараюсь не выдать, что я кыргызка. Именно в такие моменты, потому что, мне кажется, это полный кринж. И я такая “извините, я не понимаю” [смеется], и я могу просто уйти. И они спрашивают “а кто вы по национальности”, это их самый любимый вопрос, и я говорю “что, простите”, как будто не понимаю кыргызский язык, и здесь у меня большой широкий выбор: я могу сказать, что я наполовину татарка, наполовину корейка, я могу сказать, что я в принципе корейка, я могу сказать, что я бурятка и т.д. и т.п. Это касается только мужчин, потому что женщинам я могу спокойно сказать, что я кыргызка и на работе это никогда не было секретом. То есть я общаюсь с людьми как куратор проекта, как журналист и никогда особо не скрывала, что я кыргызка. Смысл скрывать, это не то, чего я стыжусь. Наверное, я просто не хочу вот этого понимания от кыргызских парней. Вот, не знаю почему. Может быть, потому что часть меня уверена в том, что у них такое же отвратительное поведение как у остальных кыргызских мужчин. Когда ты даешь им знать, что ты кыргызка, у них вот этот барьер, что этого человека надо уважать, он сразу как будто бы снимается, понимаешь. К примеру, вот я недавно переезжала и был таксист кыргыз. С таксистами я тоже по имени сразу понимаю, что это кыргыз, но я стараюсь не выдать, что я кыргызка, потому что в какой-то момент снимается этот барьер, что этого человека можно уважать как человека, клиента, не знаю, как ты общался бы с русским человеком условно. С момента они узнают, что ты кыргыз, что вы одной крови, начинаются какие-то фамильярности, кыргызское пиздабольство. Я заплатила ему [таксисту] деньги и попросила перетащить быстро вещи на 4-й этаж, потому что у меня через 20 мин начинается совещание, где я должна быть, поэтому мне нужно очень быстро это сделать. Как только он понял, что я кыргызка и стерплю, возможно, многое, он очень спокойно прошел припарковался, и он очень неспешно-философским шагом пошел обратно, поболтал с соседкой и в принципе особо не торопился, поднимаясь в квартиру, таская эти вещи. Я бегала и он говорил “эмне мынча жугуросун, бетин кызарып калган, кой, кыйналбай эле, жашоо мындай эмес” [ой ну зачем ты так бегаешь, смотри уже вся красная, не надо так мучаться, жизнь

не такая...], и я такая “ жети муноттон кийин менин совещанием болот, жети муноттон кийин мен эшикте суйлошот белем” [через семь минут у меня совещание, семь минут, не буду же я сидеть на улице среди вещей разговаривать]. В какой-то момент его долго не было, и я спускаюсь, он очень спокойно болтает с соседкой. Она оказалась узбечкой, и с ее ребенком. Вот, знаешь, если бы он не знал, что я кыргызка, у него бы не было такой реакции. И когда мы перетащили все вещи, я уже на телефоне, я на совещании, а он достаточно громко, я отключала звук, “ ваннан барбы?” [есть ванная?]. И он в обуви по квартире, наступает на ковры, спокойно пользовался ванной, не спрашивая “ можно я возьму [полотенце]”. Вот эта фамильярность, она меня бесит. Я понимаю, что это часть нашей самобытности, но почему-то именно мужчины абсолютно некультурного поведения, и это меня бесит. И вот когда мужчины спрашивают у меня, какой вы национальности, я могу сказать “ извините, я опаздываю” или “ корейнка” , а когда женщина спрашивает, то я спокойно могу сказать, что я кыргызка. Когда мне что-то нужно, грубо говоря, в магазине “ Мундуз” я говорю по-кыргызски, а что там скрывать, честно говоря, я уже выдала себя, придя в магазин.

Русская этническая группа

Я бы не сказала, что с ними [русскими] нужно как-то отдельно взаимодействовать, потому что они здесь повсюду. Их здесь производят [смеется], это фабрика по производству русских, понимаешь. Я не могу сказать, что я как-то от них отличаюсь, что мне сложно с кем-то начать разговор, потому что этот человек – русский. Нет, ничего такого, чисто внешне. Я всегда подчеркиваю “ Я красивее вас, поэтому мне сложнее снять квартиру”. Твоя любимая шутка “ в Авито сдают квартиры только уродливым” [смеется]. То есть если они спросят, откуда вы, я спокойно скажу, я из Кыргызстана. Но так чтобы общаться сложно было, как-то преднамеренно менять что-то в своем характере, что-то в своем поведении, чтобы понравиться русским, нет.

Подавляющее большинство моих друзей – это россияне. Если не русские, то россияне, то есть чуваши, татары. Этнические группы, хотя если у них спросить, кто ты, они ответят, я русский. Это если без особого контекста. Хотя вот последний год [говорят] “я вообще-то чуваш”, “ бабка моя вообще-то татарка” . Ну, люди как люди, обычные люди, не знаю. Отношение к ним...ну, когда им не нравится курут, которым я их угощаю, или шоро, я говорю “ потому что у тебя нет вкуса, что я могу с этим поделать” [смеется]. Когда-то кому-то из друзей я могла сказать “ ах ты русская шваль”, но нет, не могу сказать, что я их как-то не люблю или объединяю в один общий характер или в одну общую черту. Нет, они очень разные бывают.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Ну, я пью коньяк “Кыргызстан” [смеется], ем курут, пью шоро, я готовлю плов. Это не всегда нормально, это почти всегда плохой плов, ну как, это просто рис с морковкой и мясом, но ничего. Какого-то прям отдельного общения, взаимодействия [нет]...блин, я и есть часть кыргызской культуры, что я могу сказать. Spread kyrgyz culture around the world это просто про меня конечно.

Ни на какие празднования, ни на что не хожу. В последние годы, когда появился этот магазин [Мундуз], сумолок стало можно купить, он продается в консервах. На Нооруз я покупаю. В детстве я очень любила этот праздник, в России мы не праздновали его долгие годы. Какие-то мусульманские праздники особо меня не трогают, честно говоря, чем Нооруз. Нооруз – это что-то более этническое, что более истинное, про зов предков. Я пытаюсь учить своих друзей, коллег кыргызскому языку, но это что-то из “мээн котундо кал”, “жалап” [проститутка] и все, что может пригодиться в реальной жизни [смеется], очень нравится еще “постоктун тешиги” [дырка в ковре]. Я аутентичная кыргызка чем ты. Посток – это шкура животного, которое засушивают, и иногда в нем появляются дыры. Моя тайне когда что-то не мог найти, говорила “козун барбы, же постоктун тешиги би”, “кулак кулак бы же постоктун тешиги би”. Мне очень нравится “вы мне коллега или постоктун тешиги”, “ты моя подруга или постоктун тешиги” [смеется]. Когда спрашивали, я объясняла, что это дырка в ковре. Мол, вы коллега или вы дырка в ковре. Какие-то забавные кыргызские части культуры, да.

В Швеции я учила своих друзей кыргызской фразе “everything but that should be done earlier”. Для меня это как можно выпить пораньше, погулять пораньше, уйти с работы пораньше, а мама говорит, что это про то, что семью завести пораньше, детей родить пораньше, а не про все остальное. Приучать к кыргызской культуре, да, но возможно это через маленькие шаги, которые можно интегрировать в жизнь. Тот же коньяк “Кыргызстан”, который всем нравится, курут, которым в дальнейшем проникаются хотя [первый это шокирующий опыт] его вкусом, что-то другое? Да нет, я бы не сказала. Если у тебя есть друг кыргыз, и ты условно его знаешь и через него знаешь что-то про кыргызскую культуру, Кыргызстан не кажется где-то страной в Африке, слишком далекой, она тебе чуть более понятна, и культура близка, и ты захочешь туда поехать посмотреть, что там и как там. Если часть каких-то продуктов попробовал, то тогда “о, прикольно, ну можно съездить”, как-то так.

Русская культура

Я не знаю. Ну, празднование нового года, это, наверное, не совсем русская культура. Она есть и в Кыргызстане. Условно празднование 8 марта имеет не такие обороты как 7 лет назад. То есть это не праздник женственности и т.д. и т.п. Тебе могут подарить цветок, пожелать здоровья, но его всем желают сейчас. Не будут тебе желать быть улыбочивой, доброй и вообще цветочек нашего офиса. Нет, цветочек нашего офиса я называю своего коллегу. На 23 февраля я ему желаю быть женственной и стать мамочкой и т.д. вот [смеется]. Но с годами празднование 8 марта становится менее

гендерализованным, нет, скорее его начальная цель становится более ясной. Может быть Масленица. Мне в принципе нравится печь блины и Масленица. Из такого русского – да. Хотя последние года 2 я покупала куличи на Пасху, не потому что я поддерживаю [христианство], просто покупаешь Куличи и ешь. Никаких походов в церковь нет. Что-то прям аутентичное (тоже нет). Яйца я не крашу. Могу в общем чате написать “С Пасхой вас” или что-то такое. Что есть такого русского? Моя мама любит Павлово-Посадские платки. На Новый Год я ей дарила Павлово-Посадский платок, но это не потому, что она привержена русской культуре. Просто в Советское время считалось, что Павлово-Посадский платок служит тебе дольше, чем твоя жизнь прослужит тебе. Я не знаю, они мне кажутся такими уродливыми, но мама сказала “хороший платок купила, шикарный, внуки еще будут носить” [смеется]. Я не могу сказать, что я как-то поддерживаю русскую культуру, нет никаких. Рождество я не праздную, например. В принципе, будем откровенны, в Москве никто и не празднует Рождество. Ты жила в Москве, ты знаешь, что это мегаполис, и он, наверное, не сильно отличается от других. В 21-м году, когда еще был карантин [пандемия], мы гуляли с подругой и площадь была заполненная американцами. Они прямо так шумно праздновали день независимости, везде были американские флаги. Они просто из углов все вышли. И я подумала “ну вот, они спокойно празднуют свой американский праздник”. Это просто мегаполис, и в нем нет истинно русских черт и т. д. В последний год, конечно, бывает много флагов бывает российских, красно-сине-белых, и везде висят эти “присоединяйся к нашим”, вот эти все плакаты, во всех магазинах, но со временем просто не обращаешь на это внимания и все.

Язык

Я стараюсь смотреть программы, передачи на английском, последний год. Потому что я не часто практикую английский и он, к сожалению, начала забываться. А у меня были грандиозные планы сдать IELTS на 9 баллов. Я стараюсь слушать, смотреть на английском. Читать тоже, но не всегда выходит. Читаю все-таки на русском. Говорить с друзьями и коллегами на русском, с семьей смешано, это суржик, кыргызский, смешанный с русским языком. Какое-то время мы с тетей пытались полностью перейти на кыргызский, из-за того, что мы обе против войны, против мобилизации [кстати, мой племянник, наполовину кыргыз, наполовину русский сейчас в Бишкеке]. С родственниками тоже суржик: половина кыргызского, половина русского, и это не тот процесс, который ты как-то отслеживаешь. Это не то, что ты делаешь специально. Но если смотреть по ощущению с мамой, это процентов на 70 кыргызский и 30 — это русский. Я не забыла кыргызский. Даже когда я приехала в Кыргызстан, я спокойно на нем общалась, правда в Бишкеке все говорят на таком же суржике: половина кыргызский, половина русский. В какой-то момент мой русский дядя сказал, что Д. [я] говорит на кыргызском с акцентом, я такая “аааа, что за оскорбление”, и какое-то время мои тетушки называли меня “орус кыз”, я такая “ааааа, не надо, не надо, мои русские друзья меня так не оскорбляют, вы тем более не будете”. Но “орус кыз”, нет, не скажу. Мне кажется, я смогла интегрироваться в это пространство между кыргызской и русской общностью.

Часть 4. Этническая идентичность

Быть кыргызом, кыргызскость

Быть кыргызом – да ничего в принципе. Быть рожденным в Кыргызстане, самоидентификация кыргыза, родители кыргызы, семья кыргызов, ты говоришь на кыргызском, это очень важный аспект мне кажется. Когда кыргызы не говорят на кыргызском, мне кажется, большая часть их пустует. Язык очень хорошо заполняет твою структуру. Это то, как говорит твое сердце.

К примеру, журналист, одна медийная личность, он не говорит по-кыргызски. Он типа вроде как пытается, он говорит на украинском в основном. Это я тоже обсуждала с другой моей подругой, можно ли считать его кыргызом. Потому что он сейчас “Украина” и никакие кыргызские события он не пишет, ни в своем Фейсбуке, ни в своем Инстаграме, как будто он полностью переселился в Украину. Я очень рада за него, правда. Я очень хотела поехать в Украину, посмотреть на нее, но вот это, наверное, боль, сопереживание, думание о Кыргызстане исчезла в нем. Я могу ошибаться. Это то, как я со стороны.

Быть кыргызом, наверное, означает любить Кыргызстан. Любить именно как часть себя. Условно страна, за которую я могу умереть и своей жизни мне не будет жалко, чтобы ее жизнь сложилась хорошо. Условно.

Мне кажется [быть кыргызом в России] это то же самое. Находясь здесь, новости из Кыргызстана меня так же трогают, так же расстраивают, как расстраивали там, когда я жила в Кыргызстане. Хотя, мне кажется, в Кыргызстане, было меньше ощущения этого. Потому что нас было больше, и ты был полностью окружен кыргызами. Да, если определять, что такое быть кыргызом – это значит любить Кыргызстан для меня значит. Поэтому все наши чинуши [чиновники] это не кыргызы, это какие-то манкурты.

Этническая идентичность

Кыргыз, абсолютно точно, кыпкыргыз.

Аспекты: язык – это важно. То, что я говорю на нем. Мне тяжело его на самом деле читать. Может быть, потому что есть кыргызский более разговорный, на котором в принципе все общаются, и есть более литературно верный, на котором, к примеру, Бибиси Кыргыз Кызматы или Азаттык пытаются писать. Для меня он чуть сложнее, потому что он литературно верный, наверное, с точки зрения филологии, но мне тяжело его читать полностью. Если есть возможность прочитать русский или английский текст, я прочитаю его. Единственное, что я какое-то время думала, стоит ли мне пойти на курсы, потому что в свое время я была лучшей в классе по кыргызскому языку, но со временем именно практика чтения, она выпала. При этом я могу читать, но это не значит, что мне хочется этого делать.

Влияние идентичности

Если человек каким-то образом пренебрежительно говорит о Кыргызстане и в принципе о любой этнической республике в России, то да, я понимаю, что с этим человеком не стоит какое-либо общение вести. Если он не уважает твою идентификацию, то то, что составляет тебя и делает тобой, не стоит его впускать в свою жизнь. Пусть он где-то в другом месте (будет). Это не значит, что это плохой человек, и ему не стоит жить и т. д., просто ему не стоит жить в моей жизни. Идентификация кыргыза, я не скажу, что это какая-то для меня трагедия. В подростковые мои годы было тяжело. Не то чтобы тяжело, подростки в принципе бывают немного, скажем, звероподобные, и иногда что-то делали из моего имени. Мне очень не нравилось, когда произносили мое полное имя и это было вплоть до того, как я поступила в магистратуру и до того, как поехала учиться в Швецию. Иногда мне казалось это диким, что тебя заставляют стыдиться того, как тебя зовут. В одной из моих работ, которая была перед магистратурой, уборщицы были кыргызки, и одну из них звали Перизат, и когда говорили Перизат, там были немного туповатые люди, у них был прыск и смех. Я не могла понять, почему для них имя Перизат смешное. Это ангел, обычное распространенное кыргызское имя. Как-то потом дошло, что у них очень примитивный юмор, который крутится в голове и это как-то “фу, странно, ты не можешь смеяться над именем человека”. Мои полным именем в России меня никто не зовет, в Кыргызстане – да. До какого-то времени мне оно не очень нравилось. Я думала, что если бы было “...” [на русский манер], это было бы получше. Даже в какой-то момент меня так называли, и мне это казалось подходящим что ли. Я себя так представлялась. Даже сейчас на работе все визитки так написаны. Наверное, это уже вопрос привычки. Я не делаю из этого трагедии. Это, наверное, вопрос удобства и край моего мозга считает, что незнакомый русский человек, у него будет более лояльное отношение ко мне с этим именем, чем с моим полным именем. То же самое, довольно часто, когда кыргызы переделывают свое имя, делает его более русифицированным. Хотя когда моя мама устраивалась в больницу работать, она предложила короткую версию русскую, ей сказали “нет, мы будем называть по документам”, а в моем плане это было так. Для меня это было нормально. Я не делаю из этого чего-то большого. Не стоит обижаться на какие-то вещи, которые не мешают. Грубо говоря, если бы смеялись над моей внешностью, происхождением, паспортом, над моим языком и культурой, это был бы для меня вопрос вступления в конфликт и выяснения отношений, а то, что им удобнее произносить так, а не иначе, это нет.

Опыт миграции и идентичность

Я, возможно, стала менее аутентичной кыргызкой. До этого, конечно, я воспитывалась в абсолютно аутентичной кыргызской семье. Я в детстве думала, что я выйду замуж в 19 лет. Почему-то у меня было четкое понятие, что в 19 лет я выйду замуж, в 20 у меня родится ребенок. Это была какая-то такая идентификация: семья, муж, дети, кайын-журт, жашоо. Это казалось нормальным. Что нормальные кыргызы женятся только на кыргызах, иначе жети ата будут гореть в аду из-за твоего блядского поведения (смеется). Я в это абсолютно верила, что семь предков, которые смогли сохранить чистоту

кыргызской крови, будут гореть в аду, если я вздумаю смотреть на кого-либо, кто не является кыргызом. Очень сильно поменялось мировоззрение с момента как я уехала. Проживая в Кыргызстане, я всегда считала себя мусульманкой. Все кыргызы – мусульмане и т.д. Но так подумать, даже в то время, когда я жила, именно арабская часть исламского мира не смогла войти в кыргызскую культуру. У нас очень много тенгрианства. Те же самые ватные свечи, которые мы зажигаем на сумерки, и что работа превращается в сумерки. Это большая часть именно нашей культуры, как будто подходит под нас, именно зов предков, и он мне больше подходит, чем ислам. Вот, наверное, в лет 15 у меня был такой вопрос “ почему это я считаю, что я мусульманка, если все, что происходит в арабском мире мне не нравится”. Мне не нравится отношение к женщине, которое есть там. Я помню, что в лет 15 я сказала “ я не мусульманка, я не принимаю эту культуру”, и для мамы это была большая проблема, потому что ей на тот момент казалось, что “ нет, мы все мусульмане, как же так, все кыргызы – мусульмане” . Ей казалось, что я встала на тропу сатаны, хожу на кладбище, для нее это был шок. Лет с 14-15 я полностью не идентифицирую себя как мусульманка.

Часть 5. Планы на будущее

Примерно с 20-го года я ничего не планирую на сильно долгий срок. В 22-м году мне казалось, что моя история с Россией уже закончилась, мне нужно уехать и т.д., но жизнь повернулась совсем иначе. Уехать на самом деле достаточно сложно. Если бы у меня была возможность переехать в ту же самую Швецию или в какую-либо другую страну, условно первого мира, то да, я конечно бы уехала, и я с большим удовольствием слушаю рассказы кыргызстанцев, которые уехали и переехали. И не только кыргызстанцев, а моих друзей, друзей, друзей и всех, кто попадает на ютубе. Опять-таки, я не знаю, что действительно будет в будущем, но я не думаю, что всю свою жизнь я проживу в России несмотря на то, что я к ней достаточно хорошо отношусь.

Возвращение в Кыргызстан было бы возможным, если бы не то, что происходит сейчас в Кыргызстане. Не абсолютное поклонение Кремлю, не поведение чинушей, не абсолютная деградация общества. Я очень люблю наш с тобой кыргызский народ и считаю, что он очень добрый, слишком доверчивый, но при всем при этом он упорно тупой. Для них есть вот это вот, если девушка не сохранила девственность до брака или там вышла замуж за представителя другой этнической группы, то там 7 предков будут гореть в аду, для них это абсолютная правда. Они не могут принять чужую точку зрения, что изнасилование ребенка – это плохо, и если этому ребенку было 14 лет и это была девочка, которая носила короткую юбку, то это другой вопрос. Такие моменты настолько сильно меня выбешивают, что находиться там мне не хотелось бы. Мне не нравится уровень коррупции, который есть в Кыргызстане, мне не нравятся чиновники, которые есть в Кыргызстане, и мне не нравятся дороги. Мне не нравятся тротуары [смеется].

Условно если бы Акаев выполнил свое обещание и сделал бы из Кыргызстана вторую Швейцарию, ни один кыргызстанец бы не покинул Кыргызстан. Честно, кыргызы, возможно, лучше, чем все остальные представители республик бывшего Советского Союза интегрируются в другое общество: украинское, беларуское, русское, даже прибалтийское и любое другое. Кыргызам легко интегрироваться в непонятное для него до этого, но при этом все равно остается огромная любовь к своей стране, огромное желание возвращаться туда, сохранить культуру, которая есть, не знаю, учить детей кыргызскому языку, даже если они родились в другой стране, и не знаю, я уверена, что если бы даже не прожила, то я бы хотела если не умереть, то быть погребенной там, где я родилась и среди своего народа, на своей земле. Жизнь может пройти в абсолютно любой точке мира и быть счастливо прожитой там, и быть хорошо интегрированной в чужое общество, полностью его принять, полностью принять его идентификацию, культуру, праздники, язык и т. д., но при этом хотелось бы, чтобы она так или иначе завершилась бы там, где она началась. И мне кажется, что это абсолютно любого другого кыргыза касается, честно. И когда случилась война, многие кыргызстанцы начали возвращаться, это не потому, что это бегство, ты уезжаешь из хорошей жизни, просто хотелось быть там, где ты, наверное, должен быть, куда тянет твоя душа. В любой кризис очень многие кыргызстанцы, даже русские в этот момент поехали туда, чтобы вернуться то ли в детство, то ли в более или менее устойчивую позицию. И мне кажется, если бы Кыргызстан жил бы хорошей жизнью, если бы работали законы, если бы чиновники не были бы такими мерзавцами, если бы базовые потребности человека: безопасность, еда, экология, были бы покрыты, и была бы нормальная работа в стране, от из Кыргызстана мало кто уехал бы. Но это, наверное, не только кыргызов. Это в принципе касается абсолютно любого вопроса миграции, даже внутренней миграции. Даже кыргызы, которые переехали из ЖА в Бишкек, тоже хотели бы вернуться в ЖА, если бы там были те же условия, что и в Бишкеке.

--- End of the interview ---

Appendix 7. Transcript Translation 1

Respondent: Participant 1

Interview conducted: 28 June 2023

Duration: 59:28 min

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

A year before I migrated to Russia, my mother migrated. More precisely, not a year, but ten months. She's a doctor and always worked in regular hospitals in small towns between Shamaldy-Sai and Mailuu-Suu, and occasionally they'd travel to villages and ayils for small jobs, and she studied in Jalal-Abad. All this led to my mother burning out. The work was very hard, it paid very, very little, and besides, my mother was completely incompetent—I don't know... everyone around her had other jobs: some sold gold, some baked flatbreads, but my mother couldn't do it. She only had one job, and it paid poorly. My mother doesn't know how to take bribes, although many did, but it was a necessary measure for survival in those days. It all led to burnout, and it ended with someone telling her she could go to Russia. At that time, everyone was already starting to leave. Especially in that small town we lived in Shamaldy-Sai. I have an aunt who's been living in Russia since the early '90s. By then, she already had two children, both Russian, a family, and a baby, and they knew they'd need childcare because my aunt was getting ready to return from maternity leave. At the time, they were a fairly well-off family: my uncle earned a lot, and my aunt, I think, earned little. Well, she's such a frivolous socialite; she didn't care how much she earned. She still says this: "I don't care how much I earn, my husband earns it." That's a good position, by the way, we should remember it [laughs]. Because they can't fire her, because she doesn't give a damn about this job, and she's never fired.

My grandfather thought it would be a good idea for my mother to leave. Well, as a grandfather, it's a complicated family history. He's more of an uncle than a grandfather, but I call him grandfather. He understood my mother's situation very well, especially after the death of my father, with whom he was very close, and he invited my aunt. He threw a lavish *toi*, a celebration, for her when she came to Kyrgyzstan for a month-long vacation, and he invited her separately. It was a grand celebration for her and her family. He slaughtered several rams and introduced them to my mother. They had already known each other through my father, but after his death they hadn't spoken at all. Anyway, they met, and my grandfather said, "It would be good if she worked for you; I know you'll need a nanny." My aunt took it very well.

My mother left at the end of August – beginning of September. And so, I lived in my grandfather's house for a year, it turns out. It was just a year that (laughs) will require years of psychotherapy later. I haven't gotten to that point yet. This is one of the reasons why I'm wildly against the idea of parents leaving their children and going away to earn money. Although I

seemed to have a good situation, I had a loving grandfather... Basically, my mother understood that it wasn't worth being separated from my child for too long; life was very hard there. Although it was probably my brain that perceived the situation as being very difficult. My grandfather died right after I left, and after his death we didn't really communicate [with relatives] at all. A year after my mother emigrated, I emigrated too. I was immediately enrolled in school, although I remember that I was supposed to study at a different school. I remember that about two schools didn't accept me for some reason. Then we started just walking around the neighborhood to all the schools we saw. We didn't have a map; I remember we just walked around the neighborhood and stopped at the schools we came across. And one of the schools accepted me, but I only studied there for six months, actually. Then we moved to another neighborhood. Over the years, we've moved many, many, many times. Like, a ton of times. Then we transferred to another school, and I studied there for two and a half years, I think. This coincided with my active teenage years. It was quite difficult. Then I moved to another school. And finding these schools was sometimes quite difficult. Not because they found it difficult to take a foreign child, like he'd be behind, no. They just didn't want to do it. I was relatively lucky with my second school and my first school. The teachers at my first school were very nice, and I was the only foreigner. I remember they couldn't even figure out the paperwork right away, but somehow, they managed to sort it out later. The second school: there were already Kyrgyz children there, but they were the children of people who worked there as cleaners and construction workers. It was in the very centre of Moscow. Then I went to other schools because the situation with teenagers was getting really tense, and I thought, "Well, maybe I should change schools." By that time, we had already moved to the north of Moscow six months ago. We went looking for a school, following the same practice of going around the neighborhood. Several schools turned me down, saying, "We're overcrowded, we can't take you," or "You don't have this or that language, you studied this, and we studied that." My mother couldn't negotiate these negotiations, and at some point, I started doing it myself. I was 14 at the time, I think, and at the last minute, at the last school I went to, I simply walked in and said, "We need to see the principal," and, surprisingly, the security guard let us in. He was very surprised. We were talking once, and he said, "Okay, we need to call the 9th-grade teacher." I was in 9th grade at the time, and she said, "I wouldn't want that, the class is already formed, blah blah blah, we have a lot of people," and she said she would take responsibility for me. And basically, then it became clear to me that from now on, I needed to do everything myself and be responsible for everything myself. It was a very clear moment. I graduated from that school, then entered the institute in '12, and immediately started working. In '16, I completed my bachelor's degree and didn't work or study for a year. And then I entered University No. 2 [for a master's degree] and started working for a medical journal. It was a stroke of luck, one of the luckiest times in my life, because the university I graduated from before wasn't prestigious, although it gave me a pretty good foundation. But for Kyrgyz in Moscow, I think a good education is crucial if you want to find a good job. Even a second degree wasn't enough for me at some point, and I needed something more compelling to add to my resume, and that was my education in Sweden. It was a great addition to what I had. I was accepted quite well to a job at a medical journal, and I even received other job offers later, but I didn't really see the point in changing positions. I got into university number two after winning a hackathon. It was a series of great successes—winning the hackathon and then

passing the selection round and getting my state-funded spot. Because I got a state-funded spot out of 25, which are reserved for Russian citizens. There are also some that are supposedly from other countries. We had classmates from Colombia, China, and Kazakhstan, but I had one of the seats taken away. University No. 2 was a big investment.

Before this job, I had some part-time jobs, but they weren't particularly profitable. My first more or less serious job was at the Career Development Center at University No. 2. It was during my studies, for five months. Those were really good five months. It was fantastic work experience for me. I was working on behalf of University No. 2 at the time. They seemed reluctant to hire me back then, but since I'd already assumed the position, they couldn't fire me. My senior colleague, ya, hired me, and we're very close now. Since I'd already assumed the position, and the other bosses were either on vacation or somewhere else, they couldn't influence it. I'd already taken on some projects. And everything seemed to be going well. I was hired under a civil-law contract, although in theory it should have been an employment contract. This, by the way, can be quite a problem for Kyrgyz citizens; they have a hard time finding work that is formalized under an employment contract, and an employment contract actually provides quite a lot, especially in terms of documents.

Before the war, I had a problem: my passport was expiring, and I was planning to get one through the embassy. But the Kyrgyz embassy [in Russia] was very... not so good. I even wrote a complaint to the president later, and they called me with apologies. Anyway, my passport was expiring, and I was really furious; it was all so confusing. Then my boss came up to me and said that they might declare martial law in Russia, and it would be impossible to leave. "But you have the opportunity to go to Kyrgyzstan, so take your mom and go." I literally bought a ticket that same evening, and my mom and I left for Bishkek. I made this decision on March 3rd, and we left on the 6th. Everyone was leaving, and the Jews started leaving. And when Jews leave, it's basically like, follow them. It's purely genetic [laughs]. I thought I should follow their example, especially since I have a great, chic excuse: "my passport is expiring" and I need to change it. It was as if God himself was commanding, and we went to Bishkek. Mom said: "We won't tell anyone that we came to Bishkek, so as not to [oppress] anyone." First of all, I think she didn't want to see anyone in such a situation, because in her eyes it was an escape, although, perhaps, it was an escape. We also had a lot of things. She said: "If we tell any of our relatives, they will all offer to stay with them. Well, first of all, not everyone has that opportunity, because some people's apartments are quite small, and we will really cramp them." Initially, we were supposed to live with my nephew in a studio apartment, which, you know, is like a hotel. I didn't know how deplorable that place was until I ended up there. It's terrible. It's trash. It's just. Make a movie there, it'll sweep every Cannes Film Festival and every Oscar in the world. Because it was fucking nuts. Honestly, I look at those kids running around happily, and I hadn't slept for three days by then; it was a completely terrifying state.

We lived in Kyrgyzstan for two and a half months. We found an apartment, moved in, and initially agreed to stay for a few months, telling her in advance when we were moving out. Before that, we spent about two weeks bouncing around hotels, and only then, once we'd more or less settled in, did we tell our relatives. That's it. Something like that.

Then, at some point, the shock wore off and people started heading back to Moscow. My mental state stabilized a bit, and my boss started asking questions like, “When are you coming back, when are you coming back, when are you coming back?” At one point, I was considering whether I should quit and look for a job in Bishkek. But after looking around at how much they were paying, I thought I couldn’t psychologically accept that kind of salary because I wouldn’t be able to survive on it. And my mom was like, “Well, we can stay, provided you find a good job.” I don’t know, at some point I thought, “No, well, we have to go back to Moscow. We have our things there.” I also told my landlady that we would return, and if we didn’t, I’d give her plenty of notice. And I thought, “I should go back, finish up some things, and if anything happens, we’ll leave after a while.” After a year of probation, which has just passed.

We returned to Moscow, and it seemed like my friends were slowly starting to come back. Things seemed to have gotten better by September, if you didn’t read the news, which, unfortunately, I was constantly reading. And life seemed to pick up as usual: my mom started studying, she’s always studying, and my work picked up, and projects started to take off. At some point, I thought I was stuck in a swamp, but it was so comfortable, so familiar, that I didn’t know what or how to change anything. I tried looking for a job abroad for a while, but it was quite a challenge because I didn’t have the skills they needed, and the skills I did have weren’t needed because I didn’t speak their local language, like Swedish. I thought, “I should probably study,” and that was my plan: to go for a second master’s degree or a PhD, but I don’t really like studying. I love money; I love looking at it. As I understand it, a PhD doesn’t give you a price tag to look at. That was one of my thoughts: get into a PhD, try to win a green card, but of course, I didn’t win it. I understand that something needs to change, but here in Moscow, I have such a well-established life: I have a good job, a good position, a great team that turns a blind eye if I spend half a day doing nothing, and I have friends. And I understand that this is a dead end, but the fact that I live on the other side of this conflict, the guilty party, of course, is a big hindrance. But in reality, everyone around me is against the war, against Putin’s regime, so I think this makes the situation less unbearable.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

I go to Kyrgyz stores, it’s called “Munduz.” They sell “Kyrgyzstan” cognac. Incidentally, “Kyrgyzstan” cognac is now sold at Perekrestok. Well, I have a fairly large family, and most of them live in Russia. Well, most of them—cousins and young nephews—have recently arrived, also due to the difficult economic situation in the Jalal-Abad region. “Munduz” is a store I go to quite often. They have kurut and shoro there; I could show you, but I won’t, so as not to tear your heart out [laughs].

Well, how about this... Kyrgyz guys often try to approach me, and I try my best not to reveal that I’m Kyrgyz. It’s especially in moments like these, because I think it’s total cringe. And I’m like, “Sorry, I don’t understand” (laughs), and I could just walk away. And they ask,

“What’s your ethnicity?” that’s their favorite question, and I say, “Excuse me,” as if I don’t understand Kyrgyz. And here I have a wide range of options: I can say that I’m half Tatar, half Korean, I can say that I’m basically Korean, I can say that I’m Buryat, and so on and so forth. This only applies to men, because I can easily tell women that I’m Kyrgyz, and at work it’s never been a secret. That is, I communicate with people as a project curator, as a journalist, and I’ve never really hidden the fact that I’m Kyrgyz. There’s no point in hiding it; it’s not something I’m ashamed of. I guess I just don’t want that understanding from Kyrgyz guys. I don’t know why. Maybe it’s because part of me is convinced they behave just as disgustingly as other Kyrgyz men. When you let them know you’re Kyrgyz, this barrier they have, that this person needs to be respected, it’s like it’s immediately lifted, you know. For example, I recently moved, and the taxi driver was Kyrgyz. With taxi drivers, I also immediately recognize that they’re Kyrgyz by their name, but I try not to reveal that I’m Kyrgyz, because at some point the barrier that this person can be respected as a person, a client, is lifted. I don’t know how you’d communicate with a Russian, for example. From the moment they find out you’re Kyrgyz, that you share the same blood, familiarity and Kyrgyz bullshit begin. I paid him (the taxi driver) and asked him to quickly move my things up to the fourth floor because I had a meeting in 20 minutes, so I needed to get it done quickly. As soon as he realized I was Kyrgyz and could probably put up with a lot, he very calmly walked back to the parking lot, and with a very leisurely, philosophical gait, he chatted with his neighbor, and generally wasn’t in any particular hurry to get up to the apartment, lugging all these things. I was running and he was saying, “Oh, why are you running like that? Look, you’re all red already, don’t suffer like that, life isn’t like that...” and I was like, “I have a meeting in seven minutes, seven minutes, I’m not going to sit in the street and talk among my things.” At one point, he was gone for a long time, and I came downstairs, and he was chatting very calmly with his neighbor. She turned out to be Uzbek, and with her child. You know, if he hadn’t known I was Kyrgyz, he wouldn’t have reacted that way. And when we’d moved all our things, I was already on the phone, in a meeting, and he was shouting quite loudly—I’d muted the sound—” ваннан барбы?” [Is there a bathroom?]. And he was walking around the apartment in his shoes, stepping on the carpets, calmly using the bathroom without asking, “Can I borrow a towel?” This familiarity infuriates me. I understand that it’s part of our identity, but for some reason, it’s men who behave so completely uncultured, and it infuriates me. So when men ask me what nationality I am, I can say, “Sorry, I’m late” or “Korean,” but when a woman asks, I can easily say I’m Kyrgyz. When I need something, roughly speaking, at the Munduz store, I speak Kyrgyz, and what’s there to hide? Frankly, I already gave myself away the moment I walked into the store.

Russian ethnic group

I wouldn’t say you need to interact with them [Russians] separately, because they’re everywhere here. They’re manufactured here [laughs], it’s a factory for producing Russians, you know. I can’t say I’m any different from them, or that it’s hard for me to start a conversation with someone because they’re Russian. No, nothing like that, just outwardly. I always emphasize, “I’m prettier than you, so it’s harder for me to rent an apartment.” Your favourite joke is, “Avito only rents apartments to ugly people” [laughs]. So, if they ask where you’re from, I’ll calmly say, “I’m from Kyrgyzstan.” But I don’t think I’d make it difficult to

communicate, or I'd have to deliberately change anything in my character or behavior to please Russians.

The vast majority of my friends are Russian. If not Russian, then Russian, that is, Chuvash, Tatar. Ethnic groups, although if you ask them who you are, they will answer, "I'm Russian." That's without much context. Although, in the last year [they say], "I'm actually Chuvash," "My grandmother is actually Tatar." Well, people are like people, ordinary people, I don't know. My attitude towards them... well, when they don't like the kurut I treat them to, or shoro, I say, "Because you have no taste, what can I do about it" [laughs]. I could once say to one of my friends, "Oh, you Russian scum," but no, I can't say that I don't like them in any way or conflate them into one common character or one common trait. No, they can be very different.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

Well, I drink Kyrgyzstan cognac [laughs], I eat kurut, I drink shoro, I cook plov. It's not always good, it's almost always bad plov, well, it's just rice with carrots and meat, but that's okay. There's no real communication or interaction... damn, I'm part of Kyrgyz culture, what can I say? Spreading Kyrgyz culture around the world is just about me, of course.

I don't go to any celebrations or anything. In recent years, when this store [Munduz] opened, you can now buy sumolok, which is sold in cans. I buy it on Nooruz. I loved this holiday as a child; in Russia, we haven't celebrated it for many years. To be honest, other Muslim holidays don't touch me as much as Nooruz. Nooruz is something more ethnic, something more genuine, about the call of the ancestors. I try to teach my friends and colleagues Kyrgyz, but it's mostly about "meen kotundo kal," "jalap" [prostitute], and anything useful in real life [laughs]. I also really like "postoktun teshigi" [hole in the carpet]. I'm more of an authentic Kyrgyz than you. Postok is an animal skin that's dried, and sometimes holes appear in it. When my secret friend couldn't find something, she'd say, "Kozun barby, zhe postoktun teshigi bi," "Kulak kulak by zhe postoktun teshigi bi." I really like "Are you my colleague or postoktun teshigi?" "Are you my friend or postoktun teshigi" [laughs]. When asked, I'd explain it was a hole in the carpet. Like, you're a colleague or you're a hole in the carpet. Those are some funny parts of Kyrgyz culture, right?

In Sweden, I taught my friends the Kyrgyz phrase "everything but that should be done earlier." For me, it's about drinking early, going out early, leaving work early, but my mom says it's about starting a family early, having children early, and not about anything else. Getting used to Kyrgyz culture, yes, but perhaps through small steps that can be integrated into life. Take the Kyrgyzstan cognac, which everyone loves, or the kurut, which people eventually develop a taste for [even though the first experience is shocking], or something else? No, I wouldn't say so. If you have a Kyrgyz friend, and you know them and through them learn something about Kyrgyz culture, Kyrgyzstan doesn't seem like some distant African country; it's a little

more relatable, and the culture is close, and you'll want to go there and see what it's like there. If you tried some of the products, then it's like, "oh, that's cool, well, I might go," something like that.

Russian culture

I don't know. Well, celebrating New Year's is probably not exactly a Russian culture. It exists in Kyrgyzstan, too. For example, celebrating March 8th isn't as popular as it was seven years ago. That is, it's not a celebration of femininity, etc., etc. You might get a flower or wish you good health, but that's what everyone wishes these days. They won't wish you to be smiling, kind, or generally the office flower. No, I call my colleague the office flower. On February 23rd, I wish him to be feminine and become a mother, etc. [laughs]. But over the years, celebrating March 8th has become less gendered; no, rather, its original purpose has become clearer. Maybe Maslenitsa. I generally like making pancakes and Maslenitsa. Of that Russian stuff, yes. Although for the last two years I've been buying kulichi for Easter, not because I support Christianity, you just buy them and eat them. There is no churchgoing. Something really authentic [also not]. I don't paint eggs. I might write "Happy Easter" or something like that in the general chat. What is so Russian? My mother loves Pavlovo Posad shawls. I gave her a Pavlovo Posad shawl for New Year's, but it's not because she's a fan of Russian culture. It's just that in Soviet times, it was believed that a Pavlovo Posad shawl would last longer than your life. I don't know, they seem so ugly to me, but my mother said, "You bought a nice shawl, gorgeous, my grandchildren will still wear it" [laughs]. I can't say that I support Russian culture in any way, there aren't any. I don't celebrate Christmas, for example. In fact, let's be honest, no one celebrates Christmas in Moscow. You lived in Moscow, you know that it's a megacity, and it's probably not much different from other cities. In 2021, when the quarantine [pandemic] was still in effect, my friend and I were walking, and the square was filled with Americans. They were celebrating Independence Day so noisily, with American flags everywhere. They just came out of the corners. And I thought, "Well, there they are, calmly celebrating their American holiday." It's just a megalopolis, and there are no truly Russian features in it, etc. In the last year, of course, there have been a lot of Russian flags, red, blue, and white, and there are these "Join Ours" posters everywhere, in all the stores, but after a while, you just don't pay attention to it and that's it.

Language

I've been trying to watch programs and broadcasts in English for the past year. Because I don't practice English often and, unfortunately, I've started to forget it. And I had grandiose plans to pass the IELTS and get a 9. I try to listen and watch in English. I read, too, but it doesn't always work out. I still read in Russian. I speak Russian with friends and colleagues, but with my family it's a mixture of surzhik, Kyrgyz mixed with Russian. For a while, my aunt and I tried to switch completely to Kyrgyz because we were both against the war, against mobilization [by the way, my nephew, half Kyrgyz, half Russian, is now in Bishkek]. With relatives, it's also surzhik: half Kyrgyz, half Russian, and it's not a process you somehow monitor. It's not something you do intentionally. But if you look at the feeling with my mother, it's 70 percent Kyrgyz and 30 percent Russian. I haven't forgotten Kyrgyz. Even when I came to Kyrgyzstan,

I spoke it fluently, although in Bishkek everyone speaks the same surzhyk: half Kyrgyz, half Russian. At some point, my Russian uncle said that D. (me) spoke Kyrgyz with an accent, and I was like, “Aaah, what an insult,” and for a while my aunts called me “orus kyz,” and I was like, “aaah, no need, no need, my Russian friends don’t insult me like that, and you certainly won’t.” But “orus kyz,” no, I won’t say. I think I was able to integrate into this space between the Kyrgyz and Russian communities.

Part 4. Ethnic identity

To be Kyrgyz, Kyrgyzzness

Being Kyrgyz is nothing in principle. Being born in Kyrgyzstan, identifying as Kyrgyz, having Kyrgyz parents, being in a Kyrgyz family, speaking Kyrgyz—that seems like a very important aspect to me. When Kyrgyz don’t speak Kyrgyz, it seems to me like a large part of them is empty. Language fills your structure very well. It’s how your heart speaks. For example, a journalist we know, a media personality, doesn’t speak Kyrgyz. He sort of tries, mostly speaking Ukrainian. I was also discussing this with another friend of mine, whether he could be considered Kyrgyz. Because now he’s “Ukraine” and doesn’t write about any Kyrgyz events, either on his Facebook or Instagram, as if he’s completely moved to Ukraine. I’m really happy for him, truly. I really wanted to go to Ukraine, to see it, but the pain, the empathy, the thoughts about Kyrgyzstan have probably disappeared in him. I could be wrong. This is how I see it from the outside.

Being Kyrgyz probably means loving Kyrgyzstan. Love it as a part of yourself. A country I could die for, and I wouldn’t begrudge it my life if it turned out well. A country, I suppose. I think being Kyrgyz in Russia is the same. Being here, the news from Kyrgyzstan touches me just as much, just as upsetting, as it was when I lived there. Although, I think I felt it less in Kyrgyzstan. Because there were more of us, and you were completely surrounded by Kyrgyz. Yes, if you define being Kyrgyz, it means loving Kyrgyzstan—that’s what it means to me. That’s why all our bureaucrats aren’t Kyrgyz, they’re some kind of mankurts.

Ethnic identity

Kyrgyz, absolutely, Kypkyrgyz.

Aspects: language is important. The fact that I speak it. I find it hard to actually read. Maybe because there’s a more colloquial Kyrgyz, which is basically what everyone uses, and then there’s a more literary version, which, for example, BBC Kyrgyz Kyzmaty or Azattyk try to write in. For me, the latter is a bit more difficult because it’s probably literary, from a philological standpoint, but I find it hard to read in its entirety. If I have the opportunity to read a Russian or English text, I’ll read it. The only thing is, for a while, I wondered if I should take courses, because I used to be the best in my class in Kyrgyz, but over time, I lost the ability to practice reading. I can read, but that doesn’t mean I want to.

The influence of identity

If someone speaks disparagingly about Kyrgyzstan, or any ethnic republic in Russia for that matter, then yes, I understand that it's not worth communicating with them. If they don't respect your identity, what makes you who you are, you shouldn't let them into your life. Let them be somewhere else. This doesn't mean they're a bad person and shouldn't be alive, etc., it's just that they shouldn't be in my life. Identifying as Kyrgyz, I wouldn't say it's a tragedy for me. My teenage years were difficult. It's not that it was difficult; teenagers can be a bit, well, animal-like, and sometimes they made something out of my name. I really didn't like it when people said my full name, and that lasted until I started my master's degree and went to study in Sweden. Sometimes I thought it was bizarre, being forced to feel ashamed of your name. In one of my jobs before my master's degree, the cleaning ladies were Kyrgyz, and one of them was named Perizat. When they said Perizat, the people there were a bit dumb, they would sneer and laugh. I couldn't understand why the name Perizat was funny to them. It's an angel, a normal, common Kyrgyz name. Somehow, later, it dawned on me that they have a very primitive sense of humor that runs through their heads, and it's like, "Ugh, weird, you can't laugh at someone's name." No one calls me by my full name in Russia, but in Kyrgyzstan, they do. Until a while, I didn't really like it. I thought that if it were "..." [in the Russian manner], it would be better. At one point, they even called me that, and I thought it was appropriate. I introduced myself that way. Even now, at work, all my business cards are written that way. I guess it's just a matter of habit. I don't make a big deal out of it. It's probably a matter of convenience, and a part of my brain believes that a Russian stranger will be more accepting of me with this name than with my full name. It's the same story, and it's quite common for Kyrgyz people to change their names, making them more Russified. Although, when my mother was applying for a job at a hospital, she suggested the short Russian version, and they said, "No, we'll call you by your documents," which is how I saw it. For me, it was normal. I don't make a big deal out of it. There's no point in getting offended by things that don't bother me. Roughly speaking, if they were making fun of my appearance, my origins, my passport, my language, and my culture, I'd be confronted and forced to sort things out. But the fact that they prefer to pronounce it one way rather than another isn't.

Migration experience and identity

I may have become less of an authentic Kyrgyz. Before that, of course, I was raised in a completely authentic Kyrgyz family. As a child, I thought I'd get married at 19. For some reason, I had a clear idea that I'd get married at 19 and have a child at 20. It was some kind of identity: family, husband, children, *kaiyn-zhurt*, *zhashoo*. It seemed normal. That normal Kyrgyz only marry Kyrgyz, otherwise, the *jeti ata* will burn in hell because of your whoredom (laughs). I absolutely believed it, that the seven ancestors who managed to preserve the purity of Kyrgyz blood would burn in hell if I even dared to look at anyone who wasn't Kyrgyz. My worldview has changed dramatically since I left. Living in Kyrgyzstan, I always considered myself a Muslim. All Kyrgyz are Muslims, and so on. But think about it, even back when I lived, it was the Arab part of the Islamic world that failed to integrate into Kyrgyz culture. We have a lot of Tengrism. Those same cotton candles we light at dusk, and how work turns into

twilight. It's a big part of our culture, it seems to suit us, a call of the ancestors, and it suits me better than Islam. So, probably when I was 15, I asked myself, "Why do I consider myself a Muslim if I don't like everything that happens in the Arab world?" I don't like the attitude towards women there. I remember when I was 15, I said, "I'm not Muslim, I don't accept this culture," and for my mother, this was a big problem because at the time, she thought, "No, we're all Muslims, how can that be? All Kyrgyz are Muslims." She thought I was on Satan's path, going to the cemetery; it was a shock to her. Since I was 14 or 15, I haven't fully identified as a Muslim.

Part 5. Future plans

Since about 2020, I haven't made any very long-term plans. In 2022, I thought my story with Russia was over, that I needed to leave, etc., but life turned out completely differently. Leaving is actually quite difficult. If I had the opportunity to move to Sweden or some other, say, first-world country, then yes, of course I would, and I really enjoy listening to the stories of Kyrgyzstanis who have left and moved. And not just Kyrgyzstanis, but my friends, friends, friends, and anyone I come across on YouTube. Again, I don't know what the future will really hold, but I don't think I'll live my whole life in Russia, even though I have a fairly good attitude toward it.

Returning to Kyrgyzstan would be possible if not for what's happening there now. Not the absolute worship of the Kremlin, not the behavior of officials, not the absolute degradation of society. I love our Kyrgyz people very much and think they are very kind, too trusting, but at the same time stubbornly stupid. For them, there's this idea that if a girl doesn't remain a virgin until marriage or marries someone from another ethnic group, then seven ancestors will burn in hell—for them, this is absolutely true. They can't accept someone else's point of view that raping a child is wrong, and if that child was 14 years old and she was a girl wearing a short skirt, that's a different matter. Things like this infuriate me so much that I wouldn't want to be there. I don't like the level of corruption in Kyrgyzstan, I don't like the officials there, and I don't like the roads. I don't like sidewalks [laughs].

Let's say Akayev had fulfilled his promise and turned Kyrgyzstan into a second Switzerland, not a single Kyrgyz would have left. Honestly, the Kyrgyz are perhaps better than all other representatives of the former Soviet republics at integrating into other societies: Ukrainian, Belarusian, Russian, even Baltic, and any other. It's easy for Kyrgyz to integrate into a previously unfamiliar world, but they still retain a profound love for their country, a deep desire to return there, to preserve the culture that exists, to teach children the Kyrgyz language, even if they were born in another country. I don't know, I'm sure that even if I didn't live, I would want, if not to die, then to be buried where I was born, among my people, on my own land.

Life can be lived anywhere in the world and be lived happily, integrated into a foreign society, fully embraced, fully embraced by its identity, culture, holidays, language, and so on. But at the same time, one would like it to end where it began. And I think this applies to absolutely every other Kyrgyz, frankly. And when the war happened, many Kyrgyz began to return. It wasn't because they were fleeing a good life, but because they wanted to be where they were supposed to be, where their soul gravitates. During any crisis, many Kyrgyz, even Russians, went there at that moment, either to return to their childhood or to a more or less stable position. And I think if Kyrgyzstan had a good life, if the laws worked, if officials weren't such scoundrels, if basic human needs—security, food, the environment—were met, and if there were decent jobs in the country, few people would leave Kyrgyzstan. But this probably doesn't just apply to the Kyrgyz. This applies to absolutely any migration issue, even internal migration. Even Kyrgyz who moved from the Kyrgyz Republic to Bishkek would also want to return to the Kyrgyz Republic if conditions there were the same as in Bishkek.

--- End of the interview ---

Appendix 8. Interview Transcript 2

Respondent: Participant 2

Interview conducted: 29 July 2023

Time: 1:02 min

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Я когда закончила бакалавриат, и все поступали в магистратуру, и я такая “ нет, я не хочу, я уже запарилась учиться, я хочу работать”. Ну и у меня были плохие оценки, я думала, кто меня возьмет. Я думала про Эрасмус, но у меня был плохой английский, это нужно было учить английский заново, я переживала, а вдруг я потрачу много денег на курсы и не поступлю. Короче, тогда забила на эту историю. На Турцию тоже забила, потому что у меня были низкие баллы, на Турцию Бурслары я бы тоже не прошла, а мне говорят: “ нет, ты пройдешь, плюс у тебя есть опыт индустриальный”, я загорелась, и я с этого момента начала потихоньку собирать документы, узнавать, ну и плюс то, что это [хороший университет].

И почему Россия? Ну язык, ну самая доступная страна получается в плане языка, в плане обучения. Потому что, если бы я поехала в Турцию или Европу, все равно была бы тантырашкой как в бакалавриате (пояснение: училась на турецком языке), потому что там я была тантырашкой и еле закончила на тройки. В общем, на тот момент я стала собирать документы, подалась, прошла и получается в 17-м...А, ну я тогда выгорела, может поэтому я захотела уехать. Короче, я выгорела на работе, уволилась и два месяца сидела без работы дома, ничего не делала. Потом я поступила, устроилась на работу, чтобы пару месяцев поработать и накопить деньги. Вот.

Но если вернуться в прошлое, то я всегда знала, что я уеду. Когда я училась в школе, когда я училась в универе, я не знала когда я уеду, как я уеду, но все равно было такое ощущение, что вот сейчас мне нужно переждать, вот нужно подождать и вот скоро начнется моя жизнь, и я уеду. В общем, я поступила, я приехала в августе 2017-го года в Москву. Меня встретили мои родственники там по маминой стороне. Я у них переночевала день и на следующий день мы поехали в Вышку, подали все документы, мне тут же дали бумажку на заселение в общежитие, и я вот сразу же заселилась в общежитие получается. Никого еще не было, в плане, что никто не заселился еще, и не было соседок, потом приехала У. Я выбрала себе самую классную кровать. Я помню, что у меня ничего не было из посуды. А, я помню, когда только приехала, я боялась, я же ничего не знала, я боялась спускаться в метро. И я ходила собирала посуду в округе проспекта Мира, я ходила с рюкзаком и пешком по 2GIS, потому что боялась спускаться в метро, потому что было непонятно, страшно.

На втором курсе началась стажировка, именно учебная практика, и я что-то не могла найти себе место, куда пойти, и меня моя одногруппница П. позвала к себе в агентство. Она говорит “ приходи к нам стажироваться”, потому что так она в свое время пришла к ним стажироваться и осталась. Я пришла к ним стажироваться, закрыла стажировку, и я осталась. Они мне предложили остаться, и я уже начала работать где-то с конца второго курса, с апреля уже начала получать зарплату, вроде бы. Потом я закончила [учебу]. У меня заканчивалась регистрация учебная, я выехала. А, это когда была тупая ситуация, когда я думала, что я вылечу в Турцию на 2 дня и вернусь обратно, обновлю регистрацию, но, когда меня не выпустили из России в Турцию, и я по дуруости сказала “ я еду обновлять регистрацию”, а оказывается так нельзя было говорить, и представитель Победы сказал “ езжайте в свою Киргизию и обновляйте там”. Ну я посидела поплакала на полу и поехала в свою Киргизию [смеется]. Не знаю... тайнешка дала деньги на билет, потому что у меня не было денег, я впритык все покупала, и вот я съездила так на сутки домой, вернулась обратно. Ну и вот, собственно, да, я была трудовой мигрант и осталась.

Когда я поступала в магистратуру, я не думала про свои планы, что я точно останусь в Москве или вернусь. Ну я поступила и поступила, типа будь что будет. Но когда уже подходило время окончания, я уже точно понимала, что не не не, я точно не вернусь. Я начала искать работу уже с середины первого курса, но меня никто не брал. То есть я уже знала, что к концу учебы мне нужно остаться, что я не поеду домой, что я не вернусь в Бишкек.

Часть 2. Этнические отношения

Кыргызская этническая группа

Не, вообще. Я очень-очень мало [взаимодействовала с кыргызами]. Ну понятно, когда ходишь в магазин, там кассирша кыргызка или заходишь в соффик, там бариста кыргыз. Или там что-то еще. По-любому ты взаимодействуешь на уровне “ здарсьте-до свидания”, а вот прям чтобы пойти специально в эти диаспоры “ ой, а давайте праздновать Нооруз” ...Ааа, было же Х [сообщество кыргызстанцев в университете], господи, это пятно в моей истории (смеется), нет, ну, туда я пошла просто потому, что я заобщалась с ребятами. Еще же в общежитии довольно много жило кыргызов. Как-то через них тоже “ а, пойдем на празднование Нооруза, на празднование того, сего”, и я такая “ ну ладно”. Ну не потому, что мне прям так хотелось, я просто согласилась. Короче, я с ними общалась, потому что как-то волей-неволей втянулась в эту тусовку. Ну ты же не будешь игнорировать, ходить с таким каменным лицом, поэтому приходилось ходить на эту тусовку, дни рождения, но это каждый раз был такой кринж. Короче, мне не доставляло это удовольствие. Именно эти посиделки в общежитии, вообще нет. Тоже было это же сообщество. Там было какое-то объединение, там был высокий парень, и мы как-то собрались, я рассказывала про музеи какие-то в Москве, и он такой “ а давай ты будешь проводить культурные мероприятия”, я такая “не не не” . Ну вообще вся эта история с

кружками, председателями, со всякими организационными моментами. Плюс, ты знаешь вот этого [парня], его зовут Т. по-моему, такой полненький, сейчас депутат какой-то. Он как раз тоже был в этом кыргызском объединении студентов в Москве. Ну вот не знаю, какой-то псевдопарламент какой-то, в котором собирали, меня так это все бесило, поэтому максимально от всего отходила и да.

Ну короче, я старалась не общаться вообще с кыргызами. Мне казалось странно общаться с людьми только потому, что мы из одной страны и второе, из-за нашего воспитания, когда ты просто сидишь в тусовке, и тебя спрашивают “а почему ты не замужем”, “а когда ты выйдешь замуж”, ну какая-то такая была токсичность и поэтому я сразу не общалась.

Отношения: ну смотря к каким. Именно к мигрантам, которые работают на тяжелой работе: дворники, кассиры, строители, мне было их жалко в основном. А к студентам, ну к студентам нормально, если они не трогали меня, если не задавали никаких вопросов и нормально себя вели. К студентам более или менее нейтрально. Трудовых мигрантов было так, жалко.

Русская этническая группа

[смеется] тебе рассказать про все взаимодействия с русскими в России? [смеется] Я с ними так взаимодействовала активно! [смеется], просто все аспекты. Ну, первое взаимодействие с русскими, с российскими русскими, каким оно было, ну понятное дело, это какие-то продавцы, бариста, кассиры, какие-то вот эти МФЦ, миграционная служба, администрация вуза, то есть ну вот на таком уровне. Там тоже был опыт разный. Он был скорее негативный что ли, потому что в целом россияне хмурые, такая рожа кирпичом. Мне показалось, что они грубые, и я до сих пор считаю, что они грубые. Более уже близко – это были мои одноклассники. Я их немножко побаивалась, мне было с ними странно. То есть я вроде избегала кыргызских студентов, но и российских студентов я чуть-чуть опасалась, потому что ну не знаю, я только приехала, у меня был комплекс маленькой страны, комплекс третьего мира, что я не знала многого. Я, например, не знала, что такое деливери клаб [служба доставки еды], когда только приехала. Там же рассказывают кейсы на учебе, а я такая “что такое деливери клаб”. Или все собирались в Парке Горького, и в чате написали “встречаемся в ПГ”, а я стеснялась спросить что такое ПГ и не пошла никуда. А вдруг это поклонная гора или пункт города, не знаю.

Я помню, когда только пришла, зашла в аудиторию и там же девочки были в основном. Я захожу, а там все светло-русые и длинноволосые. Просто какое-то пшеничное поле. Боже, мне так стало страшно в этот момент. Я не знаю. Это было пугающе. Они как-то на меня смотрели, это был не принимающий взгляд. А вот Лера, которая с Казахстана, я к ней сразу как-то, был коннект, потому что она посмотрела на меня как будто бы посмотрела, увидела. Она же с Казахстана и она как будто считала знакомое лицо, и я считала это выражение лица. И это было какое-то такое тепло, потому что у остальных я вообще такого не видела. Может быть такая специфика россиян или потому что я не

россиянка, и они такие “кто такая”, вот, я помню, что я зашла, замялась, не знала куда сесть, и девочки похихикали. Как будто из какого-то американского фильма про тинейджеров. Мне стало не очень. Но потом стало более или менее, в принципе нормальные ребята, кроме этой С. [бесит она меня, смеется]. Нет, ну из моей группы все были адекватные, тот же самый К. Дурачок. Постепенно стало более или менее, я привыкла. Мне даже хотелось им что-то сказать на кыргызском. Они стали как будто бы близкие на том уровне, что я их считывала немного как кыргызов или кыргызстанцев. Мы же тоже общаемся на русском и потом можем раз и что-нибудь вкинуть на кыргызском. А потом такой “а, они же не поймут”.

Ну да, романтическое взаимодействие с русскими [смеется]. Это когда я открыла для себя мир тиндера после окончания. Я же там общалась только с русскими парнями. Я даже турков не лайкала, кавказцев, азиатов вообще принципиально. Ну я даже в Бишкеке всегда влюблялась в некыргызов. Это всегда были уйгуры, узбеки, татары, русские. В Москве тоже встречалась только с русскими. Один раз у меня было ужасное свидание с кыргызом. Просто ужасное, когда он повел меня в парк. Еще такой придурок “я встал, что-то было пасмурно, я думал идти не идти” и я думаю “зачем ты мне это говоришь, ну я тоже встала и думала, идти не идти”, я там надела каблук, юбочку, накрутила, вышла к тебе. Я же иду молчу. Я его, кстати, увидела в бишкекском тиндере, фу, блок блок блок. Короче, да, я после этого одного негативного опыта удостоверилась в решении, что не стоит встречаться с кыргызами и общаться с ними в романтическом плане, ну и продолжила общаться с русскими мальчиками, ну и продолжаю общаться с русскими мальчиками. Даже с россиянами здесь, в Бишкеке.

Ну про общение в романтическом плане что могу сказать. Не знаю, наверное, наши парни, именно восточные, кавказцы, они может быть более романтичные, цветочки дарят, ухаживают за девушкой, платят за нее в кафе, у русских такого чаще всего нет. Ну вот особенно у тех русских, с кем я встречалась. Либо да, они могут заплатить где-то в кафе, но все равно они какие-то прижимистые, цветы только по праздникам, на день рождения. Они все были довольно прижимистые, они были за равноправие, им было ок, когда я могла заплатить в кафе. Я, оказывается, к этому привыкла, потому что вся моя dating life началась в России и в этом контексте, то есть я даже не привыкла к тому, что парень делает что-то больше сверх оплаты счета и оплаты такси максимум. Поэтому я к этому привыкла, ну окей.

Было иногда такое, что я заходила в магазин, говорила “здравствуйте” и со мной не здоровались в ответ. И когда в целом на кассе в какой-то пятерочке, когда грубо, не что грубо, а как-то не очень дружелюбно обслуживали. Я просто не знаю, в открытую мне ничего не говорили, типа “понаехала, чурка, не чурка, грязнокровка, поганая грязнокровка” [смеется], нет. В открытую никогда не говорили, мне вот сейчас трудно различить, со мной на кассе грубо общались, потому что я кыргызка или потому что кассирша сама по себе грубая. В России просто контекст такой, что там все грубые, они даже друг к другу грубые. Нет такого, что “ой, здравствуйте” к русской, и ее так хорошо обслужили, а меня плохо. Чтобы менты подходили проверяли документы, такого тоже

не было. Открытой агрессии и неприятия не было, было когда при мне могли других центральноазиатов обсирать, смеяться над ними и при этом я сидела рядом. Может быть, они меня не считывали, как центральноазиатку, или не воспринимали, или забывали, и я такая типа “ ммм...че”. Помнишь, как С. сказала на паре “ ой, а кому хочется, чтобы чучмеки приезжали к ним в страну” или когда у нас в офисе ржали над именами таксистов “ хахаха, зовут таксиста Насрулло, как смешно”, и я такая с лицом, типа. Как-то странно в этот момент было, было неприятно. Или вот я выходила из метро, и там какой-то чувак по телефону говорит “ да меня какой-то чурка толкнул, на ногу наступил”. Даже когда не про меня говорят, не мне говорят, мне неприятно. Все равно я же часть всего этого мира чурок, я такая же как эти чурки, у нас такое же гражданство, такая же этничность, просто я более привилегированная и все. То есть у меня больше привилегий чем у этих ребят, но, по сути, они [русские], оскорбляя их, оскорбляют и меня тоже. Ну и понятное дело, когда пересекаешь границу, больше вопросов, больше времени на проверку документов. Когда я вернулась в Россию из Турции, меня отвели в какой-то уголок и сидела я в очереди, сидел таджик, узбек и женщина сидела из ЦА. Ну вот такие вещи, что больше времени на проверку документов.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Меня периодически пробивало на кыргызские песни на ютубе. Там и традиционные, и всякие там Ырыскелди, и Бек Борбиев [смеется], Роза Аманова, Мирбек Атабеков. Ну вот так только было и все, по сути, больше никак. Я даже ничего не готовила из еды. Ну вот самсы мы ели, помнишь я брала, когда ходила к тебе в гости, на Новом Арбате была же самсушная. В чайхану мы ходили с тобой, в Айву, и все. Песни да еда.

Ну вот когда у нас были собирушки, когда устраивали на факультете, в юридическом. Это было тоже 1-2 раза. Собирушки были со студентами в общежитии, когда плов готовили, боорсоки готовили. Через еду и все. Что-то еще было. А, ну я один раз ходила на выборы в посольство кыргызское, как раз когда были выборы президента. Ну это тоже часть кыргызской культуры по сути. Ну, связь с родителями. С родственниками. С частью друзей, кто там остался. Ну так, по переписке.

Русская культура

С русской – ну я была ею окружена. Ну я больше человек русской ментальности, русской культуры. Я и больше читала русской литературы. Мы же выросли в этом русском контексте: литературы, искусства, кинематографа и музыки. Да, я читала книги, и даже находясь в России, Набокова своего любимого читала, в музей вот ходила. Я с ней и до этого активно взаимодействовала, и в России тоже. Мне кажется, тяжело было не взаимодействовать с русской культурой.

Язык

Дома я говорю на русском, с друзьями я говорю на русском. В целом русский это мой первый язык. Ну как бы второй, но считается уже рабочим языком. На кыргызском я говорю в такси [смеется]. Именно в Бишкеке, когда я в магазин хожу, вижу кыргызов. Например, сажусь в такси и если вижу, что парень молодой, то я говорю: “Здравствуйте”, а если дядька какой-то, то всегда говорю “Саламатсызбы”. С коллегами я говорю на русском и тантырап на английском. Получается, русский, чуть-чуть кыргызский, чуть-чуть английский, в Турции говорила на турецком. Ну там тоже, в Турции у меня не было знакомых прям турков, кроме мужа Б., но с ним я тоже была ограничена в вокабуляре, я не могла все сказать, потому что у меня забылся турецкий. Я такая типа эвет, хайыр, тамам, гюзель, ну и в магазине тоже типа мераба, тешеккюрлер [да, нет, ладно, красиво, здравствуйте, спасибо] и все [смеется]. Ну в основном русский, почти везде, и дома, и на работе, и с друзьями. Думаю, на русском, но у меня проскальзывают кыргызские слова, но очень редко. В жизни говорю и в голове говорю “оля” [умри] [смеется]. Мое любимое слово. Контент на русском в первую очередь, но по-разному. Читаю я точно на русском, смотрю на нетфликсе обычно или где-то еще на английском с субтитрами, потому что мне перестал нравиться дубляж, потому что он не очень бывает корректным. На турецком иногда смотрю, но редко, иногда попадаетесь какой-нибудь стендап, тоже с субтитрами. На кыргызском вообще ничего не смотрю, только песни. Не читаю вообще на кыргызском, потому что мне тяжело читать. В первую очередь, русский для чтения, английский для просмотра чего-то, а тикток у меня больше даже на английском. Именно в плане контента у меня микс, с перевесом в русский, но английского становится больше.

Нет, кстати. В России очень-очень редко, почти никогда не использовала кыргызский язык. Может быть 1-2 раза. Ну я в гости однажды ходила к родственникам и там была бабушка, ну она же не говорит по-русски, поэтому я с ней говорила на кыргызском и все. Кстати, с таксистами вообще [не говорила]. Один таксист, он хотел познакомиться, он спросил “вы кыргызка?”, я сказала “нет” [смеется]. Ну, потому что я знаю, что потом бы началось “ой, а откуда, а где живете”. Просто, когда ты говоришь “я кыргызка”, начинается вась-вась, панибратство, фамильярность. Он такой “а можно познакомиться”, я такая “нет”, и мы дальше ехали молча [смеется]. Сбрила его. Мне кажется, если бы я сказала, что я кыргызка, он бы так легко от меня не отделался. Не знаю, потому как будто бы сразу становимся близки каким-то образом.

Часть 4. Этническая идентичность

Эээ, кыргызка, да да, кыргызстанка. Ну, кыргызка как по крови, и по гражданству кыргызстанка. Ну то есть я же могу быть другого гражданства, типа Израиля [смеется], ну это возможно стать израильтянкой, поэтому я уточняю, что пока что я кыргызстанка. Ну кыргызкой я буду до конца дней своих, а кыргызстанкой – сейчас.

Быть кыргызом, кыргызскость

Ну если у него кто-то из родителей кыргыз, и если он сам себя считает кыргызом, то он кыргыз, и что-то в нем есть из кыргызской культуры. Не знаю, он там готовит бешбармак, арчу зажигает и говорит на кыргызском языке, то в принципе он становится кыргызом. Потому что да, все равно мало чувствовать себя кыргызом, ты должен быть как-то причастен к этому быть по крови и по культуре. Потому что есть же всякие русские из глубинки, деревень, которые идеально говорят на кыргызском языке и всю жизнь жили в Кыргызстане, и в этой культуре варятся, но при этом все равно они же этнические русские. Ты не назовешь его кыргызом, потому что он русский. Я же вижу, что он русский [смеется], вот. То есть для меня он кыргызстанец, но не кыргыз.

Я думаю, это очень тяжело [быть кыргызом в России]. Это очень тяжело, потому что к нам такое предвзятое мнение [отношение] ко всем, то есть ты должен... то есть вот даже я это чувствовала, что я должна быть чуть лучше всегда, должна держать себя в рамках, переходить дорогу на зеленый свет, не дай бог что. Потому что, если я ошибусь, скажут, что не я ошиблась, а понаехала кыргызка ошиблась, забирает нашу работу, загаживает нашу страну. Я чувствовала себя в рамках. Как остальные себя чувствую я не знаю. Но я думаю, что они тоже чувствуют себя очень скованно, потому что наши мигранты в целом, они очень скромно себя ведут. Вот здесь в Кыргызстане люди очень расхлябанные, могут что-то выкинуть на дорогу, относятся к своему дому как к какому-то отхожему месту, а в России все ходили по струночке как мне кажется. Потому что в России с этим строго: чуть что, депортация, штраф какой-нибудь. И да, то, что да, предвзятое мнение, что в каких-то рамках находишься и рамках именно законных, и в рамках восприятия других людей, и финансовых. Потому что все же туда едут [работать], и я тоже в том числе, и все живут там по 5 человек в одной комнате в лучшем случае. Я думаю, это очень дискомфортно быть кыргызом в России, в Москве, но при этом, мне кажется, к нам относятся лучше, чем к таджикам или узбекам. Я часто такое слышала от самих россиян, что кыргызы и по-русски лучше говорят, и более такие, поприличнее, пообразованнее.

Элементы идентичности

Важны в плане, что я их соблюдаю или в целом важны? Ну, наверное, кухня важна для меня, при этом я сама не готовлю кыргызскую еду, я больше готовлю европейскую еду. Для меня, наверное, важна не кыргызскость, а кыргызстанскость, прости господи. Ну вот эти атрибуты именно страны, государства, вот эта независимость, был свой язык, чтобы сохранялся, сохранялись границы, ну вот именно такие вещи. В плане культуры я не очень боюсь потерять, я не очень многое соблюдаю, то есть я даже не готовлю ничего, язык плохо знаю, традиции не знаю, что еще. Для меня в первую очередь кыргызскость – это язык, кухня и традиции, но я их опять-таки не блюду, но при этом я все равно ощущаю себя кыргызкой, даже если буду говорить на другом языке и, наверное, для меня более важное чувствовать себя кыргызстанкой, чтобы все, что я перечислила, сохранялось. Не быть там какой-то автономией, федеративной республикой, частью России, как тот же Татарстан. Я это начала очень сильно ценить, когда еще переехала в Россию. Я увидела, как там относятся к республикам, типа

Татарстана, Башкортостана, Саха, Якутия, Бурятия, как плохо к ним относятся. Я это прям начала очень сильно ценить, что мы хоть и бедненькие и все равно частично зависим от России экономически и еще как-то, при этом все равно мы считаемся отдельной страной, вот эти аспекты мне прям важны.

Идентичность и другие

Ну так, средне, не то чтобы я прям захожу в комнату с ноги и говорю “ всем привет я кыргызка”, но при этом я стараюсь говорить. Тем более вот у нас в команде, у нас же там украинцы все, и меня стало это чуть-чуть подбешивать в том плане, что они украинцы [смеется, шутит]. То есть я стараюсь всегда не принимать их идентичность, этничность, потому что они и так по любому вторгаются в мое поле со своей идентичностью. Вот у нас звонки, и они могут в какой-то момент перейти на украинский, не специально, но я же не понимаю, я понимаю чуть-чуть, но не понимаю полностью, и мне это кажется таким неуважением ко мне, как если бы я стала говорить со своими клиентами на кыргызском языке. Я же так не делаю, хотя я могла бы. Это учитывая, что я чуть-чуть понимаю украинский, а они кыргызский вообще не понимают. Поэтому сейчас я рассказываю про Кыргызстан, когда есть такая возможность, “ а вот у нас”, мне приятно рассказывать про наши традиции “ у нас принято вот так и вот так”. Иногда это в формате страшилок типа “ а вы знаете, что у нас невест воруют?”, ну много таких вещей. “ А вы знаете, что у нас куски мяса распределяются согласно статусу”, и все такие “ Аааа” , в шоке [смеется]. Я это делала и с бывшими коллегами-россиянами, они же все в себе и не знают, что есть другие страны и другие традиции, и я такая, знаете вообще мир не черно-белый и не заиклен только на России. Как бы да, я стараюсь рассказывать про нас, про кыргызов.

Влияние идентичности

Я думаю, это очень важная часть моей идентичности, как, например, для меня же важен мой пол, мой гендер, вот, наверное, третье по значимости это как раз идентичность [этническая]. Ну да, как и пол, как и гендер, она же сформировала мое видение, что есть какой-то комплекс третьего мира, третьей страны, что я могу чего-то не знать, вот в России люди более образованные, а я вот не знаю чего-то, не знаю, что такое деливери клуб, не знаю, что такое кэшбек. Ну блин, я приехала, господи, из ж/м, с корабля на бал, сразу в магистратуру [смеется]. Это очень резкий был шифт, я не была готова. Да, есть какой-то комплекс. Даже с коллегами это проявляется, то, что я могу бояться. Вот у нас же есть клиенты, из России был клиент, медиа российское, у меня был такой трепет “ О боже, я консультант, я их чему-то учу, он же крутое медиа, крутые медиа-менеджеры, а я такая понаехавшая, кыргызка из Ак-Ордо” или какое-то беларусское медиа “ О боже, как страшно” . Да, я считаю себя хуже.

Ну в плане романтического взаимодействия это, конечно, влияет. Я же все равно человек восточный, привыкла, что “ мужчина должен”. Все равно это есть внутри, что “ мужчина должен ухаживать, мужчина должен обеспечивать семью, то, се” , но при этом меня ужасно бесит типичное восточное, азиатское воспитание мужиков, когда он такой “ ты

не пойдешь в клуб, потому что я сказал” , ну вот это вот такое хамство, маскулинность она меня бесит, но при этом мне нравится часть ухаживаний, типа я принцесса, princess treatment как в тиктоке говорят. На это тоже частично влияет.

Влияет на мое взаимодействие с людьми, в плане что если человек старше меня, я буду к нему относиться почтительно, уважительно и обращаться к нему на “ вы” и испытывать этот трепет “ ооо, он старше меня”. Например, я стесняюсь немного нашего начальника Я., ему ну может 40–45 лет, я такая “ Ааа, я стесняюсь”, он еще ходит в костюме. Есть такое, что старше меня. Да, в целом да, влияет на восприятие мира с той точки зрения, что мы же бедная страна, и это опять про бедное мышление, которое влияет на всю твою жизнь. Ты не то, чтобы welcomed везде, тебе нужно собирать кучу документов на визу, ты как человек третьего сорта, в таком плане. Ну да, как будто себя хуже ощущаешь тех же европейцев. Хуже, глупее, беднее, некрасивее. Вот я азиатка, мне все время хотелось белую кожу, большие глаза, может быть, такие светлые волосы, а я родилась кыргызкой, капкарашкой [смеется].

Опыт миграции и идентичность

Я думаю, да, это точно повлияло, потому что я стала как будто бы меньше кыргызстанкой и меньше бишкекчанкой. То есть я и до этого себя чувствовала не стопроцентной кыргызкой именно в плане культурном. По крови-то понятно, папа-мама кыргызы, с этим ничего не поменялось, но вот именно я как частичка кыргызского общества, да, я и тогда была далека, но я в этом варила, я это терпела, а сейчас я стала от этого еще дальше, теперь я этого не терплю. То есть раньше я звонила родственникам, потому что ну да, я должна, я же старшая дочка, а сейчас я этого не делаю. Если мне что-то не нравится, я этого не делаю. Когда я приехала в Бишкек, я поняла, что я в целом поменялась внутренне, ну может просто я еще выросла. Но как будто произошло какое-то изменение внутри, что я стала еще дальше от этой всей тусовки. Когда я смотрю на вот это все, мне это кажется таким далеким и не моим. Тогда я была вынуждена во всем вариться и жить, а сейчас я поняла, что я могу вообще с этим не жить. Если мне что-то не нравится, я просто этого не делаю и все.

Часть 5. Планы на будущее

В долгосрочной перспективе в Кыргызстане я себя не вижу, потому что это такое временное возвращение. Жить здесь я точно не хочу. Мне сейчас более или менее комфортно, потому что я никуда не выхожу из дома, не взаимодействую с людьми, то есть прям по минимуму. Мне оказывается в такой изоляции плохо, потому что мне все равно нужно взаимодействовать с городом, с пространством, в котором я живу, а тут я выхожу, и у меня портится настроение. Этот город меня никак не вдохновляет. Мне хочется гулять по красивым местам, в какие-то интересные заведения ходить, а здесь либо национальная кухня, чайхана какая-нибудь, либо что-то в стиле барокко, не знаю, навигатор или...ну ну ну, ты понимаешь, мне все кажется таким плоским. Я точно буду

здесь до января, потому что мне нужно получить прививку [смеется]. Да, и плюс, мне коллега сказал, что в следующем году мне могут помочь с моей релокацией. Опять-таки, я не знаю, буду ли я еще там работать. Просто там мне будет намного проще переехать в Европу и в целом я более мобильная. Я поэтому не подаюсь в Алматы, хотя там намного прикольнее, но это все равно СНГ, а я не хочу жить в СНГ. Да, там почище и поприятнее, но этот тот же Бишкек на самом деле, просто чуть побольше, побогаче, там такая же история. Поэтому я хочу уехать в Европу, но опять-таки я открыта для Израиля [смеется]. Даже Турция мне была прикольнее, даже ее я смотрела, но там мне не дали ВНЖ.

Да, да, я до войны так и думала. У меня были планы, связанные с Россией, я думала, что вот, построю здесь карьеру, построю здесь семью. Я же даже думала про гражданство, но это был такой долгий процесс, вот это ехать в Сахарово, вся эта фигня. Я просто не стала, потому что мне было лень. А так если бы это было просто, я бы еще получила в 2019-м году, когда закончила университет. А так у меня были надежды, связанные с Россией, что останусь, что я стану специалистом, замуж выйду, то, се. Когда наступила война, надежды все рухнули. Я сейчас такой безнадежный человек (смеется). Знаешь, когда я жила в России, я как будто была более вдохновленная, как будто была какая-то цель, что в какой-то момент я буду зарабатывать 100 тысяч (!) рублей, а я тогда зарабатывала 70, выпросила себе, но даже 100 тысяч — это мало для Москвы. Я думала, что я буду зарабатывать 300 тысяч в месяц, я накоплю на ипотеку, возьму ипотеку, я выйду замуж, получу гражданство. Это была очень далекая цель, потому что это тяжело было сделать, ну мне так казалось долгим тяжелым трудом, а когда это все рухнуло, нет никакой надежды, никаких планов, то сейчас, я стала зарабатывать больше, я прям продвигаюсь по карьере, я прям вижу, что есть реальный путь. Там немножко не видно было пути, была цель, но не было пути, а сейчас я вижу, что путь выстраивается через работу, что я могу вырасти, расти расти расти, что они помогут мне с релокацией, поднимут зарплату, то есть это стало более реальным. Я могу накопить деньги и взять ипотеку в Бишкеке, потому что стала лучше зарабатывать, но при этом это перестало быть полярной звездой, пришел новый план на смену другому, но тот был план, он был как будто бы выпестованный, прости господи. Он был весь такой возвышенный что ли. А тут все херакс, оборвалось, и появилась новая даже не мечта, а просто цель. Она прагматичная, но она не то, чтобы заряжает. То есть меня это вообще не торкает, просто рациональный план. Но это не так что “вау, я так этого хочу, меня так вдохновляет эта идея”.

Я не знаю. Кстати, наверное, эта цель появилась, когда мне было 24, а сейчас мне 30 и то есть мне было сильно меньше лет. Я приехала буквально из родительского дома и сразу попала в этот город, мне было тогда психологически лет 20, 18. Это была как американская мечта “приехать в Москву и покорить ее”. Это было такое все блестящее, розовое, даже возможно инфантильное. Я очень долго носила в себе эту мечту, цель, план. Он был привлекательным в глаза. Все это время она была со мной, а потом все это обрубилось, и пришлось очень быстро адаптироваться. Я быстро нашла работу, резко свалила из России, резко приехала сюда. Все эти решения быстро, по сути, принимались.

Свой отъезд из России как случилось: я устроилась на работу в конце июля-начале августа, мы уже в сентябре начали обсуждать мой отъезд из России, потому что они говорили “ты сидишь в России, это не ок”, я тоже такая “не ок”, и я буквально за месяц-два решила, что все, я уезжаю. Потом в Турции, когда мне дали внж, там нужно было выехать в течение 10 дней. Тоже очень быстро менялось, нужно было адаптироваться под обстоятельства. Этот план с Европой он был не мой, он был моего менеджера. Он спросил, чего бы я хотела, я сказала, что в долгосрочной перспективе уехать в Европу. Все хотят в Европу, или в Европу, или в Америку. Мне Америка не нравится, поэтому я выбрала Европу. Не знаю, это просто возможно даже не моя мечта, а чужая, но просто так принято. Он сказал, ну давай, у нас есть возможности, можем помочь с визой, гуманитарной. И, наверное, это идея новая, поэтому я с ней еще не пожила нормально, я еще не сделала ее своей, потому что она чья-то, и потому что она очень рациональна. Пришла из такого прям расчета, а та идея была очень романтичная, но это же не SMART цель покорить Москву. Она не измерима, у нее нет KPI, у нее нет сроков. А эта цель, она очень такая, по системе SMART построена, она измерима, она реализуема. Тут понятно, что в следующем году, я уеду в Европу. Ну, наверное, такие цели, они не заряжают. Должны же быть полярные звезды, чтобы к ним стремиться. А у меня сейчас нет никакой полярной звезды. Но это грустно, потому что часть меня отвалилась. Я просто стала такой корпоративный человек, который ведет табличку в Notion (смеется), потому что мертв внутри, у него нет огня внутри, остались только проекты и таблички, и приоритеты: low, medium и high. Не знаю, я стала скучным человеком, потому что жизнь стала скучная, что-то из нее пропало и все.

В контексте миграции и России у меня, знаешь, такое ощущение очень странное. В контексте войны, России и потери родины. Что вот эти украинцы, которые страдают, у них все понятно, у них есть это право страдать. Даже мой здешний знакомый, он говорит: “Я не могу вернуться в Украину, потому что мой дом бомбят”. Россияне говорят: “Я не могу вернуться в Москву, потому что меня заберут на фронт”. Понятна его боль, понятна боль россиян, скитаются туда-сюда и везде они чужие. Но, понимаешь, я испытываю такую же боль как россияне, то есть я не должна ее испытывать. У меня же есть Кыргызстан, кыргызский паспорт, но при этом мне так фигово, что я уехала из Москвы. Я прям очень сильно скучаю по Москве. Потому что были надежды, связанные с ней, и я всегда была как говорят “орусчалыш”, с русским воспитанием. Я уехала, и я не знаю куда податься: мне и в Кыргызстане плохо, и в Турции мне было...ну, когда ты приезжаешь в страну, и там очень хороший климат, открытые люди, очень вкусно и все классно, но при этом нет ощущения, что мне комфортно, я хожу и мне норм. В Москве тоже было дискомфортно из-за документов, отношения людей, но у меня были свои отношения с городом, не знаю, как-то может, потому что он красивый, большой, это мегаполис. Там все равно такое ощущение, комфортнее в плане быта. Вроде там дороже, но в Москве я стала лучше жить. Отвалилась проблема с маршрутками, с грязными дорогами раздолбанными. В этом плане стало комфортнее. И вот сейчас я не знаю куда поехать, поэтому даже мысль про Европу не заряжает, потому что ну и что я туда поеду,

я буду также ходить тосковать по Москве, по всем этим барам и кафе, и по Китай-городу, и по Покровке. Это как, говорят же, арман [тоска]. Мне так хочется, но я все равно не поеду. У меня такое ощущение, что я не поеду туда больше, не знаю почему. Ну, потому что из-за войны. Война просто все разрушила. Это был город, который я любила. Мне бы хотелось вернуться в Москву 19-го, 21-го года, но вот даже войны закончится, я не знаю, все равно останутся санкции, все равно останутся те же злые россияне. Не знаю, сколько должно пройти лет. Как будто бы она запятнала себя, что она долго еще не сможет отмыться, и если я поеду, я тоже буду запятнанной. Поэтому у меня грустное чувство, что я не смогу туда попасть. Это как с детством: мне нравилось ездить в деревню к тайнешке-таяташке, потому что было другое восприятие, а когда я сейчас поехала к ним, не было уже этого места, ну то есть как бы дом стоит, деревья, скамейки – все то же самое, но я-то уже другая. Прошло столько времени, я выросла. И с Москвой то же самое, как будто нет пути назад. Я ее считала своей родиной. Мне неудобно примазываться к россиянам. Это же их боль, а я-то что, у меня все нормально, у меня паспорт, гражданство, я не под санкциями как они. Как будто у меня нет права что ли жаловаться на войну, потому что она меня не задела, хотя она меня задела, вот, ошо.

--- End of the interview ---

Appendix 9. Transcript Translation 2

Respondent: Participant 2

Interview conducted: 29 July 2023

Time: 1:02 min

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

When I finished my bachelor's, and everyone was applying to a master's program, I was like, "No, I don't want to, I'm tired of studying, I want to work." So, my grades were bad, and I was wondering who would accept me. I thought about Erasmus, but my English was bad, I needed to relearn it, and I was worried that I'd spend a lot of money on courses and not get in. So, I gave up on that whole thing. I also gave up on Turkey because my grades were low, and I wouldn't have gotten into the Turkish Burslars either. And people would tell me "No, you'll get through, plus you have industry experience," and I was hooked, and from that moment on, I slowly started gathering documents, researching, and, well, plus, it's a good university. I also heard about it from you and was like, "Oh, cool." And why Russia? Well, the language, well, it turns out it's the most accessible country in terms of language, in terms of education. Because if I had gone to Turkey or Europe, I would still have been a complete failure, like in my undergraduate degree (clarification: I studied in Turkish), because there I was a complete failure and barely got a C. So, at that point, I started gathering documents, applied, got in, and it turns out in '17... Oh, well, I was burned out then, maybe that's why I wanted to leave. Anyway, I burned out at work, quit, and sat at home for two months without work, doing nothing. Then I enrolled and got a job so I could work for a couple of months and save up some money. That's it.

But if I go back in time, I always knew I'd leave. When I was in school, when I was in university, I didn't know when I'd leave, how I'd leave, but I still had this feeling that now I needed to wait it out, that I needed to wait, and soon my life would begin, and I'd leave.

So, I got in and arrived in Moscow in August 2017. My relatives on my mother's side met me there. I spent the night with them, and the next day we went to HSE, submitted all the documents, and they immediately gave me a dorm registration form, and I moved right in. There was no one there yet, meaning no one had moved in yet, and there were no roommates, then U. arrived. I picked out the coolest bed. I remember I didn't have any dishes. And I remember when I first arrived, I was scared, I didn't know anything, I was scared to go down into the metro. And I went around collecting dishes around Prospekt Mira, I walked with a backpack and on foot along 2GIS, because I was afraid to go down into the metro, because it was unclear, scary.

In my second year, I started an internship—a practical training program, actually—and I couldn't find a place to go, so my classmate P. invited me to her agency. She said, "Come and intern with us," because that's how she'd interned there and stayed. I came and interned, finished my internship, and stayed. They offered me to stay, and I started working around the end of my second year, and I think I started receiving a salary in April. Then I graduated. My student registration was about to expire, so I left. And that was when I had this stupid situation where I thought I'd fly to Turkey for two days and come back to renew my registration, but then they wouldn't let me leave Russia for Turkey, and I stupidly said, "I'm going to renew my registration," which turned out to be illegal, and the Pobeda representative said, "Go back to your Kyrgyzstan and renew it there." So, I sat on the floor and cried and went back to my Kyrgyzstan (laughs). I don't know... my secret friend gave me money for a ticket because I had no money, I was buying everything at a loss, and so I went home for a day and came back. Well, basically, yes, I was a labour migrant, and I stayed.

When I applied for my master's degree, I didn't have any plans, whether I'd definitely stay in Moscow or return. So, I got in and I did, like, whatever happens, happens. But when it was time to graduate, I knew for sure that no, no, I definitely wouldn't return. I started looking for a job midway through my first year, but no one would hire me. So, I already knew that by the end of my studies, I had to stay, that I wouldn't go home, that I wouldn't return to Bishkek.

Part 2. Ethnic Relations

Kyrgyz ethnic group

No, not at all. I interacted very, very little with Kyrgyz. Well, obviously, when you go to the store, the cashier is Kyrgyz, or you go to Coffix, and the barista is Kyrgyz. Or something else. In any case, you interact at the level of "hello and goodbye," but to specifically go to these diasporas and say, "Oh, let's celebrate Nooruz" ... Ah, there was X (the Kyrgyz community at the university), oh my God, that's a stain on my history [laughs] no, well, I went there simply because I talked to the guys. There were also quite a lot of Kyrgyz living in the dorm. Somehow through them, too, it was like, "ah, let's go to the Nooruz celebration, to celebrate this and that," and I was like, "oh well." Well, not because I really wanted to, I just agreed. Anyway, I hung out with them because I somehow got sucked into that group, whether I wanted to or not. You can't just ignore them and walk around with a straight face, so I had to go to those parties, birthdays, but it was always such a cringe. Anyway, I didn't enjoy it. Those get-togethers in the dorm, no. That was also the community. There was some kind of association, there was this tall guy, and we got together one day, I was telling him about some museums in Moscow, and he was like, "Why don't you organize cultural events?" I was like, "No, no, no." Well, there's this whole thing with clubs, chairmen, and all sorts of organizational details. Plus, you know this guy, his name is T., I think, he's a chubby guy, now he's some kind of deputy. He was also in that Kyrgyz student association in Moscow. Well, I don't know, some kind of pseudo-parliament in which they gathered, it all irritated me so much, so I distanced myself from everything as much as possible and yes.

Anyway, I tried to avoid interacting with Kyrgyz people altogether. I felt weird interacting with people just because we were from the same country, and because of our upbringing—when you're just sitting in a group and people ask you, "Why aren't you married?" or "When are you getting married?" There was a certain toxicity to it, so I avoided them right away.

Relationships: Well, it depends on the people. Specifically, the migrants who do hard labour: janitors, cashiers, construction workers—I felt sorry for them mostly. As for students, well, students are fine as long as they don't bother me, don't ask any questions, and behave normally. I'm more or less neutral with students. I felt sorry for the migrant workers, though.

Russian ethnic group

[laughs] Should I tell you about all my interactions with Russians in Russia? [laughs] I interacted with them so actively! [laughs], just all aspects.

Well, my first interactions with Russians, with Russian Russians, what was it like? Obviously, it was some salespeople, baristas, cashiers, some MFCs, the immigration service, the university administration—that's pretty much it. My experiences there varied, too. It was mostly negative, I think, because Russians are generally gloomy, with a brick-faced demeanor. I thought they were rude, and I still think they are. More specifically, they were my classmates. I was a little afraid of them; I felt weird around them. I mean, I kind of avoided Kyrgyz students, but I was also a little wary of Russian students, because, I don't know, I'd just arrived, and I had this small-country complex, a third-world complex, because I didn't know much. For example, I didn't know what a delivery club was when I first arrived. They're telling case studies there, and I'm like, "What's a delivery club?" Or maybe everyone was meeting in Gorky Park, and they wrote in the chat, "Let's meet at PG," and I was too shy to ask what PG was and didn't go anywhere. What if it was Poklonnaya Gora or a city center, I don't know.

I remember when I first arrived, I walked into the classroom, and it was mostly girls. I walked in, and everyone there had long, light-brown hair. It was like a wheat field. God, I was so scared at that moment. I don't know. It was terrifying. They were looking at me somehow, it was an unaccepting look. But Lera, who's from Kazakhstan, I immediately connected with her somehow, because she looked at me as if she saw me. She's from Kazakhstan, and it was as if she recognized a familiar face, and I recognized that expression. And there was this warmth, because I'd never seen anything like that in anyone else. Maybe it's just a Russian thing, or maybe it's because I'm not Russian, and they were like, "Who are you?" Well, I remember walking in, hesitating, not knowing where to sit, and the girls started giggling. It was like something out of an American movie about teenagers. I felt uneasy. But then it became more or less normal, basically, the guys were normal, except for that S. (she infuriates me) [laughs]. No, well, everyone in my group was adequate, even that same K. the Fool. Gradually, it became more or less normal, I got used to it. I even wanted to say something to them in Kyrgyz. They seemed to become close to me on such a level that I read them a little like Kyrgyz or Kyrgyz people. We also communicate in Russian and then we can throw something out in Kyrgyz. And then it's like, "Ah, they won't understand."

Well, yeah, romantic interactions with Russians [laughs]. That's when I discovered the world of Tinder after graduating. I only interacted with Russian guys there. I didn't even like Turks, Caucasians, or Asians at all, on principle. Well, even in Bishkek, I always fell in love with non-Kyrgyz. It was always Uyghurs, Uzbeks, Tatars, Russians. In Moscow, I also only dated Russians. I once had a terrible date with a Kyrgyz. Just terrible, when he took me to the park. And then this idiot, "I got up, it was kind of cloudy, I was thinking about whether to go or not," and I thought, "Why are you telling me this? Well, I also got up and was thinking about whether to go or not." I put on heels, a skirt, put on makeup, and came out to you. I'm walking and saying nothing. By the way, I saw him on Bishkek Tinder, ugh, block block block. So, yes, after that one negative experience, I confirmed my decision not to date Kyrgyz men or engage in romantic relationships with them, so I continued to date Russian men, and I continue to date Russian men. Even Russian men here in Bishkek.

Well, what can I say about romantic relationships? I don't know, maybe our guys, especially the Eastern guys, the Caucasians, are more romantic. They give flowers, they court a girl, they pay for her at a cafe. Russians don't usually do that. Well, especially the Russians I dated. Or, yes, they might pay at a cafe, but they're still kind of stingy, they only give flowers on holidays, like birthdays. They were all pretty stingy, they were for equality, they were okay with me paying at a cafe. It turns out I've gotten used to it, because my entire dating life began in Russia and in that context. I'm not even used to a guy doing anything more than picking up the tab and paying for a taxi, at most. So, I got used to it, okay?

Treated as if you were different

There were times when I'd go into a store, say "hello," and they wouldn't say hello back. And then, in general, at the checkout at some Pyaterochka store, they were rude, not exactly rude, but somehow not very friendly. I just don't know, they never said anything openly to me, like, "You're such a bastard, you're not a bastard, you're a mudblood, a filthy mudblood" [laughs], no. They never said anything openly, it's hard for me to tell now whether they were rude to me at the checkout because I'm Kyrgyz or because the cashier herself is rude. In Russia, the context is such that everyone is rude there, they're even rude to each other. It's not like you say "oh, hello" to a Russian woman, and she gets great service, but I get bad service. I've never had the cops come up to check my documents, either. There was no open aggression or rejection, but there were times when people would trash other Central Asians in front of me, laugh at them, and I was sitting right next to them. Maybe they didn't recognize me as a Central Asian, or didn't perceive me, or forgot, and I was like, "Hmm... what?" Remember how S. said in class, "Oh, who wants chuchmek to come to their country?" or when in our office they were laughing at taxi drivers' names, "Hahaha, the taxi driver's name is Nasrullah, how funny," and I was like, with a face like, "It was kind of weird at that moment, it was unpleasant. Or I'd be leaving the metro, and some guy would say on the phone, "Some idiot pushed me, stepped on my foot." Even when they're not talking about me, not to me, I feel uncomfortable. I'm still part of this whole world of chinks, I'm the same as these chinks, we have the same citizenship, the same ethnicity, I'm just more privileged, that's all. So, I have more privileges than these guys, but essentially, by insulting them [the Russians], they insult me too. And of course, when

you cross the border, there are more questions, more time spent checking documents. When I returned to Russia from Turkey, they took me to some little corner, and I sat in line with a Tajik, an Uzbek, and a woman from Central Asia. That's the kind of thing that means more time spent checking documents.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

I'd occasionally be drawn to Kyrgyz songs on YouTube. There were traditional ones, and all sorts of Yryskeldi songs, and Bek Borbiev [laughs], Roza Amanova, Mirbek Atabekov. Well, that was it, really, nothing else. I didn't even cook anything. Well, we ate samsa, remember I got some when I went to visit you? There was a samsa shop on Novy Arbat. We went to the teahouse together, to Ayva, and that was it. Songs and food.

Well, back when we had gatherings, when they were held at the faculty, in the law school. That also happened once or twice. We had gatherings with students in the dorm, when we cooked plov, boorsok. Just food and that's it. There were other things, too. Oh, well, I once went to the elections at the Kyrgyz embassy, right around the time of the presidential elections. Well, that's also part of Kyrgyz culture, essentially. Well, with my parents. With relatives. With some of my friends who stayed there. Well, by correspondence.

Russian culture

As for Russian literature, well, I was surrounded by it. Well, I'm more of a person of the Russian mentality, Russian culture. I also read more Russian literature. We grew up in this Russian context: literature, art, cinema, and music. Yes, I read books, and even when I was in Russia, I read my favorite Nabokov, and I went to museums. I had actively interacted with it before, and in Russia too. I think it was hard not to interact with Russian culture.

Language

At home, I speak Russian, and with friends, I speak Russian. Basically, Russian is my first language. Well, sort of a second, but it's considered my working language. I speak Kyrgyz in taxis [laughs]. In Bishkek, when I go to the store, I see Kyrgyz people. For example, I get into a taxi, and if I see a young guy, I say "Zdravstvuyte," and if it's some old man, I always say "Salamatsyzby." With colleagues, I speak Russian and, tantyrap, English. So, it's Russian, a little Kyrgyz, a little English. In Turkey, I spoke Turkish. Well, in Turkey, too, I didn't have any Turkish acquaintances, except for my husband B., but with him, my vocabulary was also limited; I couldn't say everything because I'd forgotten my Turkish. I'm like evet, hayir, tamam, guzel, and at the store too, like meraba, teşekkürler [yes, no, okay, beautiful, hello, thank you] and that's it [laughs]. Well, mostly Russian, almost everywhere, at home, at work, and with friends. I think in Russian, but I occasionally slip in Kyrgyz words, but very rarely. In real life, I say olya" [die] and in my head [laughs]. It's my favourite word. Content is

primarily in Russian, but in different ways. I definitely read in Russian, I usually watch on Netflix or somewhere else in English with subtitles, because I stopped liking dubbing, because it's often not very accurate. Sometimes I watch in Turkish, but rarely, sometimes I catch some stand-up comedy, also with subtitles. I don't watch anything in Kyrgyz at all, only songs. I don't read in Kyrgyz at all, because reading is hard for me. Primarily, Russian for reading, English for watching, and my TikTok content is mostly in English. In terms of content, I have a mix, with a preponderance of Russian, but English is becoming more prevalent.

No, by the way. In Russia, I very, very rarely, almost never used Kyrgyz. Maybe once or twice. Well, I once went to visit relatives and there was an old lady there, well, she doesn't speak Russian, so I spoke to her in Kyrgyz and that's all. By the way, I haven't spoken to taxi drivers at all. One taxi driver, he wanted to introduce himself, he asked, "Are you Kyrgyz?", I said "no" [laughs]. Well, because I know that then it would start with "oh, where are you from, where do you live?" It's just that when you say, "I'm Kyrgyz," it starts with all the friendly chatter, familiarity. He's like, "Can I get to know you?", I'm like, "No," and we drove on in silence [laughs]. I shaved it off. I think if I had said I was Kyrgyz, he wouldn't have gotten rid of me so easily. I don't know, because it's as if we immediately become close somehow.

Part 4. Ethnic identity

Uh, Kyrgyz, yes, yes, Kyrgyz. Well, I'm Kyrgyz by blood and Kyrgyz by citizenship. I mean, I could have another citizenship, like Israel [laughs], and it's possible to become Israeli, so I'll clarify that for now I'm Kyrgyz. Well, I'll be Kyrgyz for the rest of my life, but I'm Kyrgyz for now.

To be Kyrgyz, Kyrgyzness

Well, if one of his parents is Kyrgyz, and if he considers himself Kyrgyz, then he's Kyrgyz, and there's something of Kyrgyz culture in him. I don't know, but he's cooking besh-barmak, rocking archa, and speaking Kyrgyz, then basically he becomes Kyrgyz. Because yes, it's still not enough to feel Kyrgyz; you have to be somehow connected to it by blood and culture. Because there are all sorts of Russians from the hinterlands, from villages, who speak Kyrgyz perfectly and have lived in Kyrgyzstan their whole lives, and are immersed in this culture, but at the same time they are still ethnic Russians. You can't call him Kyrgyz because he's Russian. I can see that he's Russian [laughs], that's it. So, for me, he's Kyrgyz, but not Kyrgyz.

I think it's really hard [being Kyrgyz in Russia]. It's really hard because there's such a biased attitude towards everyone, like you have to... I mean, even I felt like I had to be a little better at all times, have to keep myself within bounds, cross the road when the light is green, God forbid. Because if I make a mistake, they'll say it wasn't me who made the mistake, but some Kyrgyz woman who came over made the mistake, taking our jobs, polluting our country. I felt within bounds. I don't know how others feel. But I think they also feel very constrained because our migrants, in general, are very modest. Here in Kyrgyzstan, people are very lax, they can

throw things on the road, they treat their home like some kind of outhouse, but in Russia, everyone walked a tightrope, I think. Because in Russia, they're strict about that: at the slightest provocation, there's deportation, a fine of some kind. And yes, yes, there's a preconceived notion that you're bound by certain boundaries—legal ones, the perceptions of others, and financial ones. Because everyone goes there [to work], including me, and everyone lives there, five people to a room at best. I think it's very uncomfortable to be a Kyrgyz in Russia, in Moscow, but at the same time, I think we're treated better than Tajiks or Uzbeks. I've often heard Russians say that Kyrgyz speak better Russian, are more respectable, and are better educated.

Elements of identity

Are they important in the sense that I observe them, or are they important in general? Well, the cuisine is probably important to me, but I don't cook Kyrgyz food myself; I cook more European food. For me, it's probably not the Kyrgyzness that's important, but the Kyrgyzness, God forgive me. Well, these attributes of a country, a state, this independence, having its own language, preserving it, preserving the borders—those kinds of things. In terms of culture, I'm not particularly afraid of losing it; I don't observe much, that is, I don't even cook anything, I don't know the language well, I don't know the traditions, and what else. For me, being Kyrgyz is primarily about the language, the cuisine, and the traditions, but again, I don't observe them, but at the same time, I still feel Kyrgyz, even if I speak another language, and perhaps it's more important for me to feel Kyrgyz, so that everything I listed is preserved. It shouldn't be some kind of autonomous region, a federal republic, part of Russia, like Tatarstan. I began to appreciate this deeply when I moved to Russia. I saw how republics like Tatarstan, Bashkortostan, Sakha, Yakutia, and Buryatia were treated there—how poorly they treated them. I really began to appreciate that, even though we're poor and still partially dependent on Russia economically and in other ways, we're still considered a separate country. These aspects are really important to me.

Identity and others

Well, it's not like I just walk into a room and say, "Hi everyone, I'm Kyrgyz," but I do try to speak. Especially on our team, everyone is Ukrainian, and it's starting to irritate me a little because they're Ukrainian [laughs, joking]. I mean, I always try not to assume their identity, their ethnicity, because they're already invading my space with their identity. We're on calls, and they might switch to Ukrainian at some point, unintentionally, but I don't understand it. I understand a little, but I don't understand it completely, and it seems as disrespectful to me as if I were to speak Kyrgyz to my clients. I don't do that, although I could. This is considering that I understand a little Ukrainian, and they don't understand Kyrgyz at all. That's why now I talk about Kyrgyzstan whenever I have the opportunity, like, "Well, here we are," I enjoy talking about our traditions, like, "We do things like this and that." Sometimes it's in the form of horror stories like, "Did you know that we have bride kidnappings?" and a lot of things like that. "Did you know that we distribute pieces of meat according to status," and everyone's like, "Aaaah," shocked [laughs]. I've done this with former Russian colleagues, too; they're all so wrapped up in themselves and don't know that there are other countries and other

traditions, and I'm like, "You know, the world isn't black and white and it's not just Russia-centric." So yeah, I try to talk about us, about the Kyrgyz.

The influence of identity

I think it's a very important part of my identity, just like my gender and sex are important to me, and perhaps the third most important thing is my [ethnic] identity. Well, yes, like my sex and gender, it also shaped my perception of the third-world, third-country complex, the idea that I might not know something. People in Russia are more educated, but I don't know something, I don't know what a delivery club is, I don't know what cashback is. Oh, my God, I came from a residential area, straight from the boat to a ball, and straight to graduate school (laughs). It was a very abrupt shift; I wasn't prepared. Yes, I have some kind of complex. It even manifests itself with my colleagues, the fact that I can be afraid. We have clients, we had a client from Russia, a Russian media outlet, and I was like, "Oh my God, I'm a consultant, I'm teaching them something, they're a cool media outlet, they have cool media managers, and I'm this newcomer, a Kyrgyz woman from Ak-Ordo." Or some Belarusian media outlet, "Oh my God, how scary." Yeah, I think I'm worse.

Well, in terms of romantic interactions, it certainly affects them. I'm still an Eastern woman, so I'm used to the idea that "a man should." I still have this feeling inside that "a man should court, a man should provide for the family, this and that," but at the same time, I'm terribly annoyed by the typical Eastern, Asian upbringing of men, when he's like, "You're not going to the club because I told you to." That kind of rudeness, masculinity, it infuriates me, but at the same time, I enjoy some of the courtship, like I'm a princess, like they say on TikTok, getting princess treatment. That also partially influences it.

It affects my interactions with people, in the sense that if someone is older than me, I'll treat them with deference, respect, and address them formally, and feel a thrill of, "Oh, he's older than me." For example, I'm a little shy around our boss, Ya., he's maybe 40-45 years old, and I'm like, "Ah, I'm shy," and he still wears a suit. There's something about being older than me. Yes, in general, yes, it affects my perception of the world from the point of view that we are a poor country, and this is again about a poor mindset that affects your whole life. You're not exactly welcome everywhere, you have to gather a ton of documents for a visa, you're like a third-class citizen, in that sense. Well, yes, it's as if you feel inferior to, say, Europeans. Worse, stupider, poorer, uglier. I'm Asian, I always wanted white skin, big eyes, maybe light hair, but I was born Kyrgyz, a Kapkarashka [laughs].

Migration experience and identity

I think yes, it definitely had an impact, because I felt less Kyrgyz and less of a Bishkek resident. I mean, I didn't feel completely Kyrgyz even before, specifically in terms of culture. It's clear from my bloodline—my parents are Kyrgyz—that hasn't changed anything, but as a part of Kyrgyz society, yes, I was distant even then, but I was immersed in it, I tolerated it, and now I've become even more distant from it; I can't stand it anymore. I used to call my relatives, because, well, yes, I have to, I'm the eldest daughter, but now I don't. If I don't like something,

I don't do it. When I came to Bishkek, I realized that I'd changed internally overall, or maybe I've just grown up. But it's like some kind of internal shift happened, that I've become even more distant from that whole crowd. When I look at all this, it seems so distant and not mine. Back then, I was forced to live with everything, but now I've realized I don't have to live with it at all. If I don't like something, I just don't do it, and that's it.

Part 5. Future plans

In the long term, I want to leave Kyrgyzstan, and I don't see myself in Kyrgyzstan because it's such a temporary return. I definitely don't want to live here. I'm more or less comfortable right now because I don't go anywhere, I don't interact with people—that is, I keep things to a minimum. I find this isolation uncomfortable because I still need to interact with the city, with the space I live in, but when I go out, my mood gets worse. This city doesn't inspire me at all. I want to walk through beautiful places, go to interesting places, but here it's either national cuisine, some teahouse, or something in the Baroque style, I don't know, GPS or... well, well, you know, everything seems so flat to me. I'll definitely be here until January because I need to get vaccinated [laughs]. Oh, and plus, a colleague told me that they might help me with my relocation next year. Then again, I don't know if I'll still be working there. It'll be much easier for me to move to Europe there, and I'm generally more mobile. That's why I'm not applying to Almaty, even though it's much nicer there, but it's still part of the CIS, and I don't want to live in the CIS. Yes, it's cleaner and nicer there, but it's really the same as Bishkek, just a little bigger, richer, and it's the same story there. That's why I want to move to Europe, but then again, I'm open to Israel [laughs]. I even liked Turkey better, I even looked at it, but they didn't give me a residence permit there.

Yes, yes, that's what I thought before the war. I had plans for Russia; I thought I'd build a career here, start a family here. I even thought about citizenship, but it was such a long process, going to Sakharovo, all that crap. I just didn't do it because I was too lazy. If it had been easy, I would have gotten it in 2019, when I graduated from university. But I had hopes for Russia: that I'd stay, that I'd become a specialist, get married, this and that. When the war came, all my hopes were dashed. I'm such a hopeless person now (laughs). You know, when I lived in Russia, I seemed more inspired, as if I had some kind of goal, that at some point I'd be earning 100,000 (!) rubles, and back then I was earning 70,000, I begged for it, but even 100,000 is not enough for Moscow. I thought I'd earn 300,000 a month, save up for a mortgage, get a mortgage, get married, and get citizenship. It was a very distant goal because it was hard to achieve. Well, it seemed like a long, hard slog, and when it all fell apart, there was no hope, no plans. Now, I've started earning more, I'm really advancing in my career, I can clearly see that there's a real path. Back then, the path wasn't quite clear; there was a goal, but there wasn't a path, but now I see that the path is built through work, that I can grow, grow, grow, grow, that they'll help me relocate, raise my salary—that is, it's become more realistic. I can save up money and get a mortgage in Bishkek because I've started earning more, but at the same time, that's stopped being my north star; a new plan has replaced the old one, but that was a plan, it was as if it had been nurtured, God forgive me. It was all so lofty, or something. And then

everything went wrong, it all came crashing down, and a new one appeared, not even a dream, but simply a goal. It's pragmatic, but it doesn't exactly energize. Well, okay, fine, I'll go to Europe, to some simpler countries there, like the Czech Republic, Hungary, where it's cheaper to settle down. I mean, it doesn't really excite me, it's just a rational plan. But it's not like, "Wow, I want this so much, I'm so inspired by this idea."

I don't know. Incidentally, this goal probably emerged when I was 24, and now I'm 30, so I was much younger. I literally moved from my parents' house and immediately found myself in this city; I was psychologically 20, 18 years old then. It was like the American dream of "coming to Moscow and conquering it." It was all so shiny, rosy, perhaps even childish. I carried this dream, this goal, this plan inside me for a very long time. It was attractive in the eye. It was with me all this time, and then it all fell apart, and I had to adapt very quickly. I quickly found a job, abruptly left Russia, abruptly came here. All these decisions were essentially made quickly. How I left Russia happened: I started working in late July or early August, and we started discussing my departure in September because they were saying, "You're stuck in Russia, it's not okay." I was also like, "It's not okay," and within a month or two, I decided that's it, I'm leaving. Then in Turkey, when I was given a residence permit, I had to leave within 10 days. Things were changing very quickly, too, and I had to adapt to the circumstances. This plan with Europe wasn't mine, it was my manager's. He asked me what I wanted, and I said that long-term, I wanted to go to Europe. Everyone wants to go to Europe, or to Europe, or to America. I don't like America, so I chose Europe. I don't know, it's just possible that it's not even my dream, but someone else's, but that's just the way it is. He said, "Well, come on, we have the resources, we can help with a visa, a humanitarian one." And, perhaps, this is a new idea, which is why I haven't yet lived with it properly. I haven't made it my own, because it's someone else's, and because it's very rational. It came from a purely calculated perspective, and that idea was very romantic, but it's not a SMART goal to conquer Moscow. It's not measurable, it has no KPIs, it has no deadlines. But this goal, it's very much built on the SMART system; it's measurable, it's achievable. It's clear that next year I'll be leaving for Europe. Well, I guess goals like that don't energize you. You need to have north stars to strive for. And right now, I don't have one. But it's sad, because a part of me has fallen away. I've simply become this corporate person who keeps a spreadsheet in Notion (laughs), because I'm dead inside, there's no fire inside me, only projects and spreadsheets and priorities: low, medium, and high. I don't know, I became a boring person because life became boring, something disappeared from it and that's it.

In the context of migration and Russia, you know, I have this very strange feeling. In the context of war, Russia, and the loss of their homeland. These Ukrainians who are suffering—they understand everything; they have the right to suffer. Even a friend of mine here says, "I can't go back to Ukraine because my house is being bombed." Russians say, "I can't go back to Moscow because they'll draft me to the front." His pain is understandable, the pain of Russians is understandable—they wander here and there, and they feel like strangers everywhere. But, you see, I feel the same pain as Russians, which means I shouldn't feel it. I have Kyrgyzstan,

a Kyrgyz passport, but at the same time, I feel so bad that I left Moscow. I really miss Moscow. Because I had hopes for it, and I was always, as they say, “oruschalysh,” with a Russian upbringing. I left and I don’t know where to go I felt bad in Kyrgyzstan, and in Turkey I felt... well, when you arrive in a country and the climate is very good, the people are open, the food is delicious and everything is great, but at the same time, I don’t feel comfortable, I just walk around and feel fine. In Moscow, I also felt uncomfortable because of the documents, people’s attitudes, but I had my own relationship with the city, I don’t know, maybe because it’s beautiful, big, a megalopolis. There, anyway, it feels more comfortable in terms of everyday life. It seems more expensive there, but I’ve become better off in Moscow. The problem with minibuses and dirty, potholed roads has disappeared. In that sense, it’s become more comfortable. And now I don’t know where to go, so even the thought of Europe doesn’t excite me, because what if I go there? I’ll just keep missing Moscow, all those bars and cafes, and Kitay-gorod, and Pokrovka. It’s like, as they say, “arman” [melancholy]. I want to go so much, but I still won’t go. I have a feeling I won’t be going there anymore; I don’t know why. Well, because of the war. The war simply destroyed everything. It was a city I loved. I’d like to go back to Moscow in ‘19, ‘21, but even if the war ends, I don’t know, the sanctions will still remain, the same evil Russians will still be there. I don’t know how many years will have to pass. It’s as if she’s tainted herself, that she won’t be able to wash herself clean for a long time, and if I go, I’ll be tainted too. That’s why I have a sad feeling that I won’t be able to go there. It’s like with childhood: I loved going to the village to see my secret little sister, because it was a different experience, but when I went to see them now, that place is no longer there, well, the house is still there, the trees, the benches – everything is the same, but I’m different now. So much time has passed, I’ve grown up. And it’s the same with Moscow, as if there’s no turning back. I considered it my homeland. I feel uncomfortable associating myself with the Russians. It’s their pain, after all, and what about me? I’m fine, I have a passport, citizenship, I’m not under sanctions like they are. As if I have no right to complain about the war because it didn’t affect me, although it did, there you go.

--- End of the interview ---

Appendix 10. Interview Transcript 3

Respondent: Participant 3

Interview conducted: 06 August 2023

Time: 1:02 min

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Давайте начнем с решения. [после учебы] к тому времени в Бишкеке было уже 5 лет с того, что я приняла решение уехать не для того, чтобы попутешествовать или просто съездить, а именно чтобы был у меня опыт жизни за рубежом. Я работала 5 лет в информагентстве в Бишкеке, и у меня было чувство выгорания. На тот момент было уже 2 года, как я окончила бакалавр, потом у меня были поиски себя, еще было давление, что нужно получить магистратуру обязательно, знаете, родительское. Честно говоря, я уже на тот момент училась на магистратуре в Бишкеке. Я поступила в университет, но я туда поступила на политологию. И там была такая система экспериментальная, полное дистанционное обучение. Мне это не очень интересно было, потому что было госуправление, а я никогда не работала госслужащей и всегда была журналистом. Я понимала, что это не совсем мое и хотелось что-то, что будет интересно изучать. И еще была потребность, что мне нужно где-то пожить за рубежом, потому что выгорание на работе, отношения в семье повлияли на это. Ну вообще в каждой семье это отдельная история, но просто в моем случае это было так, что достаточно токсичная атмосфера сложилась у меня дома, вот, и я решила просто поискать какие-то программы. Я подумала, что учеба это будет очень мягкий способ эмиграции, потому что ты за рубежом не какой-нибудь там, ну не трудовой мигрант, а студент, и, мне кажется, статус студента намного облегчает переезд.

Я подавала на очень многие программы. С начала 20 года я подавалась на разные программы. Тогда еще непонятно было, будет пандемия или нет. Тогда только новости появлялись, что коронавирус идет по миру и пока еще не дошел до нас. Вот. Я подавалась в Турцию, Венгрию тоже, была вот эта программа прекрасная [улыбается], и был проект Россотрудничества, но я туда не успела, и была отдельная программа в мой университет. Мои многие знакомые похвалили этот университет, и я отдельно подалась туда. Получается, потом в марте началась пандемия, все закрылось, и у меня было и так состояние выгоревшее, и пандемия очень сильно сказалась на всех моих сферах жизни. Я на работе просто там, ну вы понимаете да, там просто такое напряженное состояние у всех, еще и мы работали там, знаете, дежурили. Я только месяц смогла поработать из дома, потому что мне не очень подходит онлайн-работа. Я сделала такой вывод после того, как пандемия началась, и несколько раз я сидела дома работала и понимала, что

это вообще не мое. Есть люди, которые классно из дома онлайн работают, супер, но я не тот человек, как оказалось. Я заболела коронавирусом, естественно, летом. Такое вот было состояние, разочарование, наверное, просто на фоне стресса все обострилось. Я достаточно тяжело пережила коронавирус. И на фоне всем этом тоже и семья тоже, и дома тоже сложилась очень негативная атмосфера и в апреле мне приходит ответа из университета. Получается, на тот момент должен был прийти ответ хотя бы первого этапа от Турции, куда я подавалась, от Венгрии тоже, куда я тоже подавалась, но из-за пандемии, я не знаю как у вас было, но я не получала ответа. Видимо они просто переносили, потому что непонятно было что происходит. Они все видимо тоже закрывались и растягивалось. И первый ответ, который я получила, был ответ из университета в Москве. И я как только получила ответ, я недельку подумала и все, начала процесс подачи. Видимо вообще отчаялась, что я решила все, ответ есть, значит все, я согласна [смеется]. Ну и как бы, я как-то, знаете, не рассчитывала, что я вообще смогу в Венгрии учиться, в Турции. Вот это вот, когда ты не уверен в себе, тоже сказало. Ответ пришел, и я уже была так рада, так счастлива, что такая все, согласна. Боже, такая долгая предыстория, извините пожалуйста [смеется].

Все, я получается летом я подала все документы. Я уже отбросила все свои другие варианты, я уже согласилась, а в сентябре я должна была начать обучение, и я была вынуждена учиться онлайн, потому что не было билетов, вообще. Я хочу просто отметить, чтобы вы понимали, когда я говорила своему работодателю, что я уезжаю, имейте в виду, и всем, с кем я разговаривала, я говорила “как только я отучусь 2 года, я вернусь обязательно в Кыргызстан”, и я слышала такие ответы “ой, ты уезжаешь, ну значит ты там останешься”. А я их твердо убеждала “нет, я вернусь”. Просто я всегда была таким человеком, ну, наверное, очень вульгарно звучит, патриот. Ну я всегда была таким человеком, который очень любит свою страну. Ну я бы не хотела это называть патриотом, потому что это слово сейчас слишком обесценено, вот. Или я видимо себя убеждала, что я вернусь. Потом случились октябрьские события, а я работала в информагентстве, получается, я была везде, где можно было, я там и была. В том же самом Достуке, где были мародеры, когда избрали Жапарова [президентом], там же я была в мэрии, которую захватили, то есть мы во время октябрьских событий суточно работали. Я думаю, что эти события тоже как-то сказались на том, что я временно пока не хочу возвращаться. Потом в январе я приехала [в Москву], с горем пополам, купила втридорога билеты. Такая вот предыстория. Простите, если очень долго и подробно [смеется].

Если честно, мне было очень плохо [в Москве], потому что я приехала в январе и просто до апреля не было солнца. Это просто, наверное, первый шок, который испытывает человек, который приезжает из солнечной страны в Москву, когда просто 3 или 4 месяца нет солнца. Это ужасно, и я была метеозависимой. Первые полгода, они прошли в какой-то хандре. И если бы не девочки, с которыми я подружилась, тоже кто-то из Казахстана, кто-то из Кыргызстана, они тоже приезжие и тоже в общежитии жили, и вот если бы не они, я не знаю как бы я, наверное, пережила этот период адаптации, потому что он реально был очень сложный. Ну то есть мы всегда старались выходить и там, выезжать

в город. Ну я жила в Одинцово, у меня общежитие тоже в залупе, но несмотря на то, что очень долго ехать до Москвы, ну вы понимаете, что этот как Кант и Бишкек, даже при этом я пыталась выходить гулять чаще, даже в мороз, ходить в музей, театр. Мне нужно было это, чтобы не оставаться наедине с собой, и в общежитии, в этом мрачном сером городе.

Параллельно я искала работу, потому что понимала, что в Москве...ну мои сбережений на первое время может хватит, но, чтобы потом как-то жить, мне нужно уже сейчас искать что-то, и первое время я так и жила. Я нашла работу в мае. Я приехала в январе и начала работать в мае. Опять же, первый год был в целом очень тяжелым. Я нашла работу, но это работа была онлайн. Во-первых, в целом мне не нравится онлайн-работа, во-вторых, стресс после переезда. И еще знаете, когда ты переезжаешь...ну я достаточно неуверенный в себе человек, хотя другим людям кажется, что это не так. Мне очень важно, чтобы мне говорили, когда у меня что-то получается, да. Когда у тебя онлайн-работа, и ты не видишь своих коллег, и ты понимаешь, ты правильно все делаешь или неправильно делаешь. И тем более это новая страна. Может быть, я в своей стране там делаю что-то, и я не понимаю что происходит, правильно ли я делаю. Это сильно сказалось на моем состоянии. Получается, первый год был тоже тяжелый из-за этого. У меня все время была тревога. И еще я все время читала тексты про эмиграцию, и мне очень понравилась цитата, что любая эмиграция – это потеря, а потерю надо отгоревать, вот. И я думаю, что до сих пор это горевание я испытываю. Одно дело, когда ты переезжаешь, когда тебе 18, и у тебя остаются да, друзья, школьные, которые тоже разъехались, а другое дело, когда уже фундамент твоих связей образовался, а потом ты покидаешь, ты оставляешь этот фундамент и начинаешь все с нуля. В этом плане ты видишь в соцсетях и даже без соцсетей ты понимаешь, что жизнь, которую ты оставил, она продолжает жить, но без тебя, а ты здесь, у тебя здесь ничего нет, ни родственников, ни друзей, надо заново со всеми знакомиться, заново выстраивать связи, отношения. В этом плане было тяжело переезжать. Все-таки я человек коммуникаций и мне очень важно взаимодействовать с людьми. Я не тот человек, который может переехать и жить отдельно от всех и не взаимодействовать с другими. Мне важно быть интегрированной. Наверное, вот так правильно. В этом плане мне было достаточно тяжело первый год, да. Но там еще были какие-то панические атаки, сопровождалось нервными срывами. Хотя в общежитии у тебя даже нет такого пространства, чтобы побыть наедине с собой, но даже при этом, когда это происходило, я понимала, что у меня очень тяжело.

Часть 2. Межэтнические отношения

Кыргызская этническая группа

На самом деле, когда я только приехала, мне написала девушка, которая работала тогда собкором кыргызского Азаттыка [Радио Свобода] в Москве. Она через кого-то узнала мой инстаграм, написала мне, что вот есть такой-то проект, диаспора кыргызская издает журнал, может быть, вы слышали, есть какой-то диаспоральный журнал про успешных

кыргызстанцев, которые переехали в Россию и делают тут бизнес. Она говорит, вот, надо взять интервью у людей, там очень много людей, надо просто помочь их взять и расшифровать. Ладно, я согласна. Я подумала, что это классно, потому что, когда только приезжаешь, ты пытаешься найти связь со своими. Новое место и хочется, знаете, своих людей видеть рядом. Я согласилась, и это был классный опыт, потому что я поговорила с людьми, которые переехали очень давно. Там была женщина, которая меня очень сильно вдохновила, про которую еще писал материал ЮНЕСКО курьер, у нее просто замечательный опыт, который просто восхищает. Она приехала с дочерью маленькой, еще 13–14 лет назад, после развода, там ее муж избивал, после семейного насилия, она от этого мужа уехала, забрала дочь и приехала сюда. Она из Оша была. Женщина с высшим образованием. У нее экономическое образование, и она мыла полы первое время. Она работала консьержкой, у нее был маленький ребенок, и она брала ребенка на работу и занималась всей этой черной работой. И вот прошло 10 лет, и она достаточно успешна. Она купила себе квартиру, у нее бизнес есть, она открыла кыргызский кинотеатр в Москве. Вот это вот знакомство с нашей диаспорой, оно на мне очень сильно сказалось. Мне кажется, это был очень классный старт для меня.

Ну конечно я не поддерживаю с ними связь. Ну как бы я с ними поговорила и поговорила, но все равно то, что я с ними поговорила, и они рассказали о своем опыте, для меня это было очень здорово. Что касается сейчас, общаюсь ли я с кем-то, у меня есть подруга, мы с ней в Бишкеке учились, потом она тоже переехала сюда, и мы с ней тоже поддерживаем связь. Еще, например, я помню в первое время я ходила на всякие мероприятия. Когда Нооруз праздновала диаспора, я просто брала подругу “пойдем, сходим, посмотрим концерт”. Там, конечно, была такая самодеятельность, но это было очень здорово, прикольно. Я очень люблю Нооруз, и, если его будут праздновать, я никогда такое не пропускаю.

Еще я ходила на “Шайыр апалар” в Москве. Это вот видите такая тяга, наверное. Хотя я вот в Бишкеке никогда в жизни бы на этот “Шайыр апалар” не пошла, а сюда, приехала в Москву, и я была так счастлива сходить на этот концерт. Там еще участвовала мама моей подруги, с которой мы учились в школе, в начальных классах, и мы с ней как-то нашли друг друга, и она меня позвала на этот концерт. Я тоже не разбиралась в этом, потом поняла, что это такое. Дело в том, что есть женщины старшего возраста, они в Бишкеке тоже так, они из разных регионов эти женщины, они ставят концерт и соревнуются друг с другом. Например, “Шайыр апалар” из Нарынской области и из Чуйской области. И у них такой творческий концерт, типа КВН. Вы понимаете, там даже есть чемпионат в Кыргызстане по “Шайыр апалар”. В финал там выходят апалар из разных областей, и победитель получает звание чемпиона года, что-то такое. Диаспора наша, оказывается тоже проводит такие мероприятия. То есть там же тоже есть представители разных регионов. Я была очень счастлива. Это еще было на день независимости, они готовили такой концерт, и я ходила на него.

Кроме вот таких моментов, я, честно говоря, не очень, к сожалению, часто взаимодействую с нашими соотечественниками. С кыргызами, которые здесь...знаете, это очень сложный вопрос. Просто те люди, с которыми я взаимодействую, просто мне кажется, мы в разных...ну хотя, ну не знаю. Я просто пытаюсь вспомнить моменты, когда я взаимодействую с кыргызами. Потому что тут везде русские и понятно, как я с ними взаимодействую, а с соотечественниками я редко. Есть моменты, когда я хожу к своим друзьям, на вот эти концерты, как-то так. Ну, наверное, ну еще видите, я могла бы сказать. Но вообще очень сложный вопрос. Именно контекст взаимодействия с кыргызами здесь, он немножко отличается от того, как я взаимодействую с русскими, с местными людьми, потому что мы в разных сферах взаимодействуем. С русскими я взаимодействую на работе, на учебе, а с моими соотечественниками только если на концертах или на каких-то сборищах диаспор. Только так. Ну и конечно...ну если, я не знаю, считается это или нет, у нас, например, есть уборщица из Кыргызстана, и я с ней взаимодействую.

Русская этническая группа

Ну, я работаю в русскоязычном издании и все мои коллеги — это русские. Мои друзья русские. Ну...не знаю...с русскими? Ну ничего, наверное, особенного. Ну...допустим. Ну, знаете, с одной стороны, у меня в Бишкеке тоже были русские друзья, но, когда я сюда приехала, я как будто больше узнала об их культуре что ли. Вот. Для них, конечно, все, что происходит со мной, все новое, потому что, наверное, они никогда не взаимодействовали с кыргызом, как, например, со мной взаимодействуют.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Слушаете, я раздаю всем куруты [смеется]. Я надеюсь, что это тоже связь с кыргызской культурой. Я еще дарю всякие, знаете, привожу, если кто-то приезжает из друзей или родственников, привозят гостинцы, я всегда угощаю. Дарю всякие кыргызские национальные [вещи]. Недавно у моей подруги был день рождения, и я подарила шапочку с перьями. Я сама была бы рада, если бы мне такое подарили [смеется]. Что еще? Ну вообще, наверное, именно здесь...кстати вот про культуру и самоидентификацию если говорить, просто я хочу сказать, что, когда я жила в Бишкеке, я выросла в городе, хотя мои родители, они вообще выросли в селе. Они переехали, когда нужно было поступать в универ. Я выросла в городе, но не сказать, что я супер-пупер городская, потому что я выросла в жилмассиве, а там тоже очень кыргызоязычная среда. Но тем не менее я всегда себя чувствовала очень городским человеком что ли. То есть, когда я встречалась с родственниками, я понимала, что мы немножко о разном. У нас какие-то были разные интересы. Наверное, просто круг тоже влияет на нас. Я не была своей среди своих родственников, которые тоже жили в Бишкеке. Я почему-то

чувствовала себя какой-то такой другой что ли. Слишком городской, хотя я жила в жилмассиве.

Но когда я переехала сюда, я поняла, насколько я все-таки восточный человек, хотя несмотря на то, что я вся такая городская в Бишкеке. Ну вот говорят же у нас “как русский”, “орустардай”, в Кыргызстане говорят, а здесь я поняла, что я не как русская, все-таки я очень восточная.

Кыргызские традиции

Ну...кстати, опять же. Я когда переехала, стала очень суеверной в этом плане [смеется]. У меня, например, есть коз мончок. Мне подруга привезла из Якутии, хотя она русская. Ну вот я ношу этот коз мончок, потому что мне кажется, что он оберегает. С годами я становлюсь более суеверной. Я всегда отмечаю Нооруз, это мой любимый праздник из всех праздников. Какие еще традиции есть? У меня еще есть арча [смеется]. Так, что еще? Вообще в общезнании я не зажигала, потому что срабатывали вот эти [детекторы], но здесь, в квартире, я зажигаю. У меня есть магазин на Белорусской, кыргызских товаров, я там купила. Ну какие еще у нас есть традиции? Кстати, вот, знаете, честно вам признаюсь, я ем свинину. Не потому, что я сюда переехала и начала есть свинину, а просто у меня, например, в семье мы ели сало. Свинину не покупали, но ели сало иногда не каждый день, а просто иногда папа приносил. Многие, например, это воспринимают, ну возможно воспримут, что я переехала и забываю, что мы не едим сало, но нет, на самом деле, я просто приехала и не замечала даже. Во-первых, я переехала, покупала пельмени и просто ела их, а потом выяснилось, что там есть свинина. Ну и во всех абсолютно мясных продуктах есть свинина. А потом я проанализировала и подумала: если я в Бишкеке ела сало, почему я не должна здесь есть свинину и отказываться. Я вообще не фанат свинины, но если ставят на стол и угощают, то я не отказываюсь. Но вот у меня есть подруга, у нее религиозная семья, и она ест только халяльную продукцию. Ей очень тяжело с этим в Москве, потому что очень редко где найдешь халяльную еду, что удивительно. Казалось бы, очень много мусульман проживает в Москве, но очень сложно найти халяльную еду.

Отношения с родственниками

С родственниками скорее нет, чем да, потому что я и в Бишкеке не была человеком, который был близок к своим родственникам. Но я хочу сказать, что, когда я переехала сюда, мне стало очень важно знать, что они у меня есть. Да, я не тот человек, который каждый день общается с родственниками и поздравляет их на праздники, но, когда я переехала сюда, я поняла, как все-таки важно иметь родственников, понимать, что они у меня есть. Мне кажется, это такое личное и лишнее, но просто приведу на примере. Допустим, в семье так сложилось, что мы лучше общались с родственниками мамы чем папы. Я, например смотрела и поняла, что не бывает плохих родственников, они просто есть, и мы должны принять их такими, какие они есть. Что касается друзей, я

поддерживаю связь. В этом плане тоже было достаточно тяжело уезжать. Когда очень много друзей, они все классные, и ты вынужден просто отрывать силой себя от них, это достаточно грустно.

Русская культура

Слушаете, я очень открытый человек. Я уже во всех храмах, мне кажется, побывала [смеется]. Ну, потому что это реально интересно. Не потому, что это русская культура и я типа фанатка, нет, потому что мне это реально интересно. Я даже была на Пасхе. У меня там соседка моя в общаге, мы дружим до сих пор, хотя не живем в общежитии, и вот она позвала меня на богослужение. Там была ночь что ли. Ночью они идут и делают круг по храму. Это было что-то новенькое и прикольное – видеть, как люди приходят, молятся. И в любом случае я не хочу оскорбить кого-то, обесценить. Мне просто интересно.

Язык

Ой, это сложно. Это даже не сложно, это легко на этот вопрос ответить, потому что на русском. Я с семьей общаюсь на кыргызском. Ну как на кыргызском, ну я стараюсь общаться с родителями на кыргызском, потому что, во-первых, они у меня кыргызоязычное. А еще, знаете, я очень благодарна родителям, потому что они отдали меня в русскоязычный детский сад, они отдали меня в русскоязычную школу, потом универ русскоязычный, но при этом они всегда говорили о том, что нужно знать кыргызский язык, что нужно говорить на нем, поэтому мы дома всегда говорили на кыргызском языке. То есть они всегда говорили на кыргызском языке, и мы тоже старались с ними разговаривать. Ну может сейчас, в связи с тем, что я переехала, я очень мало слышу кыргызские слова, я забываю, но в целом, когда я разговариваю с родителями, я стараюсь писать на русском, потому что могу допускать ошибки и, возможно, расстрою своих родителей, но, когда мы в устной речи разговариваем, я всегда употребляю кыргызский, даже если это мне тяжело дается. В Кыргызстане с этим было намного легче, потому что я работал в информагентстве, и хочешь ты этого, или не хочешь, большая часть населения говорит на кыргызском, и нужно понимать кыргызский, и в этом плане мне было...да, я может быть не знала в совершенстве, не могла писать тексты, но я умела изъясняться, умела задавать вопросы на кыргызском, и в этом плане было легче. Сейчас, к сожалению, этого нет. Сейчас все полностью на русском и порой мы с подругой, которая тоже из Бишкека и вместе учились, мы встречаемся и смотрим кыргызские фильмы, потому что понимаем, что начинаем забывать его. Я, например, всячески стараюсь кыргызский контент находить в виде фильмов, песен, чтобы как-то восполнять то, что его [языка] практически нет в моей жизни.

Часть 4. Этническая идентичность

Этническая идентичность

Ну, я кыргызка. То, что мои родители кыргызка, я кыргызка, я родилась в Кыргызстане, выросла в Кыргызстане. Ну я сформировалась как личность в Кыргызстане. Потому что сколько угодно мы можем говорить о том, как все плохо в Кыргызстане, как все не развито, какая бедная страна и ну как это все мешает развиваться и добиваться чего-то в этом мире, при этом я всегда говорю, что меня сделало, я сделалась такой, какая я есть, потому что я выросла в Кыргызстане, в Бишкеке.

Быть кыргызом в Москве

Ну конечно, в первую очередь, это ассоциация с трудовыми мигрантами. Вот, например, кыргызы, которые здесь живут, они сразу распознают тебя. Но, например, люди, которые никогда не жили в Центральной Азии и не имеют представления, ну знают, что есть вот Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, и впечатления об этих странах у них создаются, потому что они видят трудовых мигрантов, эти люди, конечно, мало что вообще представляют. Они думают, что раз к ним приезжают люди из этих стран, я не говорю все, но чаще всего, это люди из регионов, у них, наверное, не было возможности учить русский в школе, не было возможности получить хорошее образование, и у многих, у некоторых складывается именно такое впечатление о людях, которые приезжают к ним из третьих стран. Например, многие думали, когда я знакоилась с людьми, что я кореянка, или, например, что я из Калмыкии, из Бурятии, из регионов России, которые ближе к Азии. Но те, кто имеет представление о ЦА, они понимают, сразу узнают, что я либо кыргызка, либо казашка.

Элементы идентичности

Ну, наверное, даже тот факт, что я считаю себя кыргызкой, это важно для меня. Мне важно, чтобы люди знали, что я кыргызка и ну...ну, наверное, еще язык, что я стараюсь не забывать его, хотя его сейчас практически в моей жизни нет. Да и моя внешность, наверное, очень кыргызка. Это тоже как-то...ну то есть я...ну вот знаете, я когда-то хотела перекраситься в блонд, когда жила в Бишкеке, попробовать какой-то другой образ. Когда я сюда переехала, я что-то не хочу теперь. Я как будто важно, чтобы они были темные, какие они есть. Наверное, это тоже, проявление кыргызскости.

Влияние идентичности

Ой, честно говоря, я не знаю. Наверное, вот то, что я говорила, что ощущаю очень восточным человеком себя здесь. Наверное, что-то такое. Ну...я не знаю, это чисто кыргызское или это в целом центральноазиатская черта. Например, я могу...я выгляжу очень скромным человеком, кажусь очень скромным. Я думаю, скромность — это такая черта, которая принадлежит людям из Центральной Азии, всем в принципе азиатам. Мне кажется, это вот такая черта пришла из моего происхождения.

Вот есть такие вещи. Ну может быть это не восточность. Я не могу...во-первых, я очень такой человек компанейский, не компанейский, а вот мне важно быть частью общества. Даже то, что я хотела быстрее интегрироваться, это тоже показатель того, что я не могу

быть одна. Ну да, я могу быть одна физически, я живу одна, мне очень хорошо быть одной, но мне хочется быть частью сообщества. Мне кажется, это вот наше восточное, когда мы пытаемся найти своих, вот. Потом...допустим, если возникают какие-то конфликтные ситуации, недавно тоже с подружкой общались, я человек, который всегда отстаивает свое мнение. Оно у меня есть по любому пуку [смеется], но я могу в каких-то моментах промолчать. Мне кажется, это тоже восточная штукавина.

Опыт миграции и идентичность

Ну да, вот как я уже говорила. Кстати, знаете, в Бишкеке я чувствовала себя очень такой вестернизированной. Когда твои родственники тебе говорят “ой бул кыз орус болуп калган шаарда жашап” [ой, эта девочка обрусела, живя в городе], и я переехала сюда и понимаю, что нет, я очень кыргызская. Очень кыргызская, но как бы здесь я очень сильно почувствовала себя кыргызской. Когда ты отрываешься от жизни, к которой ты привык с детства, потом ты выходишь оттуда, попадаешь в новую среду, понимаешь, насколько ты другой и отличаешься. В этом плане...это даже проблема, над которой я рефлексирую и буду думать всю свою жизнь, пока не найду ответ. Я как будто не чувствую себя своей у себя в стране, что я стала не такой, потому что я училась в русскоязычной среде, в русский садик ходила, в универ, то, что я не была своей среди своих родственников. Я приезжаю сюда и тут я тоже не своя, и вот этот вопрос “а где я своя” очень меня беспокоит. В этом плане мне очень нравится ваше исследование, потому что все-таки мне кажется, что для большинства трудовых мигрантов, которые приехали чтобы работать, они могут, наверное, ответить, где их дом, где они свои, это у них дома, в Кыргызстане. А в моем случае, я приехала не для того, чтобы работать, у меня еще в Бишкеке была хорошая работа, че я сюда приперлась, а скорее для того, чтобы искать себя, искать свое место в жизни.

Знаете, я могу такой пример привести. Мои родители, они из Оша, но они не из города, а Ошской области. Мы жили, где только кыргызоязычная среда и, например, нам всегда говорили, что когда узнавали “вы ошские?”, как-то так. Это, конечно, проблема разделения нашей страны на регионы. Очень, мне кажется, большая проблема – нет единства, сплоченности. Даже тот факт, что я всегда чувствовала себя не в своей как будто бы, не на своей территории, потому что я ошская, в глубине моей души оно тоже как-то сказывалось. А потом я не была никогда в Оше. Я была в последний раз где-то в лет 6. Ну вот я уже переехала, достаточно взрослая, переехала в Москву, я сейчас очень хочу попасть в Ош, если честно. Я знаю почему. Как будто я хочу понять, там ли мое место. И я понимаю, что я там тоже буду не своей, потому что я выросла в Бишкеке, потом жила в Москве, естественно мой, наверное, менталитет уже не такой, как у людей, которые живут в Оше. Ну это такой пример. И опять же, когда я говорю своим друзьям, что я из Оша, это очень странно, но они мне говорили, типа “Серьезно? А я думал, ты не ошская”. А почему ты думал, что я не Ошская. У меня что, на лбу должно быть написано, что я ошская или пометка должна быть какая-то как у животных. Как вы распознаете, что кто-то из Оша, кто-то не из Оша, зачем это все. И, наверное, исходя из этого, постоянные поиски себя происходят и корень зрит именно вон там вот.

Часть 5. Планы на будущее

Ну, я, наверное, отвечу так же как и 2-3 года назад своим знакомым, когда они спрашивали “а что после Москвы”, и я им говорила “я вернусь”. Сейчас я в Москве, и я хочу получить все возможности, которые этот город может мне дать, поэтому я пока здесь. Может быть потом будет другой город. Не знаю пока. Я не знаю, я бы очень хотела бы верить, что я вернусь, что вот это чувство дома найдется в Кыргызстане. Ну это физически мой дом, и я бы хотела, чтобы это чувство дома было именно там.

На самом деле да [рассматривала вариант остаться в РФ]. Несмотря на то, что происходит, все негативные моменты, связанные с мигрантами, все-таки это очень большая страна, и это очень многонациональная страна. Люди, которые живут в Москве и люди, которые живут во Владивостоке, это абсолютно разные люди. Люди, которые живут в Дагестане и люди, которые живут где-нибудь в Пензе, это просто небо и земля. В этом плане Россия, она большая и интересная. Не буду лукавить, действительно такие мысли возникали. Если жить в России, то надо жить в Москве, потому что в регионах условия жизни... Я живу в Москве, потому что мне здесь удобно. Ну я, конечно, очень люблю этот город, потому что он красивый, удобный, хороший и большой. Но если ты живешь в Москве, это стресс, постоянный стресс, и я не знаю, на сколько меня хватит. Пока мне классно. Я молодая, мне нравится эта суета, мне нравится стресс (смеется), мне нравится, что он такой большой, столько всего можно узнать. Просто я такой человек: мне очень быстро может что-то наскучить, и в этом плане Москва классный вариант. Но я понимаю, что надолго меня не хватит. Может быть, будет еще какой-то другой город, другая страна, но, конечно, я бы хотела, чтобы в конечном итоге я вернулась домой.

Я прочитала аннотацию к вашему исследованию, и я обратила внимание, что у вас нет, наверное, это просто не цель вашего исследования, но я бы хотела рассказать об этом тоже. Когда меня просят что-то рассказать, я просто обожаю это делать, простите, если я вас задерживаю [смеется]. Я просто хотела обратить внимание на то, что мигранты, которые в России, есть женщины, есть мужчины. Мне кажется, это просто разное. Проблема женщин-мигрантов, она намного шире, намного проблематичнее, чем в целом всех мигрантов, потому что я живу тут третий год, я сделала вывод, что в целом мигранты – уязвимое население, а женщины-мигранты вдвойне уязвимее. Еще одна причина почему я стараюсь не взаимодействовать со своими соотечественниками, честно признаюсь, это будет звучать как ауто-дискриминация, я очень боюсь мужчин-мигрантов. Я в целом, даже когда жила в Бишкеке, я не чувствовала себя в безопасности, когда шла вечером домой. Вы, наверное, понимаете, когда мы проходим мимо мужской толпы, мы себя чувствуем ужасно уязвимыми. И я сделала вывод, что такого чувства не возникает у меня, когда я прохожу толпу мужчин другой национальности. Допустим, где-то русские, где-то кавказцы. Вот это странное ощущение уязвимости я чувствую, когда прохожу мимо наших мигрантов. Я не знаю, наверное, это звучит ужасно из моих уст, как будто я дискриминирую своих же соотечественников, но я исхожу не из своих

стереотипов или из опыта, который я привезла, нет, я исхожу из опыта, который был здесь. Я прохожу мимо наших соотечественников, я их очень люблю и искренне по-человечески им сочувствую, потому что они вынуждены здесь работать, может быть, они не хотели находиться в таких условиях, но опять же я могу услышать о себе нелестные вещи с их стороны, и мне это очень неприятно. То есть они сразу понимают, что я кыргызка. Мы все понимаем, кто кыргыз, а кто не кыргыз [смеется]. В ЦА мы хорошо распознаем. Они как будто этим пользуются. Я замечала, что к девушка другой национальности такого отношения нет, но, видя, что эта девушка их соотечественница, они позволяют к себе такое отношение, и, честно, говоря, мне очень страшно. Я чувствую себя уязвимой, не потому что я в большом городе одна, а потому что понимаю, что могу столкнуться с такими людьми. К сожалению, к сожалению, и такие люди – люди чаще всего из нашей страны. Я иногда рефлексирую и думаю, что мне повезло, я такой привилегированный мигрант, который может себе позволить снимать отдельно квартиру, не взаимодействовать с такими людьми, а есть очень много девушек, женщин, у которых нет выбора, которые не могут сидеть выбирать и которые вынуждены делить жилплощадь, а если ситуация ужасная, то делить комнату с этими людьми, и это очень грустно, как-то так.

--- End of the interview ---

Appendix 11. Transcript Translation 3

Respondent: Participant 3

Interview conducted: 06 August 2023

Time: 1:02 min

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

Let's start with the decision. By then, I'd been in Bishkek for five years, not to travel or just to visit, but to gain experience living abroad. I'd been working for five years at a news agency in Bishkek and was feeling burnt out. By then, I'd already been two years out of my bachelor's degree, then I was searching for myself, and there was also the pressure to get a master's degree, you know, my parents'. Honestly, I was already pursuing a master's degree in Bishkek at that point. I entered university, but I enrolled in political science. And they had this experimental system, completely distance learning. I wasn't particularly interested in it because it was public administration, and I'd never worked in the civil service; I'd always been a journalist. I knew it wasn't really my thing, and I wanted something interesting to study. I also needed to live abroad somewhere, because burnout at work and family relationships had an impact. Well, it's a different story for every family, but in my case, it was a fairly toxic atmosphere at home, so I decided to simply look for some programs. I thought studying would be a very smooth way to emigrate, because you're not just some kind of labour migrant abroad, but a student, and I think being a student makes the transition much easier.

I applied to so many programs. Since the beginning of 2020, I've been applying to different programs. Back then, it wasn't clear whether there would be a pandemic or not. Back then, news was just coming out that the coronavirus was spreading around the world and hadn't reached us yet. So, I applied to Turkey, Hungary too, there was this wonderful program [smiles], and there was a Rossotrudnichestvo project, but I didn't make it, and there was a separate program at my university. Many of my friends praised this university, so I applied there separately. So, then the pandemic started in March, everything closed, and I was already feeling burned out, and the pandemic really affected all areas of my life. I was just at work there, well, you know, everyone was so stressed out there, and we were also working there, you know, on duty. I was only able to work from home for a month because online work isn't really suited for me. I came to this conclusion after the pandemic started, and after working from home several times, I realized it wasn't for me at all. There are people who work online from home really well, it's fantastic, but it turns out I'm not that person. I got coronavirus, of course, in the summer. I was in a state of mind, probably disappointment, but the stress made everything worse. I had a pretty tough time with coronavirus. And with all of this going on, both my family and my home life, a very negative atmosphere developed, and in April, I received a response from the university. It turns out that by then, at least a first-stage response should have arrived from Turkey, where I applied, and from Hungary, where I also applied,

but because of the pandemic—I don't know about you, but I didn't receive a response. Apparently, they were simply postponing it because it was unclear what was going on. They were all apparently closing, too, and the process was being delayed. And the first response I received was from a university in Moscow. And as soon as I received the response, I thought about it for a week and then started the application process. I guess I completely despaired that I'd made up my mind, that I had an answer, so that's it, I agree [laughs]. Well, you know, I somehow didn't expect that I would even be able to study in Hungary or Turkey. That thing about not being confident in yourself also played a role. The answer came, and I was already so happy, so happy that that was it, I agree. God, such a long backstory, I'm so sorry (laughs).

Okay, so I submitted all my documents in the summer. I'd already ruled out all my other options, I'd already accepted, and in September I was supposed to start my studies, and I was forced to study online because there were no tickets at all. I just want to point out, so you understand, when I told my employer I was leaving—keep in mind, and everyone I spoke to—I told them, “As soon as I finish studying for two years, I'll definitely return to Kyrgyzstan,” and I heard responses like, “Oh, you're leaving, so that means you'll stay there.” And I firmly convinced them, “No, I'll come back.” It's just that I've always been that kind of person—well, it probably sounds very vulgar—a patriot. Well, I've always been the kind of person who loves her country very much. Well, I wouldn't want to call it a patriot, because that word is too devalued these days, you know. Or maybe I convinced myself that I'd come back. Then the October events happened, and I was working at a news agency, so I was everywhere I could, and I was there. I was in Dostuk, where the looters were when Japarov was elected [president], and I was also at the mayor's office, which was seized. So, we were working around the clock during the October events. I think those events also had some impact on my temporary reluctance to return. Then in January, I came [to Moscow], with great difficulty, and bought tickets at exorbitant prices. That's the backstory. Sorry if it's too long and detailed [laughs].

To be honest, I felt really bad [in Moscow] because I arrived in January and there was no sun until April. It's probably the first shock a person experiences when coming from a sunny country to Moscow, when there's no sun for three or four months. It's terrible, and I was sensitive to the weather. The first six months were spent in a kind of melancholy. And if it weren't for the girls, I made friends with, some from Kazakhstan, some from Kyrgyzstan, they were also newcomers and also lived in the dorms, and if it weren't for them, I don't know how I would have survived that adaptation period, because it was truly very difficult. Well, I mean, we always tried to get out there, go out into the city. Well, I lived in Odintsovo, and my dorm was also pretty crappy, but despite the fact that it was a really long drive to Moscow—you know, like Kant and Bishkek—I still tried to go out more often, even in the cold, to go to museums and the theater. I needed it so I wouldn't be alone in the dorm, in that gloomy, gray city.

At the same time, I was looking for a job because I understood that in Moscow... well, my savings might be enough for now, but to live somehow later, I needed to start looking for something now, and that's how I lived for the first time. I found a job in May. I arrived in January and started working in May. Again, the first year was generally very difficult. I found

a job, but it was online. Firstly, I don't like online work in general, and secondly, there was the stress of moving. And you know, when you move... well, I'm quite an insecure person, although other people think I am. It's really important to me to be told when I'm doing something well, yes. When you work online and you don't see your colleagues, and you understand whether you're doing everything right or wrong. And especially since this is a new country. Maybe I'm doing something in my own country and I don't understand what's going on, whether I'm doing it right. This really affected me. So, the first year was also difficult because of this. I was constantly anxious. And I was constantly reading texts about emigration, and I really liked the quote that any emigration is a loss, and you have to grieve for that loss. And I think I still feel that grief. It's one thing when you move when you're 18 and you leave behind friends, school friends, who have also moved away, but it's quite another when you've already built a foundation of connections, and then you leave, you leave that foundation and start from scratch. In this regard, you see on social media, and even without social media, you understand that the life you left behind continues to live on, but without you, and here you are, with nothing here, no relatives, no friends, you have to get to know everyone again, build connections and relationships all over again. In this regard, moving was difficult. After all, I'm a communicator, and interacting with people is very important to me. I'm not the type of person who can move out and live separately from everyone and not interact with others. It's important to me to be integrated. I guess that's the right way to do it. In that regard, the first year was pretty tough for me, yes. But there were also some panic attacks, accompanied by nervous breakdowns. Although in the dorm you don't even have the space to be alone, even when that happened, I knew I was going through a really tough time.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

Actually, when I first arrived, I got a message from a girl who was then working as a correspondent for Kyrgyz Azattyk [Radio Liberty] in Moscow. She found my Instagram account through someone and wrote to me about this project, the Kyrgyz diaspora is publishing a magazine. You might have heard of some diaspora magazine about successful Kyrgyz people who moved to Russia and are doing business here. She said, "Well, we need to interview people; there are a lot of people there, we just need to help them interview and decipher them." Okay, I agree. I thought it was great because when you first arrive, you try to connect with your people. It's a new place and you want to see your people nearby. I agreed, and it was a great experience because I talked to people who had moved there a long time ago. There was a woman there who really inspired me, and who was featured in the UNESCO Courier article. She has a truly amazing experience, one that's truly captivating. She came with her young daughter 13 or 14 years ago, after a divorce. Her husband beat her, and there was domestic violence. She left, took her daughter, and came here. She was from Osh. She had a university degree. She had a degree in economics, and at first, she washed floors. She worked as a concierge, had a small child, and she took her child to work and did all that menial labour. And now, 10 years have passed, and she's quite successful. She bought an apartment, she has a

business, and she opened a Kyrgyz cinema in Moscow. This introduction to our diaspora had a profound impact on me. I think it was a great start for me.

Well, of course, I don't keep in touch with them. Well, I'd talk to them a lot, but still, the fact that I talked to them, and they shared their experiences was really great for me. As for now, do I keep in touch with anyone? I have a friend; we studied together in Bishkek, then she moved here too, and we keep in touch. Also, for example, I remember going to all sorts of events in the early days. When the diaspora celebrated Nooruz, I'd just grab a friend and say, "Let's go see a concert." Of course, there were amateur performances, but it was really cool, really fun. I really love Nooruz, and if it's celebrated, I never miss it.

I also went to see "Shaiyr Apalar" in Moscow. You see, it's probably this craving. Although I would never have gone to "Shaiyr Apalar" in Bishkek, but here, when I came to Moscow, I was so happy to go to this concert. My friend's mother, who I went to elementary school with, was also there, and we somehow found each other, and she invited me to this concert. I didn't understand it either, but then I realized what it was. The thing is, there are older women, they're the same in Bishkek, these women are from different regions, they put on a concert and compete with each other. For example, "Shaiyr Apalar" from the Naryn region and from the Chui region. And they have a creative concert, like KVN. You see, there's even a "Shaiyr Apalar" championship in Kyrgyzstan. Apalar from different regions make it to the finals, and the winner is awarded the title of champion of the year, something like that. It turns out our diaspora also holds such events. So, there are representatives from different regions there, too. I was very happy. It was also on Independence Day; they were preparing a concert, and I went to it.

Besides moments like these, I honestly don't interact with our compatriots very often, unfortunately. With the Kyrgyz who are here... you know, it's a very difficult question. It's just that the people I interact with, it just seems to me that we are in different... well, I don't know. I'm just trying to remember moments when I interact with the Kyrgyz. Because there are Russians everywhere here, and it's clear how I interact with them, but I rarely interact with my compatriots. There are times when I go to my friends' concerts, things like that. Well, probably, well, you see, I could say. But overall, it's a very difficult question. The context of interaction with the Kyrgyz here is a little different from how I interact with Russians, with local people, because we interact in different areas. I interact with Russians at work and at school, but with my compatriots only at concerts or diaspora gatherings. That's the only way. And of course... well, I don't know if this counts, but we have a cleaning lady from Kyrgyzstan, for example, and I interact with her.

Russian ethnic group

Well, I work for a Russian-language publication, and all my colleagues are Russian. My friends are Russian. Well, I don't know... with Russians? Well, nothing special, I guess. Well, let's say. Well, you know, on the one hand, I had Russian friends in Bishkek, too, but when I came here, I felt like I learned more about their culture, or something. That's it. For them, of course, everything that happens to me is new, because they've probably never interacted with a Kyrgyz person the way they interact with me, for example.

Part 3. Acculturation Strategies

Kyrgyz culture

Listen, I give everyone kuruts [laughs]. I hope that this is also a connection to Kyrgyz culture. I also give all sorts of gifts, you know, I bring them, if any of my friends or relatives come over, they bring gifts, and I always treat them. I give all sorts of Kyrgyz national (things). Recently, it was my friend's birthday, and I gave her a hat with feathers. I myself would be happy if someone gave me something like that (laughs). What else? Well, in general, it's probably right here... By the way, speaking of culture and self-identification, I just want to say that when I lived in Bishkek, I grew up in the city, although my parents actually grew up in the village. They moved when it was time to go to university. I grew up in the city, but I wouldn't say I'm super-duper urban, because I grew up in a residential area, and there, too, the environment is very Kyrgyz. But nevertheless, I always felt like a very city person, so to speak. That is, when I met my relatives, I realized that we were slightly different. We had different interests. Perhaps it's just that our social circles influence us. I didn't fit in among my relatives, who also lived in Bishkek. For some reason, I felt somehow different. Too city-like, even though I lived in a housing estate.

But when I moved here, I realized how Eastern I really am, despite being such a city girl in Bishkek. Well, we say "like a Russian," "orustardai," in Kyrgyzstan, but here I realized I'm not like a Russian, I'm very Eastern.

Kyrgyz traditions

Well... by the way, again. When I moved, I became very superstitious in this regard [laughs]. For example, I have a koz mochok. A friend brought it for me from Yakutia, although she is Russian. Well, I wear this koz mochok because I think it protects me. Over the years, I become more superstitious. I always celebrate Nooruz, it's my favorite holiday of all the holidays. What other traditions do you have? I also have archa (laughs). So, what else? Actually, I didn't party in the dorm because these [detectors] went off, but here, in the apartment, I party. I have a store on Belorusskaya, I sell Kyrgyz goods, I bought some there. Well, what other traditions do we have? By the way, you know, I'll be honest with you, I eat pork. Not because I moved here and started eating pork, but because, for example, in my family we ate salo. We didn't buy pork, but we ate salo sometimes, not every day, just sometimes my dad would bring it. Many people, for example, perceive this—well, maybe they'll assume that I moved and forgot that we don't eat salo, but no, in fact, I just moved and didn't even notice. First, I moved, bought pelmeni (dumplings) and just ate them, and then it turned out they contained pork. And then I analyzed it and thought: if I ate salo in Bishkek, why shouldn't I eat pork here and refuse it? I'm not a fan of pork at all, but if they put it on the table and offer it, I don't refuse. But I have a friend, she comes from a religious family, and she only eats halal products. She has a really hard time with this in Moscow because it's surprisingly rare to find halal food. It would seem that a lot of Muslims live in Moscow, but it is very difficult to find halal food.

Relationships with relatives

With relatives, it's more a no than a yes, because I wasn't close to my relatives back in Bishkek. But I want to say that when I moved here, it became really important for me to know that I have them. Yes, I'm not the kind of person who talks to my relatives every day and wishes them happy holidays, but when I moved here, I realized how important it is to have relatives, to know that I have them. I think this is so personal and unnecessary, but I'll just give an example. For example, in my family, it turned out that we communicated better with my mother's relatives than with my father's. For example, I looked at it and realized that there are no bad relatives, they just exist, and we should accept them as they are. As for friends, I keep in touch. In that regard, it was also quite difficult to leave. When you have so many friends, they are all great, and you have to tear yourself away from them by force, it's quite sad.

Russian culture

Look, I'm a very open person. I think I've been to all the churches already [laughs]. Well, because it's really interesting. Not because it's Russian culture and I'm some kind of fan, no, because I'm genuinely interested. I even went there for Easter. I have a roommate there in the dorm, we're still friends, even though we don't live in the dorm, and she invited me to a service. It was nighttime, I think. At night, they go and circle the church. It was something new and cool – seeing people come and pray. And in any case, I don't want to offend anyone or devalue them. I'm just curious.

Language

Oh, that's complicated. It's not even complicated, it's easy to answer this question because it's in Russian. I communicate with my family in Kyrgyz. Well, not really Kyrgyz, but I try to communicate with my parents in Kyrgyz because, firstly, they speak Kyrgyz. And also, you know, I'm very grateful to my parents because they sent me to a Russian-language kindergarten, they sent me to a Russian-language school, then a Russian-language university, but they always talked about the need-to-know Kyrgyz, that you need to speak it, so we always spoke Kyrgyz at home. So, they always spoke Kyrgyz, and we tried to communicate with them too. Well, maybe now, because I moved, I hear very few Kyrgyz words, I forget them, but in general, when I talk to my parents, I try to write in Russian because I might make mistakes and maybe upset them, but when we speak, I always use Kyrgyz, even if it's difficult for me. In Kyrgyzstan, this was much easier because I worked for a news agency, and whether you like it or not, most of the population speaks Kyrgyz, and you need to understand Kyrgyz, and in this regard, it was... yes, I may not have been fluent, I couldn't write texts, but I knew how to express myself, I knew how to ask questions in Kyrgyz, and in this regard, it was easier. Now, unfortunately, that's not the case. Now everything is entirely in Russian, and sometimes my friend, who's also from Bishkek and went to school with me, and I meet up and watch Kyrgyz films because we realize we're starting to forget it. For example, I try my best to find Kyrgyz content in the form of films and songs to somehow make up for the fact that it (the language) is practically absent from my life.

Part 4. Ethnic identity

Ethnic identity

Well, I'm Kyrgyz. My parents are Kyrgyz, I'm Kyrgyz, I was born in Kyrgyzstan, I grew up in Kyrgyzstan. I was formed as a person in Kyrgyzstan. Because we can talk all we want about how bad everything is in Kyrgyzstan, how underdeveloped it is, how poor the country is, and how all this hinders people from developing and achieving anything in this world, but I always say that what made me who I am is that I grew up in Kyrgyzstan, in Bishkek.

Being Kyrgyz in Moscow

Well, of course, first and foremost, it's the association with labor migrants. For example, the Kyrgyz who live here, they recognize you immediately. But, for example, people who have never lived in Central Asia and have no idea—they know that there are Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, and Tajikistan, and their impressions of these countries are based on seeing labor migrants—these people, of course, have little idea at all. They think that since people from these countries come to them—I'm not saying all of them, but most often, these are people from the regions—they probably didn't have the opportunity to study Russian in school, didn't have the opportunity to get a good education, and many, some, have precisely this impression of people who come to them from third countries. For example, when I met people, many thought I was Korean, or, for example, that I was from Kalmykia, from Buryatia, from regions of Russia closer to Asia. But those who have an idea about the target audience, they understand and immediately recognize that I am either Kyrgyz or Kazakh.

Elements of identity

Well, I guess even the fact that I consider myself Kyrgyz is important to me. It's important to me that people know I'm Kyrgyz and, well...well, probably also the language, which I try not to forget, even though it's practically nonexistent in my life now. And my appearance is probably very Kyrgyz. That's also somehow...well, I... well, you know, I once wanted to dye my hair blonde when I lived in Bishkek, to try a different look. Now that I've moved here, I don't really want too anymore. It's like it's important to me that it's dark, the way it is. I guess that's also a manifestation of my Kyrgyzness.

The influence of identity

Oh, honestly, I don't know. It's probably what I was saying that I feel very Eastern here. Something like that, I guess. Well... I don't know if it's a purely Kyrgyz thing or a generally Central Asian trait. For example, I can... I look like a very modest person; I seem very modest. I think modesty is a trait that belongs to people from Central Asia to all Asians in general. I think this trait comes from my background.

There are such things. Well, maybe it's not Eastern. I can't... firstly, I'm a very sociable person, not sociable, but it's important to me to be part of a community. Even the fact that I wanted to integrate faster is also an indicator that I can't be alone. Well, yes, I can be physically alone, I

live alone, I'm very happy being alone, but I want to be part of a community. I think this is our Eastern thing, when we try to find our own, that's it. Then... let's say, if some kind of conflict arises, I was talking with a friend recently, I'm a person who always defends my opinion. I have one no matter what (laughs), but I can remain silent in certain situations. I think this is also an Eastern thing.

Migration experience and identity

Well, yes, as I was saying. By the way, you know, in Bishkek I felt very Westernized. When your relatives tell you, "Oh, this girl has become Russified living in the city," and I moved here, I realize that no, I am very Kyrgyz. Very Kyrgyz, but here I felt very strongly Kyrgyz. When you break away from the life you've been accustomed to since childhood, then you leave it, find yourself in a new environment, you realize how different and distinct you are. In this regard... it's even a problem that I reflect on and will think about my whole life until I find the answer. It's as if I don't feel like I belong in my own country, that I've become different because I studied in a Russian-speaking environment, went to a Russian kindergarten, went to university, and that I didn't fit in with my relatives. I come here and I don't belong either, and this question of "where do I belong" really bothers me. In this regard, I really like your research, because it seems to me that most labour migrants who came to work can probably say where their home is, where they belong, it's at home, in Kyrgyzstan. But in my case, I didn't come to work—I already had a good job in Bishkek, so why did I come here? —but rather to find myself, to find my place in life.

You know, I can give you an example. My parents are from Osh, but not from the city, but from the Osh region. We lived in a purely Kyrgyz-speaking environment, and, for example, when they asked us, "Are you from Osh?" something like that was always the case. This, of course, is the problem of dividing our country into regions. It seems to me to be a very big problem – the lack of unity, cohesion. Even the fact that I always felt like I was out of place, not in my own territory, because I was from Osh – deep down, it also had an effect. And then I never went back to Osh again. The last time I was around six years old. Well, now I've moved, I'm quite grown up, I moved to Moscow, and now I really want to go to Osh, to be honest. I know why. It's as if I want to understand if I belong there. And I understand that I won't fit in there either, because I grew up in Bishkek, then lived in Moscow, so naturally, my mentality is probably different from people who live in Osh. Well, that's just one example. And again, when I tell my friends I'm from Osh, it's really weird, but they're like, "Seriously? I thought you weren't from Osh." And why did you think I wasn't from Osh? Should I have it written on my forehead that I'm from Osh, or some kind of mark like animals have? How do you know if someone is from Osh or not, what's the point of all this? And, probably, based on this, a constant search for oneself occurs, and the root is right there.

Part 5. Future plans

Well, I'll probably answer the same way I did to my friends two or three years ago when they asked, "What's next after Moscow?" I told them, "I'll be back." I'm in Moscow now, and I want to take advantage of all the opportunities this city can offer, so I'm here for now. Maybe another city will come later. I don't know yet. I really want to believe that I'll return, that I'll find that feeling of home in Kyrgyzstan. Well, this is my physical home, and I'd like that feeling to be there.

Actually, yes [I considered staying in Russia]. Despite everything that's happening, all the negative aspects associated with migrants, it's still a very large country, and it's a very multi-ethnic country. People who live in Moscow and people who live in Vladivostok are completely different. People who live in Dagestan and people who live somewhere like Penza—they're just night and day. In this regard, Russia is big and interesting. I won't lie, I've really thought about it that way. If you're going to live in Russia, you should live in Moscow, because the living conditions in the regions... I live in Moscow because I feel comfortable here. Well, of course, I love this city because it's beautiful, comfortable, nice, and big. But if you live in Moscow, it's stress, constant stress, and I don't know how long I can last. So far, I'm having a great time. I'm young, I like the hustle and bustle, I like the stress [laughs], I like that it's so big, there's so much to learn. I'm just the kind of person who gets bored very quickly, and Moscow is a great option in that regard. But I understand that I won't last long. Maybe there will be another city, another country, but of course, I'd like to eventually return home.

I read the abstract of your study, and I noticed that you don't have—perhaps that's simply not the purpose of your research—but I'd like to talk about that too. When people ask me to talk about something, I simply love doing it, so forgive me if I'm holding you up [laughs]. I just wanted to point out that migrants in Russia—some women, some men. I think they're just different. The problem of female migrants is much broader, much more problematic than for all migrants in general. I've been living here for three years, and I've come to the conclusion that migrants in general are a vulnerable population, and female migrants are doubly vulnerable. Another reason why I try not to interact with my compatriots—honestly, this will sound like self-discrimination—is that I'm very afraid of male migrants. In general, even when I lived in Bishkek, I didn't feel safe walking home in the evening. You probably understand that when we pass a crowd of men, we feel terribly vulnerable. And I've come to the conclusion that I don't feel the same way when I pass a crowd of men of other nationalities—let's say, Russians in some places, Caucasians in others. I feel this strange sense of vulnerability when I pass by our migrants. I don't know, maybe it sounds terrible coming from me, as if I'm discriminating against my own compatriots, but I'm not basing this on my stereotypes or the experiences I brought with me; no, I'm basing this on the experiences I had here. I pass by our compatriots, I love them very much and sincerely sympathize with them on a human level, because they are forced to work here, and maybe they didn't want to be in these conditions, but then again, I can hear unflattering things about myself from them, and that's very unpleasant for me. They immediately understand that I'm Kyrgyz. We all understand who is Kyrgyz and who is not [laughs]. In Central Asia, we recognize them well. It's as if they take advantage of

it. I've noticed that they don't treat girls of other nationalities this way, but seeing that the girl is their compatriot, they allow themselves to be treated this way, and, frankly, I'm very scared. I feel vulnerable, not because I'm alone in a big city, but because I understand that I could encounter such people. Unfortunately, such people are usually people from our country. Sometimes I reflect and think how lucky I am, such a privileged migrant who can afford to rent an apartment on her own and not interact with such people, but there are so many girls and women who have no choice, who can't sit and choose and who are forced to share living space, and if the situation is dire, then share a room with these people, and it's very sad, somehow.

--- End of the interview ---

Appendix 12. Interview Transcript 4

Respondent: Participant 4

Interview conducted: 06 August 2023

Time: 57:37

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Я приехала в Россию в 2015-м, у меня была учеба, магистратура, двухгодичная, я закончила в 17-м, а потом осталась работать, а потом вернулась, в 18-м, ближе к концу 19-го. Я была там в начале волонтеркой в неправительственной организации, независимой, которая помогала детям, мигранткам-женщинам из Центральной Азии, а потом была кураторкой в феминистском проекте. Я хотела пожить в Петербурге [смеется], учеба бесплатная была, поэтому поехала. Просто, потому что семья была связана с Ленинградом, я думала “О, я тоже буду там, у меня тоже будет [такой опыт]”. Я чисто в Петербург хотела, вся Россия для меня никогда не была интересной. Когда все уезжали в Вышку учиться, я думала “ой нет, я боюсь, Москва и прочее”, а Петербург это совершенно было для меня другое “Я еду в Петербург, ребята” (смеется). Всегда было такое мнение, что Петербург — это Европа, это не Россия, это совершенно другое, чем Москва. Архитектура, люди и прочее. И рядышком Финляндия, Балтийские страны. Ну не знаю, культура-мультира [смеется].

О, кайф [когда в первый раз приехала], как будто в Нью-Йорк попала. У меня были мысли такие “О, здесь ходила таянешка, здесь вот они прогуливались, дядя, наверное, здесь катался на тралике” [смеется] – какие-то такие мысли “Здесь ходили мои, вот я тоже хожу”. Дядя там училс, остался, жил, потом там родилась моя двоюродная сестра, туда ездили все члены семьи, кроме моей мамы. Все побывали там. Дядя там жил где-то около 10–12 лет. Я ожидала...” Два года жизни, сепарация!” [смеется]. Я хотела просто в другой город, посмотреть, пожить.

Часть 2. Межэтнические отношения

Кыргызская этническая группа

Перед поездкой в Россию мне дядя сказал: “С нашими не связывайся”. А, у меня же первая поездка была в Москву, я туда поступала в другой университет. Дядя сказал: “Наших обходи”, но я думала, что это на Москву чисто распространяется. Перед Питером он это тоже повторил, но он как-то больше перед Москвой. На тот момент были какие-то такие (негативные) новости, может это его пугало. Как-то вот он мне говорил: “С нашими старайся не сталкиваться”, а я, наоборот, искала встречи с нашими, хотела

поесть с кем-то лагман, а никого не было, все в этой вашей Вышке [университет]. Реально, никого не было. Может это чисто на моей политологии не было, даже казахов, как-то вот так. Но потом в своей этой организации я встретила таджиков и подумала: “Роднульки”. Первые два года не было знакомых из Кыргызстана, а потом появились, и я обрадовалась “Супер, супер”. Да, было как-то спокойнее, что мы есть друг у друга. Ну я не знаю, мы не так часто чтобы виделись. А, у меня же были таджики, я считала, что это роднульки. Кыргызы у меня появились уже на третий год жизни, я даже с ними жила. Когда есть свои, есть ощущение дома. Свои – нелюбимое слово многих [смеется], какое-то ощущение дома, что-то родное. Ой, у нас общий бэкграунд, мы друг друга поймем, если мы что-то друг другу скажем. Если что, меня мои выручат. У меня было такое, что моего друга кто-то задержал, он мне позвонил, я включила свой суперстрогий голос, в общем, я его спасла. И я думала, если что, мне, мне вот так помогите, если меня остановят, скажет таким же голосом, максимально “кто, фамилия, имя” [смеется]. Ну вот родные, соотечественники имею в виду, мекендештер.

Дружили в основном, в начале это были коллеги, потом уже друзья. Приехали просто друзья, которые приехали жить. Не учиться, не по работе, а просто приехали жить, я так “О, супер”.

Я забыла, уточню. Дядя имел в виду именно наших парней, мужчин. Боялся. Без понятия. Точнее нет, он объяснял, что они могут немного это задеть. Но! Я может это поняла, когда немного столкнулась с узбеками, которые работали со мной в ресторане. Они немного покатались на мне, пока я за них работала [смеется]. Ну вот обманули, почти свои, может он и это...хотя нет, дядя не это подразумевал. У нас же есть что старших нужно уважать, может те узбеки как раз этим и воспользовались, что я младшая, не откажу. В общем, мне дали карту, что я могу поесть на 500 рублей, а узбеки попросили, сказали “давай, ты работай работай”, а у меня не было времени отвлечься, они взяли мою карту, сказали “принесем тебе сейчас”, принесли мне 2 яблока, банан и все, такие “вот тебе, перекус”. А потом в конце дня я принесла карточку администратору, а она говорит: “Ой, у тебя выше лимит, не 500, а 800–900”, а я такая “Как? Я поела два яблока и банан”, и администратор русская [это надо уточнять? Администраторы там были только русские] сказала “не давай карту никому”. Я им даже ничего не сказала. Второй раз они меня попросили за кого-то поработать, но надо было отметить, что я за кого-то поработала, и они мне не зачли, просто впустую смену поработала за кого-то бесплатно. В принципе мне тогда было пофиг, я же из-за визы и регистрации. А так вот да, два инцидента с одними и теми же людьми, но я потом все, я ушла оттуда и все. Это было неделю, я мыла посуду в кафе, только из-за регистрации. Я дурная была, я не знала, что можно было купить, я хотела все это сделать честно. Тогда на тот момент не было своих родных кыргызов, которые могли сказать: “Слушай, ты можешь купить за две тысячи рублей”. Вот, вот это был минус того, что у меня не было своих. Мне никто не сказал, что можно купить. Я уже узнала, когда приехали мои ребята, и когда я закончила со своей посудой, семь дней отработала и они мне ничего не сделали, после этого мои кыргызы сказали “ты же можешь купить”, я такая “супер, где вы были 7 дней назад, нафига я мыла просто так посуду ради регистрации”. Меня еще

спрашивали “ а че ты сюда пришла”, я же не скажу им “ ребята, мне только регистрация нужна для поездки в Германию, поэтому я буду мыть посуду” . Ну то есть вообще. Узбеки мне говорили “ ты так хорошо говоришь по-русски, ты можешь стать здесь администратором!”, и я так “ блин” . Это же первое, что мне быстро попало, а они мне в итоге не сделали регистрацию, я уже не помню отчего, че-то короче или оттягивалось, и я такая “ можно забрать документы быстро?”. Хорошо еще, я немного испугалась, когда я отдала администратору паспорт, чтобы они мне быстро сделали. Это 7 дней паспорт у них лежал и после этого, когда я поняла, что мне не сделают регистрацию, я сказала: “ Можно заберу? Все, я болею, извините, до свидания, я уйду”. И они меня спокойно отпустили, главное, дали мой паспорт, супер.

Русская этническая группа

Первое мое взаимодействие — это мои сокурсники. Мои шовинистические, империалистические assholes. Короче, у меня не было там...я не подружилась. В общем, когда я говорила про Крым, мне говорили fuck off. Первое взаимодействие с ними, а потом я нашла свою организацию, в которой просто прелестные люди: феминисты, альтруисты, кто работает с мигрантами – моя любовь, так что да, совершенно разные люди. А, еще взаимодействие с преподавателями же тоже, да? [смеется]. В универе как-то было тяжело. Я думала, отсижу от звонка до звонка, от пары до пары, все, и для меня это было каторгой. Я просто до учебы я ходила по Петербургу, возможность погулять, чисто ради Петербурга училась. А когда занятия, для меня взаимодействие с преподавателями и одногруппниками не приносило прям радости. Для меня это было “ ну, это обязанность, я студентка, я прихожу, я учусь, я отвечаю, или не отвечаю или слушаю просто”, отсиживала, просто отсиживала. А со своими организациями это было удовольствие общаться, работать, вне работы. Кайфово, потому что общие взгляды на все, не знаю, потому что обмен может быть: они не сталкивались ранее с кыргызами, им был интересен мой опыт, просто моя жизнь, как у нас здесь все устроено, а в универе я такой заинтересованности не чувствовала, потому что ко мне больше относились как “ а, ты же своя”. В первое время вообще было ужасно, что политологи говорили: “ А, Кыргызстан – это же в России”, и я думала “ Вы, блин, политологи, это ваша сфера, вы должны знать, где находится Кыргызстан. Мы были в Советском Союзе, камон”. Это было очень стыдно, не то, что стыдно, это было конфузно слышать. Политологи, как вы можете не знать, какие у вас здесь республики, ну стыдно, мол, им не знать, что мы не их часть. Поэтому да, в начале они меня так воспринимали “ а, своя”, отношение ко мне и к мальчику из Кореи или девочке из Эстонии, было разное. К ним отношение было другое, они были как-то “ ааа, ооо”, а я была “ ммм” [разочарованно]. Я была своя. Даже преподы всегда, если поблажки были для ребят из других стран – для них были поблажки на зачетах, на экзаменах – со мной не было, потому что мне говорили “ а вы же наша”, вот так. Очень много, постоянно слышала “ вы же наша, ты же своя, вы же это”, вот такое какое-то отношение. Нифига не свои. Язык, конечно. У первых был барьер языковой, а так как для них слышно, что я четко, без акцента говорю на русском языке, для них это было, что я как бы их. Потому что было такое: я разговаривала с домом, а я максимально шифровалась на переменках от преподавов, от ребят, потому что

мы как раз когда стоим ждем, у меня как раз созвон с домом, у нас же разница в часах, и мне было удобно позвонить именно на переменке. Я звонила домой, и я болтала специально, чтобы меня не понимали, кыргызча. Блин, я там кыргызский язык выучила. В общем, я кыргызча пыталась, а мама говорила “че, че, я тебя не понимаю, говори на русском”. В общем, как-то так [смеется]. Я там говорила, говорила, и ко мне однажды подошла преподавательница, армянка, и она слушала слушала, и она такая “не притворяйтесь, что вы не знаете русского языка”. Я подумала “блин”. Ну она вообще в других моментах было ничего, но этот момент такой осадок оставил, что блин, она же должна понимать, что я не из России, в смысле. Может быть, она думала, что я шифруюсь, но на самом деле если подумать, я ведь говорю с домом. На каком языке я должна говорить с домом? Я хотела эту мысль ей донести, сказать. В каких-то моментах я очень жалею, что молчала, потому что не хотела, чтобы это отразилось на учебе, потому что может быть они были бы мстительные где-нибудь. Боялась, что где-нибудь отразится и думала “смолчу, промолчу, не скажу”.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Конечно, поддерживала [связь с кыргызской культурой] [смеется]. Я постоянно ходила в тибетейке. Я же первые годы, я носила, я же взяла с собой все свои чыптамашки. У меня коллекция тибетеек, тумары всем показывала, что мне однажды кыргызы сказали “слушай, его же надо под одеждой носить”, а я такая “все видят мой тумар, что я защищена кыргызской культурой” [смеется]. А, это мне узбеки сказали: “слушай, ты его скрывай”, ну я сказала “нет, пусть все видят”. Да, я там острее почувствовала свою эдентичность, идентичность, поэтому да, там я старалась больше проявлять, показывать, говорить с домом, только кыргызча, слушала музыку на кыргызском, ох, я дома. Как-то не знаю, там по-другому все это слушалось, чем здесь. Здесь-то фу, Нурлан какой-нибудь Насип, Бек Борбиев, фу, а там просто “Тамчы, тамчы шудурум”, с Р. вот так сидим, с шорошкой, искали чайхану. Так что да, я думала, если я там, я буду поддерживать наш бизнес, отечественный. Пока не могла найти кыргызские кафе, поощряла узбекские и таджикские чайханы, чтобы денежка шла только в Центральную Азию. Только в Центральную Азию. Товары, ну конечно, там сложно найти, там же все российское было. Я сейчас так делаю, я российское смотрю [откладываю], какао из Беларуси – покупаю, шоколадки турецкие – супер. Только чтобы не российское [тихо].

Да, мы всегда старались праздновать. Если там Нооруз, то так, кто есть свободный, ну-ка пошлите, угощу вас лагманом. Или, не знаю, Курман Айт, Орозо, тоже, наверное, я всем домашним писала “Айт маарек болсун” или отвечала [смеется], скорее отвечала, потому что никогда первая не пишу. Да, день независимости я прям супер, сижу у себя в общежитии “День независимости”, все, никуда не выхожу. Нет, ну в общем такие вещи, праздники: Нооруз, Орозо Айт, Курман Айт. А, такое было еще: каждый, ну не каждый,

если вдруг что-то горячее, просто какой-нибудь четверг если выпадает, мама делала боорсоки, мы читаем куранчик по ушедшим нашим. Там у меня такой возможности не было, боорсоки никто не делал, но, когда я ела что-то горячее, с пылу с жару блины, читала куранчик, потому что была какая-то история, что сестра уехала и ей приснилась недовольная тайне и наша тетя сказала “читай куранчик”, наверное, она на тебя обиделась, потому что ты этого не делаешь. И я вспомнила эту историю, дым какой-то надо. Я наизусть знаю, потому что я слышала, и я как-то это запомнила и проговорила что там надо. Ну вот мелкий который, мелкий. Ну вот когда еще имена перечисляешь: арбагын, неберелерин колдоп журсун, оомийн, вот это вот в конце [смеется], все, вот этот вот отрывочек.

Конечно [общаюсь]. Каждый день. С домом каждый день. С остальными тоже. Главное, приезжаешь раз в год, со всеми общаешься, оптом и все пока. Оптом, все оптом. И уезжаешь, вот.

Русская культура

Ненавижу ее [смеется]. Ладно, шучу. А я не знаю, как это: поддерживала связь с культурой? Я...ну...ела блины [смеется], посещала Спас на крови, Казанский собор, я стояла на рождественской службе в январе, когда у них там у православных [рождество]. Пошла как положено, как сказала моя соседка, платочек, юбочку, свечечку поставила. А я же рассказывала, что я поставила свечку, чтобы мама не болела, и чтобы дядя не пил, и конечно же на следующий день они позвонили, заболели и запили. Вот тогда я подумала “ русскую культуру поддерживать не буду, православную точно” [смеется]. Просто жуть. Это просто меня, ах, Кудаи покарал.

Есть [традиции, которые привлекают], куличи [смеется]. Только еда, меня интересует только еда. Все вот это то, что рождественское, в два часа ночи, я отстояла просто потому что мне было интересно влиться в это, посмотреть, а так стоять два часа, а потом когда они все целовали икону, и я видела вот это вот в стекле все поцелуи и следы от жирных губ, их было несчетно, я подумала фу. Я думала “ господи, сколько там палочек [бактериальных]. Нет, мы не такие, мы чистюли”. Короче, ничего такого в русской культуре меня не привлекало. Даже сжигать масленицу я не люблю. Кстати, мы тут в садике мы сжигали, но, кстати, для меня костер, этот запах, кого-то сжигать, кого-то в форме человека, окститесь, сжигайте Путина. Не знаю, в общем вот так.

Язык

На русском (грустно, смеется). Думаю, на русском. А, нет. Я немного стараюсь переключаться, кыргызча, кыргызча суйлойм. Все равно у меня так не получается. Ну, не знаю, может быть для твоего исследования, все орустары, друзья, кто меня посылал сюда своих орусов, я всех встречала и при них с кыргызами здесь, что-то спрашивала, говорила с кыргызами кыргызча. Я это делала, потому что все эти приезжие орустар понимали, что мы здесь говорим на своем языке. Я на ломаном [кыргызском], кыргызы

на меня смотрят, такие, стоят, тяжело, а я им хочу показать, что мы с вами говорим на кыргызском. Не потому чтобы те не поняли, а потому, чтобы они поняли, что нифига у нас здесь не говорят на русском. Потому что они все приезжают и такие “А вы же здесь все говорите на русском”. С таким вот. Полезно ли это для твоего исследования? [смеется]. Ну это после войны. Чтобы у них не было этого ощущения. Не создавалось этого ощущения, что здесь “о, плюшки, здесь говорят на русском”. Нихрена, нет. Я думала, если меня спросят, ну ладно, я, конечно, так не сделаю, конечно, я объясню дорогу, но у меня в начале было, что, если остановят, я бы сказала на кыргызском, хотя нет, не скажу, не сказала бы, объяснила бы, показала бы, проводила бы еще [смеется], вот.

[Контент] на русском, на английском, ааа, и все, что кыргызское, блин, какие-то странные, в Питере идентичность проявилась, после войны вот это “надо, надо, язык, язык [изучать]”. У меня после Питера осталось то, что я язык не знаю. После войны вдвойне это стало. Я человек принципиальный. Если бы я шикарно знала кыргызча, все бы я с тобой кыргызча общалась бы на интервью, но я не знаю, поэтому мне приходится говорить [на русском]. Русский язык не только ваш [смеется]. Пишут же, что русский не принадлежит русским. Не знаю, у меня вот это обострилось. Русский язык надо вообще, я бы его забыла с удовольствием. Приехали недавно немцы, и я их прогуливала, они такие “Ой, сорри, мы не говорим по-русски”, и я такая “Слава богу, что вы не говорите по-русски”, а они мне такие “Ты так классно говоришь по-русски”, “Да я мечтаю его забыть”, “Ты можешь со столькими людьми поговорить”, “С кем? Только с русскими? Да с ними сейчас никто общаться не хочет, какой русский, ты что”. Я им сказала, что я бы лучше немецкий знала. Короче, европейцы оказывается еще не русофобы, не такие как я [смеется]. Мои друзья из России, я раньше им говорила шепотом “простите, я русофобка”, после войны они мне начали “Ты можешь теперь говорить не шепотом”, но я этого вообще не говорю на всякий случай, чтобы не обидеть никого. Но хочется всех обидеть [смеется].

Часть 4. Этническая идентичность

Я кыргызка. Я кыргызка. Кыргыз кыз. Я саяк. Мы СС. Супер Саяки. У нас в семье это всегда было. Так что я сначала саяк, а потом кыргыз, я джумгальская, хотя я никогда там не была. И мама такая, ты же здесь родилась, а я такая нет, я джумгальская.

Быть кыргызом, кыргызскость

Человек, и все, который знает кыргызский [смеется], это не я получается. Человек, который есть боорсоки и почитает старших, а это я [смеется]. Не знаю, просто человек. Просто одна из национальностей, народностей всего мира, скучный ответ. Ну ничего в нас особенного нету. Если особенное, то это уже Гитлер. Не знаю, такого нет, что ах, мы совершенны, у нас здесь все супер, мы такие молодцы, мы как все, ну не как русские [смеется], ну ладно, мы хорошие, мы мирные и ленивые, как сказал Жапаров, аутошовинист, ну я видимо тоже, раз я это сказала. Я не знаю. У нас в семье всегда это

говорили, таята особенно, что кыргызы, мы ленивые. И я выросла, и у меня в голове эта прошивка, и я действительно ленивая. Какая ненужная информация, прости.

Элементы кыргызскости

Очень многие не любят слово менталитет, но я его часто буду говорить. Даже в Питере я вскакивала, когда заходила бабуля или дедуля. Здесь очень много релокантов, здесь они не встают. Точнее приезжал мой друг, и я вот встала, и он сидел, я ему хотела сказать, что слушай, здесь встают, когда старшие заходят. Наверное, вот это. То, что к старшим другое отношение, чем там. Я не понимаю, как там родители с детьми могут материться, курить или что-то такое. Со старшими есть какая-то субординация, менталитет. Вот это для меня [важно], да.

Когда приехал друг, очень хороший, либеральный, хотя у них у всех империалистская прошивка, и он мне говорил “у вас здесь все ходят в калпаках”, я так “да”, “Почему? Почему они здесь ходят в своих национальных одеждах, они хотят показать, что они кыргызы”, “Нет, потому что это национальная одежда”. Я когда носила свои тибетейки, я хотела просто показать свои тибетейки [смеется]. А почему, почему женщины не носят элечеки, я так взорвалась на него. И я ему сказала, додумалась “А почему в России вы не ходите в лаптях”, и он все понял. Я не знаю про элементы кыргызскости, ну вот одежда, но можно и не проявлять это.

Меня не волнует графа [национальности], но было бы круто не выглядеть как вымершие этносы и народности. Не хочется. Не надо, чтобы нас так было мало. Когда приехали эти релокантики, Эдуард Кубатов написал, мол, кыргызки, обратите внимание, генофонд, а у меня в голове это проснулось, что мы должны сохраниться как нация. Блин, какая же я все-таки (смеется).

Быть кыргызом в России

Законодательно полегче, чем узбекам и Таджикикам, из-за Евразийского союза, а так, так же одинаково, мы же не белые, поэтому да. Но я не могу это сказать, потому что я не ощутила многого, что могут ощутить те, кто не знает русского языка например. Я привилегированная столичная, поэтому, конечно, я не могу так прям сказать, но как я слышала от детей, с которыми я занималась, или от их мам, тяжело, мальчик ты или девочка, какого любого возраста, потому что ты отличаешься внешне. Я только может быть из-за внешнего, но когда люди слышат русский язык, то относятся по-другому. А из-за вида вначале совсем другое ощущение создается, ну не своя, не русская. И даже, офтоп, когда я впервые поехала в Париж, там было общежитие, и я жила с девочкой, украинкой, из Луганска, она сейчас поддерживает не ту сторону, которую хотелось бы, но очень интересно, мы с ней как-то не стали это обсуждать. У нее в начале был испуг, и когда я сказала ей на русском “привет”, она обрадовалась, у нее сразу улыбка, и мы с ней сдружились, она очень милая хорошая девчонка. Также, Р. Рассказывала, как ей однажды ее соседка по квартире в Вышке ей призналась, этническая русская “Слушай, когда я узнала, что буду жить с тобой и другой девочкой из Башкортостана, я

испугалась”. Вот такое, ну я такая, да да да, они в начале так реагируют, потому что что-то чужое, я ощутила это и с украинкой, потому что она подумала, что я не белая. Я это ощутила в общаге в Питере. В начале они на меня так посмотрели, а когда я начала говорить по-русски, они “ааа, ты же наша”. Я прочитала во всех взглядах, что, конечно, каждому, наверное, легче видеть человека своей расы человека или что-то, ну это, конечно, ксенофобия. Я, например никогда так не реагирую на человека, я всегда буду рада, кто бы ни зашел, пофиг кто, белый, черный, серо-буро-малиновый. Но у белых людей есть такое. И когда мне Р. Рассказала эту историю, я такая “Да, да, значит я не одна это почувствовала, значит это есть”. Какой-то испуг, брезгливость, неприятное удивление, расстройство “зашла какая-то азиатка, я буду с ней жить”, а потом говоришь по-русски и “ааа”, переключение.

Я не могу, когда смеются над именами, над названиями или вот приехали релоканты и такие “У вас нет Старбакса”. Или вот приехал таксист Уматали и они такие “приехал таксист, и мы с ним умотали” [игра слов]. Я как русскоговорящий человек, я понимаю, почему это смешно, но в то же время, я когда вижу это, для меня это имя в первую очередь. Меня это немного [задевает]. Я в начале всегда читаю на кыргызском, потом на русском.

Влияние идентичности

Нет, никак. Я вообще об этом как-то не думаю. Я только в Питере об этом задумалась. И я даже не думала о титульной нации. Когда мне друг из Узбекистана сказал “ты же титульная нация”, никогда такого не было, я не слышала этого словосочетания и не использовала.

Опыт миграции и идентичность

На самом деле...наверное да. Я это поняла вот как: Россия просто помогла прийти к этому раньше. Например, я смотрела на своих дядю с мамой. Это приходит с возрастом. Я думаю, что, если бы я не съездила туда, это пришло бы с возрастом. Там это пришло, потому что сразу поменялось все вокруг: окружение и прочее, поэтому. Там поменялось все конечно, хотя нет, я впервые это почувствовала, когда вообще впервые выехала за границу. У меня была стажировка во Франции, и там были ребята из 28 стран, и тогда я остро почувствовала свою национальность, когда ты чувствуешь, что ты один, где-то один. Я одна кыргызка, а вас тут 28 наций. Здесь этого не ощущаешь, потому что нас много, вон через дорогу идет Курманжан, привет. За границей, где нет своих, не видишь своих, это острее.

Часть 5. Планы на будущее

В планах не сжариться. Жить хочу в месте, где все люди будут счастливые, где будет чисто, где будет сортировка мусора, где все друг друга будут уважать, друг с другом общаться, бережно и экологично. Мне надо в Швецию [смеется]. Хочется жить в стране,

которая будет на первом месте по индексу счастья. Скандинавия. Нет, хочется конечно, чтобы это было здесь [в Кыргызстане]. Я вообще себя не вижу уже нигде. Я вижу еще себя на этой планете. Пока еще. Не знаю. Не смогу ответить. Я об этом даже не думала. То, что я первое сказала.

В начале я думала, что можно было остаться в Петербурге, там красиво, но не с такими людьми, просто, когда я слушала и смотрела на детей, что они проходят, я просто слушала, с моей эмпатией, я не могу это слушать. От людей многое зависит. Люди (это важно). Чтобы вот как в Швеции. Если ребенок – мигрант, он имеет право учить свой родной язык. Меня вообще удивило, что в Швеции можно, если ребенок из Иссык-Куля, у нее муж швед, и дети могли учить кыргызский в школе, и шведы должны сломаться, но найти человека, который будет преподавать им кыргызский язык, но меня очень расстроило, что они выбрали русский язык. Когда в России будет такое, да никогда такого не будет.

Иностранные студенты всегда были экспатами, а я была мигранткой. Мне не нравится, что здесь они [россияне] экспаты, релоканты. Им не нравится это слово, они брезгуют, потому что негативная коннотация, мигрант, беженец. Язык оказывается так много роли играет, как мы называем, как они это употребляют. Когда приехали релоканты и выселяли кыргызов, я думала, как так можно, конечно, деньги всем нужно, но не знаю. Мы когда сдавали жилье, мне хотелось написать на кыргызском и английском. Конечно, я бы ни за что не стала писать, что только для кыргызов, но не хотелось. Я просто понимала, что им здесь легче, и они не столкнутся с сообщениями “россияне, вон”, мне хотелось, чтобы они это ощутили. Конечно, это не ощутят. У нас тут наоборот, когда берут на работу, ищут европейской внешности и “только не индусам”, “только не пакистанцам”. Они проживают ровно то же, что и наши в России. Ну как так можно, что за ксенофобия. Мы сдали афганцам, и они были супер чистюльки, а орустар говорили “ой, у нас нет бокалов, утюга”. Я не могу представить ситуацию, когда кыргызы бы в России говорили арендодателям “у нас нет бокалов для шампанского”. Мне ближе афганцы, у нас менталитет.

--- End of the interview ---

Appendix 13. Transcript Translation 4

Respondent: Participant 4

Interview conducted: 06 August 2023

Time: 57:37

Language: Russian

Part 1. Migration story

I came to Russia in 2015. I was studying, a two-year master's degree, which I graduated with in '17, and then stayed on to work, and then returned in '18, towards the end of '19. I started there as a volunteer for an NGO, an independent one, that helped children and female migrants from Central Asia, and then I worked as a curator for a feminist project. I wanted to live in St. Petersburg [laughs], and the education was free, so I went. Simply because my family had ties to Leningrad, I thought, "Oh, I'll be there too, I'll have that experience too." I just wanted to go to St. Petersburg; the rest of Russia had never been interesting to me. When everyone was leaving for HSE, I thought, "Oh no, I'm scared, Moscow and all that," but St. Petersburg was a completely different place for me: "I'm going to St. Petersburg, guys" [laughs]. There's always been this idea that St. Petersburg is Europe, not Russia, something completely different from Moscow. The architecture, the people, and so on. And right next to it is Finland and the Baltic countries. I don't know, it's a cultural fusion [laughs].

Oh, it was so cool [when I first came], it was like I was in New York. I was thinking, "Oh, a Thai girl used to walk here, they used to stroll here, my uncle probably rode a trolley here" [laughs] – thoughts like, "My family used to walk here, I go here too." My uncle studied there, stayed, lived there, then my cousin was born there, all my family members went there except for my mother. Everyone was there. My uncle lived there for about 10-12 years.

I expected... "Two years of life, separation!" [laughs]. I just wanted to go to another city, see it, live it.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

Before my trip to Russia, my uncle told me, "Don't mess with our people." My first trip was to Moscow, though; I was applying to a different university there. My uncle said, "Avoid our people," but I thought that only applied to Moscow. He repeated the same thing before St. Petersburg, but he was more specific about Moscow. There was some negative news at the time, and maybe that was what scared him. He once told me, "Try not to run into our people," but I was actually looking for a meeting with our people, wanting to eat lagman with someone,

but there was no one there, everyone was at that H. [university]. Seriously, there was no one there. Maybe it was just because I was studying political science, there weren't any, not even any Kazakhs, or something like that. But then I met some Tajiks in my organization and thought, "Oh my gosh." For the first two years, I didn't have any acquaintances from Kyrgyzstan, but then I did, and I was like, "Wow, wow." Yes, it was somehow calmer that we had each other. Well, I don't know, we didn't see each other that often. And I had Tajiks, I considered them my darlings. I had Kyrgyz when I was three years old, I even lived with them. When you have your own, you feel at home. "Yours" is a word many people don't like [laughs], some kind of feeling of home, something familiar. Oh, we have a common background, we'll understand each other if we say something to each other. If anything, my people will help me out. I once had a situation where someone detained my friend, he called me, I turned on my super stern voice, basically, I saved him. And I thought, if anything happens, help me, help me like this, if I get stopped, he'll say in the same voice, as much as "who, last name, first name" [laughs]. Well, I mean relatives, compatriots, mekendeshter.

We were mostly friends, initially colleagues, then friends. We were just friends who came to live. Not to study, not for work, but just to live, and I was like, "Oh, great."

I forgot, let me clarify. My uncle meant specifically our guys, the men. He was afraid. No idea. Or rather, no, he explained that they might get a little upset. But! I might have realized this when I ran into some Uzbeks who worked with me at the restaurant. They took advantage of me a bit while I was working for them (laughs). Well, they cheated me, they were almost like one of their own, maybe that's what he meant... although no, that's not what my uncle meant. We have to respect our elders, maybe those Uzbeks took advantage of that, that I'm the youngest, I won't refuse. Anyway, they gave me a card saying I could get 500 rubles worth of food, and the Uzbeks asked, saying, "Come on, you work and work," and I didn't have time to distract myself, they took my card, said, "We'll bring it to you now," brought me two apples, a banana, and that was it, like, "Here you go, a snack." And then at the end of the day, I brought the card to the administrator, and she said, "Oh, your limit is higher, not 500, but 800-900," and I was like, "What? I ate two apples and a banana," and the Russian administrator (do I need to clarify this? The administrators there were only Russian) said, "Don't give your card to anyone." I didn't even say anything to them. The second time, they asked me to do some work for someone else, but I had to mark it as a substitute, and they didn't count it; I just wasted a shift working for someone else for free. Basically, I didn't care then, because it was about my visa and registration. So yeah, two incidents with the same people, but then I left and that was it. It lasted a week, I washed dishes in a cafe, just because of my registration. I was stupid, I didn't know what you could buy, I wanted to do it all honestly. Back then, I didn't have any Kyrgyz relatives who could say, "Hey, you can buy it for two thousand rubles." That was the downside of not having my own. No one told me what I could buy. I found out when my guys arrived, and when I finished with my dishes, I worked for seven days, and they didn't do anything for me. After that, my Kyrgyz said, "But you can buy it," and I was like, "Wow, where were you seven days ago? Why the hell did I wash dishes just for the sake of registration?" They even asked me, "Why did you come here?" I'm not going to tell them, "Guys, I just need registration for my trip to Germany, so I'll wash dishes." I mean, at all. The

Uzbeks told me, “You speak Russian so well, you could become an administrator here!” and I was like, “Damn.” This was the first thing I quickly encountered, and they ended up not registering me. I don’t remember why, something was shorter, or they were delaying it, and I was like, “Can I pick up my documents quickly?” Luckily, I was a little scared when I gave the administrator my passport so they could get it done quickly. They had it for seven days, and after that, when I realized they wouldn’t register me, I said, “Can I pick it up? That’s it, I’m sick, sorry, goodbye, I’m leaving.” And they let me go without a hitch. The main thing is they gave me my passport, which was great.

Russian ethnic group

My first interactions were with my classmates. My chauvinistic, imperialistic assholes. In short, I didn’t have any... I didn’t make any friends there. Basically, when I talked about Crimea, they told me to fuck off. That was my first interaction with them, and then I found my organization, which has absolutely wonderful people: feminists, altruists, people who work with migrants—my love—so yeah, completely different people. And then there were interactions with the professors, right? [laughs]. It was kind of hard at university. I thought I’d just sit there from bell to bell, from class to class, that’s it, and for me, it was hard labor. Before classes, I just walked around St. Petersburg, the chance to go out, I studied purely for the sake of St. Petersburg. But when classes were in session, interacting with the professors and classmates didn’t exactly bring me joy. For me, it was like, “Well, it’s a duty, I’m a student, I come, I study, I answer, or I don’t answer, or I just listen.” I just sat there, just sat there. But with my organizations, it was a pleasure to communicate, to work, outside of work. It was great because we shared views on everything, I don’t know, because there could be an exchange: they hadn’t encountered Kyrgyz people before, they were interested in my experience, just my life, how things are organized here. But at university, I didn’t feel that kind of interest because they treated me more like, “Oh, you’re one of us.” At first, it was absolutely terrible when political scientists would say, “Oh, Kyrgyzstan is in Russia,” and I thought, “You, damn, political scientists, this is your field, you should know where Kyrgyzstan is. We were in the Soviet Union, come on.” It was really embarrassing, not just embarrassing, but also awkward to hear. Political scientists, how can you not know what republics you have here? It’s shameful, they say, for them not to know that we’re not part of them. So yes, at first, they perceived me as “ah, one of us.” The way they treated me was different from how they treated a boy from Korea or a girl from Estonia. They were treated differently; they were like “aaah, ooh,” and I was like “mmm” (disappointed, indifferent). I was one of them. Even the teachers, while they always made allowances for kids from other countries—they got allowances for them in tests and exams—weren’t with me, because they’d tell me, “But you’re one of us,” and that’s it. A lot, I constantly heard “you’re one of us, you’re one of us, you’re this,” that kind of attitude. Not one of us at all. The language, of course. The former had a language barrier, and since they could hear me speaking Russian clearly, without an accent, for them it was like I was one of them. Because it was like this: I was talking to my family, and I was trying to hide as much as possible from the teachers and the kids during breaks, because while we were standing around waiting, I had a call home, and there was a time difference, so it was convenient for me to call during breaks. I called home and chatted on purpose, so they wouldn’t understand me, Kyrgyz. Damn,

I learned Kyrgyz there. So, I was trying to speak Kyrgyz, and my mom was like, “What, what, I don’t understand you, speak Russian.” So, that’s how it was (laughs). I was talking and talking, and one day, a teacher, an Armenian, came up to me, and she listened and listened, and she was like, “Don’t pretend you don’t know Russian.” I thought, “Damn.” Well, she was okay in other ways, but this one left such a bad impression, like, damn, she should understand that I’m not from Russia, I mean. Maybe she thought I was being secretive, but really, if you think about it, I’m talking to my family. What language should I speak to my family in? I wanted to get this across, to tell her. At times, I really regret keeping quiet because I didn’t want it to affect my studies, because maybe they would be vindictive somewhere. I was afraid it would affect me somewhere, and I thought, “I’ll keep quiet, I’ll keep quiet, I won’t tell.”

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

Of course, I maintained [a connection with Kyrgyz culture] [laughs]. I always wore a skullcap. I wore it during the first few years, I took all my skullcaps with me. I have a collection of skullcaps, and I showed everyone my tumars. The Kyrgyz once told me, “Listen, you have to wear it under your clothes,” and I was like, “Everyone can see my tumar, that I’m protected by Kyrgyz culture” [laughs]. And the Uzbeks told me, “Listen, you hide it,” so I said, “No, let everyone see.” Yes, I felt my identity more acutely there, my identity, so yes, there I tried to express myself more, to show off, to talk to home, only in Kyrgyz, I listened to music in Kyrgyz, oh, I’m home. Somehow, I don’t know, it all sounded different there than here. Here it’s yuck, Nurlan and Nasip, Bek Borbiev, yuck, and there it’s just “Tamchy, tamchy shudurum,” R. and I are sitting there, rustling, looking for a teahouse. So yeah, I thought if I’m there, I’ll be supporting our own businesses, our own. While I couldn’t find Kyrgyz cafes, I encouraged Uzbek and Tajik teahouses so that the money would go only to Central Asia. Only to Central Asia. Goods, of course, are hard to find there; everything there was Russian. I do the same thing now: I look for Russian goods [put them aside], I buy Belarusian cocoa, Turkish chocolates are superb. Just make sure they’re not Russian [quietly].

Traditions

Yes, we always tried to celebrate. If it was Nooruz, then, whoever’s free, come on over, I’ll treat you to lagman. Or, I don’t know, Kurman Ait, Orozo, I probably also wrote to everyone at home, “Ait maarek bolsun” or replied (laughs), more likely, I replied, because I never write first. Yes, Independence Day is absolutely fantastic for me, I sit in my dorm “Independence Day,” that’s all, I don’t go anywhere. No, well, generally things like that, holidays: Nooruz, Orozo Ait, Kurman Ait. And there was also this: every, well, not every, if it was something hot, just some Thursday if it fell, my mom would make boorsoks, we would read the kuranchik for our departed. I didn’t have that opportunity there, no one made boorsok, but when I was eating something hot, piping hot pancakes, I read the kuranchik, because there was some story about my sister leaving and having a dream about a disgruntled secret, and our aunt said, “Read

the kuranchik.” She must have been upset with you because you don’t do that. And I remembered that story, some kind of smoke. I know it by heart, because I heard it, and I somehow remembered it and said what was required there. Well, here’s the little one, the little one. Well, when you list the names: arbagyn, neberelerin koldop zhursun, oomiyn, this one at the end (laughs), that’s it, this little fragment. Of course. Every day. With the house every day. With the others too. The main thing is, you come once a year, talk to everyone, wholesale and that’s it for now. Wholesale, everything wholesale. And then you leave, that’s it.

Russian culture

I hate her [laughs]. Okay, I’m kidding. But I don’t know how you mean: I maintained contact with culture? I... well... ate pancakes (laughs), visited the Church of the Savior on Spilled Blood, Kazan Cathedral, I stood at the Christmas service in January, when they have [Christmas] for the Orthodox. I went as expected, as my neighbour said, put on a headscarf, a skirt, and lit a candle. And I told you that I lit a candle so that my mother wouldn’t get sick and so that my uncle wouldn’t drink, and of course the next day they called, got sick, and started drinking. That’s when I thought, “I won’t support Russian culture, certainly not Orthodox culture” [laughs]. It’s just awful. It’s just, oh, Kudai punished me.

There are [traditions that attract], Easter cakes [laughs]. Only food, I’m only interested in food. All that Christmas stuff, at two in the morning, I stood there simply because I was interested in immersing myself in it, watching, and then standing there for two hours, and then when they were all kissing the icon, and I saw all the kisses and traces of greasy lips in the glass, there were countless of them, I thought, “Ugh.” I thought, “Oh my God, how many bacteria are there?” No, we’re not like that, we’re clean freaks.” In short, nothing like that in Russian culture attracted me. I don’t even like burning Maslenitsa. By the way, we used to burn it here in kindergarten, but, by the way, for me, the bonfire, that smell, burning someone, someone in the shape of a person, come to your senses, burn Putin. I don’t know, that’s basically it.

Language

In Russian (laughs sadly). I think in Russian. Oh, no. I try to switch a little, Kyrgyz, Kyrgyz. It still doesn’t work for me. Well, I don’t know, maybe for your research, all the Orustars, friends, who sent me their Orustars here, I met them all and in their presence with the Kyrgyz here, asked something, spoke Kyrgyz with the Kyrgyz. I did this because all these visiting Orustars understood that we speak our own language here. I speak broken (Kyrgyz), the Kyrgyz look at me, like, stand there, heavy-handed, and I want to show them that we speak Kyrgyz. Not because they don’t understand, but so they understand that we don’t speak Russian here at all. Because they all come and are like, “But you all speak Russian here.” With that. Is this useful for your research? [laughs]. Well, that was after the war. So, they wouldn’t have that feeling. There wouldn’t be that feeling that “oh, cool, they speak Russian here.” Not a chance, no. I thought, if they ask me, well, okay, of course I won’t do that, of course I’ll explain the way, but at the beginning I had this idea that if they stopped me, I’d say something in Kyrgyz, although no, I won’t, I wouldn’t say it, I would explain, I would show, I would even walk them [laughs], that’s it.

[Content] in Russian, in English, ahh, and everything Kyrgyz, damn, it's so weird. In St. Petersburg, identity emerged, after the war, this "must, must, language, language [study]." What I was left with after St. Petersburg was that I don't know the language. After the war, this became doubly so. I'm a person of principle. If I knew Kyrgyz perfectly, I would always speak Kyrgyz with you in interviews, but I don't, so I have to speak (in Russian). Russian isn't just your language [laughs]. They write that Russian doesn't belong to Russians. I don't know, this has become more acute for me. I absolutely need to learn Russian; I would gladly forget it. Some Germans recently arrived, and I was letting them out, and they were like, "Oh, sorry, we don't speak Russian," and I was like, "Thank God you don't speak Russian," and they were like, "You speak Russian so well," "I dream of forgetting it," "You can talk to so many people," "Who? Just Russians? Nobody wants to talk to them anymore, what Russian, what are you talking about." I told them I wish I knew German better. In short, it turns out Europeans aren't Russophobes yet, not like me [laughs]. My friends from Russia, I used to whisper to them, "Sorry, I'm a Russophobe," but after the war, they started saying, "You can speak without whispering now," but I don't say that at all, just in case, so as not to offend anyone. But I want to offend everyone [laughs].

Part 4. Ethnic identity

I'm Kyrgyz. I'm Kyrgyz. I'm Kyrgyz. I'm Sayak. We're SS. Super Sayaks. It's always been that way in our family. So first I'm Sayak, then Kyrgyz, I'm Jumgal, even though I've never been there. And my mom's like, you were born here, but I'm like, no, I'm Jumgal.

To be Kyrgyz. Kyrgyznes

The person, and everyone who knows Kyrgyz [laughs], it turns out that I'm not me. The person who eats boorsok and respects his elders, and that's me [laughs]. I don't know, I'm just a person. Just one of the nationalities, peoples of the whole world, a boring answer. Well, there's nothing special about us. If there is something special, then that would be Hitler. I don't know, there's no such thing as, oh, we're perfect, everything is great here, we're so great, we're like everyone else, well, not like the Russians [laughs], oh well, we're good, we're peaceful and lazy, as Japarov, the autochauvinist, said, well, I guess I am too, since I said it. I don't know. We always said that in our family, especially the Tayats, that the Kyrgyz are lazy. And I grew up with this programming in my head, and I really am lazy. What unnecessary information, sorry.

Elements of Kyrgyznes

Many people don't like the word "mentality," but I'll say it often. Even in St. Petersburg, I'd jump up when grandma or grandpa walked in. There are a lot of relocated people here; they don't get up. More precisely, a friend of mine came over, and I stood up, and he was sitting there, too. I wanted to tell him, "Listen, here they get up when older people come in." That's probably it. The attitude toward older people is different than there. I don't understand how

parents can swear at their children, smoke, or anything like that. There's some kind of subordination, a mentality, with older people. That's what's important to me, yes.

When a friend came over, a very nice, liberal one, although they all have an imperialist streak, and he told me, "You all wear kalpaks here," I was like, " Yes," and " Why? Why do they wear their national clothes here? They want to show off that they're Kyrgyz." "No, because it's national dress." When I wore my skullcaps, I just wanted to show off my skullcaps [laughs]. And why, why don't women wear elecheks? I exploded at him. And I said to him, I thought of something, "Why don't you wear bast shoes in Russia?" and he understood everything. I don't know about the elements of Kyrgyzness, well, the clothes, but you don't have to show it.

I don't care about the category [nationality], but it would be cool not to look like extinct ethnic groups and nationalities. I don't want that. We shouldn't be so few in number. When these relocates arrived, Eduard Kubatov wrote, "Kyrgyz, pay attention, the gene pool," and it suddenly occurred to me that we should survive as a nation. Damn, what kind of person am I [laughs].

Being Kyrgyz in Russia

Legally, it's easier for Uzbeks and Tajiks because of the Eurasian Union, but otherwise, it's the same—we're not white, so yes. But I can't say that because I haven't experienced many of the things that someone who doesn't speak Russian might experience, for example. I'm a privileged person from the capital, so of course I can't say that outright, but from what I've heard from the children I've worked with, or from their mothers, it's hard, whether you're a boy or a girl, or any age, because you look different. It might just be my appearance, but when people hear Russian, they treat you differently. And because of your appearance, you initially get a completely different feeling—you feel like you're not your own, not Russian. And even, off-topic, when I first went to Paris, there was a dorm there, and I lived with a girl, a Ukrainian, from Luhansk. Now she supports the wrong side, but it's very interesting, so we somehow didn't discuss it. She was scared at first, and when I said "hi" to her in Russian, she was happy, she immediately smiled, and we became friends; she's a very sweet, good girl. R. also told me how her roommate at the Higher School of Economics, an ethnic Russian, once confided in her, "Listen, when I found out I'd be living with you and another girl from Bashkortostan, I was scared." So, I was like, "Yeah, yeah, yeah," they react that way at first because it feels foreign. I felt this with the Ukrainian girl too, because she thought I wasn't white. I felt this in the dorm in St. Petersburg. At first, they looked at me like that, and when I started speaking Russian, they were like, "Ahh, you're one of us." I read in everyone's looks that, of course, it's probably easier for everyone to see someone of their own race as a person or something, well, that's xenophobia, of course. For example, I never react to people like that; I'm always happy whoever walks in, no matter who, white, black, gray-brown-crimson. But white people have that. And when R. told me this story, I was like, "Yes, yes, that means I'm not the only one who felt this, that means it exists." A kind of fear, disgust, unpleasant surprise, frustration, "some Asian woman walked in, I'm going to live with her," and then you speak Russian and " aaah," a switch.

I can't stand it when people laugh at names, at titles, or when relocators arrive and are like, "You don't have Starbucks." Or when a taxi driver from Umatali arrives and they're like, "A taxi driver arrived, and we took off together" [a play on words]. As a Russian speaker, I understand why it's funny, but at the same time, when I see this, the name comes first for me. It offends me a little. I always read in Kyrgyz first, then in Russian.

The influence of identity

No, not at all. I don't really think about it. I only started thinking about it in St. Petersburg. And I didn't even think about the titular nation. When a friend from Uzbekistan told me, "You're the titular nation," it never happened; I'd never heard that phrase and never used it.

Migration experience and identity

Actually... I guess so. I realized it this way: Russia simply helped me get there sooner. For example, I looked at my uncle and mother. It comes with age. I think that if I hadn't gone there, it would have come with age. It came there because everything around me changed immediately: my environment and so on, that's why. Everything changed there, of course, although no, I first felt it when I went abroad for the first time. I had an internship in France, and there were people from 28 countries there, and then I felt my nationality acutely, when you feel like you're alone, somewhere alone. I'm the only Kyrgyz, and there are 28 of you here. You don't feel it here because there are so many of us—look, Kurmanzhan's walking across the street, hello. Abroad, where there are no one of your own, you don't see your own, it's more acute.

Part 5. Future plans

I don't plan to fry. I want to live in a place where everyone is happy, where it's clean, where waste is sorted, where everyone respects each other, communicates with each other, carefully and environmentally. I need to go to Sweden [laughs]. I want to live in a country that ranks first in the happiness index. Scandinavia. No, of course, I want it to be here [in Kyrgyzstan]. I don't see myself anywhere anymore. I still see myself on this planet. Not yet. I don't know. I can't answer. I haven't even thought about it. What I said first.

At first, I thought I could stay in St. Petersburg; it's beautiful there, but not with such people. It's just that when I listened and looked at the children, what they were going through, I simply listened, with my empathy, I can't listen. A lot depends on people. People (this is important). So that it's like in Sweden. If a child is a migrant, they have the right to learn their native language. I was actually surprised that in Sweden, even if a child is from Issyk-Kul, she has a Swedish husband, and the children could learn Kyrgyz at school, and the Swedes should try their best to find someone who will teach them Kyrgyz, but I was very upset that they chose Russian. When will this happen in Russia? Never.

Foreign students have always been expats, and I was a migrant. I don't like that they [Russians] are expats here, relocators. They don't like the word; they're disgusted because it has negative connotations: migrant, refugee. It turns out language plays such a big role, both what we call it and how they use it. When the relocators arrived and evicted the Kyrgyz, I thought, "How can this be possible?" Of course, everyone needs money, but I don't know. When we rented out our apartment, I wanted to write in both Kyrgyz and English. Of course, I would never have written that it was only for Kyrgyz, but I didn't want to. I just knew it was easier for them here, and they wouldn't encounter messages like "Russians, get out." I wanted them to feel that. Of course, they won't. Here, it's the opposite: when they hire people, they look for European-looking people and say, "Not Indians," "Not Pakistanis." They live exactly the same life as our people in Russia. How can this be? What kind of xenophobia is this? We rented it out to the Afghans, and they were super neat, but the landlords said, "Oh, we don't have any glasses or an iron." I can't imagine a situation where Kyrgyz in Russia would tell their landlords, "We don't have any champagne glasses." I'm closer to the Afghans; we have that mentality.

--- End of the interview ---

Appendix 14. Interview Transcript 5

Respondent: Participant 5

Interview conducted: 09 November 2023

Time: 48 min

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

В общем, я участвовала... То есть там два фактора сошлись, на самом деле. Я участвовала в Московской предметной кураторской школе. То есть именно это организовал В. М., один из крупнейших кураторов России, ну, в принципе, международный. И О. — вот они организовывали первую школу для кураторов и приглашали из Центральной Азии тоже некоторых участников. Вот, и я тогда прошла по конкурсу и на месяц приехала. Вот, там я познакомилась с парнем, и мы ещё полгода общались, потом встретились в Питере, и как-то вот... но как-то наши отношения становились всё больше и больше. И как раз я подавала в том году, после окончания Школы публичной политики, я подавала на магистратуру по public policy, вот. И я вообще хотела магистратуру по public policy, но туда я не прошла, потому что, ну, из-за английского я не набрала столько баллов, чтобы туда пройти. В принципе, английский у меня был тоже не очень. Вот, и мне как бы Д. скинула ссылку, что в Москве есть университет и что там тоже public policy. Я подала, и в итоге я прошла. Вот, и как раз-таки я... ну, я когда переезжала, ну, точнее, когда я туда ехала, я думала, что я больше полугода не выдержу. Во-первых, потому что я не люблю Москву. Во-вторых, там, ну, как бы, не было особо ресурсов у меня, потому что я не понимала, как можно учиться и работать одновременно, потому что учёба была у нас достаточно интенсивная — с трёх часов до девяти вечера, и плюс, ну, все занятия, домашние задания и плюс четыре часа дороги. Ну, то есть как бы времени особо не оставалось. Вот. Я думала, что я не выдержу, и максимум давала себе полгода, но думала, что попробую. Вот так я осталась на семь лет в Москве.

Да, получается, два года магистратуры. Когда я училась на втором году магистратуры, я как раз устроилась в Центр творческих индустрий. И там я ещё работала два с половиной года, получается. Была куратором международных проектов и PR, получается, директором... помощником генерального директора — это официальная должность. И да, то есть потом вот я начала заниматься фудшерингом и поняла, что вообще... ну, вообще поняла свой отчуждённый труд и поняла, что нужно уйти с работы и просто заниматься своими проектами. Ну и да, я, конечно, первые два года, или год — это было просто самовывживание, потому что у меня как бы не было никакой работы особо, но были какие-то расходы, понятное дело. Поэтому я продавала носки в супермаркете, подрабатывала курьером и вообще занималась всякими подработками, очень сомнительными. Какое-то время я, ну, как бы, да, были просто подработки, и

потом вот я в сотрудничестве с профсоюзами решила... мы решили провести исследование, расследование, не знаю, про то, как живут повара, ну, вообще... про работу мигрантов из Центральной Азии и внедриться в производство, чтобы вообще посмотреть, что там творится. И, получается, полгода примерно я там работала, и полгода ещё — у анархистов, куда мне потом уже, по сути, решили помочь, меня как-то туда и забрали, хотя я как бы не искала работу. Ну вот там были... ну, так как я готовила выставку в Швейцарию, и она была как раз связана с едой, с приготовлением, я подумала, что мне нужен этот опыт — вообще приготовления еды в производственных масштабах. И да, вот я работала год поваром.

Для меня это был, конечно, очень важный опыт. Вообще, как бы, это было всё-таки становление меня как личности, потому что я была достаточно молодая, ну то есть у меня был какой-то жизненный опыт, но я никогда, например, самостоятельно не жила. Тем более, да, я жила, получается, дома с родителями, с мамой. И, например, когда ты приезжаешь в Москву, и ты, типа, студент, и ты не дома, первое, что ты понимаешь, — это что в холодильнике есть только то, что ты туда положил. А ты обычно туда ничего не кладёшь, потому что денег нет. То есть это был, конечно, опыт взросления для меня, становления, профессионального становления, завязывания разных контактов. То есть в целом, помимо негативного опыта, необходимости выживания и разных историй в Москве, это был достаточно положительный опыт. Потому что, например, мне очень понравилось работать с профсоюзами, мне очень понравился мой опыт работы на кухне, хоть он был тяжёлый. Но после этого жизнь вообще меняется, и ты по-другому начинаешь относиться к людям, к работе, к труду. То есть вообще понимание труда происходит. Потому что, ну, реально, я раньше думала, что рабство — это, ну, как бы, не знаю, в XV–XVII веках. А то, что сейчас происходит с нашими мигрантами, — это современная форма рабства, когда люди работают по 15–17 часов в день и не видят, ну, как бы, ничего, кроме этого. У них нет досуга, свободного времени. И это был очень такой, ну, отрезвляющий опыт. Ну вот, от 12 часов — то есть там можно было, типа, выбирать, но вообще стандарт от 12. Но бывало и 14, и 15, а некоторые работали, как бы, в полную смену — это 17 часов и больше.

Часть 2. Этнические отношения

Мне кажется, у меня всегда, в принципе, было некомфортно в России, потому что даже если ты находишься в арт-среде, то вроде бы это культурные, понимающие люди, но даже там были такие случаи, которые дают тебе понять, что тебя воспринимают как-то по-другому. Например, даже в позитивном смысле. Я помню, на одном из открытий на работе один мужчина так ко мне... ну, как бы мы начали общаться, он как-то ко мне привязался и потом начал говорить, какой у меня хороший русский. Ну, типа, вот первый раз вижу человека с таким хорошим русским, и он не останавливался. То есть он говорил, что вот, типа, у всех разных людей, с которыми он имел дело, они, типа, говорят по-русски хуже, и спрашивал, почему у меня нет акцента. Ну, как бы это вроде комплимент, что ты хорошо говоришь по-русски, но это же всё равно означает какую-

то ксенофобию, не знаю. В общем... потом, это не со мной связано, но такой показательный случай: моя подруга рассказывала, что как-то она в метро разговаривала с парнем, который был, по её словам, явно из Центральной Азии. Они просто поговорили, и он ей сказал, что спасибо, потому что с ним первый раз кто-то из местного населения вообще поговорил. То есть очень редко бывает какое-то нормальное человеческое общение между незнакомыми людьми. Я думаю, что в рамках этого вопроса не очень понятно, как вообще говорить про дискриминацию. То есть дискриминация — это когда у всех есть доступ к чему-то, а тебе он закрыт. Поэтому не очень понятно, как отвечать... какой именно случай приводить. Ну, например, могу сказать: мне нужна была регистрация для работы, и мне её никто не сделал, хотя регистрация бесплатная, и любой человек по трудовому контракту может её получить. По сути, на работе, где я работала, была дискриминация, потому что граждан России оформляли напрямую, “по-белому”, в организацию, платили налоги, делали зарплатные карточки и так далее, а иностранных граждан оформляли через другое предприятие. На самом деле, я думаю, это была просто прокладка, какая-то фэйковая компания или посредник. Всех трудоустраивали через неё. При этом у них в офисе прямо было написано: дату на трудовом договоре не ставить. Мне дали договор, я его подписала, но они не хотели давать мне второй экземпляр. Через два месяца я еле как его выбила. Потом, когда я уже пошла в отдел по вопросам миграции, чтобы перерегистрироваться, выяснилось, что этого договора вообще нет в базе. Хотя каждая организация должна в течение трёх дней отправить уведомление о том, что иностранный гражданин у них работает. И мне сказали, что даже в моей описи указано, что уведомление отправлено в ФМС, хотя такого органа уже не существует. То есть это всё было фикцией. Получается, это и есть дискриминация: мы все работали на одном предприятии, но условия были разные, и из-за этого я даже не могла нормально сделать регистрацию. Единственный вариант — заплатить около 100 долларов, и я один раз так делала, но это очень рискованно: ты отдаёшь паспорт незнакомому человеку на неделю и вообще не знаешь, вернут ли его. И если не вернут — ты даже не сможешь уехать. То есть это очень большой риск. И если договор не зарегистрирован, значит, они не платят налоги. Я даже примерно считала: из примерно 75 работников, а всего там было до 500 иностранных работников, это выходило около миллиона рублей. Плюс сами рабочие ещё платили за регистрацию. То есть, по сути, людей просто эксплуатировали, и при этом они теряли все гарантии — пенсии и так далее. То есть это была такая довольно специфическая форма трудовой дискриминации. Если говорить про бытовой уровень, то да, были неприятные моменты, но это скорее проявления ксенофобии.

С жильём тоже была история. Мы с соседкой, когда заканчивали университет, искали квартиру, и почти во всех объявлениях было написано “только...”, ну, в смысле, только для определённых людей. И нам какое-то время было сложно найти квартиру. В итоге мы сняли одну, в целом она была хорошая, хозяева были более-менее адекватные, но я думаю, что они согласились, возможно, потому что там были две девушки из России. Я не знаю, какой был бы ответ, если бы мы пришли вдвоём. Там вообще такая история, что многие хозяева, особенно как я думаю, бывшие военнослужащие, которым досталась квартира, сами там никогда не жили, не делают ремонт, просто сдают её. Они

предпочитают общаться только с одним человеком, который решает все вопросы, подбирает соседей, и вся ответственность была на моих соседках. У нас часто менялись люди, а хозяева даже не знали об этом.

Ну вот, например, у меня был парень, и в целом я понимаю, что я достаточно привилегированна: у меня не было необходимости отправлять деньги домой, поддерживать родителей, и поэтому я могла оставаться в России так долго, потому что у меня там была такая мини-семья. Официально у меня, по сути, была одна основная работа. Вообще работ у меня было не так много. Первая работа была на “Фабрике”, и я сразу попала на достаточно хорошую позицию — помощницей генерального директора. На первом году магистратуры я вообще не работала, потому что не успевала, но денег, конечно, не хватало. Потом я поехала на Мальту с подругой, и у меня появился небольшой долг — где-то 200–300 евро. Для Москвы это небольшие деньги, их можно было как-то заработать. Иногда я подрабатывала курьером — брат скинул контакты, и я выходила, когда могла. В целом я работу специально не искала. Просто увидела в Facebook в группе объявление про Ф. Я про неё уже знала, и это была моя любимая институция в Москве. Я подумала: блин, вот так просто взять и там работать. Отправила резюме, меня пригласили на собеседование. Я помню, что даже сначала не ответила на письмо — подумала: нет, ещё погуляю. На следующий день ответила и пошла. Сначала вакансия, на которую я подавала, закрылась, но появилась другая, потому что человек отказался. Думаю, меня взяли во многом из-за портфолио — у меня было много международных проектов: Нью-Йорк, Голландия, Польша. Даже в России не у многих такое есть. Плюс знание языков. И, честно говоря, зарплата у них была очень маленькая: сначала 25 тысяч, потом 35. Для студента это ещё окей, но в целом на эти деньги очень сложно жить. В Москве человек с опытом и языками обычно не идёт на такую работу, если только не очень любит сферу искусства.

Рабочий день был с 11 до 7, но нагрузка огромная: на тебе весь PR, международные проекты. При этом я жила в общежитии и не платила за аренду, иначе это было бы вообще невозможно. Потом зарплату подняли до примерно 43 тысяч. И когда я уволилась и увидела, что кассир в “Пятёрочке” получает около 40, я поняла, насколько это было мало. Тогда я просто не ориентировалась в зарплатах. Я думала: зачем тогда все эти языки, опыт, если это так оплачивается. Ещё был момент с разрешением на работу: тогда иностранным студентам оно всё равно требовалось. Я сначала думала, что есть послабления, но оказалось, что нет, и мне пришлось проходить все эти очереди в ФМС и оформлять документы.

В целом, кроме меня, все на работе были россияне, только один человек был из Таджикистана. В университете была международная среда, потому что программа была на английском — там были люди из Японии, Румынии. У меня сформировался круг общения из университета, работы, друзей парня и людей из левых движений — профсоюзников, марксистов. Именно от них я получала основную поддержку, они всегда помогали.

А вот из Кыргызстана у меня почти не было круга общения. Я общалась только с некоторыми людьми. Иногда пересекались, но редко, потому что все были заняты. Она, Л., ещё жила в Одинцово. В целом из тех, с кем я познакомилась именно в Москве, и кто был из Кыргызстана, почти никого не было. Кроме, может быть, С., но не знаю, можно ли её считать. Мы познакомились ещё во время учёбы, она приходила на мероприятия, и потом уже здесь мы начали больше общаться. А так я больше никого особо не помню.

Часть 3. Стратегии аккультурации

То есть это было тоже как бы не совсем организованная диаспора, но с привлечением. То есть Музей “Гараж” делал вот эту презентацию “Середина России”, где-то там, вроде, была, не помню сейчас, но это был такой творческий проект как раз художниц из Санкт-Петербурга, которые работали с системой миграции, и они привлекли меня, Ч. и нескольких других авторов для создания номера, и мы презентовали это в “Гараже”. Ну, в принципе, некоторые люди пришли. Вот. Может быть, ещё Л., мне кажется, мы, может, не знакомы были до этого. Вот. И ещё один раз в Театре.doc вроде показывали, была премьера на Нооруз — был спектакль про... то есть это именно как бы сообщество, именно таджикская диаспора, которые работают в театре, и они делали вот на Нооруз спектакль, вот туда я ходила. Вот. Какие-то прям такие мероприятия, которые были организованы, я особо не посещала. Только вот на какие-то внутренние, да, посиделки, ну, когда диаспоры собираются там с друзьями. То есть, ну вот в Вышке у нас там некоторые меня приглашали на такие встречи внутренние, когда именно были все из Кыргызстана, вот, но я особо там... я даже один раз поссорилась, поругалась с одним парнем и особо не общалась потом с ними. Потому что он кого-то называл “тёлкой” или что-то такое. Ну, как бы... В общем, я там немного поскандалила, и меня потом уже никуда не звали. Ещё одно, да — я была на презентации фильма “Айка”. Это была премьера. Но это тоже, как бы, российский проект, да, хотя режиссёр из Казахстана, но, по сути, уже российский.

Это, да, всё культурные мероприятия... Ну и я, по сути, единственная из Кыргызстана. Ну вот с Л. мы пересекались, один раз в она приезжала. Д. тоже приезжала. Ну то есть я ещё общалась с поваром, познакомилась там, но я, конечно, общалась с ним... ну, в обычной жизни, наверное, мне было бы сложно, но тогда я общалась, конечно, для исследования, потому что мне нужно было как можно больше информации и вообще понимать, как люди живут, почему они там работают. Я у него потом информацию и после того, как ушла из организации, спрашивала, потому что после того, как всё это вскрылось, их всех напрямую трудоустроили, потому что испугались скандала. Но он потом предлагал мне секс. Да, парень из Кыргызстана. Ну, то есть он хороший, милый, просто хотел секса. И, как бы, всё наше общение в итоге к этому свелось. И да, я очень редко, особенно с парнями из Кыргызстана, общалась, потому что всё как бы к этому сводилось. То есть это в принципе очень часто так происходит. Но сами россияне, они как бы... не знаю, хотя нет, тоже не всегда держат дистанцию, но вот именно парни из Кыргызстана, они считают, что это как бы обязательно должно быть, потому что “я же

из Кыргызстана”. И мне кажется, это работает патриархальное представление, когда тело женщины как будто принадлежит не самой женщине, а нации. Поэтому же я писала статью про эту группу “патриотов”, когда они пытались проявлять насилие из-за того, что девушки встречались с другими мужчинами. Потому что это как раз связано с тем, что тебя воспринимают не как субъекта, а как объект, у которого нет собственной воли, и что ты как будто принадлежишь этой группе. И если человек себя считает кыргызом, значит, по этой логике ты тоже должна ему “принадлежать”.

Со знакомыми-то я со всеми общалась, а с незнакомыми мне было сложно. То есть я просто чувствовала какую-то свою большую зажатость, и поэтому мне сложно было у них что-то просить, даже когда, ну, как бы, наоборот, у меня было больше ресурсов. То есть я, наоборот, всех, кого знала, старалась больше поддерживать. Часто у меня просили помощи — помочь устроиться на работу, помочь с регистрацией или с чем-то ещё. И, например, даже если у меня были проблемы с регистрацией, я всё равно... ну, как бы, я знаю, что у нас люди через диаспору обычно решают вопросы регистрации, документов, гражданства и так далее. Но если говорить про какие-то бумажные вопросы, то мне как раз-таки помогали россияне. Я, например, ходила на тренировки, и один парень как-то вот проникся и помогал мне — он, по сути, будучи почти незнакомым человеком, прописал меня у себя дома. И это, ну... плюс для многих наших соотечественников — это вообще недоступный способ. И поэтому они решают вопросы легализации через диаспоры. А мне это было доступно.

И плюс, да, часто они как раз-таки... ну вот, например, один раз я делала регистрацию — это был такой случай: я искала работу, чтобы у меня был трудовой договор, и чтобы на основании него я могла зарегистрироваться. Я пришла в Б. — это нужно было для исследования — и спросила у парня: “А вам от работы делают регистрацию?” Говорю: “Я хочу устроиться, но мне важно, чтобы всё было официально”. Он говорит: “Нет”. Я спрашиваю: “А как вы тогда делаете?” Он говорит: “Ну вот, есть парень, у него делаем”, и дал мне номер. Я встретила с абсолютно незнакомым человеком в супермаркете, отдала ему паспорт, деньги — и всё. Он сказал: “Через неделю увидимся”. Ну то есть это вообще жёстко. И так, по сути, работает сообщество — по сарафанному радио, через такие контакты. И если ты не включён в эту сеть, в это сообщество, тебе очень сложно с документами, поэтому ты вынужден туда обращаться. Я так делала только один раз. И плюс у меня, из-за достаточно привилегированного положения в плане образования, есть возможность хотя бы разбираться в документах. На каком-то базовом юридическом уровне я понимаю больше. Я часто сама готовила все документы, потом, например, оформила самозанятость — это мне Л. подсказала. Это тоже была такая наша маленькая мини-диаспора: была Л. ещё несколько человек. Если что-то было нужно, мы, скорее, обращались друг к другу. То есть диаспора незнакомых людей — это одно, но у меня всё-таки был круг знакомых. Я просто не знаю, можно ли это назвать диаспорой, но если можно, то да — я скорее обращалась к знакомым.

Ну и плюс у меня есть сеть контактов, помимо тех, которые доступны большинству людей из Кыргызстана. То есть это, да, россияне, но не только. Это в целом профессиональные контакты — в сфере искусства и в сфере профсоюзной работы. Они могут быть не россиянами, но локальными, а также из других стран — например, из Украины. Это такие большие профессиональные сети: искусство и, я бы сказала, солидарность трудящихся, профсоюзная деятельность, защита прав работников. Это довольно широкая сеть, и она у меня, в принципе, по всему миру. Поэтому я чувствую эту привилегированность не только в России, а вообще в целом. Я понимаю, что куда бы я ни приехала, я смогу найти людей, которые мне помогут — именно через эти сети, не через диаспоры, а через сети марксистов, социалистов. Поэтому, мне кажется, мой случай довольно неординарный, потому что нечасто бывают такие комбинации. Иногда у людей есть только искусство как сеть, и там тоже бывает взаимопомощь. Плюс знание языка, знание каких-то юридических вещей — это тоже даёт дополнительные возможности.

Ну и ещё, да, у меня были ресурсы. То есть я могла, например, месяц не работать, жить у друзей, меня могли кормить друзья, или мой парень, который был москвичом. Это тоже ресурс, который доступен не всем. Потому что если ты мигрант без поддержки, то это совсем другая ситуация. И, например, всё, что связано с медициной, — это тоже не у всех есть. У меня был случай: воспалился зуб, и за полгода я потратила на лечение около 20 тысяч рублей. Это довольно большая сумма. Если ты мигрант и у тебя нет денег, то с такими вещами справляться очень сложно.

Один раз была такая смешная история, прям во всех смыслах смешная. Я как раз стояла в очереди в ФМС, чтобы получить разрешение на работу. Там была отдельная очередь для мужчин — такой железный загон, не знаю, видела ты или нет, прям как ограждение. И считалось, что женщинам не нужно стоять в этой очереди, в этом загоне. Но всё равно была отдельная очередь для женщин, просто большая линия, чтобы, видимо, никто не пролез внутрь основной очереди. Была такая длинная железная конструкция, и, конечно, женщинам там тоже было не очень комфортно стоять, но вот так было организовано. И я стояла в этой очереди, там были другие женщины, мы начали общаться. Одна говорила, что работает поваром в столовой, она была, вроде, из Узбекистана, другая — из Таджикистана, тоже работала в похожем месте. Одна рассказывала, что взяла кредит, чтобы детям сыграть свадьбу, в общем, такие истории. И они меня спрашивают: “А ты где работаешь?” Я говорю: “На фабрике”. И понимаю, что не могу им сказать, что я помощница генерального директора, что я там занимаюсь кураторством, современным искусством, потому что это вообще сложно объяснить. И они так с сочувствием ко мне отнеслись, как будто у меня намного более тяжёлая работа, чем у них. И я не стала с ними спорить, потому что для меня было важно это общение, чтобы мы были на каком-то более равном уровне, а не чтобы я как-то выделялась. Потому что мне важно было через такие разговоры лучше понимать людей. Я, на самом деле, не писала на академическом уровне про миграцию, но для меня это было такое исследование в процессе жизни, и я старалась как можно больше общаться. Они это воспринимали как

тяжёлую производственную работу, прямо сочувствовали. И я думаю: хорошо, что я сказала фабрика, а не музей, что не сказала, что работаю в музее.

Часть 4. Этническая идентичность

Мы были в основном с мамой, вот, и там... ну, то есть у меня нет вот этих, да, традиционных связей с семьёй, когда есть какое-то окружение, где тебя, в принципе, возвращают, где всё крутится вокруг семьи, завязано на том, что ты часть какого-то такого “корневого” сообщества. То есть у меня как бы с детства этого не было. Плюс ещё, да, я в каком-то смысле этнический маргинал. Ну и плюс, да, мне кажется, что, например, люди в столице и, скажем, в пригороде Баткена очень сильно отличаются, поэтому мне легче себя ассоциировать с городом, чем с Кыргызстаном в целом, потому что я там, например, до прошлого года особо даже не была. Вот. Ну, то есть до пандемии, как бы, за последние годы я только ездила в Талас, в Кадамжай, в Ош — в Оше я, правда, один раз была. То есть я по миру больше ездила, чем по самому Кыргызстану. И я понимаю, что есть какая-то культурная разница, какой-то ассоциативный ряд, но в принципе мне не хотелось бы сейчас привязывать себя к какой-то идентичности.

Нет, мне кажется, это бессмысленно. Ну, в плане того, что в принципе все этносы достаточно смешанные, то есть “чистых” нет, это реально социальный конструкт. Этнос — это конструкт, и он, мне кажется, ни к чему не нужен. Понятно, что исторически, там, два или несколько столетий назад это было способом выживания: мы держимся вместе, мы вместе отражаем набеги, и это было ядро, которое тебя защищает, то есть вопрос безопасности и выживания. Но в современном мире, мне кажется, это скорее мешает, потому что люди ограничивают своё общение, замыкаются. Я, например, настолько не принимаю национализм, что мне легче вообще отказаться от всех этих конструктов: расы, нации, чем мириться с тем, что происходит.

Например, когда у нас были эти трагические события, я была на джайлоо и не сразу понимала, что происходит. Я тогда училась в магистратуре, и вот я приехала на джайлоо и пыталась читать новости, и просто сидела, и плакала, потому что мне сложно представить, что люди убивают друг друга из-за того, что они считают себя разной национальности. Я даже магистерскую писала на эту тему, про роль СМИ в этнических конфликтах. Это была, конечно, более теоретическая работа, но я помню, что писала её буквально “с закрытыми глазами”, потому что мне было тяжело читать всё это.

И даже на бытовом уровне есть разделения: “своих” и “чужих”, какие-то внутренние границы, причём даже внутри одного этноса. И внутри самого Кыргызстана очень много национализма. Когда люди говорят: “я кыргыз, значит, я могу идти в политику”, а “ты не кыргыз — ты русский или кто-то ещё — ты не имеешь права что-то решать”. Хотя человек здесь вырос. То есть даже базовая гражданская, республиканская логика не работает. Хотя я, в принципе, и против национальных государств, но в любом случае... Я знаю, что очень много граждан Кыргызстана, не кыргызов по происхождению, делают

для страны больше, чем многие другие. Хотя даже это не вопрос “кто больше делает”. Для меня это вообще вопрос базового, тотального равенства.

Часть 5. Планы на будущее

Да, конечно, очень заинтересована. Я очень много делала, даже когда жила в Москве. Я старалась максимально, насколько возможно, делать что-то полезное и важное. Например, я вела онлайн группу фудшеринга, организовывала какие-то события. То есть я всегда была вовлечена, всегда на связи, всегда доступна для консультаций и всего, что можно делать онлайн. Очень многие мои знакомые, которые приезжали из разных стран, выходили на контакты через меня. Иногда я проводила показы. Например, у меня в резиденции в Москве была режиссёрка из Штатов, и потом она делала показы своих документальных фильмов уже в Кыргызстане. В общем, сколько могу, столько и делаю. И когда я приехала сюда, я сразу подумала, что нет смысла устраиваться на работу просто ради денег, на полную занятость. Я просто участвовала во всех эко-проектах, творческих проектах. У меня до сих пор нет какой-то стабильной зарплаты — я делаю проекты для развития сообщества, для образования, чтобы что-то привнести.

У нас есть направление, связанное с коренизацией, с ранним и поздним советским периодом. Мы разбираем, например, вопрос этничности — он ведь стоял очень остро при формировании Советского Союза. Там, например, был момент, когда Ленин спрашивал, на каком языке ведётся документация, и, когда ему ответили, что на русском, он говорил, что это неправильно, потому что люди на местах не говорят на русском. И тогда как раз начали переводить всё на местные языки. То есть в 1920-е годы была установка на то, что национальные республики сами решают свои вопросы, и пытались избегать патернализма. Это уже позже, при Сталине, всё стало централизоваться.

Мы также изучаем вопросы патриархальности, у нас есть отдельное направление — фемсоц. Мы смотрим на историю эмансипации женщин не только через декреты Советского Союза, а через локальных активисток, которые реально боролись и часто рисковали жизнью. Потому что, например, на одной встрече перед 8 марта некоторые феминистки даже не знали, что Роза Люксембург была марксисткой, и утверждали, что марксизм и феминизм не связаны. А для нас важно показать, что это не просто “спущенные сверху” реформы, а что были местные движения и люди, которые за это боролись. Поэтому мы изучаем это, чтобы говорить об этом, поднимать эти темы. Потому что есть позиция, что всё это было колониальным проектом, но на самом деле это сложнее. И нам важно работать именно с локальным контекстом. Потому что, например, в Москве часто изучают историю Германии или других стран, а не свою. То же самое в искусстве — изучают мировую историю, а не локальную.

Второе направление — это прикладное искусство. Моя бабушка, хотя я её почти не знала, была реставратором в историческом музее. А моя тётя, хотя она была физиком и кандидатом наук, после распада СССР начала шить и стала дизайнером. И вот это

прикладное искусство — ширдак, ала кийиз и так далее — это то, что, в принципе, многие знают или умеют. И мне это очень интересно: узоры, символика, что они означают — там, например, умай или какие-то растительные мотивы. И я даже не знаю, с какой позиции я это исследую, просто потому что мне это кажется важным и интересным.

И мне кажется, важно, что это не должно быть привязано к этничности. Мы, например, с друзьями стараемся это деконструировать — заниматься какой-то деколонизацией, чтобы это было не “кыргызское” как этническое, а как часть общей культуры. Например, Т. пробовала играть на комузе, и это тоже про включение этих практик в современность. Или, например, О. — она не кыргызка, но занимается войлоком. И мы воспринимаем это как часть культуры Кыргызстана, а не как что-то, принадлежащее только одному этносу. То есть эти знания и культура должны быть доступны всем, кто живёт в этом контексте и себя с ним ассоциирует.

Наверное, ещё потому, что я вовлечена в какие-то политические процессы и пытаюсь действовать на уровне города. Плюс у меня культурное окружение. И, конечно, есть сильное различие между городом и селом. Я, например, не умею доить корову, никогда ничего не выращивала — всё, что связано с сельской жизнью, мне чуждо. Я выросла в квартире, у меня нет этой связи с землёй, нет понимания циклов — посадить, вырастить, собрать. У меня нет сада. И мне кажется, даже если бы я жила в другом городе, я всё равно чувствовала бы себя скорее городской, чем частью сельского контекста. Поэтому я не говорю, что я “кыргызстанка” в полном смысле, потому что не ассоциирую себя полностью со страной. Я во многих местах даже не была и только сейчас начинаю узнавать страну, в которой выросла.

--- End of the interview ---

Appendix 15. Transcript Translation 5

Respondent: Participant 5

Interview conducted: 09 November 2023

Time: 48 min

Language: Russian

Part 1. Migration story

So, I participated... Well, two factors actually came together. I participated in the Moscow Subject Curatorial School. That's exactly what V.M., one of Russia's leading curators, and, well, international, organized. And O.—they organized the first school for curators and invited some participants from Central Asia, too. So, I won the competition and came for a month. So, I met a guy there, and we talked for another six months, then we met in St. Petersburg, and somehow... but somehow our relationship just kept growing. And that year, after graduating from the School of Public Policy, I applied for a master's program in public policy, you see. And I actually wanted to get a master's program in public policy, but I didn't get in because, well, my English didn't score high enough to get in. My English wasn't that great either. So, D. sort of sent me a link that there was a university in Moscow and that it also had public policy. I applied, and in the end, I got in. So, I... well, when I moved, well, more precisely, when I was going there, I thought I wouldn't last more than six months. Firstly, because I don't like Moscow. Secondly, there, well, I didn't really have much resources, because I didn't understand how it was possible to study and work at the same time, because our studies were quite intense - from three in the afternoon until nine in the evening, and then, well, all the classes, homework, and an extra four hours of travel. Well, that is, there wasn't much time left. So, I thought I wouldn't last, and I gave myself six months at most, but I thought I'd try. That's how I ended up staying in Moscow for seven years.

Yes, it turns out, two years of master's degree. When I was in my second year of my master's, I got a job at the Center for Creative Industries. And I worked there for another two and a half years, I think. I was the curator of international projects and PR, I think, the director... assistant to the general director—that's the official position. And yes, that is, then I started doing foodsharing and realized that in general... well, in general, I realized my alienated labor and realized that I needed to quit my job and just focus on my projects. Well, yes, of course, for the first two years, or a year, it was just survival, because I didn't really have any real work, but I did have some expenses, of course. So I sold socks in a supermarket, worked as a courier, and generally did all sorts of odd jobs, very dubious ones. For a while, I, well, yeah, I was just working part-time, and then, in collaboration with the trade unions, I decided... we decided to conduct research, an investigation, I don't know, about how cooks live, well, in general... about the work of migrants from Central Asia and to infiltrate the industry to see what was going on there. So, it turns out, I worked there for about six months, and then another six months with

the anarchists, who, essentially, decided to help me, and somehow got me there, although I wasn't really looking for work. Well, there were... well, since I was preparing an exhibition in Switzerland, and it was specifically related to food, to cooking, I thought I needed this experience—of cooking in general on an industrial scale. And yes, so I worked as a cook for a year.

For me, it was, of course, a very important experience. In general, it was, after all, a formative experience for me as a person, because I was quite young, so I had some life experience, but I'd never, for example, lived on my own. Moreover, yes, I lived, it turns out, at home with my parents, with my mother. And, for example, when you come to Moscow, and you're, like, a student, and you're not at home, the first thing you realize is that the only thing in the fridge is what you put in it. And you usually don't put anything in there because you have no money. So, it was, of course, a growing experience for me, a development, a professional development, making various contacts. So, overall, aside from the negative experience, the need to survive, and various stories in Moscow, it was a rather positive experience. Because, for example, I really enjoyed working with the trade unions, I really enjoyed my experience working in the kitchen, even though it was difficult. But after that, life changes completely, and you start to view people, work, and labor differently. I mean, a whole new understanding of labor occurs. Because, really, I used to think that slavery was, like, I don't know, something from the 15th to 17th centuries. But what's happening to our migrants now is a modern form of slavery, where people work 15-17 hours a day and see, well, nothing else. They have no leisure, no free time. And it was a very, well, sobering experience. Well, from 12 hours—that is, you could, like, choose, but generally the standard was 12. But sometimes it was 14, and 15, and some worked, like, a full shift—that's 17 hours or more.

Part 2. Ethnic relations

I think I've always felt uncomfortable in Russia, because even if you're in the art world, and the people there are cultured and understanding, there have been instances where you realize you're perceived differently. For example, even in a positive way. I remember at one of the openings at work, a man approached me like... well, we kind of started talking, he kind of became attached to me, and then started telling me how good my Russian was. Like, this is the first time I've seen someone with such good Russian, and he didn't stop. He was basically saying that all the different people he's dealt with, they all speak worse Russian, and he asked why I didn't have an accent. Well, it's kind of a compliment that you speak Russian well, but it still seems like some kind of xenophobia, I don't know. Anyway... this isn't specific to me, but here's a telling example: a friend of mine was telling me she was talking to a guy on the subway who, she said, was clearly from Central Asia. They just chatted, and he thanked her because it was the first time anyone from the local population had ever spoken to him. So, normal human interaction between strangers is very rare. I think it's unclear how to even talk about discrimination in this context. Discrimination is when everyone has access to something, but you don't. So it's unclear how to respond... which specific example to cite. Well, for example, I could say: I needed registration for work, and no one gave it to me, even though

registration is free, and anyone with an employment contract can get it. Essentially, there was discrimination at the place where I worked, because Russian citizens were hired directly, legally, by the organization, paying taxes, getting payroll cards, and so on, while foreign citizens were hired through another company. In reality, I think it was just a front, some kind of fake company or intermediary. Everyone was hired through it. Meanwhile, their office clearly stated: don't put a date on the employment contract. They gave me a contract, I signed it, but they wouldn't give me a second copy. Two months later, I barely managed to get it. Then, when I went to the migration department to re-register, it turned out the contract wasn't even in the database. Even though every organization is required to send a notification within three days that a foreign citizen is employed. And they told me that even my inventory indicated that the notification was sent to the FMS, even though such an agency no longer exists. So, it was all a sham. So, this is discrimination: we all worked at the same company, but the conditions were different, and because of that, I couldn't even properly register. The only option was to pay about \$100, and I did that once, but it's very risky: you give your passport to a stranger for a week and don't even know if they'll return it. And if they don't, you won't even be able to leave. So, it's a huge risk. And if the contract isn't registered, that means they're not paying taxes. I even did a rough calculation: out of about 75 employees, and there were up to 500 foreign workers in total, that came to about a million rubles. Plus, the workers themselves had to pay for registration. So, essentially, people were simply exploited, and in doing so, they lost all their guarantees—pensions and so on. So, it was a rather specific form of labor discrimination. If we're talking about everyday issues, yes, there were some unpleasant moments, but these were more likely manifestations of xenophobia.

There was also a story with housing. My roommate and I, when we were finishing HSE, were looking for an apartment, and almost all the ads said “only...” —meaning, only for certain people. And for a while, we had a hard time finding an apartment. In the end, we rented one; overall, it was nice, the owners were more or less reasonable, but I think they agreed maybe because there were two girls from Russia there. I don't know what the answer would have been if we had gone together. The general story is that many landlords, especially, I think, former military personnel who got the apartment, never lived there themselves, don't do any renovations, and just rent it out. They prefer to deal with just one person who handles all the issues, selects the roommates, and all the responsibility fell on my roommates. We had a lot of new people in our apartment, and the landlords didn't even know about it.

Well, for example, I had a boyfriend, and overall, I realize I'm quite privileged: I didn't have to send money home to support my parents, and that's why I was able to stay in Russia for so long because I had a mini-family there. Officially, I essentially had one main job. Actually, I didn't have many. My first job was at Fabrika, and I immediately landed a pretty good position as an assistant to the general director. In my first year of graduate school, I didn't work at all because I didn't have time, but of course, I didn't have enough money. Then I went to Malta with a friend and got into a small debt—about 200-300 euros. That's not much money for Moscow, but I could have earned it somehow. Sometimes I worked as a courier—my brother sent me his contact information, and I worked when I could. Overall, I wasn't specifically looking for work. I just saw an ad about F. in a Facebook group. I already knew about it, and

it was my favorite institution in Moscow. I thought, “Damn, it’s that easy to just up and work there.” I sent my resume, and they invited me for an interview. I remember not even replying to the email at first—I thought, “No, I’ll just hang out a little longer.” The next day, I replied and went. At first, the position I applied for closed, but another one opened because the person declined. I think they hired me largely because of my portfolio—I’ve had a lot of international projects: New York, Holland, Poland. Not many people have that, even in Russia. Plus, I know languages. And, frankly, the salary was very low: 25,000 rubles at first, then 35,000. For a student, that’s okay, but overall, it’s very difficult to live on that kind of money. In Moscow, someone with experience and language skills usually doesn’t take that kind of job, unless they’re really passionate about the arts.

The workday was from 11 a.m. to 7 a.m., but the workload was enormous: you had all the PR and international projects on your plate. Meanwhile, I lived in a dorm and didn’t pay rent; otherwise, it would have been impossible. Then my salary was raised to about 43,000 rubles. And when I quit and saw that a cashier at Pyaterochka was making around 40,000, I realized how little it was. Back then, I simply had no idea about salaries. I thought, “What’s the point of all these languages and experience if I’m paid like this?” There was also the issue of work permits: foreign students still needed them back then. I initially thought there would be some easing of restrictions, but it turned out there weren’t, and I had to wait through all those lines at the Federal Migration Service and fill out the paperwork.

Apart from me, everyone at work was Russian, with only one person from Tajikistan. The university had an international environment because the program was in English—there were people there from Japan and Romania. I formed a network of contacts from the university, work, my boyfriend’s friends, and people from leftist movements—trade unionists, Marxists. It was from them that I received most of my support; they were always there for me.

As for me, I had almost no social circle from Kyrgyzstan. I only interacted with a few people. We occasionally crossed paths, but rarely because everyone was busy. She, L., was still living in Odintsovo. Overall, of the people I met in Moscow who were from Kyrgyzstan, there were almost no one. Except maybe S., but I don’t know if she counts. We met while still studying; she came to events, and then we started hanging out more here. Otherwise, I don’t really remember anyone else.

Part 3. Acculturation Strategies

So, it was also kind of like a not-so-organized diaspora, but it involved people. The Garage Museum did this presentation called “The Middle of Russia,” somewhere around there, I think, I don’t remember now, but it was a creative project by female artists from St. Petersburg who were working with the migration system, and they brought in me, Ch., and a few other authors to create an issue, and we presented it at the Garage. Well, basically, some people came. So. Maybe L., too, I think, we might not have known each other before. So. And there was another one at Teatr.doc, I think, there was a premiere on Nooruz—there was a play about... so, it’s

kind of a community, specifically the Tajik diaspora who work at the theater, and they put on a play for Nooruz, so I went there. So. I didn't really attend any of the events that were organized. Only for some internal, yeah, get-togethers, you know, when diasporas get together with friends. I mean, at HSE, some of us invited me to these internal meetings, when everyone was from Kyrgyzstan, but I didn't really... I even had a fight once, an argument with a guy, and didn't really talk to them after that. Because he called someone a "chick" or something like that. Well, sort of... Anyway, I had a bit of a row there, and then I wasn't invited anywhere. Another thing, yeah, I was at the presentation of the film "Ayka." It was the premiere. But that, too, is kind of a Russian project, yes, even though the director is from Kazakhstan, but essentially it's Russian.

Yes, it's all cultural events... Well, I'm basically the only one from Kyrgyzstan. Well, L. and I crossed paths, she came over once. D. came over too. Well, I also talked to the cook, I met him there, but of course, I talked to him... well, in normal life, it probably would have been difficult for me, but back then, of course, I talked to him for research, because I needed as much information as possible and generally understand how people live, why they work there. I then asked him for information even after I left the organization, because after it all came to light, they all hired them directly because they were afraid of a scandal. But then he offered me sex. Yes, a guy from Kyrgyzstan. Well, I mean, he's a good, sweet guy, he just wanted sex. And, like, all our conversations ultimately came down to that. And yes, I very rarely talked, especially with guys from Kyrgyzstan, because everything kind of came down to that. That is, in principle, this happens very often. But the Russians themselves, they kind of... I don't know, although no, they don't always keep their distance either, but the guys from Kyrgyzstan in particular, they think it's kind of mandatory because "I'm from Kyrgyzstan." And I think this is a patriarchal notion at work, where a woman's body is supposedly owned not by the woman herself, but by the nation. That's why I wrote an article about this group of "patriots" when they tried to resort to violence because the girls were dating other men. Because it's precisely because you're perceived not as a subject, but as an object, without a will of your own, and as if you belong to this group. And if someone considers themselves Kyrgyz, then by this logic, you should also "belong" to them.

I communicated with everyone I knew, but I had a hard time with strangers. I just felt really inhibited, and so it was hard for me to ask them for anything, even when, well, on the contrary, I had more resources. So, on the contrary, I tried to be more supportive of everyone I knew. They often asked me for help—to help them find a job, to help with registration, or something else. And, for example, even if I had problems with registration, I still... well, I know that people in our country usually resolve issues with registration, documents, citizenship, and so on through the diaspora. But if we're talking about paperwork, it was actually Russians who helped me. For example, I went to training, and one guy somehow got involved and helped me—he, essentially, being a virtual stranger, registered me at his house. And this, well... plus, for many of our compatriots, this method is completely inaccessible. And so they resolve legalization issues through diasporas. And this was accessible to me.

And plus, yes, often they are just that... well, for example, once I did the registration—it was like this: I was looking for a job so that I would have an employment contract, and so that I could register based on it. I went to B.—it was necessary for research—and asked a guy, “Does your job register you?” I said, “I want to get a job, but it’s important to me that everything is official.” He said, “No.” I asked, “Then how do you do it?” He said, “Well, there’s a guy, we do it with him,” and gave me his number. I met a complete stranger in a supermarket, gave him my passport, money—and that was it. He said, “See you in a week.” Well, that’s really tough. And that’s essentially how the community works—by word of mouth, through these kinds of contacts. And if you’re not included in this network, in this community, it’s really hard to get documents, so you have to go there. I only did that once. And, thanks to my rather privileged educational position, I have the opportunity to at least understand the paperwork. I understand more about basic legal matters. I often prepared all the documents myself, and then, for example, I registered as self-employed—L. helped me with that. It was also our little mini-diaspora: there were L. and a few other people. If we needed something, we mostly turned to each other. A diaspora of strangers is one thing, but I did have a circle of acquaintances. I just don’t know if you can call it a diaspora, but if so, then yes—I mostly turned to my acquaintances.

Plus, I have a network of contacts beyond those available to most people in Kyrgyzstan. That is, yes, Russians, but not only. These are generally professional contacts—in the arts and in trade union work. They may not be Russian, but local, and also from other countries—for example, from Ukraine. These are large professional networks: art and, I would say, worker solidarity, trade union activity, and the protection of workers’ rights. It’s a fairly broad network, and I have it, basically, all over the world. So I feel privileged not only in Russia but in general. I understand that wherever I go, I can find people who will help me—precisely through these networks, not through diasporas, but through the networks of Marxists and socialists. Therefore, I think my case is quite unusual, because such combinations are rare. Sometimes people only have art as a network, and mutual assistance can also occur there. Plus, knowledge of the language and some legal matters also provide additional opportunities.

And yes, I had resources. I could, for example, not work for a month, live with friends, and be fed by friends or my boyfriend, who was from Moscow. This is also a resource that isn’t available to everyone. Because if you’re a migrant without support, it’s a completely different situation. And, for example, anything related to medicine—not everyone has that either. I had a tooth infection, and over the course of six months, I spent about 20,000 rubles on treatment. That’s quite a large sum. If you’re a migrant and you don’t have money, it’s very difficult to cope with such things.

There was a funny story once, really funny in every sense of the word. I was standing in line at the Federal Migration Service to get a work permit. There was a separate line for men—this iron corral, I don’t know if you’ve seen it or not, just like a fence. And the idea was that women shouldn’t stand in that line, in that corral. But there was still a separate line for women, just a long line, apparently to prevent anyone from squeezing into the main line. There was this long iron structure, and of course, it wasn’t very comfortable for women to stand there either, but

that's how it was organized. And I was standing in this line, there were other women there, and we started talking. One said she worked as a cook in a cafeteria, she was from Uzbekistan, I think, another—from Tajikistan, also worked in a similar place. One told me she took out a loan for her children's wedding—stories like that. And they asked me, "Where do you work?" I said, "In a factory." And I realized I couldn't tell them I was the general director's assistant, that I was involved in curating and contemporary art, because it was so hard to explain. And they treated me with such sympathy, as if my job was much harder than theirs. And I didn't argue with them, because it was important to me to have this communication, to be on a more equal level, not to stand out in any way. Because it was important to me to better understand people through such conversations. I hadn't actually written about migration at an academic level, but for me it was a kind of lifelong research, and I tried to communicate as much as possible. They perceived it as hard industrial work, and they were downright sympathetic. And I thought: it's good that I said "factory" and not "museum," that I didn't say I worked in a museum.

Part 4. Ethnic identity

We were mostly with my mother, and there... well, I mean, I don't have those, yeah, traditional family ties, where there's some kind of environment where you're basically raised, where everything revolves around family, tied to being part of some kind of "root" community. I mean, I haven't had that since childhood. Plus, yeah, I am, in a sense, an ethnic outcast. And, yeah, I think that, for example, people in the capital and, say, in the suburbs of Batken are very different, so it's easier for me to identify with the city than with Kyrgyzstan as a whole, because, for example, I hadn't really been there until last year. So. Well, I mean, before the pandemic, in recent years, I'd only traveled to Talas, Kadamzhai, Osh—I've only been to Osh once, though. So, I've traveled more around the world than around Kyrgyzstan itself. And I understand that there is some kind of cultural difference, some kind of associative series, but in principle I would not like to tie myself to any kind of identity now.

No, I think it's pointless. Well, in the sense that, in principle, all ethnic groups are quite mixed, meaning there are no "pure" ones; it's truly a social construct. Ethnicity is a construct, and I don't think it's useful. Of course, historically, say, two or several centuries ago, it was a means of survival: we stick together, we fight off raids together, and it was the core that protects you, that is, a matter of security and survival. But in the modern world, I think it's actually a hindrance, because people limit their interactions and become isolated. For example, I reject nationalism so much that I find it easier to completely abandon all these constructs—race, nation—than to accept what's happening.

For example, when we had those tragic events, I was in the jailoo and didn't immediately understand what was happening. I was studying for a master's degree at the time, and so I came to the jailoo and tried to read the news, and I just sat there and cried, because I find it hard to imagine people killing each other because they consider themselves different ethnicities. I even wrote my master's thesis on this topic, about the role of the media in ethnic conflicts. It was,

of course, a more theoretical paper, but I remember writing it literally “with my eyes closed” because it was so hard for me to read all of this.

Even at the everyday level, there are divisions: “us” and “them,” some internal boundaries, even within a single ethnic group. And within Kyrgyzstan itself, there’s a lot of nationalism. When people say, “I’m Kyrgyz, so I can go into politics,” but “You’re not Kyrgyz—you’re Russian or someone else—you have no right to decide anything.” Even though they grew up here. So even basic civic, republican logic doesn’t apply. Although I’m generally against nation-states, in any case... I know that many citizens of Kyrgyzstan, not of Kyrgyz descent, do more for the country than many others. Although it’s not even a question of “who does more.” For me, it’s a question of fundamental, total equality.

Part 5. Future plans

Yes, of course, I’m very interested. I’ve been doing a lot, even when I lived in Moscow. I’ve tried to do as much as possible to do something useful and important. For example, I ran an online foodsharing group and organized various events. So, I was always involved, always in touch, always available for consultations and anything else that could be done online. Many of my acquaintances, who came from different countries, connected with me. Sometimes I held screenings. For example, I had a director from the States at my residence in Moscow, and she later screened her documentaries in Kyrgyzstan. Basically, I do as much as I can. And when I came here, I immediately thought there was no point in taking a full-time job just for the money. I simply participated in all the eco-projects and creative projects. I still don’t have a stable salary—I do projects for community development, for education, to make a difference.

We have a focus on indigenization, the early and late Soviet periods. We examine, for example, the issue of ethnicity—it was a pressing issue during the formation of the Soviet Union. There was a time, for example, when Lenin asked what language the documentation was kept in, and when he was told it was Russian, he said that was wrong because the people there didn’t speak Russian. And then they started translating everything into local languages. So, in the 1920s, the attitude was that the national republics would resolve their own issues, and they tried to avoid paternalism. It was later, under Stalin, that everything became centralized.

We also study issues of patriarchy; we have a separate focus, femsoc. We look at the history of women’s emancipation not only through the decrees of the Soviet Union, but also through local activists who truly fought for it, often risking their lives. For example, at one meeting before March 8th, some feminists didn’t even know that Rosa Luxemburg was a Marxist and claimed that Marxism and feminism were unrelated. But it’s important for us to show that these weren’t simply reforms “imposed from above,” but that there were local movements and people who fought for them. So we study this to talk about it, to raise these issues. Because there’s a position that all of this was a colonial project, but in reality, it’s more complicated. And it’s important for us to work with the local context. Because, for example, in Moscow,

people often study the history of Germany or other countries, not their own. The same thing applies to art—they study world history, not local history.

The second area is applied art. My grandmother, although I hardly knew her, was a restorer at a history museum. And my aunt, although she was a physicist and a PhD candidate, took up sewing after the collapse of the USSR and became a designer. And this applied art—shirdak, ala kiyiz, and so on—is something that, in principle, many people know or are skilled at. And I'm very interested in it: the patterns, the symbolism, what they mean—for example, umai or some plant motifs. And I don't even know from what perspective I'm exploring it, simply because I find it important and interesting.

And I think it's important that this shouldn't be tied to ethnicity. For example, my friends and I are trying to deconstruct this—to engage in some kind of decolonization, so that it's not “Kyrgyz” as an ethnicity, but as part of a shared culture. For example, T. tried playing the komuz, and this is also about incorporating these practices into modernity. Or, for example, O.—she's not Kyrgyz, but she makes felt. And we perceive this as part of Kyrgyz culture, not as something belonging only to one ethnic group. This means that this knowledge and culture should be accessible to everyone who lives in this context and identifies with it.

Perhaps it's also because I'm involved in certain political processes and try to operate at the city level. Plus, I have a cultural background. And, of course, there's a strong difference between the city and the village. For example, I don't know how to milk a cow, I've never grown anything—everything associated with rural life is alien to me. I grew up in an apartment, I don't have that connection to the land, I don't understand the cycles of planting, growing, harvesting. I don't have a garden. And I think even if I lived in another city, I'd still feel more urban than part of a rural context. So I don't say I'm a “Kyrgyz” in the full sense of the word, because I don't fully identify with the country. I've never even been to many places, and I'm only now beginning to recognize the country I grew up in.

--- End of the interview ---

Appendix 16. Interview Transcript 6

Respondent: Participant 6

Interview conducted: 10 August 2023

Time: 01:07:21

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Я поехала в Россию в 2011 году, мне только исполнилось 18, я поступила на журфак, бакалавриат, отучилась я 4 года и еще 1 год. Я сомневалась, делать магистратуру или нет, и пошла на годичные курсы дообразования, когда ты меняешь направление магистратуры и переквалифицируешься. У меня была психология. Вот я также под крылом Вышки еще прожила в Москве, но потом поняла, что я не хочу в магистратуру, и Россия это enough, и я вернулась в Кыргызстан в 2016 году. Это период моей миграции с 11 по 16 год, ровно 5 лет я жила в Москве. Почему я поехала в Россию? Потому что я знала, что я не хочу учиться в кыргызском вузе. Потому что кыргызская школа все меня полностью обработала [смеется], потому что образовательная система тебе полностью форматирует сознание. Я так это тогда не определяла, но просто знала, что кыргызский университет, они тебя, ну это короче школа разврата и нужно себя уберечь максимально от кыргызского университета, потому что я уже из школы вышла бир козум титиреп, калчылдап [с дергающимся глазом и дрожащая] [смеется]. Я все силы бросила на поступление, и у меня был выбор, поскольку я выросла в Бишкеке, мой родной язык с детства русский, кыргызский он всегда был сильно фоновый, и мой рабочий язык русский. Лучшие места, куда я могла поступить, это российское пространство. Я в начале без разбора вообще поступала: мне казалось, то РУДН это хороший университет, например. Мы же здесь живем в мифологемах о том, какой МГУ недостижимый олимп, высшее образование. В этих образах. Мне казалось, что РУДН, МГИМО, МГУ... все университеты, куда я подавала, и я расстраивалась, когда не поступала. Потом появилась Вышка, ну впоследствии я была рада, что попала туда, более свежий университет, это был лучший вариант из того, что могло со мной случиться. Еще у меня был вариант поехать в Чехию, но Чехия все равно подразумевала, что ты сначала едешь, учишь язык, тратишь денюжку и потом, возможно, поступаешь. У меня все равно было представление, которое до конца учебы сохранялось, что чешское — это очень узкий мир, условно это только Чехия, а российское образование, Россия, русский мир, это как будто шире и дает больше возможностей. Вернулась, потому что за 5 лет я не вошла в Россию и в Москву, и у меня была крепкая связь, там на самом деле я чувствовала этапы миграции. Когда я писала свой диплом, у меня же диплом тоже связан с мигрантами, миграцией, я писала о специфике медиа-потребления мигрантов из Центральной Азии на примере мигрантов из Кыргызстана. Ну такая интересная тема, по сути, неразработанная, и я по верхам прошла, но когда я готовила дипломку свою, мы как раз разбирали теорию Чикагской школы социологии об этапах миграции, что сначала у

тебя отрицание условно говоря, но потом через конфликтную зону у тебя идет адаптация и интеграция, ну по-хорошему. У меня в России, первые два года я вообще не понимала. Казалось бы, я очень стремилась, я поступила, еще в такое хорошее место, все условия, бюджет, прочее и прочее, социальные плюшки, и де-юре у тебя нет практически никаких отличий, кроме того, что ты должна эту регистрацию делать. Но тогда я не могла это осмыслить, это сейчас начинает быть понятным что происходило, потому что первые два года я была как в тумане. Я не очень понимала, где я, что происходит, потому что ты, да, у тебя русский язык, ты в совершенстве на нем говоришь, но это другой контекст. Это другой русский язык, казалось бы, языковая картина одна, но она все равно другая. И тут как бы твоя культура, я бы сказала бишкекская, помесь кыргызского, русского, советского, она вступает в конфликт с российским контекстом, тем более университет специфичный, там лучшие ребята со всей страны, половина курса москвичи. Я не могу сказать, что меня прессовали, нет, такого не было. Просто эмоционально я поняла, что культурные поля во мне столкнулись, и меня замкнуло, я ушла в себя. Я не была вовлечена в учебу так, как могла бы, и я себя гнобила за то, что я же могу учиться, потому что я же хорошо училась. Я не то, чтобы чувствовала себя за бортом. Ну у нас преподавали лучшие преподаватели со всех журфаков страны, и это была лучшая программа. Но я так сидела, смотрела, и мне неинтересно вообще. Там все время обсуждали Навального, Удальцова, потому что я не была подготовлена к этому контексту. Это слишком резкий [переход] из моего школьного мира, ну и плюс — это слишком большой город, и я до этого никогда не путешествовала. У меня однокурсники были, они там с трех лет путешествовали, но при этом я не чувствовала, что я из провинции. Я чувствовала, что я из столицы другой страны, я из другой культуры. Я так наблюдала за одноклассниками со стороны, после двух лет я начала потихоньку входить в контекст, но входить не напрямую, не через человеческие контакты. Я стала пешком ходить много по Москве, когда у меня появился интерес к музеям, театрам, к городскому пространству — того, чего у меня не было, кино. Я опять-таки больше общалась с историей, городом, архитектурой, ну в общем не с людьми. Хотя у меня вот небольшой круг, не моих одноклассников, а вот девочек из общаги, из разных факультетов, это до сих пор мои близкие подруги, мы общаемся. Получается, с третьего года я начала входить, но я не вошла в этот микромир факультета и учебы, я все равно осталась очень отчужденной. В принципе было же очень много возможностей: и остаться, и устроиться, но у меня вот этой московской мечты (не было). Я не знаю, как это объяснить, эту степень отчужденности, 5 лет жизни, это приличный срок, но есть вот такое отстранение все равно. Все равно о чем-то другом все говорят.

Часть 2. Отношения/чувства кыргызской и русской этнической группе

Кыргызская этническая группа

Это интересная тема, потому что в начале я искала своих. Первый год еще был адаптационный, в целом я ориентировалась по ситуации, привыкала к учебе, к высшему образованию. Во второй я год я пошла искать диаспору. У посольства Кыргызстана было

объединение такое молодежное “Жаш Толкун”. Второй курс я весь там протусовалась, я была пресс-секретарем этой организации. Она объединяет студентов как правило, но это молодежная организация кыргызов по всей России. У них был филиал в Москве, Питере, Новосибирске, Екатеринбурге. В основном это существовало в виде группы во ВКонтакте, такое поле. Ну и физически, КВН, квизы, ходите тусуетесь, разные мероприятия организовываете, ну такой культ масс. Второй год я с ними протусила, и после этого я решила, что я не буду общаться с кыргызами.

Поначалу я так бодро вошла как комсомолка “ой, давайте, вот это сделаем, это сделаю, еще можно это сделать, ох ура” на такой энтузиасткой волне. А со временем я стала видеть, что на неформальном языке называется, кыргызские движения всякие. Ну в общем я чувствовала разницу, потому что мы еще основали группу в нашем университете, студентов из Кыргызстана. Я была из первого потока студентов из Кыргызстана, и нас было человек 10, и как это всегда бывает в зачаточном состоянии, первая группа, они вместе держатся, каждая личность очень интересная. И мы собирались манты поделывать в общаге, лагман чоюп тянули тесто на лагман), у нас были какие-то тусовки. “Ой, давайте там будет какая-то постановка, там это будет, то будет”, и вот классное было общение. Чувствовалась очень разница между кыргызстанцами, там были необязательно ребята кыргызы, разные этнические группы, но из Кыргызстана, в этой группе и остальными. Там в “Жаш Толкуне” были разные ребята, и они как правило из федеральных университетов, тоже РУДН, таможенная академия, финансовая академия, не то, чтобы что-то плохое с ним было, но что-то отторгало. Я просто видела, что в этих университетах они готовят чиновников, которые будут экспортированы в Кыргызстан. Так и вышло. Сейчас, когда смотришь на состав министерства культуры, молодежи, там все ребята, которые учились в России. Как они разговаривают, их посылы, они всегда в пиджачках ходят. Я думаю, что в ходе миграции у меня как в этой теории, с одной стороны меня Россия не пускала, моя группа и мой курс, но эта среда стала же меня формировать. В университете же стандарты, никакого плагиата, никаких разводов, все строго, по протоколу. У этих ребят все было по-другому, у них не было исследовательского научного подхода. Несмотря на мою плохую успеваемость, я же все равно в этой среде форматируюсь. В общем все это национальное, оно стало выглядеть для меня маргинальным. Это у меня было, когда я в Кыргызстане жила. Ну у тебя такой разворот происходит, когда ты сначала стремишься к кыргызам. Ну вот я приходила в посольство Кыргызстана, там эжешка, которая на регистратуре, записывает мои данные, а потом такая “Орифлейм аласыңбы” [Купишь Орифлейм?] [смеется], и я помню свое состояние “Ну вот, родина, дух родины на улицах Москвы”. Мне кажется, какая-то моя часть стала разворачиваться. И плюс там был конкретный случай, когда я купила авиабилет домой на каникулы, я купила у кого-то из ребят в диаспоре, он оказался фальшивым. Они продавали бонусы Аэрофлота, короче халтурили, ребята из Академии МВД. И мне кажется, большое значение имеет язык общения, потому что ты учишься и начинаешь вот так разговаривать, типа, “языковая картина мира”, “трансцендентный”, еще что-нибудь, а там ребята, они как будто в Бишкеке до сих пор живут “есть же, вот так нормально сейчас решим все”. Немножко вот так вот. Еще чувствовалось, что они “ну ой, ну да, ну у вас же там В.”, вот эта разделенность, она подчеркивалась. После

второго курса я перестала с ними общаться, но это естественным образом произошло, но я продолжала поддерживать связь с ребятами из вышки, потому что у вас одно культурное поле, сформированное университетской культурой, поэтому вам есть о чем общаться, а там с ребятами уже нет.

Русская этническая группа

Ну да [общалась с русскими]. Оно всегда было, но с третьего курса оно прям четко [сформировалось]. Все мое окружение, оно небольшое, но в основном это россияне. В основном это ребята из университета: все по учебе. Но с девочками, с которыми мы до сих пор общаемся, мы могли говорить о чем-то кроме учебы. Это были девочки из других факультетов: политология, мировая экономика. Мы говорили о жизни, о своем возрасте. У меня подруги остались благодаря общему интересу вести абстрактные разговоры. Мне очень нравилось погружаться в мир каждой своей подруги, потому что одна, например, шьет и она из северо-западной России, и я объездила многих своих подруг, их родовые деревни, кто из каких городов. Не у всех, но у очень многих я была в гостях, у некоторых по несколько раз. Я знакомилась с их родителями, с их семьями, с их контекстом. Потому что у нас же общага, соответственно, это люди не из Москвы, и мне было интересно узнать их контекст. Одна подруга у меня из Питера, у нее очень интересная православная семья, и я к ней ездила 4 года подряд. До сих пор мы поддерживаем связь, и мне была интересна история ее мамы, история ее папы, как они [живут]. Они ортодоксальные православные хрестьяне, и они прям утром встают, молятся перед едой, у них там иконы. Но они не старообрядцы, обычные люди, но они строго [живут], у них нет телевизора дома. Мне нравилось через такие пути погружаться в российский контекст, и тогда я сама чувствовала себя исследовательницей. Это, конечно, ни в какую форму не вылилось, но мне нравилось в России быть такой: и отстраненной, и исследовательской, этнографической. Ну вот эта часть еще была.

Что я чувствую? Если говорить жалпы [в общем], я знаю и понимаю, что это не просто империя, такая сложная история. У меня есть такая теория, про это тоже много говорят, и я этого придерживаюсь, что империя сама колонизованная, с колонизированным мышлением. Условно говоря, Петр Первый, если прям жестко брать, он пришел и начал навязывать людям, что с ними что-то не то: насильно сбрасывал бороды, отнимать лапти, одевать в европейский костюм, вот это вот насаждение комплекса, что с тобой что-то не то и нужно жить как в Швеции, за морем. Я не могу это сравнивать с нашим подавленным сознанием, но там это есть. У нас условно чуть ли не каждая пара начиналась со сравнения с Западом: “вот там есть такие подходы, а у нас вот что есть”. Постоянное рассуждение из этой точки. То есть любую тему мы начинаем, и это всегда начиналось со сравнения. Очень крутые уникальные преподаватели у нас были, но всегда было сравнение. В какой-то момент мне становилось жалко, что в России есть устойчивое, может это тоже только в В. было, сравнение. Поэтому для меня это империя, если говорить про коллективное, которая сама не осознает, откуда ее тело, огромная карта России. Мне кажется, что русские себя не любят.

Я к ним как отношусь? Ну, двояко. С одной стороны, я как бы знаю, что все люди из одного теста, но культура имеет огромное значение, смесь культур. Поэтому даже тех подруг, которых я люблю, я люблю их как людей, но я вижу эти проявления этого мышления, типа белый человек и небелый. Я помню, как мне сказал один собеседник, он прям радикальный либерал, ну он прям очень не любит Россию, он сказал, что мне удалось войти в семьи и установить связи, потому что я говорю по-русски хорошо, и люди на каком-то этапе забывают, что я вообще-то нерусская. Мне было не сразу легко с этой мыслью смириться, но это тоже часть правды. И мне часто действительно подруги говорили, когда мы куда-то едем, я вытаскиваю свой паспорт, карточку например, и они говорят “блин, а мы же забываем, что ты иностранка”. Ну, когда вы годами живете вместе, общаетесь, вместе растете, там все сливается. Они не думают о том, что я кыргызка, они уже считают, что я местная, русская.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Очень сложно. Было такое, что я там [в Москве] перестала с кыргызами общаться, но мне нравилось праздновать Курман Айт, да? Хотя у меня отношения с богом изменились во время учебы. То есть я намаз читала полгода в 14 лет и в целом я верила, что на небе сидит дядя [смеется], а потом незаметно поняла, что там никого нет кажется [смеется]. Все равно какие-то ритуальные вещи мне помогали что-то такое сохранять. С одной стороны, я не понимала, что мои друзья воспринимают меня как русскую, неотличающуюся от них, но часто я подчеркивала, что я вообще-то другая. В Кыргызстане я себя так не веду, там я часто от имени Кыргызстана и кыргызской культуры себя подавала “а вот у нас в Кыргызстане говорят вот так”, то есть как вещательная будка, википедия, что-то говоришь. И это настолько неосознаваемо. И какие-то ритуалы. Вот когда я жила в Кыргызстане, я никогда не готовила дома. Тут я открыла ютуб и начала боорсоки пилить, понимаешь. Мне нравилось на Айт делать боорсоки, на ВДНХ на Нооруз продавали максым, то есть мне хотелось рассказывать о корневой культуре, о Кыргызстане, но это тоже по периодам. На пятый год я поняла, почему я всегда любила Нооруз. Для меня это празднично, потому что природа сама просыпается. Я всегда чувствовала его в воздухе, как будто у меня было внутреннее оповещение, будильник, но в тот год я его пропустила, забыла. И когда я задним числом вспомнила, я поняла, что разрыв увеличился. Ты становишься дальше и спиной поворачиваешься к Кыргызстану, к кыргызскому. Меня это напугало очень сильно, я помню. И я вот везде ходила по музеям искала репрезентацию и смирилась, что кыргызов там совсем нет. Я уже хотя бы обобщенно искала, Центральную Азию, хотя бы Азербайджан. Ты ищешь хоть какую-то репрезентацию. Конечно, я искала в музеях, в театрах. В театре. док, например, ставили пьесу о мигрантах, и я сразу вылавливала такие вещи. Если ставят Айтматова, хоть что-то, хоть где-то, рядом мимо проходили по нашей территории, я выуживала из этого огромного полотна маленькую иголочку, потому что репрезентации, по крайней мере в тот период, когда я была, очень мало на

самом деле. Еще было такое, что мы поехали с одноклассниками, с которыми я не была в сильной связи на какую-то деревню в Подмосковье. Она мне совсем не понравилась, ну это было что-то туристическое, все культуры мира галопом: Вьетнам, Корея. Короче, это была реконструкция, этно-деревня культур мира, и когда мы зашли в юрту, это была монгольская юрта, у меня одноклассники начали спрашивать “а вот как у вас?”, и я поняла, что многие вещи я не могу рассказать. То есть я не могу сказать, чем отличается казахская, кыргызская юрта, а они как будто бы от меня этого ждали. Тогда же не было слов “экзотика”, “экзотизация”, и когда нет аппарата, ты не понимаешь, что не так. С этим опытом очень много игр, потому что я иногда какие-то могла традиции приукрашивать. Мне хотелось, чтобы мы выглядели [показывает монстра] [смеется], совсем отбитыми, чтобы у всех глаза были большие. Я придумывала себе всякие развлечения, потому что понимала, что они особо не секут. Не то чтобы придумывать, ты просто украшаешь.

Было, например, очень интересно, чувствовать вину. Ты же еще студентка, и вот было чувство вины перед трудовыми мигрантами. Ну вот эжешки (женщины) на факультете, было видно, что они кыргызы. Они работают, а ты учишься, живешь, тусишь с чужаками, орустар менен (с русскими), ходишь в театр, разговариваешь о Блоке. У меня было и чувство превосходства, когда ты из Бишкека, оно неявное, но тонкой нитью проходит. Потом я уже стала понимать это чувство. Но и в то же время чувство вины, это было одновременно, и иногда мне хотелось подойти и кыргызча (по-кыргызски) зафигачить, но я не могла это сделать. Не по рациональным причинам, потому что я знаю, что некоторым на работе запрещают говорить на своих языках между собой. Не по таким причинам, а просто у тебя в голове эмоциональный блок, что, если ты заговоришь, ты как будто покажешь, что ты своя, а вот это все это не очень, то есть быть кыргызкой в данном контексте не очень. Но когда ты рассказываешь орустарга (русским), что, знаете, мы такие дикие, такие сякие, у нас вообще там кишки. Вот когда такие вещи рассказываешь, тогда это прикольно, а в социальном таком плане, это не прикольно. Там много такого, это же все в твоей башке, эти игры, эти состояния, они перманентно существовали.

Русская культура

Да (взаимодействовала), кокошник носила (смеется). На самом деле мне очень было интересно, ну это внеуниверситетская программа, хотя мы учили историю, литературу, особенно русский авангард. В какой-то момент я преодолела этот блок заходить в храмы. Я прям ходила, мне было очень интересна религиозная культура, храмовая, с точки зрения архитектуры и у кого какие отношения с богом. Я выпытывала у своих подруг, там же тоже у каждого региона свои особенности, и я прям допытывала их. Мне кажется, я еще тогда у них брала интервью, типа а вот в Вологодской области как, а что у вас есть, и мне кажется, потому что меня саму стало это этно интересовать, мне было интересно как у русских все это устроено. У нас тогда не было фестиваля “Оймо”, была только Дильбар, сейчас вот сильная волна, фолк-стиль, возврат к национальным корням с опорой на этническое, прикладное искусство и т. д. Меня это стало интересовать тогда

и то, как это у русских, и тогда я обнаружила, что я этого не стесняюсь и это классно. Орустарда [у русских], у них это выбрито под корень. Слово “кокошник” например, мои одноклассники говорят “не буду же я кокошник носить” или “че мне на балалайке играть”, ну я думала “блин, у нас комуз”, не стыдно. Ну когда-то это было стыдно, считалось не очень, а у них это прям совсем плохо, я имею в виду отношение самих людей. И вся русская культура свелась к этой песне, кайсы эле [как называлась?], песня про лапти есть смешная. Кайсы ыр эле [какая это была песня?]. А, “валенки, валенки”. У меня такая формула вывелась, что вся русская культура свелась к валенкам, ну все такое ряженое, знаешь. Там же огромный пласт, который просто куда-то ушел. А так мне кажется, я достаточно повзаимодействовала с русской культурой, и она мне была очень интересна для исследования.

Язык

С друзьями и родственниками все меньше и меньше поддерживала связь. Я же еще два раза в год приезжала: зимой на две недели, летом – на два месяца. Если в начале я всех вокруг собирала, всем подарки привозила, всех родственников навещала, то постепенно это все стало сходиться на нет. И мифы, что у нас так вкусно, лагман, манты, Фаиза, Куликовский – все эти главные штампы кыргызов в эмиграции [стали исчезать]. Со временем я поняла, что мне здесь не так вкусно, что это больше в мифологеме некой живет, воспетость в языке. Все пересолено, жирное, несвежее, могу отравиться. С родственниками особо не о чем говорить, а с друзьями – я сама стала по-другому разговаривать. Вот я сама стала по-другому разговаривать. Я когда через пять лет вернулась, это сейчас чуть-чуть, мне кажется, он [язык] стабилизировался, тогда я вот прям по-московски разговаривала. Ну, ты выпендриваешься, действительно, (говоришь) “мага” [магистратура], “ботать” (учиться), и все спрашивают, что такое “ботать”. Это очень в. [тема] да? Ну, потому что ты так разговариваешь. Ну, не всегда прям выпендриваешься где-то уже на автомате идет. Где-то я это подчёркивала. Но очень сильно выбивается [язык]. Вот я поняла, что именно то, как ты говоришь, может быть, даже не всегда как ты выглядишь [тебя отличает]. Ну, выглядишь тоже, но язык очень сильно [выделяется]. Вот там проходят какие-то границы, либо точки сортировки какой-то. Вот этот говор, слова, которые ты используешь, темп речи, громкость.

[Я говорю] всю жизнь на русском. [Контент потребляю] на русском. Тут, наверное, просто надо сказать про кыргызский. На кыргызском я потреблять контент не могу. У меня есть какие-то фрагменты, общее понимание, я его использую. Потому что есть вещи, которые ты на русском не скажешь. С этим у меня тоже есть большая игра, это просто может быть не совсем по твоей теме. С кыргызским я пытаюсь последние годы работать. Я до этого, оказывается, тоже это делала: вкрапление кыргызских слов в русский текст, то есть сплетение двух языков. Но если без игр, без перформативных методик, то, конечно, в голове, я думаю, по-русски. Всю жизнь я говорила по-русски и потребляю [контент] я тоже по-русски. Я думаю, что я так и думаю тоже с кыргызскими вкраплениями, но в тексте я это выворачиваю до гипертрофированности. Чтобы оно как детский лепет иногда звучало. Ну, как-то вот такое вот прям. Ну, это просто мои поиски.

Не знаю, вот оно как-то так идёт. В своей голове у меня аналитический ход мыслей какой-то, он доминирующий, орусча [по-русски].

Часть 4. Этническая идентичность

Я кыргызка. Я привязана (смеется). Меня как маленького ишачка привязали. Солнце светит высоко, я не могу попить воды. Ну просто другого слова нет. Это тот контекст, который я могу читать, слышать. И только определенное количество людей, у которых есть вход в это, могут это тоже читать и смотреть. Ну то есть, между культурами на самом деле есть очень много похожести, калек, но вот именно кыргызскость – это не только традиционная культура, это и время 90-х, в которое мы выросли, да, и всё общее поле, ты просто его читаешь. В этом я кыргызка. То есть это уже то знание, которое у меня есть. И даже если я эмигрирую куда-нибудь на Аляску, это уже то знание, которое у меня есть, и я могу это читать: все эти междометия, взгляды, язык тела, кто что подразумевал, куда сел, вот эти все вещи.

Быть кыргызом, кыргызскость

Это сложный вопрос, на самом деле, кто кого делает (кыргызом). Просто я со многими вещами не согласна, и мне кажется, люди, если они будут отвечать, что их делают кыргызами, они будут совсем другие вещи говорить. Со многими с ними я не согласна. Ну, типа кровь, например. И причем, чтобы не быть согласной, мне нужно иногда себя искусственно прям оттягивать. Потому что я выросла в этом контексте, и несмотря на там вся отличия, орусча окуп (училась по-русски), есть отделенность от корневой культуры, дистанция такая, я всё равно всего этого наслушалась. Я же тебе рассказывала, как я выкорчевывала из головы, что оштуктар [ошские, люди из города Ош] какие-то другие люди. Просто, потому что в детстве за столом про это говорили, я тоже до определённого момента, пока у меня там друзья-подруги не появились, из так называемого юга, так думала. Я это даже не анализировала. И потом я клещами вытаскивала из себя все это. И поэтому я, например, знаю про себя, что, если будет эмоциональный какой-то момент, и там будет “эх, кыргыздар”, там, что-нибудь такое, оно во мне может заиграть. Особенно если трагедия какая-то случится, драма.

Я вот говорю легко про то, что я кыргызка несмотря на то, что у меня сложные с этой идентичностью отношения. Потому что еще до Москвы у меня это было, я как бы стыдилась того, что я вообще кыргызка. Но я это не называла кыргызскостью. У нас жизнь вот такая вся, и что вот так вот мы живем. Я смотрела передачи Джейми Оливера по телевизору, и у них там всё было так классно, легко: вот он готовит, листики режет, всё так красиво. Я смотрела по телевизору одно, а реальность, она была всё такая не очень. Мне не нравилось, что я вот отсюда, и всё какое-то понурое, грубое. Для меня кыргызскость, она во многом осталась связана с насилием, грубостью, башка уруп кетип [ударить по голове], согуп кетип [побить], всё очень выживательское какое-то. Поэтому я не могу ответить на вопрос, как другие люди [это определяют].

Элементы идентичности

Вот это, знаешь, невысокий порог входа друг к другу. Это, наверное, то, что можно назвать, демократичностью, то, чем мы гордились. Ну, или говорят иногда простота. Вот когда ты можешь просто с улицы зайти, типа “здрасьте, я такая-то, мындай болом, вот это вот хочу”. То есть у нас эта возможность входа. Ну, опять-таки, это, наверное, мне легко, потому что я из Бишкека и с привилегиями. Хотя, может быть, и нет. Очень много иерархии, но при этом нет сильно сложной бюрократизации, осложнений процессов. Действительно пороги не сильно высокие. Типа стульчик свободен, кто хочет, давайте пойте. Это в отношениях между людьми, мне кажется, да. С одной стороны, все хмурые, особенно шаарда (в городе), но нет такого, что “я занята, мне некогда, запишитесь в окошечко, давайте все запланируем”. Есть готовность к импровизации, но и это тоже уходит потихоньку, по-моему, потому что капитализм, жизнь усложняется.

Влияние идентичности

Я буквально недавно с одним другом общалась, я говорю: “вот у меня какой-то кыргызоцентризм мозга, я уже понимаю, что я всё как будто” ... Ну, потому что, когда ты ещё не мобильная, ты сидишь в одном месте в Кыргызстане, так называемом третьем мире, неразвитом, такое ощущение, что ты в низине. Ты живёшь как бы в своём микромире. Он сказал, что он не берётся за всё судить, но, по-моему, у меня связь с родиной в основном держится на травмах и на непростых отношениях с родителями. Как только ты окончишь сепарацию, ты типа выйдешь в мир и вполне быстро можешь забыть. Типа если сейчас будет вторая миграция, в которую я собираюсь, в ней я буду уже не так цепляться за кыргызское. Но это его комментарии. Я сама, не знаю. Иногда мне кажется, что это очень важная часть моей личности, да, и того, как я смотрю на мир. А иногда мне кажется, что, если я решу какие-то глубоко личные вопросы, типа реализация, потребность любви, буду зарабатывать деньги, заживу в Брюсселе или в Париже, вот это всё кыргызское окажется, пузырь, и оно так и растворится. Может быть, так будет. В первую миграцию в Москву было не так. Она (кыргызскость) усиливалась, наоборот. Потому что эта среда тебя не принимает, российская, и у тебя усиливается твоя. Ты оказываешься во враждебной зоне, и у тебя увеличивается твоя. Потому что, когда я жила в Кыргызстане и никогда отсюда не выезжала, я за нее переживала, но у меня не было четко вот этого слова, идентичности у меня не было, а во враждебной в другой сфере, в поле, она раздулась, увеличилась. И из-за этого я тоже приехала. Мне казалось, что я могу делать только все, что связано с Кыргызстаном, с кыргызским контекстом, что мне самой интересно только это. Зачем мне Навальный, Удальцов, вот это вот все. Вот в актуальности мне интересно только кыргызское. А я не знаю, ну мы же динамичные, сейчас мне кажется, что может быть это поменялось, может быть нет.

Кыргызская традиция... Ну, только вот боорсоки я делала. Ну, кроме айта, я делала каждую четверг, вот эти жети челпек, жети нан (семь лепешек). Такие большие боорсоки, чтобы без ножа руками раскатать, руками порвать и прочитать Куран. Потому

что я когда там училась, еще дедушки не стало. Я как-то пыталась делать оомийн [аминь] над могилой Льва Толстого, но я не стала этого делать [смеется]. Я поехала в Ясную Поляну. Подруга, она из Тулы, там рядом же. Как раз мы поехали на Ясную Поляну, у Толстого просто там нет памятника, зелёный бугорочек такой. Я думаю, ну он же типа вообще, фигура, нужно как-то, ну знаешь, испытываешь необъяснимое чувство какой-то любви к незнакомым мертвецам, да, великим? Ну, когда ещё читаешь, думаешь, мы, типа, друзья. У нас интим был какой-то. Я думаю, “так надо сделать оомийн”, я так и не решилась. Потому что рядом стояли какие-то азеры [азербайджанцы], по-моему. А я когда сделала руки вот так [сомкнула ладони], они на меня так резко уставились. Я думала, как-то вот так сделать. Но мне кажется, что вот это магическое мышление, которое, ну, очень присуще кыргызской культуре, имеется в виду ырым-жырым, вот это всё, оно у меня остается, и несмотря на то, что я где-то отрывалась от кыргызскости, оно всё равно фоном оставалось. Про Льва Толстого, это первое, что вспомнилось, смешное. Прием пищи – это тоже традиция и культура. У меня были конфликты, но они были внутри меня. Например, в России, в общаге, каждая моя соседка приходила, и сама ела свою еду. Для меня это было дикостью всё. Или вот чай, если ставишь, то ставишь полный чайник. Там все ставили вот столько (показывает мало). Чайник один на всю квартиру, каждая ставила вот столько. Хотя мы приходим с пар примерно в одно и то же время. И для меня это каждый раз, как в первый, был культурный шок. Почему нельзя поставить целый чайник? Или наливаешь, почему не разлить сразу всем. Или предложить еду, пододвинуть к центру, какие-то вот такие вещи, которые присущи нашему быту. По мне это серьезно било в России. И мне кажется, что я все равно эти вещи сохранила, я придерживалась традициям, ну и придерживаюсь сейчас. Хотя, когда я вернулась, я проходила обратную культурную адаптацию. Потому что я незаметно для себя переняла не только язык. У меня в редакции был конфликт, когда я принесла с собой квашеную капусту. Ну, контейнер такой. Я зашла на кухню, там сидели трое наших байкешек [мужчин старшего возраста]. Я просто открыла холодильник и вспомнила, что у меня есть квашеная капуста. Я спросила, типа, “кто-нибудь хочет квашеную капусту?”, и они на меня все втроем дружно повернулись, где-то полминуты молча посмотрели, ничего не сказав, продолжили разговор свой. И для меня это было так странно. И через две недели один из них подошел и сказал, что “у нас”, он сказал, “у нас у кыргызов так не делается”. Ты не должна спрашивать, ты должна была сразу положить на тарелку и сказать “угощайтесь”. Вот в таких вот мелочах, мне кажется, там вот культура вся существует. Как бы мелочи, но это не мелочи.

Часть 5. Планы на будущее

На Мадагаскаре (вижу себя в долгосрочной перспективе) (смеется). Я на самом деле, я думаю, что да, я собираюсь во вторую иммиграцию. Я чувствую, что я неприкладная для Кыргызстана. Ну, то есть, у тебя здесь, хочешь не хочешь, появляется ощущение, что ты авангардная. Хотя я не думаю, что я (такая). Ну, как бы, это ты в кыргызском контексте как будто бы авангардная. В общем, у меня уже прошел период, где я из-за

этого страдаю. Сейчас я стала на это просто так смотреть. Это нормально, надо где-то находить для себя возможности для расширения. Я, кстати, год назад написала текст “Все́м выйти из Нары́на”. Под “Нары́ном” подразумевается узкое мышление. Потому что город Нарын со всех сторон окружен горами, соответственно, у тебя виды не открываются на дорогу, на путь. Ты окружен горами, как бы кольцом таким, со всех сторон. А потом мне кто-то написал, что с чагатайской ветки узбекского “нарын” значит узкий. Да, мне просто надоело сидеть и на всё узко смотреть. Мне нужно где-то что-то ещё посмотреть, но у меня нет на самом деле ещё представления, где именно я бы себя видела.

[Остаться в России] Нет. Я пыталась, я думала, ну, с рациональной точки зрения это возможности. Я несколько раз на магистратуру подавала. Я даже заставила себя там подавать работу. Ну, я понимаю, что я всё делаю, но у меня вообще ничего не зажигалось тогда. Просто пожить, как временное, да, окей. Я думаю, что несмотря там на политическую ситуацию и прочее-прочее, мне было бы интересно вот еще поехать в Россию, продолжить свои исследовательские вещи. Мне особенно интересны республики всякие, самые разные области, малые города. Я еще считаю, что нужно вывозить из России материалы, архивы, про Кыргызстан, они находятся не у нас, а в России, но это должно быть на госуровне. Хотя бы копии, это надо вывозить, всё, что имеет отношение к нам. А так нет, остаться я никогда не хотела. Как я сказала одной подруге, она тоже в Питере училась, я говорю, нет, Россия — это вообще мимо. Для студенчества прикольно, мне кажется. Особенно если попадаешь в место, где неплохо учат. Что-то есть в этом, какая-то даже лёгкость, жаш кезинде [в молодости], но вести взрослую жизнь и строить в этой атмосфере всю жизнь [нет].

--- End of the interview ---

Appendix 17. Transcript Translation 6

Respondent: Participant 6

Interview conducted: 10 August 2023

Time: 01:07:21

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

I went to Russia in 2011. I had just turned 18. I enrolled in the journalism department, my bachelor's degree, and studied for four years and another year. I was unsure whether to do a master's degree or not, so I took a year-long continuing education course, which allows you to change your master's program and retrain. I was majoring in psychology. I also lived in Moscow under the wing of HSE, but then I realized I didn't want to do a master's degree, and Russia was enough, so I returned to Kyrgyzstan in 2016. This is the period of my migration from 2011 to 2016; I lived in Moscow for exactly five years. Why did I go to Russia? Because I knew I didn't want to study at a Kyrgyz university. Because the Kyrgyz school completely indoctrinated me [laughs], because the educational system completely reformats your mind. I didn't define it that way then, but I just knew that the Kyrgyz university, they'll tell you, well, in short, it's a school of debauchery and you need to protect yourself as much as possible from the Kyrgyz university, because I already left school as a birch kozum titirep, kalchyldap [with a twitching eye and trembling] [laughs]. I put all my energy into applying, and I had a choice, since I grew up in Bishkek, my native language has been Russian since childhood, Kyrgyz has always been a strong background language, and my working language is Russian. The best places I could have applied to were in the Russian space. At first, I applied without any particular choice: I thought RUDN was a good university, for example. Here, we live in mythologies about Moscow State University, an unattainable Olympus of higher education. In these images. It seemed to me that RUDN, MGIMO, Moscow State University... all the universities I applied to, and I was upset when I didn't get in. Then H. appeared, but later I was glad I got in there, a more recent university, it was the best option that could have happened to me. I also considered going to the Czech Republic, but the Czech Republic still implied that you first go, learn the language, spend money, and then, perhaps, get accepted. I still had this notion, which persisted throughout my studies, that the Czech world was a very narrow world, roughly speaking, just the Czech Republic, while a Russian education, Russia, the Russian world, seemed broader and offered more opportunities. I returned because in five years, I hadn't really entered Russia or Moscow, and I had a strong connection; I truly felt the stages of migration there. When I wrote my thesis—mine is also related to migrants and migration—I wrote about the specifics of media consumption by Central Asian migrants, using migrants from Kyrgyzstan as an example. It's such an interesting topic, essentially unexplored, and I barely scratched the surface. But when I was writing my thesis, we were just going over the Chicago School of Sociology's theory of the stages of migration. It's like you're initially in denial, so to speak, but then, through a conflict zone, you adapt and integrate, well, in a good

way. For me, in Russia, for the first two years, I didn't understand it at all. It seemed like I'd worked so hard, I'd gotten into such a good place, with all the conditions, the budget, and so on, social perks, and de jure, you're practically no different, except that you have to register. But back then, I couldn't wrap my head around it. Now it's starting to make sense of what was happening, because for the first two years, I was in a fog. I didn't really understand where I was, what was happening, because yes, you speak Russian, you speak it perfectly, but it's a different context. It's a different Russian language, it would seem like the linguistic picture is the same, but it's still different. And then your culture—I'd say Bishkek culture, a mix of Kyrgyz, Russian, and Soviet—clashes with the Russian context, especially since the university is so unique: the best students from all over the country are there, and half the class is from Moscow. I can't say I was pressured, no, that wasn't the case. It's just that emotionally, I realized that my cultural fields were clashing, and I withdrew, retreating into myself. I wasn't as engaged in my studies as I could have been, and I berated myself for being able to study, because I was a good student. It's not that I felt left out. Well, we had the best professors from all the journalism departments in the country, and it was the best program. But I just sat there, watching, and I wasn't interested at all. They were constantly discussing Navalny and Udaltsov, because I wasn't prepared for this context. It was such a sudden transition from my school world, and plus, it's such a big city, and I'd never traveled before. I had classmates who'd been traveling there since they were three, but I didn't feel like I was from the provinces. I felt like I was from the capital of another country, from a different culture. I observed my classmates from a distance, and after two years, I slowly began to get into the context, but not directly, not through human contact. I started walking a lot around Moscow when I developed an interest in museums, theaters, and urban spaces—something I'd never had before, including cinema. Again, I was more involved with history, the city, and architecture, but not really with people. Although I do have a small circle, not my classmates, but girls from the dorm, from different departments, and they're still my close friends, and we keep in touch. So, it turns out that I started to fit in from my third year, but I didn't quite fit into that microcosm of the faculty and the studies; I still remained very alienated. In principle, there were plenty of opportunities: to stay and get a job, but I didn't have that Moscow dream. I don't know how to explain this level of alienation. Five years of life is a considerable amount of time, but this detachment still exists. Everyone still talks about something else.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

This is an interesting topic because, at first, I was looking for my own people. The first year was still an adjustment period; I was generally getting my bearings, getting used to my studies and higher education. In my second year, I started looking for a diaspora. There was a youth group called “Jash Tolkun” at the Kyrgyz embassy. I spent my entire second year hanging out there; I was the organization's press secretary. It's generally a student organization, but it's a youth organization for Kyrgyz people all over Russia. They had branches in Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, and Yekaterinburg. It mainly existed as a VKontakte group, that kind

of thing. And then there were the physical activities: KVN, quizzes, hanging out, organizing various events—a kind of mass cult. I hung out with them for my second year, and after that, I decided I wouldn't associate with Kyrgyz people.

Enthusiastic, like a Komsomol member, “Oh, let's do this, I'll do this, we can still do this, oh hurray!” And over time, I began to see what's informally called Kyrgyz movements of all kinds. Well, I felt the difference, because we also founded a group at our university, students from Kyrgyzstan. I was in the first cohort of students from Kyrgyzstan, and there were about 10 of us, and as always happens in the embryonic stage, the first group sticks together, each one very interesting. And we'd get together to make manti in the dorm, lagman choyup (dough-pulling for lagman), we'd have some get-togethers. “Oh, let's have some kind of production there, this will happen there, that will happen,” and those were great conversations. There was a real difference between the Kyrgyz people. They weren't necessarily Kyrgyz, but from different ethnic groups, but from Kyrgyzstan, in this group and the rest. There were a variety of people at “Jash Tolkun,” and they were mostly from federal universities, including RUDN University, the Customs Academy, the Finance Academy. It's not that there was anything wrong with them, but something about them was off-putting. I just saw that these universities were training officials who would be exported to Kyrgyzstan. And that's exactly what happened. Now, when you look at the staff of the Ministry of Culture and Youth, all the guys there studied in Russia. The way they talk, their messages, they always wear jackets. I think that during my migration, as in this theory, on the one hand, Russia didn't let me in, my group and my year, but that environment really did shape me. At the university, there are standards: no plagiarism, no scams, everything is strict, according to protocol. These guys were different; they didn't have a research-based, scientific approach. Despite my poor academic performance, I was still being shaped by this environment. Basically, all this national stuff started to seem marginal to me. I experienced this when I lived in Kyrgyzstan. You get that kind of reversal when you first try to reach out to the Kyrgyz. So, I went to the Kyrgyz embassy, and the receptionist there was taking down my details, and then she was like, “Oriflame alasynby “ (Will you buy Oriflame?) (laughs), and I remember feeling like, “Well, there you have it, the homeland, the spirit of the homeland on the streets of Moscow.” I think some part of me started to unfold. Plus, there was this specific incident when I bought a plane ticket home for the holidays; I bought it from someone in the diaspora, and it turned out to be counterfeit. They were selling Aeroflot bonuses; in short, they were doing a sloppy job, guys from the Academy of the Ministry of Internal Affairs. And I think the language of communication is very important, because you study and start talking like this, like “linguistic worldview,” “transcendental,” and so on, and then the guys there, it's as if they're still living in Bishkek, like, “Yeah, right, we'll sort everything out so nicely.” A little bit like that. I also felt like they were like, “Oh, yeah, well, you have HSE there,” so this disconnect was emphasized. After my second year, I stopped communicating with them, but that happened naturally. I still kept in touch with the guys from H. because you share a common cultural background, shaped by the university culture, so you have something to talk about, whereas with the guys there, you don't.

Russian ethnic group

Well, yes (I interacted with Russians). It was always there, but it really took shape in my third year. My entire social circle, it's not large, but mostly Russian. They're mostly guys from the university: all about their studies. But with the girls I still talk to, we could talk about things other than studies. These were girls from other departments: political science, global economics. We talked about life, about our ages. I kept friends thanks to a shared interest in abstract conversations. I really enjoyed immersing myself in each of my friends' worlds, because one, for example, sews and is from northwestern Russia, and I've visited many of my friends, their ancestral villages, and which cities they're from. Not all of them, but I've visited a lot of them, some of them several times. I met their parents, their families, their backgrounds. Because we live in a dorm, so these people aren't from Moscow, and I was interested in learning about their context. I have a friend from St. Petersburg; she has a very interesting Orthodox family, and I visited them for four years in a row. We still keep in touch, and I was interested in her mother's story, her father's story, and how they live. They are Orthodox Christian peasants, and they get up in the morning, pray before meals, and have icons. But they are not Old Believers, just ordinary people, but they live strictly; they don't have a television at home. I liked immersing myself in the Russian context through these means, and then I felt like a researcher myself. Of course, it never took any form, but I liked being like that in Russia: detached, researching, ethnographic. Well, that was still part of it.

Generally speaking, I know and understand that it's not just an empire, it's a complex history. I have a theory—it's often discussed, and I stand by it—that the empire itself was colonized, with a colonized mindset. For example, Peter the Great, to put it bluntly, came and started telling people there was something wrong with them: he forcibly shaved their beards, took away their sandals, dressed them in European suits—this instilling a complex that there's something wrong with you and you need to live like in Sweden, overseas. I can't compare this to our repressed consciousness, but it exists there. We practically began every class with a comparison to the West: "They have these approaches, and here's what we have." It was a constant line of reasoning. We always started any topic with a comparison. We had some really cool, unique teachers, but there was always a comparison. At some point, I felt sorry for the persistent comparison in Russia—maybe it was only at H., too—that was the case. That's why, to me, it's an empire, if we're talking about a collective, that doesn't even recognize where its body, this vast map of Russia, comes from. It seems to me that Russians don't love themselves.

How do I feel about them? Well, it's ambivalent. On the one hand, I kind of know that everyone is cut from the same cloth, but culture is incredibly important, a mixture of cultures. So even those friends I love, I love them as people, but I see these manifestations of this thinking, like white person and non-white person. I remember someone I talked to, he's a real radical liberal, he really doesn't like Russia, he said that I was able to fit into families and establish connections because I speak Russian well, and at some point, people forget that I'm not actually Russian. It wasn't easy for me to come to terms with this idea right away, but it's partly true. And my friends have often told me that when we go somewhere, I take out my passport, or my card, for example, and they say, "Damn, we forget that you're a foreigner." Well, when you live

together for years, communicate, grow up together, it all blends together. They don't think about the fact that I'm Kyrgyz, they already think that I'm local, Russian.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

Very difficult. There was a time when I stopped communicating with Kyrgyz people there (in Moscow), but I still enjoyed celebrating Kurman Ait, right? Although my relationship with God changed during my studies. I mean, I prayed namaz for six months at 14, and I basically believed there was an uncle sitting in heaven [laughs], and then I gradually realized there seemed to be no one there [laughs]. Still, some rituals helped me preserve something of that. On the one hand, I didn't understand that my friends perceived me as Russian, no different from them, but I often emphasized that I was actually different. In Kyrgyzstan, I don't behave like that; there, on behalf of Kyrgyzstan and Kyrgyz culture, I often presented myself as, "Well, in Kyrgyzstan, we speak like this," like a broadcasting booth, like Wikipedia, saying something. And it's so unconscious. And some rituals. When I lived in Kyrgyzstan, I never cooked at home. Then I discovered YouTube and started making boorsoks, you see. I liked making boorsoks on Ait, and at VDNKh on Nooruz, they sold maksym. I wanted to talk about root culture, about Kyrgyzstan, but that also depends on the seasons. In my fifth year, I realized why I'd always loved Nooruz. For me, it's festive, because nature itself awakens. I always felt it in the air, as if I had an internal notification, an alarm clock, but that year I missed it, forgot about it. And when I remembered in retrospect, I realized the gap had widened. You move further away and turn your back on Kyrgyzstan, on the Kyrgyz people. This really scared me, I remember. And so I went to museums everywhere, looking for representation, and I came to terms with the fact that there were no Kyrgyz people there at all. I've already done at least a general search, Central Asia, at least Azerbaijan. You're looking for at least some kind of representation. Of course, I looked in museums, in theatres. At the Teatr.doc, for example, they were staging a play about migrants, and I immediately picked out such things. If they were staging Aitmatov, at least something, anywhere, passing by in our area, I'd fish out a tiny needle from this huge canvas, because representation, at least during the period when I was there, is really very limited. There was also this thing where we went with classmates with whom I wasn't very close to to some village in the Moscow region. I didn't like it at all; it was something touristy, all the cultures of the world at a gallop: Vietnam, Korea. So, it was a reenactment, an ethno-village of world cultures, and when we entered the yurt—it was a Mongolian yurt—my classmates started asking, "What's yours like?" and I realized there were a lot of things I couldn't explain. I mean, I couldn't tell you the difference between a Kazakh yurt and a Kyrgyz yurt, but it was as if they were expecting me to. Back then, there were no words like "exotic" or "exotization," and without a camera, you can't tell what's wrong. There were a lot of games with that experience, because sometimes I would embellish certain traditions. I wanted us to look [shows a monster] [laughs] completely crazy, so everyone would be amazed. I came up with all sorts of entertainment for myself, because I knew they weren't really into it. It's not that I was inventing things, you're just embellishing.

It was, for example, very interesting to feel guilty. You're still a student, and so you felt guilty about the migrant workers. Well, the *ezheshki* [women] at the faculty, it was obvious they were Kyrgyz. They were working, and you were studying, living, hanging out with strangers, *orustar menen* [with Russians], you go to the theatre, talk about Blok. I also had a feeling of superiority when you're from Bishkek; it's subtle, but it runs through like a thin thread. Later, I began to understand this feeling. But at the same time, there was a feeling of guilt, it was there at the same time, and sometimes I wanted to go up to them and give them a good talking to, but I couldn't. Not for rational reasons, because I know that some people at work are forbidden from speaking their languages among themselves. Not for such reasons, but simply because you have an emotional block in your head that if you speak, you'll seem to show that you're one of them, and that's not really all that great, that is, being Kyrgyz in this context isn't really all that great. But when you tell the *orustarga* [Russians] that, you know, we're so wild, so different, we've got guts. When you talk about things like that, it's funny, but in a social sense, it's not funny. There's a lot of that, it's all in your head, these games, these states, they've always existed.

Russian culture

Yes (I interacted), I wore a *kokoshnik* (laughs). I was actually very interested—well, it was an extracurricular program, although we studied history, literature, especially the Russian avant-garde. At some point, I overcame this block of visiting churches. I actually went, I was very interested in religious culture, temple culture, in terms of architecture and each person's relationship with God. I asked my friends about it; each region has its own peculiarities, and I really grilled them. I think I even interviewed them back then, like, “What's it like in the Vologda region?” and I think it was because I myself became interested in this ethnicity; I was interested in how Russians organized it all. We didn't have the *Oimo* festival back then, only *Dilbar*. Now there's a strong wave of folk music, a return to national roots with a focus on ethnic and applied arts, etc. I became interested in this then, and how it is with Russians, and then I discovered that I am not ashamed of it and that it is cool. *Orustard* (with Russians), for them it is shaved down to the roots. The word “*kokoshnik*”, for example, my classmates say, “I will not wear a *kokoshnik*” or “Why should I play the *balalaika*?”, well, I thought, “Damn, we have a *komuz*”, no shame. Well, once upon a time it was shameful, it was not considered very important, but with them it is downright bad, I mean the attitude of the people themselves. And all of Russian culture has been reduced to this song, *kaisy ele* (what was it called?), there is a funny song about bast shoes. *Kaisy yr ele* (what song was that?). Ah, “*valenki, valenki.*” I came up with this formula that all of Russian culture has been reduced to *valenki*, well, all that fancy stuff, you know. There is a huge layer there that has simply disappeared somewhere. And so, it seems to me that I interacted with Russian culture enough, and it was very interesting for me to research.

Language

I kept in touch with friends and family less and less. I still visited twice a year: for two weeks in the winter and for two months in the summer. At first, I'd gather everyone around, bring gifts for everyone, and visit all my relatives, but gradually it all began to fade. And the myths about how delicious we are here, about *lagman*, *manti*, *Faiza*, *Kulikovsky*—all those main

clichés of Kyrgyz in exile—began to disappear. Over time, I realized that I didn’t like the taste here as much, that it was more a myth, a glorified language. Everything was oversalted, fatty, stale; I could get food poisoning. There wasn’t much to talk about with relatives, but with friends, I started talking differently. I started talking differently myself. When I returned five years later, I think the language had stabilized a little; back then, I spoke like a Muscovite. Well, you really are showing off, [saying] “maga” [master’s degree], “botat” [studying], and everyone asks what “botat” means. This is a very H. (topic), right? Well, because that’s the way you talk. Well, you’re not always showing off; it just happens automatically. I’ve emphasized this in some places. But (your language) really stands out. So, I realized that it’s the way you speak, maybe not even always the way you look, that sets you apart. Well, you look the same, but your language really stands out. That’s where some boundaries or sorting points are drawn. This dialect, the words you use, the pace of speech, the volume.

I’ve been speaking Russian my whole life. I consume content in Russian. I probably should just mention Kyrgyz here. I can’t consume content in Kyrgyz. I have some fragments, a general understanding, and I use it. Because there are things you can’t say in Russian. I’m also playing with this a lot; it just might not be quite on your topic. I’ve been trying to work with Kyrgyz in recent years. It turns out I’ve done this before too: interspersing Kyrgyz words into Russian texts, that is, intertwining the two languages. But without games, without performative methods, then, of course, in my head, I think in Russian. I’ve spoken Russian my whole life, and I consume content in Russian too. I think that’s how I think, too, with Kyrgyz interspersed, but in the text, I twist it to the point of exaggeration. So that it sometimes sounds like childish babble. Well, something like that. Well, it’s just my search. I don’t know, that’s just how it goes. In my head, I have some kind of analytical train of thought, it’s dominant, oruscha [in Russian].

Part 4. Ethnic identity

I’m Kyrgyz. I’m tied up [laughs]. I’m tied up like a little donkey. The sun is shining high, I can’t get a drink of water. There’s simply no other word for it. This is the context I can read and hear. And only a certain number of people who have access to this can read and watch it. Well, I mean, there are actually a lot of similarities and cripples between cultures, but Kyrgyzness is not just traditional culture, it’s also the 90s we grew up in, yes, and the whole common field, you just read it. In this, I’m Kyrgyz. That is, this is already the knowledge I have. And even if I emigrate to Alaska, this is already the knowledge I have, and I can read it: all these interjections, glances, body language, who meant what, where they sat, all these things.

To be Kyrgyz, Kyrgyzness

It’s a complicated question, really, about who makes whom (Kyrgyz). I just don’t agree with a lot of things, and I think people, if they respond that they are being made Kyrgyz, will say completely different things. I disagree with a lot of them. Like blood, for example. And to

disagree, I sometimes have to artificially distance myself. Because I grew up in this context, and despite all the differences, oruscha okup (I studied in Russian), there is a separation from the root culture, such a distance, I still heard all this. I told you how I erased from my head that the Oshtuktar (Osh people, people from the city of Osh) were some kind of different people. Simply because in childhood we talked about it at the table, and I also thought the same thing up until a certain point, until I made friends there, from the so-called south. I haven't even analyzed it. And then I pulled it all out of myself with pliers. And so, for example, I know about myself that if there's some emotional moment, and there's a "oh, Kyrgyz" feeling, something like that, it can come to the forefront within me. Especially if some tragedy happens, some drama.

I speak easily about being Kyrgyz, despite the fact that I have a complicated relationship with this identity. Because even before Moscow, I had this feeling; I was ashamed of being Kyrgyz at all. But I didn't call it Kyrgyzness. This is how our life is, and this is how we live. I watched Jamie Oliver's shows on TV, and everything was so cool and easy: there he is cooking, cutting leaves, everything is so beautiful. I watched one thing on TV, but the reality was still so not so good. I didn't like that I was from here, and everything was somehow gloomy, rough. For me, Kyrgyzness, in many ways, remained associated with violence, rudeness, head urup ketip (to hit on the head), sogup ketip (to beat), it's all very survivalist. So, I can't answer the question of how other people define it.

Aspects of Kyrgyzness

You know, this low barrier to entry. This is probably what you could call democracy, something we were proud of. Or, as they sometimes say, simplicity. It's when you can just walk in off the street and say, "Hello, I'm so-and-so, my name is so-and-so, I want this." So, we have this opportunity to enter. Well, again, it's probably easy for me because I'm from Bishkek and have privileges. Although maybe not. There's a lot of hierarchy, but at the same time, there's no overly complex bureaucracy, no complicated processes. The barriers really aren't that high. Like, the chair is free, whoever wants it, go ahead and sing. I think that's true in relationships between people. On the one hand, everyone is gloomy, especially the shaarda (in the city), but there's no such thing as, "I'm busy, I don't have time, sign up at the window, let's plan everything." There is a willingness to improvise, but this too is slowly disappearing, in my opinion, because capitalism, life is becoming more complicated.

The influence of identity

I was literally talking to a friend recently, and I said, "I have some kind of Kyrgyz-centric mentality; I already understand that everything about me is as if..." Well, because when you're not yet mobile, you're stuck in one place in Kyrgyzstan, the so-called third world, undeveloped, and it feels like you're in a lowland. You live in your own little microcosm. He said he doesn't presume to judge everything, but in my opinion, my connection to my homeland is mostly based on trauma and my difficult relationship with my parents. As soon as you're separated, you kind of go out into the world and can quickly forget. Like, if there were a second migration now, which I'm planning, I wouldn't cling so closely to my Kyrgyz identity. But those are his

comments. I don't know myself. Sometimes I feel like it's a very important part of my personality, and of how I see the world. And sometimes I feel like if I resolve some deeply personal issues, like self-fulfillment, the need for love, earn money, and settle down in Brussels or Paris, all this Kyrgyz stuff will turn out to be a bubble and just disappear. Maybe that's how it will be. It wasn't like that during my first migration to Moscow. It [my Kyrgyzness] actually intensified. Because this Russian environment doesn't accept you, and yours intensifies. You find yourself in a hostile zone, and yours grows. Because when I lived in Kyrgyzstan and never left, I worried about it, but I didn't have a clear sense of identity, I didn't have one, and in a hostile environment, in a different field, it swelled and expanded. And that's why I came here too. I thought I could only do anything connected to Kyrgyzstan, with the Kyrgyz context, that only that was interesting to me. Why do I need Navalny, Udaltsov, all that stuff? I'm only interested in the Kyrgyz stuff in terms of current events. I don't know, but we're dynamic, and now it seems to me that maybe it's changed, maybe not.

Kyrgyz tradition... Well, I used to make borsok. Well, besides ayt, I made these zheti every chelpek, zheti nan [seven flatbreads] every Thursday. Such big borsoks, so you can roll them out by hand without a knife, tear them up by hand and read the Quran. Because when I was studying there, my grandfather had already passed away. I once tried to say 'oomiyin' (amen) over Leo Tolstoy's grave, but I didn't do it (laughs). I went to Yasnaya Polyana. A friend of mine, she's from Tula, it's nearby. We just went to Yasnaya Polyana, Tolstoy doesn't have a monument there, just a little green bump. I thought, well, he's like a figure, you need to somehow, you know, experience some inexplicable feeling of love for unknown dead people, right, the great ones? Well, when you're still reading, you think, we're, like, friends. We had some intimacy. I thought, "This is how I need to say 'oomiyin', but I still haven't brought myself to it. Because there were some Azerbaijanis standing nearby, I think. And when I made my hands like this (pressed my palms together), they stared at me so sharply. I was thinking, how should I do it? But it seems to me that this magical thinking, which is, well, very inherent in Kyrgyz culture, I mean yrim-zhyrym, all this, it remains with me, and despite the fact that somewhere along the line I broke away from Kyrgyzness, it still remained in the background. About Leo Tolstoy, that's the first thing that came to mind, funny. Eating is also a tradition and culture. I had conflicts, but they were internal. For example, in Russia, in the dorm, each of my roommates would come and eat her own food. For me, this was all wild. Or tea, if you put on tea, you put on a full teapot. There, everyone put on this much (shows a little). There's only one kettle for the whole apartment, and everyone puts on this much. Even though we all come home from class at about the same time. And for me, it was a culture shock every time, like the first time. Why can't you put the whole kettle on? Or when you pour, why not pour for everyone at once? Or offer food, move it to the center, those kinds of things that are so typical of our everyday life. For me, this really hit home in Russia. And I think I still kept those things; I stuck to the traditions, and I still do. Although, when I came back, I went through a reverse cultural adaptation. Because I imperceptibly adopted more than just the language. I had a conflict at the editorial office when I brought sauerkraut with me. Well, a container like that. I went into the kitchen, and three of our older men were sitting there. I just opened the refrigerator and remembered I had sauerkraut. I asked, like, "Does anyone want some sauerkraut?" and all three of them turned to me, stared at me for about half a minute, said

nothing, and then continued their conversation. And it was so strange to me. And two weeks later, one of them came up to me and said, “We Kyrgyz,” he said, “ don’t do it that way.” You shouldn’t have to ask, you should have just put it on the plate and said, “Help yourself.” It’s in little things like that, I think, that the whole culture exists in this little things, but this are not little things .

Part 5. Future plans

In Madagascar [I see myself in the long term] [laughs]. I actually think so, yes, I’m planning a second immigration. I feel like I’m not suitable for Kyrgyzstan. Well, I mean, here, whether you like it or not, you get the feeling that you’re avant-garde. Although I don’t think I am (like that). Well, it’s like, in the Kyrgyz context, you’re supposedly avant-garde. In general, I’ve already gone through the period where I suffered because of this. Now I’ve begun to look at it simply. It’s normal; you have to find opportunities to expand somewhere. Incidentally, a year ago I wrote a text called “Everyone Leave Naryn.” By “Naryn,” I mean narrow-mindedness. Because the city of Naryn is surrounded by mountains on all sides, so you don’t have a view of the road or the path. You’re surrounded by mountains, like a ring, on all sides. And then someone wrote to me that “naryn” means “ narrow” in the Chagatai branch of the Uzbek language. Yes, I’m just tired of sitting and looking at everything narrowly. I need to look somewhere else, but I don’t really have an idea yet where exactly I see myself.

(Stay in Russia) No. I tried, I thought, well, from a rational point of view, it’s an opportunity. I applied for a master’s program several times. I even forced myself to submit a paper there. Well, I understand that I’m doing everything, but nothing really sparked in me back then. Just to live there, as a temporary thing, yeah, okay. I think that despite the political situation there and so on, I’d be interested in going to Russia again, to continue my research. I’m especially interested in all sorts of republics, all sorts of regions, small towns. I also think that we need to take materials and archives about Kyrgyzstan out of Russia; they’re not here, but in Russia, but this should be at the state level. At least copies, everything that has to do with us needs to be taken out. But no, I never wanted to stay. As I told one friend, she also studied in St. Petersburg, I said, no, Russia is completely out of the question. It’s cool for students, I think. Especially if you end up in a place where they teach well. There’s something about it, even a certain ease, terrifying jash kesinde [in youth], but to lead an adult life and build your whole life in this atmosphere [no].

--- End of the interview ---

Appendix 18. Interview Transcript 7

Respondent: Participant 7

Interview conducted: 11 August 2023

Time: 52:34

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Это решение [поехать в Москву] было, наверное, спонтанное, потому что на тот момент, это 2018 год, у меня в семье было трудное время. Там случилась горе, я потеряла папу, а в то время мои родители и сестра жили в России, в Москве. Я оканчивала как раз университет. И вот в этот год окончила универ, защитилась, потом после лета меня пригласили [в Москву], чтобы я немножко развеялась. Я туда приехала в ноябре, наверное, восемнадцатого года, просто в гости. И каким-то образом случилось так, что мои мама и сестра решили навсегда переехать обратно в Кыргызстан, а я там осталась с родственниками, потому что нужен был человек, который будет поддержкой моей тети. Тетя у меня с мужем, сыном, и она попросила остаться. Вот. Осталась, и в девятнадцатом году, чтобы уже время не терять... Ну, я немножко просто так посидела, ничего не делая, потом нашла учебу, курсы, чтобы начать работать там по профессии. По профессии я в Кыргызстане журналист. А там, ну, как бы после универа я точно знала, что не буду работать по профессии, уже не хотела. В Москве нашла учебу и профессию, по которой я переподготовку прошла и потом уже начала работать. Вот, и таким образом получилось так, что я до сих пор нахожусь там. Я отучилась на маркетолога, интернет-маркетолога и работаю интернет-маркетологом.

Ну, возможно, из-за того, что у меня была рядом поддержка в виде жилья, в виде финансов, я не почувствовала тех трудностей, с которыми сталкиваются обычно наши соотечественники, потому что, ну как бы, я знаю очень много историй, я знаю очень много наших, даже родственников, которые приехали просто, сами по себе, то есть у них там нет знакомых, к примеру, и им приходится скитаться по разным квартирам, искать где-то жилье и жить по много людей. Я с этим не столкнулась, поэтому в этом случае, мне кажется, мне было легко адаптироваться. Особо ожиданий не было. Возможно, это, опять-таки, связано с тем, что я не планировала туда переезд. Я просто на время приехала, с небольшим количеством вещей, и как-то так осталась. Возможно мне, я думаю, что мне всё-таки нравилась атмосфера большого города, и в Бишкеке я на тот момент уже чувствовала, что немножко мне как бы не хватает вот этого пространства, и мне нужно побольше чего-то. Поэтому на тот момент, да, мне в Москве нравилось, и до сих пор я иногда, каждый раз анализирую, когда я приезжаю в Бишкек, где мне больше нравится. Наверное, всё-таки я пока выбираю Москву, если брать именно в качестве города для жизни. Если рассматривать людей, то тут я немножко не разобралась, возможно, из-за того, что я там не общаюсь с очень большим количеством. Просто у

меня есть друзья определенные, которые из Кыргызстана, которых я там, например, приобрела, и с ними у меня хорошее взаимоотношение. Я как бы не сталкивалась с вот этим расизмом, наверное, скажем так, прямым. Поэтому мне нормально. Но иногда я читаю всё-таки истории в интернете, как относятся к нашим, как относятся вообще к приезжим людям. Тут как бы, да, начинается вот внутри такое, что ты не на своём месте.

Часть 2. Этнические отношения

Кыргызская этническая группа

Общалась только с теми, кого я знаю из Бишкека. То есть у меня есть знакомые, которые тоже в Москву переехали. Кто-то на время переезжал, потом обратно уехал. Я вот виделась, там были мои одноклассники. Кто-то до сих пор там находится, поэтому да. А новых знакомств с кыргызами у меня не случилось. Наверное, всё-таки, когда ты находишься за пределами своей родины, ты всё равно общаешься даже больше иногда, чем в Кыргызстане, к примеру. У меня, да, такая история была, когда девочка переехала в Москву, и мы просто назначали встречу, ну, потому что надо видиться с кем-то, надо с кем-то общаться, и мы посещали музеи, разные культурные места, скажем так, ну и плюс могли просто встретиться, пообщаться, погулять. Вот. А как только девочка уехала, мы немножко потеряли вот эту связь. Ну так, редко, наверное, общаемся. Есть у меня ещё одна подруга, с которой... Ну, это моя уже подруга-подруга с университета, что там как бы у нас общение не поменялось, если мы берём, там, Кыргызстан или Россию. То есть это всё у нас одинаково. Просто в Москве у нас есть возможность чаще видиться.

К кыргызам [отношусь] нормально. Тут нужно понимать, что есть, наверное, не знаю, как категория людей может... Я даже в Бишкеке сталкивалась с этим, когда у нас есть воспитанные ребята наши и есть такие, которые ведут себя немножко непозволительно, возможно, в моём понимании. И вот таких я могла встречать в Москве тоже. То есть ты вот проходишь мимо, а тебе вслед кто-нибудь что-нибудь крикнет, либо там свистнет, вот примерно такое. Вот к таким ребятам, да, я всегда пытаюсь понять, почему они себя так ведут. Либо бывает так, что они там выросли в маленьком городе, в маленьком селе, потом оказываются в большом городе, и для них это, наверное, больше свободы у них открывается, скорее всего. И когда я читаю истории, там же очень много новостей. Ну и в России так любят делать: если какое-то совсем маленькое преступление совершил местный человек, там, москвич, россиянин, то это не раздувается в новостях, а вот если вот это произошло именно со стороны приезжего человека, то это сильно раздувается. И в такие моменты я думаю, что... Ну, всё равно всё зависит от человека, мне кажется, независимо от страны, потому что тот же человек мог совершить такое же действие, находясь в Кыргызстане, и то же самое он может совершить, находясь за пределами страны. Ну, то есть к нашим ребятам я отношусь, если брать в общем, нормально, но вот если бывают какие-то случаи, тогда у меня там просыпается вот это вот желание перевоспитать человека, либо просто, знаете, не то чтобы сожаление, я думаю много, почему так происходит, почему вот так наши поступают. А могли бы там немножко поскромнее, потому что мы всё-таки находимся в другой стране. Плюс эти ребята

вливают на то, как остальные люди будут относиться ко мне. Ну, потому что от одного человека иногда зависит все восприятие о народе.

Русская этническая группа

Среди русских россиян есть [друзья], но я бы не сказала, что они близкие друзья, то есть больше, наверное, как знакомые, большинство из них, потому что мы можем там раз в несколько месяцев встретиться, посидеть, поболтать. Есть у меня подруга, но подруга, кстати, с учёбы, она русская, но мы, каким-то так случайным образом сложилось так, что она оказалась тоже из Кыргызстана, но она переехала очень давно, и я вот как раз когда на учёбу пошла, там каждый о себе рассказывал, и она, когда услышала, что я из Кыргызстана, потом уже сама ко мне пришла, и мы познакомились, и по сей день прямо хорошо общаемся. Но она вот давно россиянка, да.

По работе, только по работе, да. С коллегами общаемся хорошо. Ну, по работе у меня сложилось так, что я работаю в одной компании, но в то же время из-за того, что мы маркетологи, мы сотрудничаем с другими компаниями тоже. И вот из других компаний есть тоже коллеги, с которыми мы поддерживаем связь, но по работе только. А если из моей компании, то мы можем там отдельно встретиться. С одной девочкой подружилась хорошо. Я бы не сказала, что я чувствую к себе какое-то отдельное или немножко отличающееся, наверное, внимание по сравнению с другими. Не знаю, как...Как обычно. Возможно, из-за того, что я привыкла общаться с русскими ребятами с детства. Ну, в школе у нас было много русских ребят. В университете уже поменьше, но всё равно... Либо это зависит от человека. То есть просто во мне нет такого, что я делю людей на русских, кыргызов и другие национальности, и поэтому воспринимаю каждого человека как просто человека. Поэтому, ну, нормально. Единственное, у меня сложное имя, поэтому на работе я подписана везде короче. Для некоторых, да, сложно, там, в первый раз, когда общаются, они такие начинают говорить, какое у вас интересное имя. И всё, больше ничего.

Да нормально [отношусь]. Как и в любом коллективе, возможно. Могут возникать там какие-то ситуации, где просто коллеги могут бесить. Но это допустимо в любом обществе. А так... Не знаю, я, наверное, не почувствовала такого, что это другие люди. Возможно, это связано с тем, что у меня не было опыта просто в Кыргызстане с кыргызами. Возможно. Поэтому я вот здесь немножко различий, наверное, не вижу. Мне кажется, что так и должно быть.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Нет. Ну, я знаю, что есть у нас, как они называются, ассоциации какие-то кыргызские. Нет, я вообще ни разу не посещала ничего. Ну, кыргызские песни, да, конечно, я продолжаю слушать, иногда бывает ностальгия, я могу с подругой иногда, когда мы

видимся, мы можем включить такие старые песни, нам просто нравится больше их послушать, либо фильм посмотреть на кыргызском, опять-таки из старого кинофонда. Из праздников, ну мы прям не отмечаем, но мы поздравляем друг друга. У нас ещё сложилось так, что у моей тёти, с которой я живу, муж у неё русский, но он из Кыргызстана. И он как бы тоже в курсе всех наших традиций, всех наших праздников. И мы вот поддерживаем и русскую традицию, и кыргызскую традицию. То есть можем отметить кыргызские праздники. Наверное, ещё некоторые места связаны больше ещё с религией. Например, прочитать Куран, либо сделать семь токочей [семь лепешек]. Это мы соблюдаем. Я там сама соблюдаю. Дома поддерживаем.

Русская культура

Так. Как называется 7 января? Рождество, да. Рождество мы отмечаем. Потом, ну вот, Масленица. Масленица, если что-то такое. Ну, я бы не сказала, что мы так очень грандиозно отмечаем. Так, по-семейному можем там поздравить дома с праздником и что-то праздничное просто дома сделать, приготовить.

С русской культурой... Ну, я бы не сказала, что я посещаю какие-то мероприятия, которые связаны именно с русской культурой. Больше, наверное, это связано с искусством. Музеи... Вот первое время, когда я туда приехала, я прям любила ходить по музеям, все музеи, наверное, посещала, все выставки. И знакомилась больше, наверное, с русской культурой. А так... Нет. Ну, я бы не сказала, что я заинтересована очень.

Язык

В основном с семьей говорю на русском. В Москве мы, наверное, по большей части только, наверное, на русском. Ну, это опять-таки связано с тем, что дядя мой русский, их сын [сын тети и ее мужа] тоже считается русским. С тетей мы общаемся на русском тоже. Иногда, если нам надо что-то обсудить в другой стране, когда мы бываем, и нам хочется просто кого-то обсудить, что-то сказать, то мы с тетей можем пошепаться на кыргызском, и нас как бы никто не понимает. Когда в Кыргызстан приезжаю, то дома тоже у нас в основном используется русский язык. Но тут, наверное, я больше добавляю кыргызские слова. Но если еду в село, то там надо на кыргызском разговаривать.

Думаю... Наверное, зависит от того, на каком я разговариваю. Но вот на кыргызском, когда я разговариваю, мне тяжелее думать, потому что я начинаю в голове также перемешивать слова, и иногда мне приходится искать значение слова на кыргызском, и я не могу найти. Хотя это может быть очень лёгкое какое-то слово. При этом я понимаю. Но если сравнивать, например, с другими ребятами, с которыми я дружу, которые выросли в городе, в русскоязычной среде, им очень тяжело разговаривать на кыргызском. Я, наверное, впервые сталкивалась с тем, что им очень тяжело разговаривать на кыргызском, а мне нормально, потому что я до пятого класса училась в кыргызской школе, а с шестого класса начала учиться уже в русской. Поэтому я как бы... Нормально. Могу и так, и так думать. Но больше русский язык преобладает, потому что в основной жизни я использовала этот язык. Контент русский, английский. На

кыргызском я последний раз хотела прочитать “Сынган кылыч”. Открыла...Ну, как бы начала читать, но некоторые слова там прям сильно литературные были, и я их просто не понимала. Ну, то есть я читала текст и не понимала. Решила, что мне всё-таки нужно, наверное, сначала на русском прочитать, потом на кыргызском.

Часть 4. Этническая идентичность

Этническая идентичность, кыргызскость

Кыргызка, кыргызка, в этом не сомневаюсь. Для меня это всё-таки история, род мой, потому что я понимаю, где я родилась, кто мои предки, я знаю культуру нашего народа и стараюсь ее поддерживать традиции, которые у нас есть, часть из которых где-то, может, не нравится, а где-то, может, наоборот, обожаю это все, поддерживаю. Это, наверное, совокупность все-таки культуры, традиции и истории. Традиции, которые нравятся, это, наверное... Даже больше отнесла бы к культуре, плюс традиция, когда у нас есть разные мероприятия, связанные больше с торжествами. Это свадьба. Ну, больше, наверное, свадьба у нас, да. Нравится. И раньше, наверное, было кыз-узатуу (проводы невесты), и во время торжества есть разные игры национальные. Но я не поддерживаю там кок-бору или какое-нибудь ещё что-то [смеется], где присутствует, как мне кажется, живодерство. Игры наши, связанные, там, топ-таш, ну вот эти. Это у меня с детством, наверное, больше связано. Потом тогуз коргоол, где всё-таки развивали нашу детскую логику. Иногда я могу путать традиции. У нас сейчас есть немножко религиозное и немножко язычество, которое с давних времен осталось, Нооруз тот же. Обожаю просто этот праздник и вот весь этот месяц, потому что мы раньше, когда я с бабушкой жила, каждый год собирали всех наших соседей дома. Целый день готовились, выращивали целую неделю или больше пшеницу и потом варили ночью. Ну, это весело, это только будто бы у нас. Ну, вот такие мероприятия мне прям очень нравятся. И их я готова поддерживать и передавать, наверное.

Аспекты идентичности

Что бы хотелось сохранить, это, наверное, больше с менталитетом связано: это открытость, гостеприимство. Вот с гостеприимством, кстати, я столкнулась. Ну, с различием между двумя культурами. Когда я была в России, как раз я была по работе дома у коллеги, я просто представила, что если бы это было в Кыргызстане, то у нас сразу бы стол кто-то накрыл, хотя бы даже просто чуть-чуть. Если даже это работа, то всё равно у нас стол накрывают, хотя бы ставят чаю, хлеб, ну, чем-то хоть угощают. А в России с этим очень... Ну, как бы у них нет такого [смеется]. Ты можешь прийти, сделать дела по работе, и ты можешь просто уйти. При этом тебе, как бы, никто не предложит там... Ну, вот этого гостеприимства, наверное, нет. И это я сравнила вот с коренными россиянами. Потом, когда я была у друзей, которые у нас из Кыргызстана, они русские, у них, кстати, сохранилось костеприимство, потому что они, наверное, выросли там и видели, как это происходит. Ты приходишь к ним, и они такие, садись там, накрыли

быстренько, угостили. Это, наверное, я бы в себе тоже сохранила - открытость к людям. И у нас же могут делиться, если даже что-то последнее осталось в доме. Это мне в нашем народе нравится.

Насколько важно [быть кыргызкой] ...Ну, не знаю, у меня вопроса не возникало насчёт этой темы, потому что не было момента, когда я бы стеснялась говорить про то, что я кыргызка. Может, просто мне повезло с обществом. Потому что везде я и коллегам из других компаний, которые меня не знают, если я в отпуск уезжаю, они у меня бывают спрашивают, куда я поехала, где я отдыхала, ну, я как бы спокойно могу ответить, что к себе, в Кыргызстан. Но мы больше говорим Киргизия, хотя у нас же в Кыргызстане не любят, когда говорим Киргизия. В России привыкаешь, кстати, говорить Киргизия. Возможно, из-за того, что в этом обществе я нахожусь, либо из-за того, что ты привыкаешь к языку, и всё-таки объясняется, что это фонетически и орфографически правильно.

Влияние идентичности

Да. Скорее всего, да (этничность влияет). Потому что... Ну, это даже больше, мне кажется, от воспитания ещё зависит. Ну и от принадлежности, возможно, тоже, потому что отношения там, если мы берём представителей тех же народов, которые проживают у нас в России, то у них исторически, как раз я разбирала этот вопрос с подругой, будто бы неприязнь к другим народам как-то с детства будто бы передается. Ну и они как мы сейчас любим делить, белые люди. А мы, выросшие в Кыргызстане, мы понимаем, наверное, всё-таки, что мы в какой-то момент были под властью другой страны, и сейчас когда у нас в мире присутствует несколько держав, которые управляют всем миром, и Кыргызстан пока определяется, на какой стороне быть, то ли под Россией, то ли под Америкой, и ты как страна все равно не можешь существовать, и ты как гражданин этой страны, всё-таки понимаешь, что к тебе будут относиться по-другому в другой стране в любом случае. Если ты, например, американец и ты приезжаешь в тот же Кыргызстан, мне кажется, что люди всё-таки их возвышают, наверное. И то же самое, ну, с россиянами на данный момент, не знаю, тяжело что-то говорить в связи с вот этой ситуацией [войной]. А мы, кыргызы, когда приезжаем в другую страну, про Америку не могу ничего сказать, потому что там очень много народов и там ну как бы все притворяются, что любят всех, но не узнаешь, как относятся. Но вот в России, когда приезжаешь, мне кажется, все равно каждый человек понимает, что к нему будет отношение вот немного сверху.

На себе не совсем (чувствовала). Вот именно на себе не совсем, но, когда я читаю новости, где там случилось что-то с участием наших граждан, и ты заходишь в комментарии, вот там ты можешь почувствовать, будто бы ты проживаешь это всё. И когда читаешь комментарии, где пишут, типа популярное слово “понаехали”, “жили бы у себя”, либо “дикие”, вот тогда я начинаю чувствовать, что я всё-таки нахожусь в другой стране. А так, когда ты просто живёшь ходишь в те же места, которые посещают местные люди, ты особо не обращаешь внимания. Пока, наверное, не столкнёмся с тем, что мне, например, лично что-то скажут, но такого не было. Был единственный случай

в нашем доме. Там новый сосед приехал, или он впервые просто нас видел, мы с тетей выходили, ждали. Выходит человек, идёт к себе в квартиру, и кто-то там ему открыл, а он говорит “а что за китайцы у нас тут?”. Мы были чуть-чуть дальше, но я особого значения не придавала, но моя тетя это запомнила, потому что у моей тети есть больше травма с таким отношением к приезжим, потому что они приехали вот в 2004–2005 года, когда было очень сложно жить, и в тот момент были скинхеды, жесткие проверки. Поэтому она больше ощущает это, чем я.

Я бы не сказала, что это ненависть [возникает, когда я это вижу]. Я обычно говорю “какие же гнилые люди у нас бывают”. Почему нет у людей такого, что все люди равны, одинаковы, без отношения к какой-либо национальности. И, наверное, мне очень тяжело это понимать, как у людей появляется это желание, само по себе, органически это отношение к чужим людям. То есть у них же проблемы даже с теми, кто проживает даже в Бурятии. Все остальные субъекты, где также проживают люди монголоидной расы и вот русские точно так же относятся к ним, как и к приезжим из стран СНГ. И в этот момент я просто не могу понять. Либо они не жили в многонациональной стране, как у нас. Мы с детства привыкли, например, видеть русского человека рядом, и нам это нормально, а там всё-таки они будут считать, что ты приезжий.

Опыт миграции и идентичность

Наверное, я бы больше чувствовала себя кыргызкой, если бы дольше находилась за пределами своей страны. А из-за того, что у меня была возможность часто прилетать, хотя бы два-три раза в год, то мне казалось, что я будто бы живу и там, и там. Я не ощущала, что я ухожу либо в русскую культуру больше, либо в кыргызскую культуру больше. А в целом с этнической принадлежностью у меня вообще не было проблем. Ну, не то, чтобы проблем, изменений. Больше у меня просто отношение к стране, к устройству, страны, благоустройству страны и города в целом (меняется). Но я опять-таки сужу только по Москве. Потому что в России говорят, что Москва — это не Россия. Или, наоборот, Россия — это не Москва. В Москве всё сосредоточено, и тебе может казаться, что классно всё развито, и можно было бы сделать и у нас. Я обычно сравниваю, у меня это не ушло. Куда бы я ни приезжала, я постоянно сравниваю страну с другими и начинаю злиться на наших чиновников, которые сидят у нас за властью, и которые могли бы что-то сделать. Ощущается так, будто бы мы очень медленно движемся. Ну вот я больше как-то глобально про страну начинаю думать.

Наверное, здесь можно говорить про воспитанность, культуру и как вообще система страны может воспитать человека. В России многие боятся, с высказыванием мнений есть проблема, даже я боюсь. Их, наверное, правила и их законы, они всё-таки воспитывают людей. Как бы мы там иногда ни относились к этим же законам отрицательно, мы думаем, вот, ограничивают нас в правах, ограничивают нас в нашем действии, когда вводят новые законы, но при этом потом я начинаю понимать, что эти ограничения всё-таки воспитывают людей в плане того, что люди не мусорят, либо те же правила дорожного движения. Из-за того, что я в Москве вожу машину, и в Кыргызстане я там чуть-чуть вожу машину. Я прям понимаю, что в Кыргызстане очень

много нарушают правила. Ну, элементарно, правила дорожного движения, у нас написано, что нельзя обгонять, но в Кыргызстане на это не смотрят. Хотя там две полосы, которые очень категорично запрещаются, у нас могут проехать, развернуться и всё остальное. А в России ты этого не сделаешь, потому что в России очень строго. И со штрафами, и с благоустройством, потому что там на каждом сантиметре эти видеокамеры, и ты живёшь просто вот... Тебе сказали туда идти, ты идёшь туда. А в Кыргызстане скажут тебе туда идти, ты можешь как бы немножко свернуть в одном месте и как-то другим путём к этому прийти. Ещё, кстати, я на себе ощутила, живя в двух странах, что в России ты больше боишься нарушать правила. То же самое, типа перейти дорогу в неположенном месте, потому что тебя могут тормознуть, выписать штраф. А если ты хочешь в будущем получить ВНЖ или гражданство этой страны, то ты не должен иметь вот этих административных штрафов. Поэтому, когда мне хотелось перейти дорогу, (в неположенном месте), то я внутри себя понимала, что нет, мне нельзя, потому что мне предстоит получить такие-то документы. В Кыргызстане это свободно. Потому что ты гражданин этой страны, и как бы ничего. Но ещё в России ты всё равно иногда будешь бояться что-либо делать, даже если ты получил гражданство. Ну, потому что ты внешне нерусский.

Часть 5. Планы на будущее

В планах остаться? Я всегда говорю, что я не хочу, но я понимаю, что мне нужны документы для того, чтобы у меня не было проблем с работой, с устройством на работу, потому что, когда ты гражданин Кыргызстана, то твои работодатели должны получить какие-то квоты, оформлять документы, поэтому они неохотно берут на те позиции, куда бы ты хотел. Из-за этого я пошла, подала на ВНЖ, недавно я подала на гражданство, и, возможно, я как бы рассматриваю сам город как место для заработка, для хорошего заработка, потому что те деньги, которые получаю там, находясь на вот этой же позиции, я не получу в Кыргызстане. Я это прекрасно понимаю, поэтому я бы хотела больше там развиваться. Но сейчас с курсом проблемы, поэтому у меня сейчас вот такая дилемма.

Больше в Москве. больше в Москве [вижу себя в долгосрочной перспективе], но в то же время я думала, когда вот эта вся ситуация началась с войной и с отношением к России, и я тогда начала задумываться о том, что, возможно, я перееду в Кыргызстан и буду продолжать работать в той же сфере, в которой я сейчас нахожусь. Я должна понимать, что у меня будет стабильная такая же работа и такой же заработок, либо хотя бы ближе к этому, только в этом случае. Если я буду понимать, что статус или положение жизни поменяется, то нет, не соглашусь, скорее всего. Либо был такой вариант, что если вдруг я встречу, не знаю, человека, половинку свою вторую в Кыргызстане, то я готова переехать. А так, без веской причины, я пока выбираю остаться в Москве.

Мне кажется, жить там или здесь — это всё-таки связано с инфраструктурой и с удобствами. И с тем, что ты видишь вокруг, живя в Москве, ты привыкаешь к ровным дорогам. Я понимаю, что это случилось совсем недавно, потому что мне, как бы, мои же

родственники рассказывают, что когда они приехали, это был совсем другой город, но там появился руководитель и мэр, города, который за 10 лет перестроил полностью город, и он вот сейчас очень красивый, где хотелось бы развиваться, и где ты видишь масштабы, много возможностей, куда можно развиваться, ну и ты видишь уровень жизни других людей, к которому ты можешь стремиться. Когда я приезжаю в Кыргызстан, я, наверное, всё-таки больше чувствую себя гостем. В этом году я находилась в Кыргызстане самое долгое время за все эти пять лет, то есть я где-то четыре месяца прожила. Все эти четыре месяца я понимала, что я пока тут временно, и я уеду. И я никак не хотела воспринимать, что я там останусь навсегда, например. Мне не нравится... Мне не нравится, что всё-таки пока недостаточно удобства для людей в Кыргызстане. Это связано и с транспортом общественным, и если даже ты на своей машине, то это дороги и, наверное, то, что вокруг, потому что глаза хотят всегда видеть всё красивое, а у нас в Бишкеке, ну и в других городах, красивые здания обвешивают вот рекламными всякими считами и всеми остальными, где теряется просто облик города. Я, наверное, жду момента, когда у нас начнут баловаться и работать над тем, что в городе должно быть красиво, комфортно, уютно жить. При этом я люблю нашу страну за природу, я обожаю наши горы. Какое-то время мне даже в Москве было очень тяжело, и я скучала по горам, потому что в Кыргызстане и Бишкеке ты едешь и постоянно видишь горы. В России такого нет, потому что там поля, поля, поля, всё ровненько. И тебе прям не хватает вот этого высокого, великого, наверное. Ну, это для меня как стремление. Город для меня как стремление. Ещё я недавно я обсуждала тоже с подругой. Опять-таки, это было про удобство в Кыргызстане. Я вот часто встречаю детские площадки, которые не благоустроены. То есть они совсем не для детей. Там нет покрытия специального, который смягчает падение ребёнка. Там нет детских... Ну, как они называются? Детская площадка и разные приспособления, к которым дети играют, то они ставятся так. Ну, просто, чтобы что-то поставить. И я понимаю, что... Я бы не хотела, чтобы мой ребёнок рос в таких условиях, потому что в России я вижу дворы, где даже в старых домах думают о том, где будет расти ребёнок, поэтому для них там созданы специальные площадки, и они продуманы до мелочей. В Кыргызстане даже в новых домах просто земля и такие старые-старые игровые зоны. Хотя это новый дом. И вот это я сравниваю, и очень часто сравниваю просто. Я сравниваю больше удобства. И выбираю пока что место для жизни по удобству. Тяжело говорить о переезде пока что.

--- End of the interview ---

Appendix 19. Transcript Translation 7

Respondent: Participant 7

Interview conducted: 11 August 2023

Time: 52:34

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

This decision [to go to Moscow] was probably spontaneous, because at that time, it was 2018, my family was going through a difficult time. There was a tragedy, I lost my dad, and at the time, my parents and sister were living in Russia, in Moscow. I was finishing university. And so, that year, I graduated from university, defended my dissertation, and then after the summer, I was invited [to Moscow] to unwind a bit. I arrived there in November, probably, of '18, just for a visit. And somehow it happened that my mother and sister decided to move back to Kyrgyzstan permanently, and I stayed there with relatives because they needed someone to support my aunt. My aunt was with her husband and son, and she asked me to stay. So, I stayed, and in '19, not wanting to waste any more time... Well, I just sat around for a bit, doing nothing, then found a place to study, courses, so I could start working there in my profession. I'm a journalist by profession in Kyrgyzstan. And then, well, after university, I knew for sure I wouldn't work in my field; I didn't want to. In Moscow, I found a course and a profession for which I retrained and then started working. That's how it happened that I'm still there. I trained as a marketer, an internet marketer, and now I work as an internet marketer.

Well, perhaps because I had support nearby in the form of housing and finances, I didn't experience the difficulties that our compatriots usually face. Well, I know a lot of stories, I know a lot of our people, even relatives, who came simply, on their own meaning, they don't have any friends there, for example, and they have to wander from one apartment to another, looking for somewhere to live, and living with many people. I didn't encounter this, so in this case, I think it was easy for me to adapt. I didn't have any particular expectations. Perhaps this, again, is because I didn't plan to move there. I just came for a while, with a few things, and somehow stayed. Perhaps I, I think, actually liked the atmosphere of a big city, and in Bishkek, at that point, I already felt like I was missing that space a little, that I needed more of something. So, yes, I liked Moscow at the time, and I still sometimes, every time I come to Bishkek, analyze where I like it best. I think I'd still choose Moscow, if I were to choose a city to live in. As for the people, I'm a bit confused, perhaps because I don't interact with very many people there. It's just that I have certain friends from Kyrgyzstan, for example, whom I made there, and I have good relationships with them. I haven't really encountered any racism, let's say, outright. So, I'm okay with it. But sometimes I do read stories online about how our people are treated, how people from outside the country are treated in general. Then, yes, something starts to start inside me, like you're out of place.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

I only spoke with people I knew from Bishkek. I mean, I have friends who also moved to Moscow. Some moved for a while, then went back. I saw some of my classmates there. Some are still there, so yes. I didn't make any new acquaintances with Kyrgyz. I guess, after all, when you're outside your homeland, you still communicate even more sometimes than in Kyrgyzstan, for example. I had a story like that, yes, when a girl moved to Moscow, and we simply made plans to meet, well, because you need to see someone, you need to communicate with someone, and we visited museums, different cultural places, so to speak, and plus we could just meet, talk, walk around. That's it. But as soon as the girl left, we lost touch a little. Well, we probably don't communicate very often. I have another friend with whom... Well, she's a friend of mine from university, and our communication hasn't really changed, whether we're talking in Kyrgyzstan or Russia. It's all the same for us. We just have the opportunity to see each other more often in Moscow.

I have a normal attitude toward the Kyrgyz. You have to understand that there's probably, I don't know how a certain category of people can... I even encountered this in Bishkek, where we have well-behaved kids and then there are those who behave a little unacceptably, perhaps in my opinion. And I could meet people like that in Moscow too. You'd walk by, and someone would shout something at you, or whistle, something like that. With those kids, yes, I always try to understand why they behave that way. Or maybe they grew up in a small town, a small village, and then they end up in a big city, and for them, that probably opens up more freedom, most likely. And when I read stories, there's a lot of news there. Well, they like to do that in Russia too: if a local, a Muscovite or a Russian, commits some very minor crime, it doesn't get blown out of proportion in the news, but if it's committed by a visitor, it gets blown out of proportion. And in those moments, I think that... Well, it all depends on the person, I think, regardless of the country, because the same person could have committed the same act in Kyrgyzstan, and they could do the same thing outside the country. Well, I mean, I have a generally good attitude toward our guys, but when certain cases happen, then I get this desire to rehabilitate the person, or simply, you know, not exactly regret, I think a lot about why this happens, why our people act this way. They could have been a little more modest, because we are, after all, in a different country. Plus, these guys influence how other people treat me. Well, because sometimes the entire perception of a people depends on one person.

Russian ethnic group

There are [friends] among Russians, but I wouldn't say they're close friends, more like acquaintances, most of them, because we can meet up every few months, hang out, and chat. I have a friend, but by the way, she's from school, she's Russian, but somehow, it just so happened that she's also from Kyrgyzstan, but she moved a long time ago, and right around the time I started studying, everyone was talking about themselves, and when she heard I was from Kyrgyzstan, she came to me herself, and we got to know each other, and we've been on really good terms ever since. But she's been Russian for a long time, yes.

At work, just at work, yes. I get along well with my colleagues. Well, at work, it's just that I work for one company, but at the same time, because we're marketers, we collaborate with other companies too. And there are colleagues from other companies with whom we keep in touch, but only at work. And if they're from my company, then we can meet there separately. I've become good friends with one girl. I wouldn't say that I feel any special or slightly different attention compared to others, perhaps. I don't know how... As usual. Perhaps because I'm used to hanging out with Russian kids since childhood. Well, we had a lot of Russian kids at school. At university, there were fewer, but still... Or it depends on the person. That is, I just don't have the tendency to divide people into Russians, Kyrgyz, and other nationalities, and therefore I perceive each person as just a person. So, well, it's normal. The only thing is, I have a complicated name, so at work I always use a shorter signature. For some, yes, it's difficult; when they first talk to me, they start saying, "What an interesting name you have." And that's it, nothing more.

Yes, it's fine [I feel that way]. Like in any team, perhaps. There may be some situations where colleagues can simply irritate you. But that's acceptable in any society. But otherwise... I don't know, I probably didn't feel like they were different people. Perhaps it's because I simply didn't have experience in Kyrgyzstan with Kyrgyz people. Perhaps. That's why I probably don't see any differences here. It seems that that's how it should be.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

No. Well, I know that we have, what are they called, some Kyrgyz associations. No, I've never visited anything. Well, Kyrgyz songs, yes, of course, I still listen to them, sometimes I get nostalgic. Sometimes, when I see my friend, we might turn on old songs—we just prefer listening to them—or watch a movie in Kyrgyz, again, from the old film library. As for holidays, well, we don't really celebrate them, but we congratulate each other. It also happens that my aunt, with whom I live, has a Russian husband, but he's from Kyrgyzstan. And he's also kind of aware of all our traditions, all our holidays. And so, we support both the Russian tradition and the Kyrgyz tradition. That is, we can celebrate Kyrgyz holidays. Perhaps some places are also more associated with religion. For example, reading the Quran or making seven tokochas (seven flatbreads). We observe this. I observe it myself at home. We support.

Russian culture

So, what do they call January 7th? Christmas, yes. We celebrate Christmas. Then, well, there's Maslenitsa. Maslenitsa, if that's what it's called. Well, I wouldn't say we celebrate it on such a grand scale. We might just congratulate everyone at home in a family-style way and just make something festive at home.

With Russian culture... Well, I wouldn't say that I attend any events that are specifically related to Russian culture. It's probably more related to art. Museums... When I first arrived there, I

really loved going to museums, I probably visited every museum, every exhibition. And I probably got to know more about Russian culture. But otherwise... No. Well, I wouldn't say I'm very interested.

Language

I mostly speak Russian with my family. In Moscow, we probably only speak Russian for the most part. Well, this is again due to the fact that my uncle is Russian, and their son (the son of my aunt and her husband) is also considered Russian. I communicate with my aunt in Russian too. Sometimes, if we need to discuss something in another country, when we're visiting and we just want to talk to someone, say something, my aunt and I can whisper in Kyrgyz, and it's as if no one understands us. When I go to Kyrgyzstan, we also mainly speak Russian at home. But here, I probably add more Kyrgyz words. But if I go to the village, then I have to speak Kyrgyz there.

I think... It probably depends on which language I'm speaking. But when I speak Kyrgyz, it's harder for me to think because I start mixing up words in my head, and sometimes I have to look up the meaning of a word in Kyrgyz and I can't find it. Although it might be a really easy word. And I understand. But if I compare it, for example, with other kids I'm friends with, who grew up in the city, in a Russian-speaking environment, they find it very difficult to speak Kyrgyz. I think this is the first time I've encountered the fact that they find it very difficult to speak Kyrgyz, but it's fine for me because I studied in a Kyrgyz school until fifth grade, and from sixth grade onwards I started studying in a Russian school. So, I'm kind of... It's fine. I can think both ways. But Russian predominates more because I used that language in my main life. The content is Russian and English. In Kyrgyz, I wanted to read "Syngan kylych" for the last time. I opened it... Well, I started reading, but some of the words there were really literary, and I just didn't understand them. Well, I mean, I read the text and didn't understand it. I decided that I probably needed to read it in Russian first, then in Kyrgyz.

Part 4. Ethnic identity

Kyrgyzness

Kyrgyz, Kyrgyz, I have no doubt about it. For me, it's still history, my family lineage, because I understand where I was born, who my ancestors are, I know the culture of our people and try to maintain it, the traditions we have, some of which some people may not like, while others, on the contrary, I adore and support. It's probably a combination of culture, tradition, and history. The traditions that I like are probably... I'd even attribute them more to culture, plus the tradition of having various events more connected with celebrations. This is a wedding. Well, we probably have a wedding more, yes. I like it. And before, there was probably kyz-uzatuu (the bride's farewell), and during the celebration there are various national games. But I don't support kok-boru or anything else there (laughs), where, as it seems to me, there is cruelty to animals. Our games are connected, there, top-tash, well, that kind of thing. For me,

it probably has more to do with my childhood. Then toguz korgool, where our childish logic was developed. Sometimes I can confuse traditions. We now have a bit of religion and a bit of paganism, which has remained since ancient times, like Nooruz. I simply adore this holiday and this entire month, because back when I lived with my grandmother, we used to gather all our neighbors at home every year. We'd prepare all day, grow wheat for a whole week or more, and then cook it at night. Well, it's fun, it's just like we do. Well, I really like these kinds of events. And I'm ready for them. support and transmit, probably .

Aspects of identity

What I'd like to preserve probably has more to do with mentality: openness, hospitality. I've encountered hospitality, by the way. Well, the difference between two cultures. When I was in Russia, I happened to be at a colleague's house for work, and I just imagined that if this were in Kyrgyzstan, someone would have set the table right away, even if just a little. Even if it's work, they still set the table, at least put out tea, bread, well, at least offer something to eat. But in Russia, it's very... Well, they don't have that (laughs). You can come, do some work, and then you can just leave. And yet, no one will offer you... Well, that kind of hospitality, I guess. And I compared it to native Russians. Then, when I visited friends from Kyrgyzstan, they're Russian, and by the way, they still have hospitality, because they probably grew up there and saw how it works. You come to their place, and they're like, "Sit down there," they set the table quickly, and they treat you. I probably would have kept that in myself, too—openness to people. And here, too, people can share, even if there's only one thing left in the house. That's me in ours people like.

How important is it [to be Kyrgyz] ... Well, I don't know, I've never had any questions about this topic because there's never been a moment when I've been embarrassed to talk about being Kyrgyz. Maybe I'm just lucky with the company I work with. Because everywhere I go, even to colleagues from other companies who don't know me, if I go on vacation, they sometimes ask me where I went, where I vacationed, well, I can calmly answer that I went to my place, to Kyrgyzstan. But we more often say "Kyrgyzstan," although in Kyrgyzstan they don't like it when we say "Kyrgyzstan." In Russia, by the way, you get used to saying "Kyrgyzstan." Perhaps because I'm in this company, or because you get used to the language, and yet it's explained that it's phonetically and orthographically correct.

The influence of identity

Yes. Most likely, yes (ethnicity plays a role). Because... Well, it's even more, I think, dependent on upbringing. And perhaps on affiliation, too, because relationships there, if we take representatives of the same peoples who live here in Russia, then historically—I was just discussing this issue with a friend—they seem to have a dislike for other peoples that's somehow passed down from childhood. And they, as we like to divide people these days, are white people. But we, who grew up in Kyrgyzstan, probably understand that at some point we were under the rule of another country, and now, when there are several powers in our world that rule the entire world, and Kyrgyzstan is still deciding which side to be on, whether Russia or America, you as a country still can't exist, and you, as a citizen of that country, still

understand that you will be treated differently in another country in any case. If you're an American, for example, and you come to Kyrgyzstan, I think people still think highly of them. And the same thing, well, with Russians at the moment, I don't know, it's hard to say anything about this situation (the war). And we Kyrgyz, when we come to another country, I can't say anything about America, because there are so many people there, and everyone pretends to love everyone, but you never really know how they're treated. But in Russia, when you come, I think everyone understands that they'll be treated a little differently.

Not really (I felt it myself). Specifically, not really, but when I read the news where something has happened involving our citizens, and you look at the comments, you can feel as if you're actually living it all. And when you read comments where they say things like the popular words "they've come in droves," "they should live at home," or "wild," that's when I start to feel like I'm in a different country. But when you're just living and going to the same places as the locals, you don't really pay attention. Until, perhaps, someone says something to me personally, for example, but that never happened. There was one incident in our building. A new neighbor arrived, or maybe he was just seeing us for the first time, and my aunt and I were outside, waiting. The guy comes out, goes into his apartment, and someone opens the door for him, and he says, "What kind of Chinese do we have here?" We were a little further away, but I didn't pay it much attention, but my aunt remembered it because she's more traumatized by this attitude toward newcomers, because they arrived in 2004-2005, when life was very difficult, and at that time there were skinheads and harsh checks. So, she feels it more than I do.

I wouldn't say it's hatred (it arises when I see it). I usually say, "What rotten people we have here." Why can't people see all people as equal, the same, regardless of nationality? And I guess it's really hard for me to understand how people develop this desire, this organic attitude toward strangers. They even have problems with people living in Buryatia. All the other regions where people of the Mongoloid race also live, and Russians treat them the same way they treat people from the CIS. And at that point, I just can't understand. They haven't lived in a multinational country like ours. We've been used to seeing a Russian person around since childhood, for example, and it's normal for us, but there they'll still think you're an outsider.

Migration experience and identity

I probably would have felt more Kyrgyz if I'd spent more time outside my country. And because I had the opportunity to fly back and forth frequently, at least two or three times a year, it felt like I lived in both places. I didn't feel like I was immersed in either Russian culture or Kyrgyz culture. Overall, I haven't had any problems with my ethnicity. Well, not really problems or changes. It's more that my attitude toward the country, toward its structure, toward the country's amenities, toward the country and the city as a whole (changes). But again, I'm only judging by Moscow. Because in Russia, they say that Moscow isn't Russia. Or vice versa: Russia isn't Moscow. Everything is concentrated in Moscow, and you might think that everything is well-developed, and that we could do the same here. I usually compare, and I haven't lost that. Wherever I go, I constantly compare the country to others and start getting

angry at our officials, the ones in power, who could do something. It feels like we're moving very slowly. Well, I'm starting to think more globally about the country.

I guess we could talk about good manners, culture, and how a country's system can educate people. Many people in Russia are afraid; they have trouble expressing opinions; even I'm afraid. Their rules and laws, I guess, are what educate people. No matter how negative we sometimes are about these same laws—we think, “Look, they're restricting our rights, restricting our actions when they introduce new laws” —but then I begin to understand that these restrictions actually educate people, in terms of not littering, or, for example, traffic rules. Because I drive in Moscow, and I drive a little in Kyrgyzstan. I understand that in Kyrgyzstan, people break the rules a lot. Well, basic traffic rules—we say you can't overtake, but in Kyrgyzstan, they don't pay attention to that. Even though there are two lanes there, which are strictly prohibited, here people can drive past, turn around, and do all sorts of other things. But in Russia, you can't do that because they're very strict. With fines, with public amenities, because there are video cameras everywhere, and you just live like... You're told to go there, so you go there. But in Kyrgyzstan, if they tell you to go there, you can kind of turn off at one point and get there some other way. By the way, I've also experienced firsthand, living in both countries, that in Russia, you're more afraid of breaking the rules. It's the same thing, like crossing the road in the wrong place, because you can get pulled over and fined. And if you want to get a residence permit or citizenship in this country in the future, you shouldn't have these administrative fines. So, when I wanted to cross the road (in the wrong place), I knew deep down that no, I can't, because I need to get certain documents. In Kyrgyzstan, it's free. Because you're a citizen of this country, and it's not that big of a deal. But in Russia, you'll still sometimes be afraid to do anything, even if you've received citizenship. Well, because What You externally non-Russian .

Part 5. Future plans

Do you plan to stay? I always say I don't want to, but I understand that I need documents to avoid problems with work and finding a job. Because when you're a Kyrgyz citizen, your employers have to obtain certain quotas and process documents, so they're reluctant to hire you for the positions you'd like to work for. That's why I applied for a residence permit, and I recently applied for citizenship. Perhaps I'm considering the city itself as a place to earn money, a good one, because the money I earn there in this position I wouldn't get in Kyrgyzstan. I understand this perfectly, so I'd like to develop myself more there. But right now, the exchange rate is problematic, so I'm currently facing a dilemma.

More in Moscow. More in Moscow [I see myself in the long term], but at the same time, when this whole situation started with the war and the attitude towards Russia, I started to consider moving to Kyrgyzstan and continuing to work in the same field I'm in now. I need to understand that I'll have the same stable job and the same income, or at least something close to it, but only then. If I realize my status or situation in life will change, then no, I probably won't agree. Or there was the option that if I suddenly meet, I don't know, my soulmate in

Kyrgyzstan, then I'm ready to move. But for now, without a compelling reason, I'm choosing to stay in Moscow.

I think living here or there has everything to do with the infrastructure and amenities. And with what you see around you, living in Moscow, you get used to smooth roads. I understand that this happened quite recently, because my relatives tell me that when they arrived, it was a completely different city, but a leader and a mayor appeared there, who completely rebuilt the city in 10 years, and now it's very beautiful, a place where you'd like to develop, and where you see the scale, the many opportunities for development, and you see other people's standard of living, which you can aspire to. When I come to Kyrgyzstan, I probably feel more like a guest. This year, I was in Kyrgyzstan for the longest time in five years—that is, I lived for about four months. For those four months, I understood that I was here temporarily and that I would leave. And I didn't want to think that I would stay there forever, for example. I don't like... I don't like the fact that Kyrgyzstan isn't yet comfortable enough for people. This has to do with public transportation, and even if you're driving, it's also about the roads and, probably, the surroundings, because people always want to see beautiful things, but in Bishkek, and in other cities, beautiful buildings are covered in all sorts of advertising billboards and all that, which just ruins the city's overall look. I'm probably waiting for the moment when people start messing around and working on making the city beautiful, comfortable, and cozy to live in. At the same time, I love our country for its nature; I adore our mountains. For a while, even Moscow was really hard for me, and I missed the mountains, because in Kyrgyzstan and Bishkek, you drive around and constantly see mountains. You don't have that in Russia, because there are fields, fields, fields, everything is flat. And you really miss that lofty, grandeur, I guess. Well, for me, it's like an aspiration. The city for me is like an aspiration. I was also recently discussing this with a friend. Again, it was about convenience in Kyrgyzstan. I often see playgrounds that are not well-maintained. That is, they are not at all for children. There is no special surface to soften a child's fall. There are no children's... Well, what are they called? A playground and various equipment that children play on, they are put there. Well, just to put something there. And I understand that... I wouldn't want my child to grow up in such conditions, because in Russia I see courtyards where even in old houses they think about where the child will grow up, so they have special playgrounds for them, and they are thought out down to the last detail. In Kyrgyzstan, even in new houses there is just dirt and these old-fashioned play areas. Although this is a new house. And so, I compare these things, and very often I simply compare. I compare more convenience. And for now, I choose a place to live based on convenience. It's difficult. talk about moving for now.

--- End of the interview ---

Appendix 20. Interview Transcript 8

Respondent: Participant 8

Interview conducted: 17 August 2023

Time: 40:01

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Изначально я туда поехала за мужем. Мы только тогда поженились и через две недели мы уехали подальше от всех родственников, попробовать себя. Потом я забеременела, сидела дома, родила, а муж работал. Я, получается, Москву знаю с точки зрения и неработающей домохозяйки, с ребенком, который там родила, и с точки зрения и работающего мигранта, получается. А до этого я ещё во время университета ехала, работала. Там я работала тогда в салоне, в салоне красоты, мастером ногтевого сервиса. Я здесь училась и сразу уехала. Тоже хотела попробовать, поработать. Ну, получается, Россия всё-таки самое доступное и самое ближайшее место, где можно себя реализовать, ну и плюс мегаполис. А вернуться решили, потому что уже всё-таки когда ты семейный, чуть-чуть труднее, да, так как у нас там нету ни родственников, ни друзей, есть только знакомые, дальние, но они тебе не помогут в случае, если нужно посмотреть за ребёнком или что-то такое. Ну и плюс Москва слишком большой город, надо с кем-то встретиться, очень долго ехать, поэтому... Решили всё-таки вернуться, так как в будущем мы планируем по-любому жить в Кыргызстане. А пока мы живём в России, можно сказать, жизнь утекает. Ну, с некоторыми людьми мы уже перестаём общаться. Со многими родственниками отделились. Ребёнок вообще не знает там никого из родственников, бабушек, дедушек и так далее. Решили вернуться, чтобы к своим корням, поближе быть к родственникам, поближе к друзьям, тем более у нас же много всяких мероприятий, и пока нас нет, то это всё прям копится сильно за год тут. Приезжаешь и за месяц не успеваешь сходить, посмотреть. Там чьи-то дети, чьи-то куран окутуу (поминки), похороны, то есть сколько всего было, да? Приезжаешь, и на вот это всё уходит у тебя время.

В первый раз я не закончила [университет], получается, и поэтому мне пришлось вернуться. Я тогда договорилась, что я уеду поработать в университете, но мне пришлось потом срочно вернуться снова из-за сессии. Я там, получается, полгода была. За полгода я тогда успела и уже официально устроиться на работу. и подзаработать, и накопить. Но я планировала остаться. Думала, я сюда приеду, здесь закрою сессию и снова уеду. Но не получилось. Когда я была более моложе, родители настояли, чтобы я осталась.

Всё-таки с кем-то намного, можно сказать, лучше. Потому что когда ты живёшь одна... в первый раз, когда я поехала, за полгода я один раз увидела Красную площадь и всё.

Потому что куда-то одной ходить тоже не очень хотелось, и я просто работала. Дом, работа, дом, работа и всё. Даже помню, 31 декабря я работала до вечера. 2 января я также вышла, потому что другим сотрудникам не хотелось выходить в семейный день, а мне, в принципе, незачем было. Поэтому 2 января я уже была на работе, 31 декабря я тоже отработала. А второй раз, когда уже семейная, как положено, берёшь выходные. Как положено, идёшь посмотреть все достопримечательности, уходишь куда-то на какие-то мероприятия. Планируешь каждый свой выходной так, чтобы не сидеть дома, а что-нибудь посмотреть. Да хотя бы куда-то выбраться, где-нибудь что-то покушать.

Муж работал в фирме. Он туда поехал, он работал в ЧПО. Это, получается, он работал чисто с русскими. По его профессии там нет именно мигрантов кто бы занимался этим. Получается, он сидит за компьютером, делает графику и задает (параметры). Там есть такой большой станок, туда рабочие устанавливают, например, какое-то дерево, либо что-то такое. Он пишет графику для него и запускает его, и тот сам все режет. По такой профессии мало кто работает именно из мигрантов.

Часть 2. Этнические отношения

Кыргызская этническая группа

Ну, первый раз у меня было, наоборот, больше негативного опыта в общении с кыргызами. В салоне, где я работала, там не было кыргызов. Я работала в салоне, где были в основном русские. Также с кыргызами я взаимодействовала, когда это касалось документации, либо где-нибудь, например, на улице и так далее. Я не знаю, может быть, потому что с тех пор между этими опытами где-то лет пять, может быть, прошло, может, что-то изменилось. Или, может, потому что я второй раз уже ездила как замужняя. Первый раз было больше приставания. Потому что, когда я работала, мы работали в салоне, ну, ты выглядишь хорошо. Идёшь на работу к десяти, когда уже все, вечером в десять выходишь, пока едешь, ночь. И просто, вот, могли подойти какие-то мальчики, какие-то парни, какие-то мужчины, как-то пристать. И мы просто, чтобы от них отвязаться, говорили, нет, мы не кыргызы. Я говорила, нет, я не кыргызка, всё, отстаньте, я вас не понимаю. А второй раз мы уже как-то... Такого уже не было, да.

Ну, [отношусь] хорошо. Хорошо. Там всё равно, когда ты находишься в другой стране, видишь своих соотечественников, хочется как-то пообщаться. Даже, бывает, это глупо, увидишь где-нибудь на работе, там, на кассе, либо где-то ещё, хочется поздороваться, на своём языке что-то сказать, но понимаешь, что им запрещено это всё делать, поэтому делаешь вид, что всё так и это. Просто здороваешься и как обычно, проходишь, не общаешься, да? А так хочется, конечно, пообщаться, спросить, кто откуда приехал, чем занимается, как давно. Ну, с соседями, вот когда второй раз поехали, мы пока не могли себе позволить снять полностью квартиру, там вот дорого стоило, и мы снимали комнату, и жили с другими, получается. Там какая-то семейная пара ещё одна комнату снимает, и так вот скидываются, живут. И так несколько раз мы переезжали, общалась с

разными людьми. Там было, конечно, очень много разного опыта. Первый раз у меня такого не было. Я в первый раз, когда приехала, (я) там сама отдельно снимала, сама жила, рядом с работой и всё. А второй раз повидала разных людей: те, кто и граждане, и хорошо там живут; те, кто только приехали из-за своего незнания языка, даже не могли получить известное рождение своему ребёнку, я даже с ними ходила, помогала им и переводила в МФЦ, чтобы они могли документы получить. Потому что ни она, ни её муж они не знали [русского языка]. Нигде на учёте не стояли, просто вот она приехала беременная, ждала, пока родит. Скорая поехала, они даже не оформили страховку, чтобы бесплатно родить. Например, я это всё заранее сделала, и я по страховке бесплатно рожала. А им пришлось заплатить за три дня 30 тысяч, потому что они заранее об этом не побеспокоились.

Русская этническая группа

Да, мы хорошо общались [с русскими]. Хорошо общались, куда-то ходили. Ну, как куда-то ходили. Может, кто-то на день рождения позовёт. Там, например, какой-то корпоратив был в салоне. Потом, в дальнейшем, у меня были соседи, соседки, с которыми как-то выходили, общались из-за детей, да и куда-нибудь там на прогулку выйти. Ну, они видят, что ты хорошо разговариваешь на их языке. Ну, в принципе, многие уже привыкшие. Поэтому нормально общаешься, нормально себя ведут. Ну, единственное, была одна бабушка, которая снизу жила и очень негативно относилась (к нам). Потому что слышимость сильная, а ребёнок ходит по квартире днём, и это её раздражало. И она каждый раз полицию вызывала, каждую неделю. Она когда вызывала полицию, не говорила, что там ребёнок ходит. А моему сыну было год-полтора-два, ребёнок ходит днём. Она вызывала каждую субботу в 11–12 ночи. Говорила, там идёт музыка, шумят, дерутся и так далее. Полиция приезжала, а тут мы выходим, типа, что случилось? Ну, и участковые выходили. Ну, она такая ещё чуть-чуть, мне кажется, националистка была. Потому что она орала “здесь до вас дагестанцы были, теперь вы живёте”.

Хорошо [относилась к русским]. Ну, у них, конечно, другое мировоззрение, но их мировоззрение тоже очень близко, то, что они живут ради себя. Они живут ради себя, копят на путешествия, также работают. Ну, конечно, они сверхурочно не работают как мы. Они чисто по трудовому договору, пришли во столько-то, ушли во столько-то. Свои права они знают. Я помню, у нас в салоне была девушка, которая постоянно опаздывала. И она говорила: “Я была у врача”. А когда администратор спрашивал у какого врача, она говорила: “Я не обязана вам это сообщать, это мои личные дела”. И всё, типа по закону я имею право ходить к врачу, она говорила, и не обязана вам отчитываться, к какому врачу я хожу. Вот, настолько они знали свои права. Они, можно сказать, наверное, больше даже себя любят. У них получается, как: они не так много детей рожают, как мы, они не так много общаются с родственниками, они тоже общаются с родственниками, но не так, как мы часто, у них нет таких посиделок, как у нас, тоев и так далее, они лучше соберутся и в Турцию полетят. Можно сказать, они как-то не усложняют себе жизнь.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Ну, насчёт блюд, не блюд, это всё, конечно, понятно, то, что там готовишь себе. Праздники, например, когда кыргызские праздники проходят, то конечно, айт, не айт, ты стараешься накрыть стол, что-то приготовить. Что ещё делали? Наверное, чисто всё к еде сводится. Там есть кыргызские магазины, специально товары имеются кыргызстанские. Там часто закупаешься, берёшь ту продукцию, которая привыкла, и потом накрываешь стол на разные мероприятия, которые проходят именно в Кыргызстане.

Я лично на мероприятия не ходила, но муж часто ходил, когда диаспоры устраивали какое-то обучение. Они, бывало, собирались, у них есть какое-то сообщество бизнесменов: люди, которые хотят что-то открыть, не знают, что открыть, либо уже действующие бизнесмены, и они встречаются где-то, делятся своими идеями, общаются, опытом делятся. Вот на такие мероприятия муж ходил. Интересно, смотрел, общался, новые знакомства заводил. Я лично на такие мероприятия [не ходила]. В первый раз мне было неинтересно, а во второй раз уже с ребенком, в принципе, некуда сходить было.

[Про традиции] не знаю. Ну, смотрите, если какие-то мероприятия были в Кыргызстане, либо какие-то похороны, мы отправляли деньги, как обычно бывает, что-то собирают и постоянно какую-то сумму назначают. Если бы умер близкий родственник, то есть даже если нас нет, что, если мы даже не можем присутствовать, мы всё присоединялись, отправляли. Также я знаю, у меня тётя живёт, она давно уже гражданка России, она больше, может, почти 20 лет, наверное, живёт в России, но она также, хоть и не ходит на мероприятия, она отправляет деньги, чтобы быть частью этих мероприятий. Хотя бы так. Ну и в принципе у неё в будущем и дочка выросла, и она будет в Кыргызстане её провожать. И этих же родственников, этих же друзей она позовёт, чтобы немножко не выпасть из этого общества.

Русская культура

Ну, мы ходили именно на празднования, потому что у нас на районе, например, это всё устраивалось. Типа масленицы, какие-то гуляния, какие-то концерты, посвященные этим праздникам. Вот ходили. На Айт намаз муж ходил. Дальше мечеть, которая у нас находится. Вот. А у русских это же всё... Получается, в каждом районе там что-то происходит, да? У них парки, они когда что-то организывают, мы туда ходили смотреть.

С русскими, с которыми я общалась, у них прям в порядке вещей было откладывать деньги на путешествия, и они прям это заранее планировали, заранее это всё делали. Вот мне это прям сильно нравилось, потому что у нас, как бывает, мы... Ну, деньги будут, пойдём, да? Они прям вот по чуть-чуть, по чуть-чуть собирали, собирали и раз в год, как

минимум, хоть куда-нибудь, да, выбирались. Например, вот это мне очень сильно в них нравится. Хотелось бы это всё в себе тоже внедрить.

Язык

Ну, с русскими на русском, если были кыргызы, то на кыргызском, но всё равно на кыргызском я старалась, если я в обществе нахожусь, сильно не разговаривать, потому что мне казалось, что другим людям не очень это будет понятно и приятно. Например, с сыном. Я с ним разговариваю на кыргызском, я его учу разговаривать на кыргызском, чтобы он сначала выучил наш язык, а потом уже перешёл на другие языки. Даже с ним будучи на площадке, мне было некомфортно разговаривать на своём языке. Мне казалось, что когда другие будут смотреть, либо про себя негативить, что вот пришли в другую страну и свои порядки, да, свой язык впихиваем. Всё равно это было дискомфортно. А дома, с родственниками, с мужем на кыргызском. Ну так, смешанно, да, может быть. Но у нас в основном мы разговариваем, наверное, на кыргызском, потому что у меня семья такая, что дома они разговаривали на кыргызском. Мама кыргызский класс закончила в айыле, муж только русский класс закончил. Но мы, конечно, когда встречались, мы только на русском разговаривали почему-то. А потом, когда уже поженились, дома уже разговариваем, наверное, больше на кыргызском. Да, раньше почему-то, не знаю, только на русском разговаривали. [Читаю и слушаю] на русском, потому что всё-таки я закончила русскую школу, русские университеты, и мне больше понятнее на русском. Я могу без проблем разговаривать, но если я читаю на кыргызском, это чуть-чуть затормаживает меня, я начинаю в некоторых местах вдумываться, что это за слово было, что это за значение было. В разговорном это незаметно, а когда ты читаешь литературу на кыргызском, то там чуть-чуть есть трудности. Раньше, наверное, только на русском думала, сейчас всё уже как-то смешано. Даже когда я пишу, у меня идёт через слово русско-кыргызский.

Часть 4. Этническая идентичность

Кыргыз. Наш язык, наша культура, наше мировоззрение, наши традиции, то, как мы живём. Хотя, конечно, русские живут проще, чем мы, но всё-таки в наших традициях и в нашем менталитете есть много хорошего именно для человека. То же самое, ну, я же говорю, они, например, с родственниками не взаимодействуют, это не сильно близко мне. Поэтому тоже там не смогли быть долго, да, потому что хотелось как-то... На разные мероприятия хотелось именно с родственниками собраться. Если что-то происходит, с ними собраться, обсудить. Всё-таки ближе. Туганчылык называется на кыргызском. Это всё-таки нам ближе.

Наше мировоззрение — это то, что мы друг другу сильно помогаем, уважаем старших. У нас есть такие традиции, как... Ну, я это, конечно, не сильно поддерживаю, но всё-таки то, что в старости хотя бы один из детей должен жить с родителями, чтобы помогать, потому что думаем, что, когда родители старые, им нужна хотя бы моральная

поддержка. Даже если не физическая, но, чтобы кто-то рядом был. Вот, получается, наша культура. Как мы, например, выходим замуж, даем, например, молодым на первое время цель и так далее, да? Помогаем. Да, у нас, конечно, очень мало отсепарированных людей, но всё равно. В 18 лет никто никого не бросает, родители доводят, можно сказать, до конца, до женитьбы. Там уже дети, конечно, должны уметь сами. Наше мировоззрение, наверное, в том, что мы не бросаем друг друга, во всём помогаем, всегда рядом, даже если человек, например, сильно не общается, но всегда поможет. Знаешь, что ты не один, если что, тебе всегда помогут.

Быть кыргызом, кыргызскость

Каково это? Быть кыргызом в Москве? Наверное, в какой-то мере, смотря на точку зрения, это большие возможности. Всегда найдёшь работу, всегда. Если, например, ты здесь [в Кыргызстане)] что-то не можешь сделать, например, из-за гордости, в России это всё отличается. Ты пойдёшь на любую работу, ты будешь жить в любых условиях, но ты это будешь делать, чтобы подняться. В Москве, наверное, человек резко взрослеет, можно сказать так. Когда он туда едет, он резко взрослеет, он остаётся один на один с этим мегаполисом. Кого-то это ломает, а кого-то, наоборот, делает сильнее.

Для меня важен наш язык, наша культура, наши традиции. Да, не все традиции, конечно, хочется сохранять, но их можно адаптировать под современность, под современный мир и всё равно соблюдать. Также я бы, конечно, хотела бы оставить то, что мы, ну, как сказать, например, когда вот в айылы и так далее едешь, там, если какое-то мероприятие проводится, не только родственники, но весь айыл приходит помогать. Когда у кого-то что-то случается, там просто тебя не бросают. И даже если это не родственник, приходит, помогает. Кто чем может.

Сейчас надо вспомнить, наверное, все традиции. Ну, мне нравится традиция, когда носят белый платок в первые дни своего замужества. Когда идёшь по улице, сразу заметно, да, кто только поженился, кто только замуж вышел, какая девушка только замуж вышла, да. Это с таким трепетом ты белый платок надеваешь в первое время. Сейчас ты платок надеваешь как обязанность в некоторых местах, а первое время тебе прям нравится. И вот примеряешь себе новый какой-то образ. Да и образ келинки мне, наверное, нравится. Не знаю, мы с М. шутим. Мне вот нравится, когда есть специальные готовые платья и есть для этого все там, знаете, халаты и так далее. Ну, ты можешь всегда носить короткие шорты, но примерить иногда на себя такую роль тоже очень интересно бывает. Мне нравится, когда дают калым, потому что одна сторона дает, можно сказать, деньги, да, а другая сторона закупается, и это все переходит потом молодоженам, и вот какая-то посуда, бытовая техника и так далее, в первое время помощь тебе, чтобы ты этим пользовался, этим жил, ну и память. Потому что я вижу даже по своей маме, она рассказывает, вот эти тошоки мне когда-то дали, вот эта посуда, она их прям бережно хранит, то, что её родители ей когда-то дали.

Этническая идентичность

Да, они спрашивали, откуда, ты рассказываешь. Я, когда помню, в салоне работала, у меня клиентка была, которая выходила замуж, и она делала ногти. И я потом все полтора часа ей рассказывала, как у нас выдают замуж, какие у нас есть традиции, вплоть до того, что у некоторых регионов проверяют до сих пор простыни и так далее. Она, конечно, была очень (шокирована), но не только она, потому что весь салон это слушал. А так, конечно, я люблю рассказывать про наши горы, про нашу природу, язык. Некоторые говорят, да, слышала, видела. Когда разговариваешь с некоторыми соседями, оказывается, что они где-то были в Кыргызстане. Либо они были в Узбекистане, но слышали про Кыргызстан, либо они отсюда приехали, например. Было несколько раз когда, например, разговаривала с соседом, оказывается, он жил до 90-х годов в Кыргызстане. Один раз мы снимали квартиру, но мы уже оттуда съезжали, и как раз приходили посмотреть квартиру на покупку, и что-то с покупательницей разговорились, и она, увидев нас, спросила, откуда мы, мы сказали, вот, из Кыргызстана. И она тоже, оказывается, лет 15 как переехала из Кыргызстана, и в России жила. И она как раз у нас начала спрашивать про квартиру, про минусы, плюсы, так как мы там жили, ну, как-то доверилась. А так в любом удобном случае рассказываешь, упоминаешь.

Влияние идентичности

Ну, наверное, наверное, сейчас уже нет, да. Раньше, конечно, некоторые вещи, когда ты, например, в подростковом периоде, тебе забивают голову. Но всё-таки наше старшее поколение, наше более консервативное, да. И потом ты когда сталкиваешься с мегаполисом и так далее, что-то видишь, например, там, скажем, двух целующихся мужчин, например, сначала ты, конечно, думаешь, ого, а потом уже нормально. Это всё нормально было. В нашем мире, в нашем современном мире, мне кажется, это уже особо не мешает.

Опыт миграции и идентичность

Наверное, (я стала) более кыргызкой. Потому что, пожив в другой сфере, в другом менталитете, в другой стране, ты невольно где-то что-то сравниваешь. Например, как они проводят свадьбу на 30 человек. А у нас, думаешь, у нас 300 человек. Какие-то моменты ты сравниваешь и понимаешь, нравится тебе это или нет. Больше, конечно, мне нравилось именно наше видение мира, как мы живём. Например, если не уступают в метро, либо в автобусе пожилым, беременным и так далее. Сама столько раз сталкивалась. На девятом месяце, с животом стоишь и едешь, а молодые [не уступали]. Почему-то всегда вставали бабушки, именно бабушки. Наверное, просто у них такое воспитание было Советского Союза, еще осталось уважать старших, беременных и так далее. А вот новое поколение, новая молодежь, она не приучена. Они говорят, я заплатила, я поеду, сидя. Никто никому ничего не обязан. А в Кыргызстане у нас, ну как, ну обязан, ты обязан в любом случае уступить. Да, бывает, что ты плохо себя чувствуешь и так далее, и некоторые взрослые поколения, например, считают, что ты прямо это всё обязан сделать.

Часть 5. Планы на будущее

Сейчас я хочу работать в Кыргызстане. Сравнив сейчас зарплаты. Сравнивая, например, зарплату мужа и зарплату в Кыргызстане, у нас почти одинаково стало. И плюс ещё рубль упал. Смысла именно на зарботке уже нет. Конечно, если только ты села откуда-нибудь и где-то тебе нужно срочно сколько-то денег заработать, то есть смысл, да. А если в долгосрочной перспективе, то здесь устроиться на работу или открыть какой-то бизнес, не спеша это здесь всё делать, то ты до этой же зарплаты дойдёшь. Поэтому, думаю, буду здесь работать как раз с сентября, себя искать.

Да, был период в начале, до того, как родился ребенок, да и первый год, наверное, мы рассматривали вариант остаться, мы зарегистрировались на вайлдберрис, товар закинули, думали уже там работать. Но как ребёнок начал расти, стало тяжелее. Стало тяжелее в плане... Ну да, можно было ребёнка, конечно, на няню, оставить, но я уже начала думать. В будущем он, например, сейчас ему годик, а он ни разу не видел своих дедушек, бабушек. В будущем он просто их не будет знать, он не будет знать нашу культуру, нашу жизнь. Также мы будем ездить раз в год и не будем попадать ни на какие мероприятия. В будущем просто перестанем общаться со всеми. Если бы мы остались, мы думали остаться там, думали уже ипотеку взять, выплачивать. Я начала выдумать, чтобы взять гражданство, но все взвесив, поняли, что лучше в Кыргызстане. Да и там, хоть ты 50 лет проживешь, то все равно ты будешь, хоть имея гражданство, ты все равно будешь кыргызом, которого могут проверить, к которому будут относиться все равно не так, как русским. Всё равно будешь кыргызом, да? У меня тётя, она замужем за русским, она гражданка. Они живут в таких условиях, там, лучше, чем 90% россиян. У них там особняк, загородный дом и так далее, но при этом всё равно есть какие-то моменты, где она кыргызка. Например, с родственниками или когда могут документы проверить, просто потому что это не славянская внешность.

Думаю, например, мне кажется, Россия, Москва для многих сейчас стала совсем другой. Раньше, если бы наши ездили сильно, мучились, работали, жили по 20–30 человек в квартире и так далее, сейчас стало намного легче. Сейчас стало намного легче, намного удобнее. У кыргызов стало больше выбора в работе, больше голосов, больше прав. Сейчас стало намного удобнее. Думаю, многие уже это поняли, поэтому многие уже начали перебираться. Там всё-таки жизнь, конечно, комфортнее, условия лучше, но, не все могут с этим справиться, да? С мегаполисами именно справиться, либо вдали от родственников. Потому что я знаю, что через 20–30 лет тоже обратно переезжают, потому что всё равно в свои края к себе тянут. А так, Россия, Москва — это прям очень классный город. Если ты живёшь, если ты работаешь, ну, как обычно живёшь, можно жить очень даже интересно, куда-то постоянно ездить. Даже элементарно эту же одну Москву, ты там не до конца уже всё обследуешь. Мне там вообще понравилось. Если бы, конечно, у было побольше родственников или хотя бы родителей, то, может быть, мы и остались бы, но пока нет.

--- End of the interview ---

Appendix 21. Transcript Translation 8

Respondent: Participant 8

Interview conducted: 17 August 2023

Time: 40:01

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

I initially followed my husband there. We'd just gotten married, and after two weeks, we moved away from all our relatives to try our luck. Then I got pregnant, stayed home, gave birth, and my husband worked. So, I know Moscow from the perspective of both a stay-at-home mom with a child I gave birth to there, and from the perspective of a working migrant, it turns out. Before that, I'd gone there and worked while I was still in university. I was working in a salon, a beauty salon, as a nail technician. I studied here and left right away. I also wanted to try it out, to work. Well, it turns out that Russia is the most accessible and closest place to realize yourself, plus it's a big city. We decided to come back because, after all, when you're a family, it's a little more difficult, yes, since we don't have any relatives or friends there, only distant acquaintances, but they won't help you out if you need childcare or something like that. Plus, Moscow is too big a city, you need to meet someone, it's a very long trip, so... We decided to return after all, since we definitely plan to live in Kyrgyzstan in the future. And while we live in Russia, you could say life is slipping away. Well, we've already lost touch with some people. We've become estranged from many relatives. The child doesn't even know any of his relatives there, grandparents, and so on. We decided to return to our roots, to be closer to relatives, closer to friends, especially since we have a lot of different events, and while we're away, it all just piles up over the course of a year here. You come back and in a month, you can't even go and see everything. Someone's children are there, someone's Kuran Okutuu (wake), funeral, so there was so much of it, right? You arrive, and all of this takes up your time.

The first time, I didn't finish (university), so I had to come back. I agreed to go work at the university, but I had to rush back because of exams. I was there for six months, after all. In that six month, I managed to get an official job, earn some extra money, and save up. But I planned to stay. I thought I'd come here, finish my exams, and then leave again. But that didn't work out. When I was younger, my parents insisted I stay.

It's still much better, you could say, with someone. Because when you live alone... the first time I went, I saw Red Square once in six months and that was it. Because I didn't really want to go anywhere alone, so I just worked. Home, work, home, work, and that's it. I even remember working until the evening on December 31st. I also went out on January 2nd because the other employees didn't want to go out on a family day, and I didn't really have any reason to. So, I was already at work on January 2nd, and I worked on December 31st too. And the

second time, when it was already family time, as expected, you take days off. As expected, you go see all the sights, go somewhere to some events. You plan every day off so that you don't sit at home, but rather see something. Or at least go out somewhere, eat something somewhere.

My husband worked for a company. He went there, he worked in a private enterprise. So, he worked exclusively with Russians. In his profession, there are no migrants specifically who would do this. So, he sits at the computer, creates graphics and sets the parameters. There's this big machine there, and the workers install, for example, some kind of wood or something like that. He creates the graphics for it and starts it up, and it cuts everything itself. such professions few Who works exactly from migrants.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

Well, the first time, on the contrary, I had a more negative experience interacting with Kyrgyz. There were no Kyrgyz in the salon where I worked. I worked in a salon where there were mostly Russians. I also interacted with Kyrgyz when it came to paperwork, or somewhere, like on the street, and so on. I don't know, maybe it's because about five years have passed since then, maybe something has changed. Or maybe it's because I was already married and traveling for the second time. The first time, there was more harassment. Because when I worked, we worked in a salon, like, you look good. You go to work at ten, when everything is already over, you leave at ten in the evening, while you're driving, it's night. And just, some boys, some guys, some men would come up to you and harass you somehow. And just to get rid of them, we said, no, we're not Kyrgyz. I said, no, I'm not Kyrgyz, that's it, leave me alone, I don't understand you. And the second time, we somehow... That never happened again, yeah.

Well, (I treat them) well. Well. It's all the same, when you're in another country, you see your compatriots, and you want to somehow communicate. It can even be silly: you see them somewhere at work, at the checkout, or somewhere else, and you want to say hello, say something in your language, but you understand that they're not allowed to do all this, so you pretend that everything is so and so. You just say hello and, as usual, pass by, without talking, right? But of course, you want to talk, ask who's where they're from, what they do, how long they've been there. Well, with neighbours, for example, the second time we went, we couldn't afford to rent an entire apartment yet, it was expensive there, so we rented a room and lived with others, it turns out. Some married couple there rented another room, and so they chipped in and lived there. And so, we moved several times, interacted with different people. There, of course, was a lot of different experiences. This didn't happen to me the first time. The first time I arrived, I rented a place on my own, lived there by myself, close to work and everything. But the second time, I saw all sorts of people: some were citizens and lived well there; some who had just arrived because they didn't speak the language and couldn't even get a birth certificate for their child. I even went with them, helped them, and translated for them at the MFC so they could get the documents. Because neither she nor her husband spoke Russian. They weren't

registered anywhere; she just arrived pregnant and waited for the baby to be born. The ambulance came, and they didn't even take out insurance to give birth for free. For example, I had done all this in advance, and I gave birth for free under my insurance. But they had to pay 30,000 rubles for three days because they hadn't taken care of it beforehand.

Russian ethnic group

Yes, we communicated well (with Russians). We communicated well, went somewhere. Well, like went somewhere. Maybe someone would invite me to a birthday party. For example, there was some corporate event at the salon. Then, later, I had neighbours, female neighbours, with whom I would go out, talk about the children, and also go for a walk somewhere. Well, they see that you speak their language well. Well, basically, many have already gotten used to it. So you communicate normally, they behave normally. Well, the only thing is, there was this grandmother who lived below, and she was very negative (towards us). Because the sound was loud, and the child walks around the apartment during the day, and this irritated her. And she called the police every time, every week. When she called the police, she didn't say that the child was walking around there. And my son was one, one and a half, two years old, the child walks around during the day. She'd call every Saturday night at 11 or 12. She'd say there was music playing, people were making noise, fighting, and so on. The police would show up, and then we'd come out, like, "What happened?" And the local police would come out. Well, she was also a bit of a nationalist, I think. Because she'd yell, "There were Dagestanis here before you, and now you live here."

Good (I treated Russians well). Well, they certainly have a different worldview, but theirs is also very close: they live for themselves. They live for themselves, save up for travel, and work the same way. Well, of course, they don't work overtime like we do. They're purely on contract: they come at such-and-such a time, leave at such-and-such a time. They know their rights. I remember we had a girl in the salon who was always late. And she'd say, "I've been to the doctor." And when the receptionist asked which doctor, she'd say, "I'm not obligated to tell you that, it's my personal business." And that was it, like, by law, I have the right to see a doctor, she'd say, and I'm not obligated to tell you which doctor I'm seeing. That's how well they knew their rights. You could say they probably even love themselves more. It turns out that for them, it's like this: they don't have as many children as we do, they don't communicate with their relatives as much, they also communicate with relatives, but not as often as we do, they don't have the kind of get-togethers like we do, tois and so on, they'd rather get together and fly to Turkey.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

Well, regarding the dishes, or rather, the food itself, that's all understandable, of course—it's what you cook for yourself. Holidays, for example, when there are Kyrgyz holidays, then of

course, ait or not , you try to set the table and cook something. What else did you do? I guess it all comes down to food. There are Kyrgyz stores there, and they specialize in Kyrgyz goods . You often shop there, buy the products you're used to, and then set the table for various events that take place specifically in Kyrgyzstan.

I personally didn't go to events, but my husband often did when the diaspora organized training sessions. They used to gather, they have a kind of business community: people who want to start something, don't know what to start, or already established businessmen, and they meet somewhere, share their ideas, chat, and share experiences. My husband attended these events. It was interesting, he watched, talked, and made new connections. Personally, I didn't go to such events. The first time, I wasn't interested, and the second time, with a child, there was basically nowhere to go.

(About traditions) I don't know. Well, look, if there were any events in Kyrgyzstan, or funerals, we sent money, as is usually the case; they collect something and always set a certain amount. If a close relative died, that is, even if we weren't there, even if we couldn't attend, we still joined in and sent. I also know, I have an aunt who lives here; she's been a Russian citizen for a long time, she's lived in Russia for almost 20 years, probably, but she also, although she doesn't attend events, she sends money to be a part of them. At least that's it. And basically, in the future, she has a daughter who has grown up, and she'll be in Kyrgyzstan to see her off. And she'll invite these same relatives, these same friends, so as not to fall out of favor a little.

Russian culture

Well, we went specifically to celebrations because in our neighborhood, for example, all that was happening. Like Maslenitsa, some kind of festivities, some kind of concerts dedicated to these holidays. So, we went. My husband went to Eid prayers. Then there was the mosque, which is located near us. That's it. And with the Russians, it's all... So, it turns out that in every neighborhood there's something going on, right? They have parks, when they organize something, we went there to watch.

The Russians I spoke with were perfectly fine with saving up for travel, and they planned it all out in advance. I really liked that, because with us, it's like... Well, we'll have the money, so we'll go, right? They just saved up, little by little, and at least once a year, at least somewhere, yeah, they'd go away. I really like that about them. I'd like to incorporate that into myself.

Language

Well, with Russians I spoke Russian, and if there were Kyrgyz, then I spoke Kyrgyz. But I still tried not to speak Kyrgyz much when I was in public, because I thought it wouldn't be very understandable or pleasant for other people. For example, with my son. I speak Kyrgyz with him, I teach him to speak Kyrgyz so that he first learns our language and then moves on to other languages. Even with him on set, I felt uncomfortable speaking my language. I thought that when others would watch, or I would internally feel negative about coming to a different country with its own rules, yes, and forcing our own language on them. It was still

uncomfortable. But at home, with relatives, with my husband, I speak Kyrgyz. Well, it's a mixed language, yes, maybe. But we mostly speak Kyrgyz, I guess, because my family was the kind of language that people spoke at home. My mother finished a Kyrgyz class in the village, my husband only finished a Russian class. But, of course, when we were dating, we only spoke Russian for some reason. And then, after we got married, we probably spoke more Kyrgyz at home. Yes, before, for some reason, I don't know, we only spoke Russian. (I read and listen) in Russian, because after all, I graduated from a Russian school, Russian universities, and I understand Russian better. I can speak without any problems, but if I read in Kyrgyz, it slows me down a little; in some places, I start to think about what that word was, what that meaning was. It's unnoticeable in conversation, but when you read literature in Kyrgyz, there are a few difficulties. Previously, I probably only thought in Russian, but now everything is somehow mixed up. Even when I write, every other word is Russian-Kyrgyz.

Part 4. Ethnic identity

Kyrgyz. Our language, our culture, our worldview, our traditions, the way we live. Although, of course, Russians live a simpler life than we do, there are still many good things in our traditions and our mentality that are particularly beneficial to human beings. The same thing, well, as I said, they, for example, don't interact with their relatives; that's not something I really connect with. That's why we couldn't be there for long, either, because I wanted too somehow... I wanted to get together with my relatives at various events. If something happens, I'd gather with them and discuss it. It's closer, after all. It's called tuganchylyk in Kyrgyz. It's closer to us, after all.

Our worldview is that we help each other a lot, respect our elders. We have traditions like... Well, I'm not a huge supporter of that, of course, but still, at least one child should live with their parents in old age to help, because we believe that when parents are old, they need at least moral support. Even if not physical, at least someone to be there. That's our culture, then. For example, when we get married, we give young people, for example, a goal to achieve at first, and so on, right? We help. Yes, of course, we have very few isolated people, but still. At 18, no one abandons anyone; parents see them through, so to speak, to the end, to marriage. Then, of course, the children should be able to do things on their own. Our worldview, probably, is that we don't abandon each other, we help each other with everything, we're always there, even if the person, for example, doesn't communicate very much, but we will always help. You know that you are not alone, If anything happens, they will always help you.

To be Kyrgyz, Kyrgyzzness

What's it like to be Kyrgyz in Moscow? Perhaps, to some extent, depending on your perspective, it offers great opportunities. You'll always find work, always. For example, if you can't do something here (in Kyrgyzstan), perhaps because of pride, in Russia it's all different. You'll take any job, you'll live in any conditions, but you'll do it to rise. In Moscow, you

probably mature dramatically, you could say. When you go there, you mature drastically, you're left alone with this megacity. This breaks some people, while it makes others stronger.

Our language, our culture, our traditions are important to me. Yes, of course, I don't want to preserve all the traditions, but they can be adapted to modern times, to the modern world, and still be observed. I would also, of course, like to preserve what we, well, how can I say, for example, when you go to aiyls and so on, if there's some kind of event, not only relatives, but the entire aiyl comes to help. When something happens to someone, they don't just abandon you. And even if it's not a relative, they come and help.

Now I guess I should remember all the traditions. Well, I like the tradition of wearing a white headscarf in the first days of marriage. When you walk down the street, you can immediately tell who's just married, who's just gotten married, which girl just got married, yes. It's with such trepidation that you put on a white headscarf at first. Now you wear a headscarf as an obligation in some places, but at first you really like it. And so, you try on some new image. And I probably like the image of a kelinka, too. I don't know, M. and I joke. I like it when there are special ready-made dresses and everything for that, you know, robes and so on. Well, you can always wear short shorts, but trying on that role sometimes is also very interesting. I like it when they give a bride price, because one side gives, you could say, money, yes, and the other side does the shopping, and it all goes to the newlyweds later, including dishes, appliances, and so on. At first, they help you use it, help you live with it, and also as a keepsake. Because I even see it in my mother, she tells me, these toshoks were once given to me, these dishes, she carefully keeps them, the things her parents once gave her.

Part 4. Ethnic identity

Yes, they asked where you were from, as you say. I remember working in a salon, I had a client who was getting married, and she was getting her nails done. And then I spent the whole hour and a half telling her how people get married here, what our traditions are, right down to the fact that in some regions they still check bedsheets and so on. She, of course, was very (shocked), but she wasn't the only one, because the whole salon was listening. And of course, I love talking about our mountains, our nature, our language. Some say, yes, I've heard of it, I've seen it. When you talk to some neighbours, it turns out they've been to Kyrgyzstan somewhere. Either they've been to Uzbekistan but heard about Kyrgyzstan, or they're from here, for example. There were several times, for example, when I talked to a neighbour, it turns out he lived in Kyrgyzstan until the 90s. We were renting an apartment once, but we were already moving out, and we came to look at an apartment to buy, and we got into a conversation with the buyer, and when she saw us, she asked where we were from, and we said, well, Kyrgyzstan. And it turns out she, too, had moved from Kyrgyzstan about 15 years ago and lived in Russia. And she just started asking us about the apartment, the pros and cons, since we had lived there, and somehow, she trusted us. And so, in any case, convenient case you tell, you mention.

The influence of identity

Well, probably, probably not anymore, yes. In the past, of course, certain things, when you're, say, a teenager, they fill your head with them. But still, our older generation, our more conservative one, yes. And then, when you encounter a big city and so on, you see something, for example, two men kissing, for example, at first you, of course, think, wow, but then it's normal. It was all normal. In our world, in our modern world, I don't think it's particularly bothersome anymore.

Migration experience and identity

I probably became more Kyrgyz. Because, having lived in a different environment, with a different mentality, in a different country, you involuntarily compare things. For example, how they organize a wedding for 30 people. And here, you think, we have 300 people. You compare certain things and understand whether you like it or not. Of course, I liked our view of the world more, how we live. For example, when they don't give way to the elderly, pregnant women, and so on the metro, or on the bus. I've encountered this so many times myself. In your ninth month, you're standing with your belly and riding, but the young ones (didn't give way). For some reason, the grandmothers always stood up, specifically the grandmothers. Perhaps it's just that they were raised like that in the Soviet Union; they still respect their elders, pregnant women, and so on. But the new generation, the new youth, they're not accustomed to it. They say, "I paid, I'll ride sitting." No one owes anything to anyone. But in Kyrgyzstan, well, you're obligated, you're obligated to give in no matter what. Yes, sometimes you feel unwell and so on, and some older generations, for example, believe you're downright obligated to do all of this.

Part 5. Future plans

Now I want to work in Kyrgyzstan. Comparing salaries now. For example, comparing my husband's salary with the salary in Kyrgyzstan, ours are almost the same. Plus, the ruble has fallen. There's no point in just earning money anymore. Of course, if you're just from somewhere and need to earn some money somewhere urgently, then it makes sense, yes. But if you're looking for a long-term future, finding a job here or starting a business, and taking your time to do it all, you'll reach the same salary. So, I think I'll be working here starting in September, trying to find my way.

Yes, there was a period at the beginning, before the baby was born, and probably during the first year, we considered staying. We registered with Wildberries, loaded up our inventory, and were thinking about working there. But as the baby started growing, it became harder. It became harder in terms of... Well, yes, we could have left the baby with a nanny, of course, but I was already starting to think. In the future, for example, he's a year old now, and he's never seen his grandparents. In the future, he simply won't know them; he won't know our culture, our life. We'll also only travel once a year and won't be able to attend any events. In the future,

we'll simply stop communicating with everyone. If we had stayed, we were thinking about staying there, we were already thinking about taking out a mortgage and paying it off. I started to dream up the idea of getting citizenship, but after weighing everything, we realized it would be better to live in Kyrgyzstan. And even there, even if you live 50 years, you'll still be Kyrgyz, even if you have citizenship. You'll still be Kyrgyz, and they can check you and treat you differently than Russians. You'll still be Kyrgyz, right? My aunt, she's married to a Russian, and she's a citizen. They live in better conditions than 90% of Russians. They have a mansion, a country house, and so on, but there are still some moments where she's Kyrgyz. For example, with relatives or when they can check your documents simply because you don't look Slavic.

I think, for example, it seems to me that Russia, Moscow, has become a completely different place for many people now. Before, our people travelled a lot, suffered, worked, lived 20-30 people in an apartment, and so on, but now it's much easier. Now it's much easier, much more convenient. The Kyrgyz have more choice in work, more voices, more rights. It's much more convenient now. I think many have already realized this, which is why many have already started moving. Life there is, of course, more comfortable, the conditions are better, but not everyone can cope with that, right? With megacities, of course, they can cope, or they can be far from relatives. Because I know that in 20-30 years, people will also move back, because they are still drawn to their homelands. But Russia, Moscow – it's a really great city. If you live there, if you work, well, as usual, you can live a very interesting life, constantly going somewhere. Even just Moscow, you don't fully explore everything there. I actually liked it there. If, of course, we had more relatives or at least parents, then maybe we would have stayed, but not yet.

--- End of the interview ---

Appendix 22. Interview Transcript 9

Respondent: Participant 9

Interview conducted: 25 August 2023

Time: 55:46 min

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Я поехала в Москву, потому что поступила на учёбу, в В. на бюджет. Москва не была моим номер один, желаемой дестинацией. До Москвы я училась год в Кыргызстане. Это было после моего приезда из Америки. Я вернулась в Кыргызстан, начала учиться в С., флексники вокруг меня, которые со мной ездили, как бы заражали меня своим настроем, что “да давайте поступим куда-нибудь за рубеж и уедем из Кыргызстана”. И многие флексники так говорили вокруг меня, и меня это как бы тоже заразило. Я такая “блин, да, типа тоже хочется, хотелось бы за рубеж”. И я тогда, учась в Кыргызстане подавалась туда, где были full scholarship, типа в Корею, в один университет в Абу-Даби. Я туда не прошла, я об этом узнала довольно быстро. И я была так настроена, что если никуда вообще не смогу поступить, это нормально, тогда я остаюсь в Кыргызстане и доучиваюсь в С., в этом нет проблемы. И значит, в апреле 2014 года я на улице в Бишкеке встречаю бывшего завуча своей школы В.В., которая является главным координатором В., и она рассказала мне про квотный отбор, и что он всё ещё идёт, и дедлайн ещё не прошёл. И я подалась, мою анкету приняли, позвали на собеседование, я сходила на собеседование, оно было несложным, и потом через месяц, где-то в конце июня, кажется, вывесили на сайте результаты, я нашла себя в списках, что я получила бюджетное место. И поскольку я так подумала, ну раз оно бюджет, все бесплатно, специальность вроде бы желаемая, почему бы не рискнуть и поехать? Да, конечно, были мысли, а вдруг не понравится, а вдруг погода не подойдёт. Ну, тогда думала, если прям вообще в Москве не пойдёт, не знаю, здоровье подведёт или учёбу не потяну, ну, тогда вернусь обратно в Бишкек. И вот так вот на таких вещах, не знаю, вот так вот, короче. Тётя как бы такая, всё, ладно, родители поддержали, типа такие, хорошо, езжай, вот, и так вот и приехала я в Москву на первый курс.

Вообще так, я как бы там резко увидела контраст с учёбой, например, если там в С. (университете в Кыргызстане), могли мне поставить пять итоговую, потому что я там староста группы, плюс ещё хорошо учусь, посещаю хорошо, то в В. вообще, естественно, не так. Каждая оценка зарабатывалась потом и кровью. И я поняла, что в В. я научилась учиться, то есть все эти задания, которые были, типа презентации, групповые работы, это всё научило меня учиться. Этого не было в С., и я не жалею, что поехала в Москву учиться, но ещё раз пройти этот опыт, повторить этот опыт я бы не хотела, потому что это было слишком, ну, на это ушло очень много сил. В плане учёбы было challenging, то есть такой постоянный какой-то вызов. Да, оценка каждая потом и

кровью. Ну так, образно говоря. Конечно, мы там с одногруппниками помогали друг другу, это всё равно. Первый мой год в Москве был просто, наверное, самый лучший из всех четырёх. Я выиграла грант на две зарубежные поездки в Европу сразу, всё оплачивалось. Я подумала, вау, если я в течение своего первого года смогла два раза поехать в Европу, ну, наверное, дальше больше будет. Но, к сожалению, нет, дальше никуда в Европу не выезжала. Второй, третий, четвёртый курс было без поездок. И первый курс вообще хорошо проходил, и такой возник момент, где-то во второй половине первого курса, где-то в феврале или в марте в общежитии я пошла на какую-то тусу, в чью-то комнату, там были однокурсники, но такие, малознакомые, неблизкие друзья, и мы там что-то сидели, общались, и один парень русский с другой группы, но с моего курса, сказал мне такую вещь, что, типа, вот, зачем вы, иностранцы, приезжаете по квоте, вы отбираете наши бюджетные места, типа у россиян, вы перекрываете нам кислород. И почему-то его слова так сильно мне засели в голову, что у меня с этого момента начался комплекс насчёт того, что я иностранка, что я не славянской внешности, что все прохожие в Москве сразу это видят по моему лицу. Плюс в Москве очень много трудовых мигрантов из Кыргызстана, и мне прям очень не хотелось, чтобы меня ассоциировали с ними. Мне хотелось, чтобы, не знаю... Чтобы какими-то телепатическими способностями прохожие понимали, что я не трудовая мигрантка, а что я приехала учиться, что я студентка. И внутри очень хотелось себя отделять от этой группы трудовых мигрантов. И только к концу четвёртого курса, когда я уже отправила ВКР (выпускная квалификационная работа) и ждала свою защиту, я помню, я вышла из общаги, шла к трамвайной остановке, и, наконец-то какое-то внутреннее ощущение было, что могу идти с ровной спиной, с гордо поднятой головой. Я поняла, что, блин, я скоро получаю диплом, и я, наверное, буду образованнее многих прохожих вокруг. Или буду образованнее просто каких-то прохожих вокруг. Тогда у меня появилось чувство самооценности, что ли. А до этого постоянно было чувство, что я не такая ценная, что ли, что я такая себе.

Часть 2. Этнические отношения

Кыргызская этническая группа

Ну, как бы да, перед отъездом в Москву на первый курс папа мне такую сказал фразу, типа, не варись в котле крыгызов, не старайся проводить всё своё время с крыгызами, не общайся, ну вот не старайся всё время проводить с ними в общении, типа, интегрируйся, общайся с местным населением, с русскими, с россиянами. И я почему-то за эти четыре года в Москве как-то эту фразу пронесла собой. И что интересно, я общалась с кыргызами, которые учились только в В.. Почему-то именно кыргызы, учащиеся в В. мне казались самыми адекватными, самыми, не знаю, интересными, самыми похожими по уровню образования, по интересам, потому что когда я попадала на мероприятия, которые проходили в Москве для кыргызов, которые живут в Москве, то я как-то не чувствовала себя уютно, в своей тарелке. Вот с кыргызами в В. прям вообще огонь. Которые кыргызы в Москве, да даже вот и кыргызы, которые студенты других

московских вузов, с ними тоже некомфортно себя чувствовала, мне казалось, что какие-то другие, что у нас разные интересы.

Получается, что в то время кыргызы в В. были как гарант, не знаю, качества, что ли. Не знаю, интересные люди, вот сто процентов адекватные. А которые из других вузов... Ну вот, кстати, у меня где-то на третьем или четвёртом курсе, уже к концу моего проживания в Москве появилась пара знакомых, которые учились в МЭИ, а МЭИ, он находился рядом с моим общежитием. Я познакомилась с двумя кыргызскими девочками, которые там учились. Получается, мы как бы жили недалеко друг от друга, потому что общага и универ мои, всё в одном месте. И моя общага была возле их, как бы, стутгородка, так сказать. Вот, я общалась с ними, но одна из них – дочка друга моего папы, а другая как-то... Я не помню, как я с ней познакомилась. Но вот с этой дочкой друга я с ней общалась гораздо больше, чем с другой. С другой, ну так.

Русская этническая группа

Да, конечно (общалась). У меня большинство одноклассников, однокурсников, всех людей в универе русские, но, помимо этого, у меня были подруги-друзья из Башкирии, из Татарстана, из Калмыкии, Якутии. Их было немного, но они были. Ну то есть в основном с ними взаимодействие было в как бы в университетском контексте. Блин, вот это хороший вопрос, потому что... Так, этнические русские... Ну... Нормально, да, я с ними училась. Вот, например, у меня были одноклассники и однокурсники... Так-так-так. Постой-постой. Ощущала я себя вполне нормально. Я говорю, что, например, когда я ходила на улице, то я комплексовала из-за своей нерусскости, неславянскости. В университете я этот комплекс пыталась внутри себя потушить, прибадривая себя тем, что, ну, some one, я нахожусь в университете, все вокруг люди, которые меня видят, все понимают друг о друге, что все с мозгами, что все сюда попали не просто так, что у всех есть какой-то интеллектуальный багаж, что все умницы. И когда я это себе напоминала, мне становилось легче. А, плюс ещё у меня в группе была девочка кыргызка Ж., как бы видя её, что она хорошо учится, я понимаю, что, ну блин, типа мои одноклассники, однокурсники, они не будут плохо относиться или дискриминировать из-за национальности. Мы как бы все в университете, это интеллектуальная, хорошая, безопасная среда. И, например, москвичи в группе мне нравились... Ну не знаю, вот как вот я про них вот это слышала, что типа вот москвичи... Вот есть же такое, что вот москвичи, они такие, как будто бы, такие open-minded, такие открытые, простые. Как бы в целом я находила подтверждение этих слов, видя своих одноклассников-москвичей. То есть они абсолютно нормальные, живут своей жизнью, заняты своими делами, ходят на занятия, делают домашки, с презентациями выступают. А русские, которые были приезжие одноклассники, тоже хорошо, ну, типа, тоже нормально. Ну вот да, вот в целом вывод, что в универе, поскольку я себе как бы напоминала, и я это видела, что среда интеллектуальная, безопасная, не дискриминирующая, то акцент на том, что я не славянка, делать не будут люди.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Как я, находясь в Москве, поддерживала связь с кыргызской культурой? А, это мне нужно как бы самой определить для себя, что для тебя является культурой, да? Я, например, когда я училась на втором или третьем курсе, появилось объединение кыргызстанцев в В. студенческий клуб. Председателем его стала одна девочка А., и она, и её команда начали устраивать мероприятия, и я на эти мероприятия приходила. Не на все, но на те, на которые я могла, по своему расписанию, по занятости я приходила. Я помню, было мероприятие, кажется, на П., такое большое, где этот клуб забронировал какой-то концертный зал, и прям был целый ведущий Н., был концерт с викторинами, с выступлениями. И всё это было организовано кыргызстанским студенческим клубом. Потом на столе были боорсоки, сувениры, девочки были одеты в наряды. Вот я на этом ивенте была, я как бы участвовала, была одним из, кажется, организаторов, что ли, как волонтер, организатор. Но я на эти мероприятия ходила, блин... Ну, не из-за того, чтобы в себе внутри кыргызскую культуру как-то поливать, чтобы она не высыхала, я не знаю. Ну, потому что весело, потому что там будут мои кыргызские друзья, именно те, которых я люблю, с которыми мне приятно проводить время, с которыми мне приятно после мероприятия пойти на какой-то after-party или на что-то такое. Вот, если я ответила на вопрос.

Да, я сейчас вспомнила одно мероприятие. Никакой истории нет. Просто я помню, что я ещё на одно ходила мероприятие этого клуба. Я то ли опоздала, то ли... А, ну это было просто как... Ну типа как get-together, да? Вот просто они забронировали какую-то аудиторию с партами, такую обычную, и там были чай, печеньки, общение, в мафию играли. Там был Н., и я с ним, помню, поговорила, потом мы в конце сделали group picture. Я помню, на эти ивенты приходил один парниша, который был на два курса младше меня, учился на бизнес-информатике в моём же корпусе. И, не знаю, вот мы с ним так хорошо общались, и я даже такой краш на него ловила, но при этом как бы он со мной так хорошо общается, так прям слушает меня, и такой вот уважительный. Даже не то, что очень дружелюбно, но и всё, да. Вот.

Традиции, которые для меня были важны соблюдать? Нет, наверное, таких традиций не было, чтобы прям для меня это было важным соблюдать. Единственное, когда я была на первом курсе и была на третьем курсе съездила в Д., к кому-то в кыргызскую квартиру, и там готовили плов. И мы вот сидели, кушали плов, потом общались, сидели, уже играли в мафию до утра, до поздней ночи. Для меня до утра, потому что я живу в городе, и электрички начинают ходить только с четырёх утра или со сколько. Поэтому я там оставалась до утра. Я очень радовалась, когда такие пловные сходки организовывались, я на них с большой радостью ехала. Но когда они прекратили, когда уже те, кто это организовывали, они закончили и уехали, то этих сходок больше не было. Конечно, было грустно, но типа нету и нету, типа ладно, живём дальше.

Русская культура

Поддерживала ли я связь с русской культурой? Вот именно прям с русской, да? Вот почему-то мне первая сейчас мысль пришла, так это ходить в театры. Вот, например, у нас во втором или в третьем курсе мы и мои общажные подружки, кто-то из них этнические русские девчонки, одна из них была татарка или башкирка, я не помню, как она себя идентифицировала, вот мы группкой из двух, трех, четырех девочек, когда как, мы прям раз в месяц точно ходили в театр Райкина. Там, где-то вот за полчаса приходишь и за 100 рублей покупаешь билет. Вот мы на такое прям подсели конкретно, мы прям ходили, посмотрели несколько спектаклей. Это было наше большое увлечение. Потом цены подняли, делали уже 300 рублей, и я уже перестала ходить. Это было дорого, это было реально дорого для меня.

На блины меня, кажется, один раз точно звали, на Масленицу. Да, да, да. Когда была Масленица, то сказать: “Иисус воскрес”, попробовать кулич, блины, ну это было весело сходить к кому-то в гости на чай с этими вкусностями. Например, вот если, возвращаясь к вопросу, а что ещё из русской культуры я делала кроме театров, по музеям я ходила немного, то есть мало можно сказать, да. Кажется, вроде всё, что-то в голову ничего не приходит.

Язык

На русском [больше всего разговаривала]. С семьёй? Семьёй на каком? Ну, в основном на русском, ну, так перемешиваешь какие-то кыргызские слова, или какое-нибудь предложение на кыргызском скажешь, или какую-то мысль на кыргызском скажешь. А так, в большинстве своём на русском. В университете точно большинство [контента] на русском [потребляла]. В ВКонтakte все посты, в Ютубе тоже все видео, большинство было на русском. Сейчас как-то уже английского больше, то есть я уже больше смотрю сериалы на английском на Нетфликсе и посты на Фейсбуке на английском, в Линкдине на английском. Да, сейчас английского стало больше.

Связь с родными

Связь с родными поддерживала чаще, чем сейчас. Когда я жила в Москве, я связь с Кыргызстаном поддерживала. С друзьями, с родителями, с семьёй. Поддерживала связь больше, чем сейчас. Почему так случилось? Ну, наверное, может быть, первое, это какое-то взросление, я сейчас старше. Во-вторых, тогда, я не знаю, может быть из-за того, что родители всё равно меня тогда финансово поддерживали, из-за этого я была на связи больше, а сейчас они меня совсем финансово не обеспечивают, поэтому меньше. Может и такое. Ещё тогда, когда я жила в Москве, я в Кыргызстан приезжала два раза в год. Из-за этого я там с друзьями чаще виделась. А сейчас езжу раз в два года. Но хотелось бы ездить почаще, уже раз в год. Хочется ездить, да. Ещё почему? Да, вот возраст, и, наверное, финансовое. Да, наверное.

Часть 4. Этническая идентичность

Этническая идентичность

Как я себя этнически идентифицирую. Например, я же тебе говорю, что вот у меня вот этот был комплекс неславяности, и из-за этого у меня такой был вопрос: “А интересно, я похожа на калмычку, или на бурятку, или на якутку?”. У меня возникал вопрос, и мне, наверное, немножко хотелось быть похожей на них, ну они же часть России, они же граждане России, все люди, живущие в этих республиках. Вот и поэтому у меня была такая мысль. Как бы хотелось немножечко, чтобы меня идентифицировали с ними во внешнем. Вот. Я знаю, что это глупо, но вот. Например, когда я в Европе, я называю из какой я страны, и меня ассоциируют с этой страной, автоматически считают меня кыргызкой, что у меня кыргызский этнос. А когда я, допустим, возвращаюсь в Кыргызстан, то я явственно вижу, что я не та типичная кыргызка, которую... Ну, как бы портрет которой есть, какой-то образ типичной кыргызки. Ну, это когда...не знаю...скажем, закрытая одежда, не слишком такая, чтобы обнажать части тела, например. Не так, как мы с тобой сейчас. Какая-то такая прикрывающая одежда, какие-то, наверное, консервативные взгляды на семью и замужество. Может быть то, что к определенному возрасту я должна выйти замуж или родить детей. Или вот это желание родить, желание выйти замуж, само наличие желания. Вот это образ типичной кыргызки. Еще образ типичной кыргызки — это хотеть мужчину возле себя, желание, чтобы возле тебя был мужчина. Уметь и готовить, и родственников принять, и чай налить, и тесто раскатать, и манты приготовить. И я понимаю, что я практически не вписываюсь ни в один из этих пунктов, что я сказала. Это, конечно, странно, что я в голове ассоциирую быть кыргызкой с вот этими вещами. Это интересный феномен. Я сейчас это вслух сказала, это очень интересно. Блин, это странно говорить, что кыргызка — это набор вот таких вот атрибутов. Потому что, по сути же, кыргызка может быть любая. Она может вести себя по-любому. Но нет, всё равно не складывается пазл. Я понимаю, что из-за моего паспорта, из-за моей страны происхождения меня ассоциируют как кыргызку, но, когда я в Кыргызстане, смотря на этот набор атрибутов, я в них не вписываюсь, а значит, я как будто не совсем кыргызка.

Элементы идентичности

Ну смотри, я не знаю почему. Я сейчас, как на сеансе у психолога, говорю первое, что пришло в голову. Почему-то для меня один из признаков кыргызскости, это быть спонтанным. Я, например, приехала в Бишкек и окунулась в свою бишкекскую жизнь, сидела с папой и вижу, что он звонит своему другу и говорит ему: “О, привет, туда-сюда, там, ты сейчас что делаешь? Давай, через час-два приходи ко мне, я тут, типа, плов готовлю”. Вот так вот. Ну, и во мне такое тоже есть, знаешь, что пришла идея, и потом хочется позвонить или написать и сказать, типа: “Хей, хочешь, через два-три часа выйдем куда-нибудь сходим, погуляем?”. И мне, наверное, приятно, когда другие люди тоже могут быть в уместной ситуации спонтанными. Когда это комфортно мне. Или вот когда я, например, принимаю гостей, вот хоть я когда жила в общежитии, хоть там сейчас в квартире, я когда принимаю гостей, например, там плов готовлю, у меня есть такое, что я не могу успокоиться и сесть, пока не убежусь, что у всех налит чай, что есть нужные

приборы, что в тарелке есть еда, что рядом стоят все там сладости. Вот нету такого релакса. И я, как сказать, я это замечаю и в себе, и мне даже мои гости могут сказать, типа, да садись, типа, всё хорошо. Либо же я это замечаю в других, когда я иду к кому-то, к другим гостям, да даже не к Кыргызстану, а, например, к Д. из Азербайджана, да. Или вот к Э, мы уже все сидим, едим окрошку, а она там всё ещё там на кухне что-то нам делает. Да, есть вот эти вот штуки гостеприимства, когда принимаешь гостей и ты как хозяин дольше остальных стоишь и что-то там ещё возишься.

Важность идентичности

Важно ли, чтобы люди знали, какая у меня этническая принадлежность? Я думаю, нет. Потому что, например, допустим, ты мне сейчас задала этот вопрос, да? Я знаю людей, которым важно, чтобы люди знали, что они мусульмане, и на стол не накрывали свинину, например. Я человек, который свинину ест. Поэтому мне как бы... Да. Я не считаю себя каким-то религиозно верующим, тем более не считаю себя религиозно практикующим человеком, поэтому называть себя мусульманкой как-то вот тоже уже стало со скрипом в зубах. Важно ли, чтобы люди знали, что я кыргызка, да? Ну, я говорю [откуда я], только если другой человек назвал, откуда он, тогда я, чтобы было как бы такое похожее introduction, назову, откуда я. Либо меня спросят, тогда я скажу, откуда я. А если по страну никто ничего не сказал или не спросил, тогда я не буду говорить.

Влияние идентичности

Да, я думаю, может быть, это даже что-то неосознанное, но я думаю, влияет точно. Вот есть же какой-то стереотип, что европейцы, голландцы или немцы, они могут быть такие холодные в общении, а, скажем, латино-люди, или South Asian-люди, или мы, Central Asia, мы более приветливые, тёплые. Хотя и американцы тоже считаются приветливыми людьми. Блин, как тут посмотреть? Мне кажется, да.

Например, в Москве из-за того, что вокруг было много очень трудовых мигрантов из Кыргызстана, я чувствовала, что как будто бы среда вокруг, она как будто бы меня очень быстро проявляет, кто я есть по лицу. Очень быстро проявляет, и мне это не нравилось. Моя этническая принадлежность, она быстрее раскрывалась, и она быстрее переставала быть загадкой, да, а в других местах как будто бы я непонятно кто. Наверное, то, какую этническую принадлежность они мне навешивают, прохожие, возможно, это ошибка, возможно, они считают, что я, не знаю, из Кореи или из Японии, например, да? Вот, потому что для меня это было дискомфортно, потому что вокруг меня тоже много было кыргызов, и они были трудовые иммигранты, а это в моей голове считалось чем-то таким... ниже уровня... что-то менее образованное, ну, потому что люди приехали туда зарабатывать деньги на очень тяжёлых работах. Я тебе рассказываю то, что было тогда, ладно? Я не хочу выглядеть плохим человеком. Я просто вспоминаю, как я тогда об этом думала.

Часть 5. Планы на будущее

Я вот как раз на такую подобную тему и думала сегодня. Ну, получается, у меня скоро предстоит переезд в Б. Это одна из тех стран европейских, которые быстрее всего выдают гражданство. И я, конечно, не до конца ещё, расписала для себя, для чего мне гражданство. Я и подумать не могла, что мне придут такие мысли, но сегодня мне пришла мысль. А что, если через лет, допустим, когда я получу ПМЖ где-нибудь в Европе, накоплю какую-то финансовую подушку, я захочу вернуться в Кыргызстан. Но опять же, я понимаю, что возвращаться навсегда после того, как сожгла все мосты, это необязательно. Туда можно поехать просто на несколько месяцев. Я уверена, что через несколько месяцев, наверное, вполне можно заебаться и решить, вернука-сь я обратно в Европу. Но то, что мне пришла мысль, что вдруг через 10 лет я реально захочу в Кыргызстан, потому что мне казалось, что в Кыргызстан мне больше не будет хотеться никогда. Но сейчас, после поездки в Бишкек, я понимаю, что есть такое, что родители стареют, что они с каждым годом не молодеют и когда родители с тобой в одном городе — это, оказывается, для меня, наверное, какой-то элемент спокойствия, комфорта даже, что ты можешь приехать, поговорить, поболтать, там что-нибудь покушать. И как будто бы до меня сейчас начинает доходить то, почему другие люди скучают по своим семьям, когда живут сами за рубежом. Для меня начинает сейчас потихоньку это доходить. Почему людям важно, чтобы семья была поближе или была реальна. А так, перспективы, что я, дай. Боже, переезжаю, и уже там начну работать, уже хотелось бы побольше, поглубже интегрироваться туда, начав учить язык и всё такое. Я себе говорю, быть более осознанной в плане того, что важно — заводить новых друзей. И не пренебрегать этим.

--- End of the interview ---

Appendix 23. Transcript Translation 9

Respondent: Participant 9

Interview conducted: 25 August 2023

Time: 55:46 min

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

I went to Moscow because I was accepted to study at B. on a budget. Moscow wasn't my number one, my desired destination. Before Moscow, I studied for a year in Kyrgyzstan. This was after I arrived from America. I returned to Kyrgyzstan and started studying at S. The flex students around me who travelled with me kind of infected me with their attitude, like, "Yeah, let's go somewhere abroad and leave Kyrgyzstan." And a lot of the flex students around me were saying the same thing, and it kind of infected me too. I was like, "Damn, yeah, I want to do that too, I'd like to go abroad." And then, I applied to study in Kyrgyzstan where there were full, I was applying for a scholarship, like to Korea, to a university in Abu Dhabi. I didn't get in; I found out about it pretty quickly. And I was so determined that if I couldn't get in anywhere at all, that would be fine; I'd stay in Kyrgyzstan and finish my studies in Kyrgyzstan; that wouldn't be a problem. So, in April 2014, I ran into the former head teacher at my school, V.V., on the street in Bishkek. She was the main coordinator for V., and she told me about the quota selection process, that it was still ongoing, and the deadline hadn't passed yet. So, I applied, my application was accepted, they invited me for an interview. I went to the interview, it wasn't difficult, and then a month later, somewhere around the end of June, I think, they posted the results online, and I found myself on the list, that I'd received a state-funded place. And since I thought, well, since it's state-funded, everything is free, and the specialty seems to be what I want, why not take a chance and go? Yes, of course, I had thoughts like, what if I don't like it, what if the weather isn't right? Well, then I thought, if things just don't go well in Moscow — I don't know, my health fails me, or I can't cope with my studies — well, then I'll go back to Bishkek. And so, with things like that, I don't know, that's how it is, anyway. Auntie, I'm like, okay, parents. They supported me, like, okay, go, and so that's how I came to Moscow for my first year.

Actually, I saw a stark contrast with my studies there. For example, while at S. [a university in Kyrgyzstan], they could give me an A on my final grade because I was the class monitor, plus I was a good student and had good attendance, at V., it was completely different. Every grade was earned through sweat and blood. And I realized that at V., I learned how to study; that is, all those assignments there were, like presentations, group work, all of it taught me how to study. That wasn't the case at S., and I don't regret going to Moscow to study, but I wouldn't want to go through that experience again, repeat that experience, because it was too much, well, it took a lot of effort. In terms of studies, it was challenging, a constant challenge. Yes, every grade was earned through sweat and blood. Well, figuratively speaking. Of course, my group

mates and I helped each other out, but that's all there is to it. My first year in Moscow was probably the best of all four. I won a grant for two trips to Europe at once, all paid. I thought, wow, if I could go to Europe twice in my first year, well, I'll probably have more to come. But, unfortunately, no, I didn't go anywhere to Europe after that. My second, third, and fourth years were all without any trips. And my first year was generally going well, and then this moment arose, somewhere in the second half of my first year, somewhere around February or March, I went to some party in the dorm, to someone's room. There were some classmates there, but they were just strangers, not close friends. We were sitting there, chatting, and this Russian guy from another group, but in my year, said something like, "Why are you foreigners coming here on a quota? You're taking away our state-funded places, like from Russians, you're cutting us off." And for some reason, his words stuck in my head so deeply that from that moment on, I developed a complex about being a foreigner, about not having Slavic features, about everyone I met in Moscow. They can see it right away on my face. Plus, there are a lot of labour migrants from Kyrgyzstan in Moscow, and I really didn't want to be associated with them. I wanted; I don't know... For passersby to somehow telepathically understand that I wasn't a labour migrant, but that I had come to study, that I was a student. And inside, I really wanted to separate myself from this group of labour migrants. And only towards the end of my fourth year, when I had already submitted my final qualifying work [graduation thesis] and was waiting for my defence, I remember leaving the dorm, walking to the tram stop, and finally, some kind of inner feeling came over me that I could walk with a straight back and my head held high. I realized that, damn, I'm about to graduate, and I 'll probably be more educated than many of the people passing by. Or I'll be more educated than just some people passing by. That's when I developed a sense of self-worth, or something. Before that, I constantly felt like I wasn't that valuable, like I was just so-so.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

Well, yeah, before I left for Moscow for my first year, my dad told me something like, "Don't get caught up in the Kyrgyz culture, don't try to spend all your time with the Kyrgyz, don't socialize, don't try to spend all your time socializing with them, integrate, socialize with the locals, with Russians, with Russians." And for some reason, I've carried that message with me over the past four years in Moscow. And what's interesting is that I only socialized with Kyrgyz who studied at V. For some reason, the Kyrgyz studying at V. seemed the most adequate to me, the most, I don't know, interesting, the most similar in education level, in interests, because when I attended events held in Moscow for the Kyrgyz who live in Moscow, I somehow didn't feel comfortable, in my element. Things are just so hot with the Kyrgyz in V. I felt uneasy with the Kyrgyz in Moscow, and even with the Kyrgyz students at other Moscow universities. I felt like we were somehow different, like we had different interests.

It turns out that at that time The Kyrgyz in V. were like a guarantor, I don't know, of quality, or something. I do not know, they're interesting people, they're 100% adequate. And those

from other universities... Well, by the way, I was somewhere in my third or fourth year, towards the end of my stay in Moscow. I made a couple of friends who studied at M., and M. was right next to my dorm. I met two Kyrgyz girls who were studying there. It turns out we kind of lived close to each other because my dorm and university were in the same place. And my dorm was right next to their campus, so to speak. So, I hung out with them, but one of them is my dad's friend's daughter, and the other one somehow... I don't remember how I met her. But I talked to this friend's daughter a lot more than the other one. With the other one, well, just like that.

Russian ethnic group

Yes, of course [I did]. Most of my classmates, fellow students, everyone at the university were Russian, but I also had friends from Bashkiria, Tatarstan, Kalmykia, and Yakutia. There weren't many of them, but they were there. Well, I mean, my interactions with them were mostly in the university context. Damn, that's a good question, because... So, ethnic Russians... Well ... It's okay, yeah, I studied with them. For example, with me... There were classmates and fellow students... So-so-so. Wait-wait. I felt quite normal. I'm saying that, for example, when I walked down the street, I felt insecure about my non-Russianness, my non-Slavicness. At university, I tried to suppress this insecurity within myself, encouraging myself that, well, come on. I 'm at the university, everyone's around. People who see me understand each other—that everyone is smart, that everyone got here for a reason, that everyone has some kind of intellectual background, that everyone is smart. And when I reminded myself of this, I felt better. Oh, and there was also a Kyrgyz girl in my group.

It's like, seeing her doing well in school, I understand that, well, damn, like, my classmates, my fellow students, they won't treat me badly or discriminate because of my nationality. We're all at the university, it's an intellectual, good, safe environment. And, for example, I liked the Muscovites in the group... Well, I don't know, like, I heard this about them, that, like, Muscovites... There's this thing about Muscovites, they're like, so open-minded, so open, so simple. Like, in general, I found confirmation of these words when I saw my fellow Muscovites. They were perfectly normal, living their own lives, doing their own things, going to class, doing their homework, and giving presentations. And the Russians, who I had visiting classmates, that was also good, well, like, also normal. Well, yeah, that's basically it. The conclusion is that at the university, since I kind of reminded myself, and I saw it, that the environment is intellectual, safe, non-discriminatory, then people won't emphasize the fact that I'm not Slavic.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

Kyrgyz culture while in Moscow? Ah, I need to sort of define for myself what culture is for you, right? For example, When I was in my second or third year of study, an association of Kyrgyzstanis appeared in the V. student club. A girl named A. became its chairperson, and she

and her team started organizing events, and I attended them. Not all of them, but those that I could, according to my schedule and workload, I attended. I remember there was an event, I think it was on P. a big one, where this club is. I booked some concert hall, and there was a whole host named N., there was a concert with quizzes and performances. And it was all organized by the Kyrgyz student club. Then there were juices and souvenirs on the table, the girls were dressed up. So I was at this event, I kind of participated, I think I was one of the organizers, or something, like a volunteer, an organizer. But I went to these events, damn... Well, not because I wanted to somehow water the Kyrgyz culture inside me so it wouldn't dry out, I don't know. Well, because it's fun, because my Kyrgyz friends will be there, the ones I love, with whom I enjoy spending time, with whom I enjoy being after the event. Go to some after-party or something. Well, that answers the question.

Yes, I just remembered one event. There's no story behind it. I just remember going to another event at this club. I was either late or... Oh, well, it was just like... Like, get-together, right? They just booked some classroom with desks, a regular one, and there was tea, cookies, chatting, and playing mafia. N. was there, and I remember talking to him, and then we did a group at the end. picture. I remember this guy who came to these events, two years younger than me, studying business informatics in my building. And, I don't know, we just got along so well. I even got really crushed on him, but at the same time, he communicates so well with me, really listens to me, and is so respectful. Not even that he's very friendly, but that's all, yeah. That's it.

Were there any traditions that were important to me to observe? No, I don't think there were any that were particularly important to me. The only ones were when I was a freshman and a third year. I went to D., to someone's Kyrgyz apartment, and they were cooking plov there. And we sat there, ate plov, then talked, sat, and then played mafia until the morning, until late at night. For me, until the morning, because I live in the city, and the commuter trains don't start running until four in the morning or whatever. So, I stayed there until the morning. I was very happy when these plov gatherings were organized; I went to them with great joy. But when they stopped, when those who organized them finished and left, there were no more of these gatherings. Of course, it was sad, but it was like, no more, no more, like, oh well, we'll move on.

Russian culture

Did I keep in touch with Russian culture? I mean, really, with Russian culture, right? For some reason, the first thing that came to my mind right now was going to the theatre. For example, in my second or third year, my dorm friends and I, some of them ethnic Russian girls, one of them was Tatarka or Bashkir, I don't remember how she identified herself, so a group of two, three, four girls, we used to go to the Raikin Theatre about once a month. You show up there about half an hour beforehand and buy a ticket for 100 rubles. We really got hooked on that; we went and saw several plays. It was our big passion. Then they raised the prices, they made it 300 rubles, and I stopped going. It was expensive, it really was expensive for me.

I think I was definitely invited to pancakes once, on Maslenitsa. Yes, yes, yes. When It was Maslenitsa, so we would say “Jesus is risen,” try Easter cake, pancakes, well, it was fun to go to someone’s house for tea with these delicacies. For example, returning to the question of what else from Russian culture I did besides theatres, I went to museums a little, that is, few you could say yes. It seems like that’s it, but nothing comes to mind.

Language

Russian most of the time. With my family? What language was it with my family? Well, mostly Russian, and then you mix in some Kyrgyz words, or say a sentence in Kyrgyz, or express a thought in Kyrgyz. You speak. But mostly, it’s in Russian. At university, I definitely consumed most of the content in Russian. All the posts on VKontakte, and all the videos on YouTube, were mostly in Russian. Now, there’s more English, so I’m watching more English TV series on Netflix. And posts on Facebook are in English, on LinkedIn in English. Yes, there’s more English now.

Contact with family

I kept in touch with my family more often than I do now. When I lived in Moscow, I kept in touch with Kyrgyzstan. With friends, with my parents, with my family. I kept in touch more than I do now. Why did that happen? Well, I guess, firstly, it’s probably a matter of growing up; I’m older now. Secondly, back then, I don’t know, maybe it was because my parents still supported me financially, so I was in touch more often, but now they don’t provide for me financially at all, so I’m less in touch. Maybe that’s the case. Even back then, when I lived in Moscow, I visited Kyrgyzstan twice a year. That’s why I spend more time there with my friends. I saw each other. And now I go once every two years. But I would like to go more often , already once a year. I want to go, yes. Why else? Yes, that’s it. Age, and probably financial. Yes, probably.

Part 4. Ethnic identity

Ethnic identity

Well, you and I have talked about this a lot, how I identify myself ethnically. For example, I told you that I had this complex of not being Slavic, and because of that, this was the question: “I wonder if I look like a Kamika , or a Buryatka , or a Yakutka ?” I wondered, and I probably wanted to be like them a little bit. Well, they are part of Russia, they are citizens of Russia, all the people living in these republics. That’s why I had this thought. How I wish I could a little bit, so that they would identify me with them externally . Here, I know it’s stupid, but here. For example, when I’m in Europe, I say what country I’m from, and they associate me with that country, automatically consider me Kyrgyz, that I have Kyrgyz ethnicity. But when I, let’s say, return to Kyrgyzstan, I clearly see that I’m not the typical Kyrgyz woman who... Well, there’s a portrait of her, some kind of image of a typical Kyrgyz woman. Well, that’s when... I don’t know... let’s say, closed clothes, not too much to expose parts of the body, for example. Not

like you and I are now. Some kind of covering clothes, some, probably, conservative views on family and marriage. Might be that by a certain age I should get married or have children. Or this desire to have children, the desire to get married, the very presence of this desire. This is the image of a typical Kyrgyz woman. Another image of a typical Kyrgyz woman. — it's wanting a man by your side, the desire to have a man by your side. To be able to cook, and entertain relatives, and pour tea, and roll out dough, and make mango. And I realize that I practically don't fit into any of these points that I said. It's, of course, strange that in my head I associate being Kyrgyz with these things. It's an interesting phenomenon. I just said it out loud, it's very interesting. Damn, it's strange to say that a Kyrgyz woman is a set of such attributes. Because, essentially, a Kyrgyz woman It could be anyone. She could behave any way she wanted. But no, the puzzle still doesn't fit.

I understand that because of my passport, because of my country of origin, I am associated with being Kyrgyz, but when I am in Kyrgyzstan, looking at this set of attributes, I do not fit into them, which means that it is as if I am not quite Kyrgyz.

Elements of identity

Well, look, I don't know why. I'm just saying the first thing that comes to mind right now, like I'm in a therapy session. For some reason, one of the signs of being a Kyrgyz is being spontaneous. For example, I came to Bishkek and immersed myself in my Bishkek life. I was sitting with my dad, and I saw him calling his friend and saying, "Oh, hi, there and back, there, what are you doing now? Come on, in an hour or two." "Come to my place, I'm here, like, cooking pilaf." That's how it is. Well, I have that same thing too, you know, when an idea comes, and then I want to call or text and say, like, "Hey, do you want to go out somewhere in two or three hours, take a walk?" And I probably like it when other people can also be spontaneous in the right situation. When it's comfortable for me. Or, for example, when I receive guests, whether I lived in a dorm, or now in an apartment, when I receive guests, for example, I'm cooking pilaf, I have this thing where I can't calm down and sit down until I'm sure everyone has tea, that they have the right utensils, that there's food on their plate, that all the sweets are nearby. I don't have that kind of relaxation. And I, how can I say, I notice this in myself, and even my guests can say to me, like, come on, sit down, like, everything's fine. Or I notice it in others when I go to someone, to other guests, and not even to Kyrgyzstan, but, for example, to D. from Azerbaijan, yes. Or to E, we We're all already sitting there, eating okroshka, and she's still there in the kitchen making something for us. Yes, there are these things about hospitality, when you receive guests and you, as the host, stand around longer than everyone else and fiddle around with something.

The importance of identity

Is it important for people to know my ethnicity? I don't think so. Because, for example, let's say you just asked me this question, right? I know people who care about people knowing they're Muslim, and not having pork on the table, for example. a person who eats pork. So, I kind of... Yes. I don't consider myself a religious believer, much less a religious practitioner, so calling myself a Muslim has become a bit of a chore. Is it important for people to know that

I'm Kyrgyz, right? Well, I only say (where I'm from) if the other person asks where he's from, then I'll say where I'm from, just to give a similar introduction. Or if they ask me, then I'll say where I'm from. But if no one says anything about my country or doesn't ask, then I won't say anything.

The influence of identity

Yes, I think it might be something subconscious, but I think it definitely has an impact. There's this stereotype that Europeans, the Dutch, or Germans can be so cold in communication, while, say, Latin Americans, or South Asians, or we, Central Asians, are more welcoming and warmer. Although Americans are also considered welcoming people. Damn, how do you look at it? I think so.

For example, in Moscow, because there were a lot of Kyrgyz labor migrants around, I felt like the environment around me was quickly revealing who I was. It revealed me really quickly, and I didn't like that. My ethnicity was revealed more quickly, and it would soon cease to be a mystery, yes, but in other places, it was as if I was incomprehensible. Perhaps the ethnicity they assign to me, passersby, is a mistake; perhaps they think I'm, I don't know, from Korea or Japan, for example, right? That's because it made me uncomfortable, because there were a lot of Kyrgyz around me, too, and they were labor immigrants, and in my head, that was considered something... lower-class... less educated, because people came there to earn money doing very hard work. I'm telling you what happened then, okay? I don't want to seem like a bad person. I'm just remembering how I thought about it then.

Part 5. Future plans

I was thinking about exactly this same thing today. Well, it turns out I'm moving to Kyrgyzstan soon. It's one of those European countries that issues citizenship the fastest. And, of course, I haven't yet fully written down why I need citizenship. I never thought I'd even think about it, but today I did. What if, say, in a few years, when I get permanent residency somewhere in Europe and have built up some financial security, I want to return to Kyrgyzstan. But then again, I understand that returning forever after burning all my bridges isn't necessary. You can just go there for a few months. I'm sure that after a few months, I could probably get fed up and decide to go back to Europe. But the idea occurred to me that maybe in 10 years I'll really want to go to Kyrgyzstan, because I thought I'd never want to go back to Kyrgyzstan. But now, after my trip to Bishkek, I understand that there is such a thing as parents getting older, that they don't get any younger every year, and when your parents are in the same city with you, it turns out that for me, it's probably some kind of element Peace, comfort even, that you can come over, talk, chat, have something to eat. And it's like I'm starting to understand why other people miss their families when they live abroad. It's starting to slowly dawn on me now. Why is it so important for people to have family closer, or to have it be real. And so, the prospect of me, God willing, moving and starting to work there, I'd already like to integrate more, more

deeply, starting to learn the language and all that. I tell myself to be more mindful of what's important—making new friends. And not to neglect it.

--- End of the interview ---

Appendix 24. Interview Transcript 10

Respondent: Participant 10

Interview conducted: 01 October 2023

Time: 1:01:34 min

Language: Russian

Часть 1. Миграционная история

Это было в 2016 году, кажется. Я переехала работать, но в моём случае было так, что меня приняли на работу в Кыргызстане, в Бишкеке, я прошла собеседование, но как бы изначально знала, что проект в России, в Москве, и мне сказали, что вот собирайте вещи, вы прошли, вам нужно ехать уже через неделю в Москву. На тот момент я просто искала работу и, в принципе, была согласна. Мне хотелось посмотреть другую страну, другой город. Поэтому я не брала времени на раздумья, а просто начала собирать деньги, вещи. И буквально даже не неделю, а через 3–4 дня я уже была в Москве. Сразу в тот же день я приехала в офис и начала работать. В общей сложности я прожила шесть лет.

Я вообще никогда не рассматривала переезд в Россию, в студенчестве и так далее, потому ты начинаешь искать работу, естественно, тебе хочется уехать в другую страну, жить в другой стране, поработать какое-то время, потому что все знают, например, экономическую ситуацию в Кыргызстане, и вообще найти работу в целом сложно, а даже когда ты находишь работу, зарабатывать хорошие деньги, чтобы обеспечивать семью и это очень сложная [задача]. Поэтому, естественно, я хотела поработать в другой стране, но никогда в жизни у меня не было такого, что была нацелена на Москву. Когда я училась в университете, у нас был урок социальной психологии и мы там проходили тему миграции, как вообще в целом чувствовали мигранты и так далее. И я помню, что это был какой-то год, когда в Москве очень сильно развивались скинхеды, били иностранных студентов, вообще иностранцев, людей, которые там работают. Очень много было таких новостей. Я помню, мы обсуждали это, и я помню, в тот момент была новость, что скинхеды пырнули ножом студента из ЮАР. На тот момент для меня это была очень какая-то страшная вещь, что вообще есть люди, которые так агрессивно могут реагировать на иностранцев и могут убить или что-то сделать, избить. У меня на тот момент какой-то страх появился. У меня, конечно, было волнение из-за этого. Я думала, что я буду делать, если вдруг [что-то случится], но мне кажется, что я поехала туда только потому, что у меня была гарантированная работа, всё официально, и мне в этом плане было легче. Но если бы я поехала бы туда, как многие мигранты из Кыргызстана или из Таджикистана, просто приехать и искать там работу, то я не согласилась бы, потому что сложность даже не в том, чтобы найти работу, а в окружении и в том, как относятся к мигрантам. Мне кажется, в России на тот момент все равно хуже относились к мигрантам, чем, например, в Европе. Я не знаю, конечно, в Европе не жила и не знаю, как вообще в целом там относятся. Но в России было такое время, когда

очень агрессивно [относились], и всё это пропагандировалось, и без проблем могли в метро избивать людей. В основном, конечно, избивали мужчин, но всё же, взгляды на иностранцев, особенно из средней Азии [были негативные]. Поэтому я никогда не рассматривала Москву, вообще ни разу, но так получилось, что я получила предложение, хорошее предложение, и там была гарантия, что ты будешь работать в хорошем месте, и поэтому я приехала.

Часть 2. Этнические отношения

Кыргызская этническая группа

Конечно, я взаимодействовала с кыргызами по работе, то есть у нас на работе тоже были кыргызы. Потом я ходила на разные мероприятия, так как у меня работа такая, что мы иногда бывали спонсорами каких-то мероприятий, и я от лица компании ходила на мероприятия и общалась с разными людьми. Естественно, это не было так, что каждый день или всегда, но в целом, конечно, контакт с другими людьми из Кыргызстана, даже с Узбекистана и с Афганистана был.

Нормально [относилась]. Ну, окей. Но в целом мне, если честно, бывало жалко людей, мигрантов, именно трудовых мигрантов, потому что вообще в целом работать в России тяжело. В Москве очень тяжело, жить в России очень тяжело, потому что темп жизни такой, что нужно постоянно работать. У человека нет времени на отдых. (Мигранты) живут в одной квартире, в одной комнате по несколько людей. Это тоже очень сильно бьет по психике, потому что ты приходишь с тяжелой работы, и у тебя дома нету своего пространства. Потом тяжело с документами всегда. Тяжело с государством в плане, что документы делаешь, но все равно милиция какая-нибудь может докопаться. Поэтому мне всегда было очень жаль в целом мигрантов, трудовых мигрантов в России. Но, с другой стороны, очень много примеров, когда люди [добиваются успеха]. Это же все зависит от восприятия. То есть, например, ты приходишь туда работать и, если ты позитивно к этому относишься и просто делаешь свою работу, возвращаешься домой или отправляешь деньги к родителям или домой своей семье, ну и работаешь. Много примеров, когда я видела, что люди покупают квартиры, остаются. Как бы раз на раз мне приходится, но в большинстве случаев это, конечно, молодые люди. Мне всё время было жалко людей, которые после школы приехали учиться, работать. В плане работы, конечно, хорошо, что они приехали работать, там на родине нет работы, хоть так будут работать, но хочется, чтобы они учились, а вместо этого они работают тяжелую работу, это тоже очень плохо. Ну вот такие чувства вызывали кыргызы, ну и плюс бывали агрессивные кыргызы, парни, которые не очень хорошо относились к девушкам, которые [встречаются] с иностранцами. Они думают, что они имеют право вмешиваться в их жизни. Я не знаю, к месту ли это, но это вообще в целом рисуют картинку кыргызских парней в других странах, не только в России. Вот недавно, когда я была в Турции, я со своим парнем была в метро, и он мне говорит, смотри, это, кажется [ребята] из твоей родины. А я смотрю, там парень стоит, трое кыргызских парней, я сказала, ну окей, ладно. А парень чуть-чуть знает русский, он начал с ними разговаривать типа, вы из Бишкека и т. д. Ну как бы я такая, здрасьте, здрасьте, я тоже из Бишкека. И один из

них начал агрессивно говорить, мол, кто это, у вас есть брат, а родители знают, что вы с ним? И ты понимаешь, что эти ребята, они даже младше меня, видно, что им по 20 с чем-то лет, но они думают, что они имеют право вмешиваться в чужую жизнь, говорить, диктовать свои правила, что нельзя с иностранцами [встречаться], а что ты не с кыргызом. То же самое в России. Со мной такого не было, но я все время, когда была с коллегами, у меня были коллеги и узбеки, и таджики, и русские, и друзья русские, и когда я с ними ходила и в метро спускалась, я видела какого-то парня, который агрессивно смотрел в нашу сторону. Мне всегда становилось очень некомфортно, потому что, зная отношение наших парней, тебе становится плохо. Я буквально боялась. Если честно, когда шла, когда видела какого-то парня нашего, я старалась перейти на другую сторону. Ты в другой стране, и вместо того, чтобы чувствовать какую-то опору от своих ты чувствуешь какую-то опасность, и поэтому с этой стороны очень плохо. Если честно, в миграцию попадают люди, это не то, чтобы какое-то уменьшение, преуменьшение, которые не получили какое-то образование, и поэтому они думают, что они могут что-то говорить или как-то относиться к людям (определенным образом). В этом плане мне не нравилось. Мне не нравилось, я не хотела контактировать с какими-то парнями.

Русская этническая группа

Да, были друзья. То есть это не такие прям сильно близкие отношения, но были друзья. Конечно, за шесть лет ты куда-то ходишь, знакомишься, на курсы какие-то и так далее. У меня были знакомые и друзья. Совершенно хорошее отношение (к русским) из-за того, что в любом случае нам легче, потому что мы знаем язык, и вообще в целом мы как бы росли в такой культуре, что там наполовину русский, наполовину кыргызский (язык), и поэтому есть понимание друг друга. Ну как-то не было никаких проблем, даже не в плане языка, а поведения, потому что что-то схожее, культура и т. д. Мне даже наоборот, я легче было, например, с ними (с русскими) общаться, нежели, например, с турками. Там я понимаю, что несмотря на то, что мы тюркоязычный народ, всё равно есть что-то, что мне не нравится или я не понимаю вообще. И в этом плане, с русскими у нас была идентичность какая-то (общая). Ну, может быть, потому что мы с детства читали одни и те же книги, смотрели одни и те же мультики, одни и те же фильмы. Ты можешь разговаривать и понимать друг друга, шутки какие-то понимать, что-то из “Бриллиантовой руки” скажут, ты уже поймешь, да? И там у нас общие праздники, мы празднуем Новый год. Это же идентичность культуры, и ты прекрасно другую руку поймешь, но ты в другую культуру попадешь, например, в турецкую, ты не понимаешь какие-то книги, которые вообще в жизни не слышал и т. д., и в этом плане с русскими, ну как бы это я сравнивая сейчас понимаю, насколько мы близки.

Разное [отношение], потому что люди разные, Москва большая, русские тоже разные, приезжие, не приезжие, за шесть лет было очень много ситуаций, когда, например, ты чувствуешь хорошие, позитивные вещи, потом иногда, бывают, негативные, чувства у тебя появляются. Но я не сталкивалась с ситуациями, когда, например, меня как-то принижали, но в любом случае я чувствовала взгляды. Естественно, что я чужая. Я как-

то тоже говорила, что всё равно ты чувствуешь, что ты чужая. Мне кажется, даже независимость от России или какая-то другая страна, ты будешь это чувствовать. Если ты не в своей стране, ты будешь в другой стране чувствовать себя чужой. Кажется, не знаю, годами нужно жить, чтобы не чувствовать, что ты чужая. А так, в целом, я поняла, что молодежь очень хорошо относится [к другим]. Молодые люди, которые получают образование, получили нормальное образование, воспитание и так далее, они прекрасно понимают и относятся к тебе просто как к человеку, а не как к мигрантке из Средней Азии. То есть нет такого определения, ты общаешься на одной волне. Бывали люди, в основном пожилые, которые уже пожилы в Советском Союзе, где вообще все было одной страной, в большинстве случаев от них ты чувствуешь какую-то неприязнь. У меня был такой момент в начале, я спросила какую-то бабушку, она посмотрела на меня и не ответила. Это тоже такое отношение, что ты кто такая, чтобы я спустилась до твоего уровня, чтобы тебе отвечать. Такие моменты бывали, но это в основном пожилые люди. А так люди моего возраста, чуть старше, они никогда не проявляли никакой дискриминации. Но это, скорее всего, потому что я такая, то есть я могу ответить, я знаю язык и в принципе я себя тоже нормально веду в общественных местах, чтобы до меня не докапывались. Но я вижу, что много трудовых мигрантов, которые не знают язык или что-то, они всё равно чувствуют эту дискриминацию со стороны местных жителей. Это чувствуется. Они смотрят на них с высока, как бы мы тут живем, а вы пришли работать на нас. Такое ощущение есть. Точно.

Часть 3. Стратегии аккультурации

Кыргызская культура

Я думаю, что да (поддерживала связь), потому что в целом мы же жили в кыргызской культуре. Я жила в квартире с соседкой, которой 50 лет, хочешь не хочешь, поддерживать культуру кыргызскую тебе нужно. В плане там готовить свою еду, плов, бешбармак и так далее, это же тоже культура, то, что ты готовишь. Разговаривали время от времени на кыргызском, то есть не всегда, но все равно в речи кыргызский язык (присутствовал). Из-за того, что у нас компания такая, что у нас там в основном работают кыргызы, узбеки и таджики, то мы праздновали какие-то праздники: Нооруз, Курман-Айт или Орозо-Айт, мы это всё праздновали. Поэтому, культуру, конечно, поддерживали. Не знаю, не так чтобы я там ходила на уроки вышивания или, не знаю, комуза, но поддерживать в таком бытовом смысле, конечно, мы поддерживали.

Русская культура

С русской культурой? Ну, наверное, из-за того, что у меня были знакомые, то есть с ними общалась, ходила в театр, например. Это тоже как бы русская культура, в окружении, в любом случае. Какие-то праздники, Масленица, на улице всякие мероприятия, тоже участвуешь. То есть ты не сама красишь яйца, но все равно ты видишь, участвуешь в

этих праздниках, общаешься с носителями этой культуры. Только так. Как бы, опять-таки, я здесь не ходила не училась на гармошке играть. Но, в целом, я, если честно, заметила, что у меня было очень много контента на русском. То есть как бы и в Кыргызстане у меня много было контента на русском, но в Москве у меня контент связан с Россией, то есть это передачи, блогеры все российские, и вот эта жизнь полностью в этом вакууме России: какие-то новости из Питера, о том, что зимой там не убирают, а в Москве убирают, и ты обсуждаешь это. Или я не знаю, политика, то есть ты знаешь каких-то политиков или журналистов российских. Потом подкасты, я очень много знаю подкастеров, которые из России, некоторых даже видела на улице, знакомилась с ними. И ты как бы... вот у меня не было вообще контента на кыргызском. Даже не на кыргызском, а кыргызстанского контента у меня не было. То есть я была подписана на моих знакомых, на какие-то издания, например типа Азаттыка и так далее, но в целом я не была там, не жила социально-политической жизнью Кыргызстана, я больше жила социально-политической жизнью России, тем, что делает Путин, Навальный, смотрела какие-то его передачи из России. Вот это тоже культура российская.

Русские традиции

Я не знаю, наверное, нет такого, потому что мы же и так здесь живем, ну как бы, с русскими, я не знаю, что я хотела бы перенять в них. Предприимчивость, может быть. Ну это потому, что, мне кажется, Москва... В Москве всё очень быстро, и все что-то делают. Какой-то темп жизни [быстрый], да? То есть как будто если ничего не будешь делать, ты просто будешь голодать. И поэтому мне казалось, что в Кыргызстане все такие ленивые, лежат, ничего не делают, все так медленно. А в Москве казалось, что жизнь [течет]. Но это же не из-за того, что это, типа, россияне. Это же мегаполис, там живет дофига людей, в том числе и наши мигранты, которые днями и ночами работают. Я так думаю, что в Бишкеке тоже очень много людей, которые предприимчивые и не ленивые. В любом случае, темп жизни другой, темп жизни быстрый. Я когда в Бишкек приезжала на каникулы, отпуск, мне всё время казалось, что здесь всё так медленно: почему нет темпа, почему люди так медленно ходят, так медленно говорят, почему наслаждаются жизнью, вообще жизнью нельзя наслаждаться, надо работать. Но я понимаю, что это тоже неправильно, у каждого есть свой этап. А так, я не знаю, мне прям в голову не приходит, что я хотела бы перенять.

Кыргызские традиции

Ну не знаю, помощь, взаимопомощь, скорее всего. В Москве, кажется, каждый сам по себе. Индивидуализм такой. То есть там нет такого, что кто-то тебе будет для тебя что-то будет делать, да, время свое тратить. Мне казалось, что нет такого. Ты должен выживать сам по себе. Если какая-то ситуация произойдет, ты должен выживать. А в Кыргызстане, ну и вообще в нашей культуре всегда есть родственники, всегда есть друзья, всегда есть кто-то, кто тебе реально может. У нас общество такое. Есть плюсы и минусы этого. Но, с другой стороны, когда в таком обществе, когда сильно друг с другом вот так связаны, если человек попадает в какую-то плохую ситуацию, то помощь всегда будет в таком обществе, то есть тебя никто не оставит одного с этой бедой.

Наверное, вот этого, то есть какой-то душевной теплоты, наверное, [нет в Москве]. То есть в Москве кажется, что каждый занят своим делом, нету души как будто бы, да, вот такое ощущение. А у нас вот всё равно есть это. Может просто потому, что город большой, капитализм и так далее, то есть как бы каждый сам как раз хочет жить, выживать. С одной стороны, это всё индивидуально, в каком-то сообществе ты оказываешься и какое у тебя окружение. Мне иногда кажется, что они даже своего родителя могут бросить или родители, наоборот, детей могут бросить и так далее. Это нормально, это норма жизни. Слишком индивидуальное все. Но это, мне кажется, и в Европе так. Но в целом у нас же такого нету. Связанные, да [мы], связи очень крепкие.

Связи с родными

Да, конечно. Ну как бы и у меня мама здесь была и сестра, я с ними постоянно была на связи. У меня друзья, конечно же, в основном в разных странах, то есть и в Европе и так далее. Но я с ними со всеми поддерживала связь. Когда приезжала, всегда со всеми старалась успеть встретиться. В Москве не каждый день, конечно, но разговаривала, общалась, переписывалась, то есть не было такого, что прервала связь со всеми.

Язык

Ну, конечно, на работе у меня 100% на русском [все], то есть на русский контент. Дома я говорю на русском и на кыргызском. То есть на кыргызском с мамой. Потом я разговаривала на турецком долгое время, потому что у меня был парень, поэтому большую часть я проводила в Турции, я говорила на турецком много. Вот, сейчас у меня контент больше английский, я хочу просто уже как-то заняться английским и стараюсь на английском всё читать, смотреть. Но в любом случае, мне кажется, русский, да [главный]. На кыргызском тоже есть контент, если сказать про социальные сети или какие-то программы, на кыргызском тоже есть, но их мало на самом деле. Я вот, кстати, стараюсь смотреть, но просто нет на самом деле времени на всё это. Ты на работе всё время на русском. Конечно, среди коллег можешь общаться на кыргызском и так далее, но именно всё, что связано с работой, у нас на русском. Получается, почти 8 часов в своё время ты на русском общаешься. Дома разговариваешь на кыргызском, на русском и так далее, но больше на кыргызском. В плане контента в социальных сетях или там то, что ты смотришь в ютубе и так далее, это у меня сейчас на русском и на английском. У нас есть сотрудники, которые говорят на кыргызском, получается. Из-за того, что у нас интернациональная компания, то есть у нас официальный язык русский, потому что у нас есть и узбеки, и кыргызы, и таджики, и русские, и чеченцы, и балкары, и дагестанцы, и всех объединяет только один язык – русский. Если я с ними буду говорить на кыргызском, они просто меня не поймут, поэтому мы говорим на русском. Но с коллегами, которые там кыргызский понимают и знают, мы говорили между слов, переговаривались на кыргызском. Я жила с соседкой, тоже коллега, которая знает кыргызский, и мы с ней говорили на кыргызском. Из-за того, что у меня база кыргызская очень хорошая, то есть я жила там, у меня в семье все разговаривали на кыргызском, еще плюс я там на кыргызском обучалась, ходила на олимпиады, у меня база хорошая. В этом плане может, значит, что я не забыла кыргызский несмотря на то, что я большую

часть своей жизни говорю на русском, в тот же момент я могу без проблем переключиться на кыргызский и без проблем могу понять и писать, и читать. На каком языке я думаю? На том и на том.

Часть 4. Этническая идентичность

Этническая идентичность

По национальности кыргыз. На 100% определяю себя как кыргыз. Внешний вид, язык, страна, где ты родилась. Мне кажется, это определение того, кто ты есть, культура, в которую ты придерживаешься, еда, которую ты кушаешь, раса. Конечно, в первую очередь это язык и страна, где ты родилась, мне кажется, и культура. Потому что внешний вид у азиатов в целом и у казахов [похожий], они тоже такие же. И, конечно, детально если посмотреть, можно без проблем определить, что ты казах или что ты кыргызка, казашка или там, не знаю, китайка или корейка, но в целом мы все как бы азиаты. Но если определять именно по другим аспектам, то мне кажется больше всего, конечно, это язык, культура, которую придерживаешься, страна, где ты родилась, где ты живешь или какую страну считаешь родиной. Родиной я считаю Кыргызстан. Я здесь живу, я здесь родилась. Даже если я буду жить в другой стране, то в любом случае я буду себя идентифицировать как кыргызка.

Элементы идентичности

Не знаю, традиции я не могу сказать, что я бы хотела бы все сохранить, придерживаться и так далее, потому что есть традиции, которые хорошие, и есть традиции, которые вообще не понимаю зачем они вообще есть. Поэтому для меня, наверное, это только язык, культура, музыка, танцы. Если бы я умела бы играть на инструментах, как бы я на них не умею играть, но в любом случае, когда я слышу звуки комуза, это совсем другие ощущения. Особенно если ты не в своей стране, это реально... Я время от времени ставила в наушниках, слушала как комуз играет или песни на кыргызском. Это всё равно вызывает очень теплые приятные ощущения внутри, чувство принадлежности. Несмотря на то, что ты не являешься фанатом кыргызской музыки, кыргызской культуры, ты не ходишь на все концерты, не каждый день слушаешь, но всё равно, когда ты где-то слышишь музыку или какой-то мотив на комузе, это тебя сразу в воспоминания (отправляет), в какое-то детство, горы и так далее. Вот горы, кстати, природа. Первый раз, когда ты попадаешь в чужую страну, через какое-то время ты начинаешь скучать по горам. Это не только я. Я помню, что я говорила всем, что я скучаю по горам и ищу глазами, где горы. То же самое я слышала от многих людей, которые живут за границей. Горы, мне кажется, это тоже идентификация нас. Мы росли в окружении гор, поэтому для нас это норма, что есть горы. А когда ты попадаешь в страну, где нет гор, ты чувствуешь себя не очень хорошо. Не то, что не очень хорошо, ты просто чувствуешь, что их нет.

Важность идентичности

Ну, по сути, я не такой человек, который начинает при знакомстве рассказывать про Кыргызстан и историю всю рассказывать. Есть такие люди в моем окружении, которые такие, типа, о, Турция, это лучшая страна в мире, лучшая еда в мире, все у них лучшее. У меня нет такого, я рассказываю, что, например, вот Кыргызстан, если человек не знает, я начинаю рассказывать, где это находится, какая культура, но если меня не спросят детально, у меня нет привычки начинать рассказывать о Кыргызстане. Но я говорю, что это Кыргызстан, мы были в Советском Союзе, находимся в Средней Азии, такие общие моменты, но все люди, это и так в принципе, знают.

Влияние идентичности

Ну, наверное, в целом сейчас я не думаю, что национальность играет какую-то роль в восприятии мира. То есть ты можешь быть не кыргызкой, можешь быть кем угодно, все равно у тебя восприятие будет мирным. Это зависит от того, какое ты получаешь образование. То, как ты будешь воспринимать мир, смотреть на мир, это всё зависит от того, какое ты воспитание получаешь и какое ты образование получаешь. Но то, как мы чувствуем себя в этом мире или какое место мы занимаем в этом мире, это всё-таки, ну на это влияет твоя этничность. Потому что, например, мы больше близки к России, потому что исторически так сложилось, что мы в Советском Союзе были, знаем русский язык, поэтому тоже идентифицируем себя иногда как русские, потому что все равно у нас даже характер чуть-чуть, иногда бывает схожим на русских. Но если бы мы не были в составе Советского Союза, и когда-то Российская империя нас не взяла бы, тогда, может быть, у нас было бы совсем другое восприятие мира. Мы были бы такими же кыргызами, но я не знаю, ну вдруг там, англичане нас, если бы колонизировали, тогда, может быть, мы смотрели бы на мир совсем другими глазами и как-то по-другому воспринимали бы мир. Мне кажется, что это зависит от того, к какой этнике ты относишься, а как сложилось исторически, место твоей страны в этом мире. Потому что это всё меняет. Столетиями ты живёшь с русскими, среди русских и так далее. У тебя всё складывается: образование у нас точно такое же, как у России, здравоохранение, здания. Это всё играет роль. Я имею в виду, что всё равно есть какие-то факторы, которые влияют, как ты себя чувствуешь, как кыргызка в этом мире. Но если это отбросить, и сейчас просто мир настолько меняется, что из-за того, что интернет, всякие AI, твое отношение к миру, восприятие себя уже сейчас зависит от того, насколько ты образован, насколько ты воспитан по-другому, насколько ты умеешь пользоваться какими-то вещами. От этого у тебя уже определяется твое восприятие мира. Некоторые есть, которые себя не определяют к какой-то этничности, да, они говорят, что я вот человек мира, например, да, и так далее, да. Вот.

Я не выпячиваю и говорю, что я кыргызка, бью (себя в грудь), как некоторые, например, говорят, что я там горжусь, что я такой русский. Вот, чувства империализма у меня нет. Но в целом, мне кажется, это очень классно, когда ты смотришь на мир такими глазами, что в мире все одинаковы, когда нет границ, определенных национальностей, когда ты чувствуешь вот так. В таком мире ты больше чувствуешь себя в безопасности. Мне

кажется, а когда ты всё равно ставишь какие-то границы, когда ты себя определяешь кем-то, значит, ты и другую этнику или другую национальность считаешь каким-то другим. Поэтому мне бы хотелось, это, конечно, иллюзии, которые невозможны, но мне бы хотелось, чтобы не было вообще никакой национальности, и люди смотрели только на людей, какой ты человек. Определение именно людей, например, хороший-плохой, добрый-недобрый, красивый-некрасивый – все, что касается именно человека, а не так что ты, например, кыргызка и поэтому ты такая. Хотелось бы, чтобы не было деления. Ну, как бы это только желание. А так, раз уж ты родилась кыргызской, уже есть определение твоей этники. Ну, я там не говорю, что я стыжусь, что я кыргызка. Ну, я горжусь, что я кыргызка. Не то, что горжусь, но я рада, что я кыргызка. Ну, как бы... Нормально, да? То есть я кыргызка и нет такого, что, типа, мне стыдно, или я каждый день стою и говорю, господи, хорошо, что я кыргызка. Нет такого, то есть просто так нормально, ну кыргызка и кыргызка. Я, если бы родилась другой нации, тоже, наверное, не умерла бы.

Опыт миграции и идентичность

Да нет. Всё так же, да. Да, всё так же, то есть более или менее (кыргызкой) я точно не стала. Может быть, у меня взгляды поменялись, но это никак не определяет, то, что я стала более или менее кыргызкой. То есть это как-то вот, я не знаю, как объяснить словами, то есть, ты можешь поменять свои взгляды на мир, ты можешь развиваться, ты можешь воспринимать мир совсем по-другому, еще глубже, еще шире смотреть, у тебя кругозор меняется. Ты если в одной стране, в одном городе жила и смотрела вот так, а когда ты уже в чужой стране живешь, у тебя становятся (взгляды) чуть шире. Но это никак не определяет этничность, что ты поменяла свою национальность или стала совсем другой, более русской, вот такого нет. Возможно, ты перенимаешь какие-то, не то чтобы черты, а какие-то повадки, бытовые вещи страны, где ты живешь. Может, я не знаю, всю жизнь готовила на подсолнечном масле, а потом переехала в Турцию, а там там все готовят на оливковом масле, потому что у них там везде оливковое масло. Ты можешь это перенять и прийти, и дома начать готовить на оливковом масле, но это никак не делает тебя турчанкой. То есть ты такая же кыргызка, ты просто некоторые моменты перенимаешь, у тебя жизнь меняется, но именно внутри, в голове определение себя как кыргызка, она остаётся. Хоть ты в Африку уедешь, всё равно ты будешь кыргызкой, африканкой ты точно не станешь. Оливковое масло не сделает вообще тебя другим человеком.

Я понимаю этот вопрос, потому что я знаю многих людей, девушек, которые уехали не в Россию, а вот, например, за границей, ну как бы я имею в виду за границей Европы, и вышли замуж, и они живут там. У меня там другая ситуация, я, например, каждое лето приезжала и уезжала, но я знала, что я приеду, но у меня никогда не было в голове, что я останусь, или у меня не было человека, близкого, мужа, который бы сказал давай жить в России. А есть, знаете, которые живут в другой стране, то есть они там родили детей, нашли работу, и они уже становятся больше жителями того города, той страны. У них, может быть, совсем другое определение себя, другой ответ на этот вопрос. Может быть,

они чувствуют себя не кыргызами. Но всё равно мне кажется, что этого не отнять, даже если ты живёшь в другой стране, ты всё равно кыргыз. Ты, живя там в Англии 20 лет, ты не станешь англичанкой, ну уж точно. Может быть, попав, станешь, но внутри ты всё равно кыргызка будешь. Это какой-то генетический код, который живёт в нас. Какую-то часть культуры ты можешь взять. Это же прикольно, когда у тебя есть часть культуры своей страны и часть культуры страны, где ты живешь. Это же круто. Даже если сто культур у тебя будут, например, в любом случае ты можешь идентифицировать себя кыргызкой.

Часть 5. Планы на будущее

Не было таких мыслей (остаться в России), потому что, во-первых, там очень сложно получить гражданство. Гражданство там, как бы, ты можешь остаться, конечно, но мне кажется для того, чтобы оставаться в какой-то стране, должна быть не только работа, какая-то другая душевная связь должна быть, в плане должен быть человек, которого ты любишь, или родители, которые там тоже переедут туда, это должна быть какая-то связь. А у меня не было этой связи, если бы у меня был бы парень россиянин, и он бы сказал, давай поженимся и будем жить здесь, возможно, я бы осталась, потому что для меня это причина остаться в этой стране. Или, допустим, мои родители переехали бы, или там у меня какой-то очень родной человек близкий был бы там и сказал бы, возьми гражданство, останемся, может, я осталась бы. Мне кажется, чтобы именно остаться в какой-то стране, это зависит именно от того, кто там есть. Как бы именно лично для меня. То есть, если у меня был бы любимый человек, я бы без проблем осталась. Одной – нет. Одной там жить, конечно, без проблем, 10 лет там живи, работаешь, зарабатываешь, домой летаешь и так далее. Но оставаться и в плане квартиру купить, гражданство получить и уже знать, что ты будешь здесь жить долго, будешь рожать ребёнка и так далее, нет. Такой у меня не было мысли. Я же говорю, всё зависит от связи, которую ты строишь.

Если бы ты год назад спросила, я бы сказала, что только в Кыргызстане. Сейчас у меня такая ситуация, что я пока не могу сказать, что я где-то вижу себя. Я себя видела в Кыргызстане, но сейчас тоже в таком состоянии, когда хочется уехать в другую страну. Всё зависит от возможностей, которые будут. А в целом я бы хотела бы жить в другой стране, скорее всего. Из-за личных причин, в первую очередь. Из-за личных каких-то моментов. А так... Страна, я думаю, она не развитая, как все страны, инфраструктурно, и так далее. Но в целом мне комфортно в Бишкеке. Мне комфортно в том плане, что если есть работа, если ты зарабатываешь деньги, если у тебя есть где жить, я считаю, что Кыргызстан, Бишкек, очень хорошее место для того, чтобы жить. Но вопрос только в том, если ты живешь нормально, средне. А если нет работы, не можешь найти работу, и это даже не касается Бишкека, в любой стране, тебе хочется уехать. А так, я думаю, что всё равно своя культура, своя страна, свои люди, это чисто психологически очень хорошо. Ты не чувствуешь себя одинокой, ты не чувствуешь себя чужой. Это я же говорю, я в Москве время от времени чувствую. Несмотря на то, что никто мне не

говорил, что я приезжая, всё равно, когда ты заходишь в метро или заходишь в троллейбус, ты чувствуешь взгляды и ты знаешь, что ты здесь чужая. Даже если ты получишь паспорт, ты будешь чужая. Даже если у тебя будет гражданство, ты будешь чужая. Несмотря на то, что ты хорошо знаешь культуру России, все равно ты будешь чужаком. Это чувство очень сильно влияет на качество жизни, на качество восприятия, мне кажется. Либо тебе должно быть абсолютно наплевать на это. Но видишь, здесь тоже, я же говорю, что это вопрос опоры. Если у тебя будет любимый человек рядом, это может быть кто угодно, парень, муж, мама, сестра, какой-то человек опоры, с кем вы вместе, то, возможно, ты в чужой стране без проблем можешь как-то найти свое место. Но когда ты одна, мне кажется, психологически это сложно. Сложно чувствовать себя чужой. А когда ты в твоей стране, даже если ты одна, ты не чужая, это всё равно играет какую-то роль опоры. Что ты везде у себя на родине у себя дома. Это как когда ты идёшь, например, всё время живёшь в чужой квартире, ну в смысле у кого-то живёшь, допустим, тебе сделали ремонт дома, и ты живешь у тёти или у кого-то, а потом раз, ремонт закончился, и ты домой приходишь, и ты чувствуешь, что ты у себя дома. Это совсем другое чувство. Как бы это вот такая аналогия. Когда ты в другой стране, ты как у соседки или у тети живешь. Все хорошо, никто тебе не говорит ничего, но все равно чувство, что не твое, есть внутри. А когда ты переезжаешь в свою страну, видишь, вон парк неухоженный, но свой, тротуары такие ужасные, но мои.

--- End of the interview ---

Appendix 25. Transcript Translation 10

Respondent: Participant 10

Interview conducted: 01 October 2023

Time: 1:01:34 min

Language: English (translation)

Part 1. Migration story

It was in 2016, I think. I moved for work, but in my case, I was hired in Kyrgyzstan, in Bishkek. I went through the interview, but I kind of knew from the start that the project was in Russia, in Moscow, and they told me, “ Well, pack your things, you’ve got it, you need to go to Moscow in a week.” At that point, I was just looking for a job and, in principle, I was ready. I wanted to, I wanted to see another country, another city. So, I didn’t take any time to think about it; I just started packing my bags and money. And literally, not even a week later, but three or four days later, I was already in Moscow. That same day, I arrived at the office and started working. In total, I lived there for six years.

I never really considered moving to Russia, as a student and so on. Then you start looking for a job, and naturally, you want to go to another country, live in another country, work for a while, because everyone knows, for example, the economic situation in Kyrgyzstan, and finding a job in general is generally difficult, and even when you find a job, earning good money to provide for a family is a very difficult task. So, naturally, I wanted to work in another country, but never in my life have I had my sights set on Moscow. When I was studying at university, we had a social psychology class and we covered the topic of migration, how migrants generally felt, and so on. And I remember that there was a year when skin- heads were really developing in Moscow, they were beating up foreign students, foreigners in general, people who work there. There was a lot of news about that. I remember we were discussing this, and I remember there was news at the time that skinheads had stabbed a student from South Africa. At the time, it was a very scary thing for me – that there were people who could react so aggressively to foreigners and could kill or do something, beat them up. I felt a certain fear at that moment. Of course, I was worried about it. I thought about what I would do if something happened, but I think I only went there because I had a guaranteed job, everything was official, and in that sense, it was easier for me. But if I had gone there, like many migrants from Kyrgyzstan or from Tajikistan, just come and look for work there, then I would not agree, because with false It’s not even about finding a job, but about the environment and how they treat migrants. I think that in Russia at that time, migrants were still treated worse than, for example, in Europe. I don’t know, of course, I haven’t lived in Europe and don’t know how they treat people there in general. But there was a time in Russia when they were very aggressive, and all of this was promoted, and they could easily Beating up people in the metro. Mostly, of course, they beat up men, but still, the views on foreigners, especially from Central Asia, were negative. That’s why I never considered Moscow, not even once, but it turned out

that I got an offer, a good one, and there was a guarantee that you'd work somewhere good, and that's why I came.

Part 2. Ethnic relations

Kyrgyz ethnic group

Certainly, I interacted with Kyrgyz people at work, so we had Kyrgyz people at work too. Then I went to various events, since my job sometimes involved sponsoring events, and I attended events on behalf of the company and interacted with different people. Naturally, it wasn't every day or always, but overall, of course, there was contact with other people from Kyrgyzstan, even from Uzbekistan and Afghanistan.

I was fine with it. Well, okay. But overall, to be honest, I sometimes felt sorry for people, migrants, especially labour migrants, because in general, working in Russia is hard. It's very hard in Moscow; living in Russia is very hard because the pace of life is such that you have to work constantly. A person doesn't have time to rest. [Migrants] live in one apartment, several people in one room. This also hits you hard mentally, because you come home from hard work, and you don't have your own space at home. Then there are always difficulties with documents. It's difficult with the state in terms of documents. You do it, but the police can still find something to do with it. That's why I've always felt very sorry for migrants, for labour migrants in Russia in general. But on the other hand, there are a lot of examples of people (achieving success). It all depends on perception. That is, for example, you come there to work, and if you have a positive attitude towards it and just do your job, you go back home or send money to your parents or your family home, and then you work. I've seen a lot of examples of people buying apartments and staying. It happens to me every once in a while, but in most cases, of course, these are young people. I've always felt sorry for people who came here after school to study and work. In terms of work, of course, it's good that they came to work, there is no work in their home country, they will work anyway, but you want them to study, but instead they work hard, this is also very bad. Well, these are the feelings that the Kyrgyz evoked, and plus there were aggressive Kyrgyz guys who did not treat girls who [date] foreigners very well. They think they have the right to interfere in their lives and ... I don't know if this is appropriate, but this generally paints a picture of Kyrgyz guys in other countries, not just in Russia. Recently, when I was in Turkey, I was on the subway with my boyfriend, and he said to me, look, these (guys) seem to be from your homeland. And I look, there is a guy standing there, three Kyrgyz guys, I said, okay, fine. And the guy knows a little Russian, he started talking to them, like, you are from Bishkek, etc. Well, I'm like, hello, hello, I'm also from Bishkek. And one of them started talking aggressively, like, who's this? You have a brother, and do your parents know you're with him? And you realize that these guys, they're even younger than me, you can tell they're in their 20s, but they think they have the right to interfere in other people's lives, to tell them, to dictate their rules, like you can't date foreigners, and that you're not with a Kyrgyz. Same thing. In Russia. This hasn't happened to me, but whenever I was with colleagues –I had Uzbek, Tajik, and Russian colleagues, and Russian friends – and when I was

walking with them and going down the metro, I'd see some guy who would look aggressively in our direction. I didn't always feel very uncomfortable, because knowing how our guys treat you, you feel bad. I was literally afraid. To be honest, when I was walking, when I saw some of our guys, I tried to cross to the other side. You're in another country, and instead of feeling some kind of support from your own people, you feel some kind of danger, and that's why it's really bad on this side. To be honest, people who migrate – it's not so much a reduction or a belittlement — who haven't received any kind of education, and therefore they think they can say something or treat people in a certain way. I didn't like it in that regard. I didn't like it; I didn't want to interact with any of those guys.

Russian ethnic group

Yes, I had friends. I mean, it wasn't a particularly close relationship, but I did have friends. Of course, over six years, you go out, meet new people, take courses, and so on. I had acquaintances and friends. I had a really good relationship (with Russians) because it's easier for us anyway because we know the language, and overall, we kind of grew up in a culture where it's half Russian and half Kyrgyz, so we understand each other. Well, somehow there weren't any problems, not even in terms of language, but behaviour, because something is similar, culture, etc. For me, on the contrary, it was easier, for example, to communicate with them (with Russians) than, for example, with Turks. There I understand that despite the fact that we are a Turkish-speaking people, there is still something that I don't like it, or I don't understand it at all. And in this regard, we had some kind of (common) identity with Russians. Well, maybe because we've been reading the same books, watching the same cartoons, and the same films since childhood. You can talk and understand each other, understand some jokes, like something from "The Diamond Arm." They'll say, "You'll understand by now, right?" And we have common holidays there, we celebrate New Year's. It's also cultural identity, and you'll understand the other person perfectly well, but you'll end up in a different culture, like Turkish, for example, and you won't understand some books you've never even heard of in your life, etc. And in this regard, with Russians, well, just comparing them now, I realize how close we are.

It's different [attitudes], because people are different, Moscow is big, Russians are also different, visitors, not visitors, over six years there have been a lot of situations when, for example, you feel good, positive things, then sometimes, there are negative feelings, you develop them. But I haven't encountered any situations when, for example, I was somehow belittled, but in any case, I felt the looks. It's natural that I'm an outsider. I also once said that you still feel like you're an outsider. I don't think that even independence from Russia or some other country, you will feel it. If you're not in your own country, you will feel like an outsider in another country. It seems, I don't know, you need to live for years to not feel like an outsider. But overall, I realized that young people treat others very well. Young people who are getting an education, have received a normal education, upbringing, and so on, they understand perfectly well and treat you simply as a person, and not as a migrant from Central Asia. That is, there is no such definition; you communicate on the same wavelength. There were people, mostly older people, who had already lived in the Soviet Union, where everything was basically

one country, and in most cases, you felt some kind of hostility from them. I had such a moment in at first, I asked some old lady, and she looked at me and didn't answer. It's also this attitude of, "Who are you that I should stoop to your level to answer you?" There have been such moments, but they're mostly older people. But people my age, a little older, have never shown any discrimination. But that's most likely because I'm like that; I can answer, I know the language, and I generally behave normally in public places, so they don't bother me. But I see that a lot of migrant workers, even those who don't know the language or anything, still feel this discrimination from the locals. You can feel it. They look down on them, as if we live here, and you came to work for us. That feeling is there. Definitely.

Part 3. Acculturation strategies

Kyrgyz culture

I think so [I kept in touch], because overall, we lived in a Kyrgyz culture. I lived in an apartment with a 50-year-old roommate, and whether you like it or not, you have to maintain Kyrgyz culture. I mean, cooking your own food, plov, beshbarmak, and so on – that's also culture, what you cook. We spoke Kyrgyz from time to time, well, not always, but Kyrgyz was still present. And because we were a company where we mostly had Kyrgyz, Uzbeks, and Tajiks working there, we celebrated certain holidays: Nooruz, Kurman Ait, Orozo Ait — we celebrated all of that. So, of course, we maintained the culture. I don't know, it's not like I went to embroidery classes there or, I don't know, komuz, but we certainly supported them in that everyday sense.

Russian culture

With Russian culture? Well, probably because I had friends, so I interacted with them, went to the theater, for example. That's also part of Russian culture, in a way, in the environment, in any case. There are certain holidays, Maslenitsa, all sorts of street events, you participate too. So, you don't paint the eggs yourself, but you still see and participate in these celebrations, interact with representatives of this culture. That's the only way. Again, I didn't go there or learn to play the accordion. But, overall, I honestly noticed that I had a lot of content in Russian. So, in Kyrgyzstan, I had a lot of content in Russian, but in Moscow, my content is related to Russia, meaning programs and bloggers are all Russian, and life is completely in this Russian vacuum: some news from St. Petersburg about how they don't clean up there in winter, but they do in Moscow, and you discuss it. Or, I don't know, politics – that is, you know some politicians or journalists. Russian. Then Podcasts, I know a lot of podcasters from Russia, I've even seen some of them on the street and gotten to know them. And you're like... I didn't have any content in Kyrgyz at all. I didn't even have Kyrgyz content, or even Kyrgyz content. I was subscribed to my friends and some outlets, like Azattyk, for example. and so on, but overall, I wasn't there, I didn't experience the socio-political life of Kyrgyzstan, I lived more in the socio-political life of Russia, what Putin and Navalny are doing, I watched some of his programs from Russia. That too Russian culture.

Russian traditions

I don't know, probably not, because we live here anyway, well, with Russians, I don't know what I would like to adopt from them. Entrepreneurship, maybe. Well, it seems to me that Moscow... In Moscow, everything is very fast, and everyone is doing something. Some kind of pace of life [fast], right? That is, as if you do nothing, you will simply starve. And that's why it seemed to me that everyone in Kyrgyzstan is so lazy, lying around, doing nothing, everything is so slow. But in Moscow, it seemed like life [flows]. But it's not because they are, like, Russians. It's a megacity, a lot of people live there, including our migrants who work day and night. I think that in Bishkek, too, there are a lot of people who are enterprising and not lazy. In any case, the pace of life is different, the pace of life is fast. When I came to Bishkek for the holidays, On vacation, I always felt like everything was so slow here: why is there no tempo, why do people walk so slowly, speak so slowly, why do they enjoy life? You can't enjoy life at all, you have to work. But I understand that this is also wrong, everyone has their own stage. But as for me, I don't know, I can't really think of anything I would like to adopt.

Kyrgyz traditions

Well, I don't know, help, mutual aid, most likely. In Moscow, it seems, everyone is on their own. Individualism It's like that. That is, there's no such thing as someone doing something for you, spending their time. I thought that wasn't the case. You have to survive on your own. If some situation happens, you have to survive. But in Kyrgyzstan, well, in our culture in general, there are always relatives, there are always friends, there is always someone who can really help you. That's our society. There are pros and cons to this. But on the other hand, when in such a society, when people are so closely connected to each other, if a person gets into some kind of bad situation, then there will always be help in such a society, that is, no one will leave you alone with this trouble. Probably, this, that is, some kind of spiritual warmth, probably (is not there in Moscow). That is, in Moscow it seems that everyone is busy with their own business, there is no soul. It's like, yes, that's the feeling. But we still have it. Maybe it's just because the city is big, capitalism, and so on, that is, everyone wants to live and survive. On the one hand, it's all individual; you find yourself in a certain community and what kind of environment you have. Sometimes I think they can even abandon their own parents, or parents, on the contrary, can abandon their children, and so on. It's normal, it's the norm. It's all too individual. But I think this is the same in Europe too. But overall, we don't have that. Connected, yes, [we], the connections are very strong.

Relations with family

Yes, of course. Well, my mom and sister were here, too, and I was in constant contact with them. I have friends, of course, mostly in different countries, that is, in Europe and so on. But I kept in touch with them all. When I visited, I always tried to meet with everyone. In Moscow, not every day, of course, but I talked, communicated, wrote to each other, that is, there was never a time when I lost contact with everyone.

Language

Well, of course, at work, everything is 100% Russian [that is, Russian content]. At home, I speak Russian and Kyrgyz. That is, Kyrgyz with my mother. Then I spoke Turkish for a long time because I had a boyfriend, so I spent most of my time in Turkey, and I spoke a lot of Turkish. Now, my content is mostly English; I just want to somehow get better at English and try to read and watch everything in English. But in any case, I think Russian is, yes (the main one). There is also content in Kyrgyz, if we talk about social networks or certain programs, there is also in Kyrgyz, but it's really not much. By the way, I try to watch, but I just don't really have time for all that. At work, you're always in Russian. Of course, you can communicate in Kyrgyz among your colleagues and so on, but everything work-related is in Russian. So, you spend almost eight hours a day communicating in Russian. At home, you speak Kyrgyz, Russian, and so on, but mostly Kyrgyz. In terms of content on social media or what you watch on YouTube and so on, I currently speak both Russian and English. We have employees who speak Kyrgyz, it turns out. Because we're an international company, our official language is Russian, because we have Uzbeks, Kyrgyz, Tajiks, Russians, Chechens, and Balkars, and Dagestanis, and everyone is united by only one language – Russian. If I speak to them in Kyrgyz, they simply won't understand me, so we speak Russian. But with colleagues there who understand and know Kyrgyz, we spoke between the words, exchanged to Kyrgyz. I lived with a neighbour, also a colleague, who knows Kyrgyz, and we spoke Kyrgyz. Because I have a very good foundation in Kyrgyz – that is, I lived there, everyone in my family spoke Kyrgyz, plus I studied there in Kyrgyz, went to Olympiads, so I have a good foundation. In this regard, maybe it means I haven't forgotten Kyrgyz, despite the fact that I've spoken Russian most of my life, I can easily switch to Kyrgyz at the same time and understand, write, and read without any problem. What language do I think in? In both.

Part 4. Ethnic identity

Ethnic identity

By nationality, I'm Kyrgyz. I identify myself as Kyrgyz 100%. Appearance, language, country of birth. I think this defines who you are, the culture you adhere to, the food you eat, race. Of course, first and foremost, it's language and the country where you were born, I think, and culture. Because Asians in general and Kazakhs (are similar) in appearance, they're the same. And, of course, if you look closely, you can easily determine that you're Kazakh or that you're Kyrgyz, Kazakh, or, I don't know, Chinese or I'm Korean, but overall, we're all kind of Asian. But if you were to define it by other aspects, then it seems to me that the most important ones are, of course, language, the culture you adhere to, the country where you were born, where you live, or what country you consider your homeland. I consider Kyrgyzstan my homeland. I live here, I was born here. Even if I live in another country, I will still identify myself as Kyrgyz.

Elements of identity

I don't know, I can't say that I would like to preserve all the traditions, adhere to them, and so on, because there are traditions that are good, and there are traditions that I don't understand at

all. why they even exist. So, for me, it's probably just language, culture, music, dancing. If I could play instruments, no matter how much I can't play them, but in any case, when I hear the sounds of the komuz are a completely different feeling. Especially if you're not in your own country, it's really... From time to time, I put on my headphones and listened to the komuz or songs in Kyrgyz. It still evokes very warm, pleasant feelings inside, a sense of belonging. Even though you're not a fan of Kyrgyz music or Kyrgyz culture, you don't go to every concert, you don't listen every day, but still, when you hear music or some tune on the komuz somewhere, it immediately takes you back to memories, to some childhood, the mountains, and so on. Here are the mountains, by the way, the nature. The first time you find yourself in a foreign country, after a while you start to miss the mountains. It's not just me. I remember telling everyone that I miss the mountains and looking for the mountains with my eyes. I've heard the same thing from many people who live abroad. Mountains, I think, are also part of our identity. We grew up surrounded by mountains, so for us, it's normal that there are mountains. But when you end up in a country without mountains, you feel a bit off. It's not that you feel off, you just feel like there aren't any.

The importance of identity

Well, basically, I'm not the kind of person who starts telling people about Kyrgyzstan and the whole history when they meet. There are people in my circle who are like, oh, Turkey, it's the best country in the world, the best food in the world, they have the best everything. I don't have that; I say, for example, Kyrgyzstan. If someone doesn't know, I start telling them where it is, what the culture is like, but unless they ask me for details, I don't have the habit of starting a story about Kyrgyzstan. But I say, this is Kyrgyzstan, we were in the Soviet Union, we are in Central Asia, such general points, but All people, in principle, already know this.

The influence of identity

Well, I guess, overall, I don't think nationality plays any role in how we perceive the world. That is, you might not be Kyrgyz, you might be anyone, and your perception of the world will still be peaceful. It depends on the education you receive. How you perceive the world, how you look at it, all depends on the upbringing you receive and the education you receive. But how we feel in this world or what place we occupy in this world is still, well, influenced by your ethnicity. Because, for example, we are closer to Russia because historically it so happened that we were in the Soviet Union, we know Russian, so we sometimes identify ourselves as Russian, because even our character is sometimes slightly similar to that of Russians. But if we hadn't been part of the Soviet Union, and the Russian Empire hadn't taken us over, then perhaps we would have had a completely different perception of the world. We would be the same Kyrgyz, But I don't know, maybe if the British had colonized us, then maybe we would look at the world completely differently and perceive it somehow differently. It seems to me that it depends on what ethnicity you belong to, and how it developed historically, the place of your country in this world. Because it changes everything. For centuries, you live with Russians, among Russians, and so on. Everything works out for you: our education is exactly the same as in Russia, healthcare, buildings. It all plays a role. I mean, there are still some factors that influence how you feel as a Kyrgyz woman. in this world. But

if we put that aside, and now the world is simply changing so much that because of the Internet, all sorts of AI, your attitude to the world, your perception of yourself It already depends on how educated you are, how differently you were raised, how well you know how to use certain things. This already determines your perception of the world. There are some who don't identify with any particular ethnicity, yes, they say, "I'm a person of the world, for example," and so on, yes. That's it.

I don't flaunt it and say I'm Kyrgyz, I beat my chest, like some people say, saying I'm proud of being so Russian. I don't have any feelings of imperialism. But overall, I think it's really cool when you look at the world through eyes that everyone is the same, when there are no borders, no specific nationalities, when you feel that way. You feel safer in such a world. I don't think so, but when you still set some boundaries, when you define yourself as someone, it means you consider another ethnicity or another nationality to be something else. That's why I would like — of course, these are illusions that are impossible, but I would like there to be no nationality at all, and people would only look at people, to see what kind of person you are. Definitions of people, for example, good-bad, kind-unkind, beautiful-ugly —everything that concerns the person specifically, and not so much that you, for example, are Kyrgyz and that's why you are like this. I would like there to be no division. Well, that's just a wish. But since you were born Kyrgyz, there is already a definition of your ethnicity. Well, I'm not saying that I'm ashamed that I'm Kyrgyz. Well, I'm proud that I'm Kyrgyz. It's not that I'm proud, but I'm glad that I'm Kyrgyz. Well, like... It's normal, right? I mean, I'm Kyrgyz and it's not like I'm ashamed, or I stand there every day and say, "Oh my God, it's good that I'm Kyrgyz." It's not like that, it's just normal, well. Kyrgyz and Kyrgyz woman. Me, if I were born another nation, probably wouldn't have died either.

Migration experience and identity

No, it's still the same, yes. Yes, it's still the same, that is, I definitely haven't become more or less [Kyrgyz]. Maybe my views have changed, but that doesn't mean I've become Kyrgyz. That is, it's just, I don't know how to explain it in words, that is, you can change your views on the world, you can develop, you can perceive the world in a completely different way, even deeper, even wider Look, your horizons change. You lived in one country, in one city, and looked at things this way, but when you live in a foreign country, your views become a little broader. But this doesn't define ethnicity in any way, that you've changed your nationality or become completely different, more Russian, that's not it. Perhaps you adopt some, not exactly traits, but some habits, everyday things. countries where you live. Maybe, I don't know, I cooked with sunflower oil my whole life, and then I moved to Turkey, and everyone there cooks with olive oil, because they have olive oil everywhere. You can adopt this and come and start cooking with olive oil at home, but that doesn't make you Turkish. That is, you're still Kyrgyz, you just adopt certain things, your life changes, but it's also inside, in your head, that the definition of yourself as Kyrgyz remains. Even if you go to Africa, you'll still be Kyrgyz, an African. You definitely won't. Olive oil won't make you a different person at all.

I understand this question because I know many people, girls, who didn't go to Russia, but, for example, abroad, well, I mean outside of Europe, and got married, and they live there. My

situation there is different; for example, I came and went every summer, but I knew that I'll come, but it never occurred to me that I'd stay, or I never had someone close to me, like a husband, who would say let's live in Russia. But there are, you know, people who live in another country—they've had children there, found work, and they're already becoming more of a resident of that city. That country. They might have a completely different definition of themselves, a different answer to this question. Maybe they don't feel like they're Kyrgyz. But I still think that you can't take that away from me; even if you live in another country, you're still Kyrgyz. Living in England for 20 years won't make you English, that's for sure. Maybe once you get there, you will, but inside, you'll still be Kyrgyz. It's some kind of genetic code that lives within us. You can take some part of the culture. It's also cool when you have part of the culture of your country and part of the culture of the country where you live. That's awesome. Even if you have a hundred cultures, for example, you can still identify yourself. Kyrgyz.

Part 5. Future plans

I never had such thoughts (about staying in Russia) because, firstly, it's very difficult to obtain citizenship there. You can stay there, of course, but I think that in order to stay in a country, there has to be more than just work; there has to be some other emotional connection. There has to be someone you love, or parents who will also move there; there has to be some kind of connection. But I didn't have that connection. If I had a Russian boyfriend and he said, "Let's get married and live here," maybe I would stay, because for me, that's a reason to stay in this country. Or, let's say, my parents moved, or I had a very close person there who said, "If we take citizenship, let's stay," maybe I would stay. I think staying in a country depends on who's there. It would be personal for me. That is, if I had a loved one, I would have no problem staying. Alone – no. Living there alone is, of course, no problem; you live there for 10 years, work, earn money, fly home, and so on. But staying and buying an apartment, getting citizenship, and knowing you'll be living here for a long time, having a child, and so on – no. I never even considered that. As I'm saying, it all depends on the relationship you build.

If you had asked me a year ago, I would have said only in Kyrgyzstan. Now I'm in such a situation that I can't yet say I see myself anywhere. I saw myself in Kyrgyzstan, but now I'm also in a state where I want to move to another country. Everything depends on the opportunities that arise. But overall, I would most likely like to live in another country. For personal reasons, first and foremost. For some personal reasons. But otherwise... The country, I think, is not as developed as other countries, in terms of infrastructure, and so on. But overall, I feel comfortable in Bishkek. I feel comfortable in the sense that if there is a job, if you earn money, if you have a place to live, I think that Kyrgyzstan, Bishkek, is a very good place to live. But the question is only if you live a normal, average life. And if there is no work, you can't find a job – and this doesn't even apply to Bishkek, in any country – you want to leave. But I think that having your own culture, your own country, your own people are a very good thing, purely psychologically. You don't feel lonely, you don't feel like an outsider. I'm telling you; I feel that way in Moscow from time to time. Despite the fact that No one told me that

when I arrived, it's the same when you enter the metro or board a trolleybus, you feel people staring at you and you know you're a stranger here. Even if you get a passport, you'll still be a stranger. Even if you have citizenship, you'll still be a stranger. Even if you know Russian culture well, you'll still be a stranger. This feeling greatly influences the quality of life, the quality of perception, I think. Or you should absolutely not care about it. But you see, here too, I'm saying it's a question of support. If you have a loved one nearby, it could be anyone: a boyfriend, a husband, a mother, a sister, someone else. support, with whom you are together, then perhaps you can somehow get by in a foreign country without any problems Find your place. But when you're alone, I think it's psychologically difficult. It's hard to feel like a stranger. But when you're in your own country, even if you're alone, you're not a stranger; it still plays a kind of support role. That you're always at home. At home. It's like when you're going, for example, and you've been living in someone else's apartment the whole time, like, you're living with someone, let's say they're renovating your house, and you're staying with your aunt or someone else, and then, suddenly, the renovations are finished and you come home, and you feel like you're at home. It's a completely different feeling. It's like that analogy. When you are in another country, you are like your neighbour or you're living with your aunt. Everything's fine, no one tells you anything, but still, the feeling that it's not yours is there inside. And when you move to your own country, you see, there's a park there, unkempt, but it's ours, and the sidewalks are so awful, but they're mine.

--- End of the interview ---